

Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ТРЕТЬИ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Часть 2

Казань – 2010

УДК 355:94"1941/1945"
ББК 63.3(2)622
Т 66

Редакционная коллегия:

*Бушуев А.С. (отв. ред.), Кабирова А.Ш.,
Миннуллин И.Р., Хайрутдинов Р.Р.*

Т 66 Третьи Кремлевские чтения. – Часть 2: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: региональные аспекты исследования» (Казань, 28 апреля 2010 г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 400 с.

В сборник вошли материалы нескольких мероприятий, объединенных под названием «Третьи Кремлевские чтения». Тема чтений была приурочена к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. В сборнике представлены статьи участников двух Всероссийских научно-практических конференций – «Тема войны в искусстве» (Часть 1) и «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: региональные аспекты исследования» (Часть 2). В статьях освещается широкий круг вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны, ее отражением в историографии и искусстве. Книга рассчитана на широкий круг специалистов – историков, краеведов, искусствоведов.

ISBN 978-5-9690-0150-3

- © Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
«Казанский Кремль», 2010
- © Институт истории АН РТ, 2010
- © Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010

Статьи докладчиков пленарного заседания

С С

Рыбаков С.В.

К полемике о характере Великой Отечественной войны

Каждая годовщина Победы над нацизмом большинством российских граждан отмечается с высоким эмоциональным подъемом, с решительной готовностью защищать правду об ее неразменном значении.

Приходится, однако, признать, что есть и те, кто хотел бы исказить и принизить смысл Победы, использовать военную тему для недобросовестных политических спекуляций. Несколько лет тому назад в российской печати прокатилась волна дискредитации Победы СССР в Великой Отечественной войне. Неолиберальная публицистика принялась внедрять в общественное сознание сомнительные мифы о войне, содержащие подчеркнуто негативистский смысл. Если не брать во внимание наиболее абсурдные выдумки, то в перечне этих мифов можно выделить три резонансные «идеи», растиражированные их адептами в качестве аксиом.

Еще в 1990-е гг. весьма широкое распространение получил тезис о «запредельных жертвах» Красной армии, о том, что «советские вожди завалили врага трупами».

Тогда же настойчиво стало повторяться утверждение о вине Советского Союза за развязывание войны. Некоторые интерпретаторы подхватили версию небезызвестного афериста от истории Резуна-Суворова о том, что СССР будто бы готовился напасть на Германию, но не успел этого сделать, поскольку та нанесла превентивный, опережающий удар.

Также стало «модным» сводить тему войны к противоборству «двух тоталитарных режимов» или, как вариант, «двух хищников» – Сталина и Гитлера. К внедрению в умы людей сего «концепта» подключилось телевидение, выпустившее на экраны несколько се-

риалов о войне, подводивших зрителей к мысли, что советские солдаты воевали на «два фронта» – с нацистами и с «бесчеловечным» режимом Сталина.

К середине 2000-х гг. многие историки и педагоги с тревогой заговорили, что дискредитация Победы представляет собой «направленный идеологический взрыв», способный вызвать в обществе, особенно в молодежной среде, тяжелые искривления исторического сознания, эпидемию беспамятства. В 2005 г. среди московских старшеклассников был проведен опрос на тему Великой Отечественной войны. «Литературная газета» вынесла на всеобщее обозрение высказывания наиболее «продвинутых» школьников: «Зачем вообще нужна была победа в той войне? Если бы мы ее проиграли, рынок пришел бы к нам еще тогда, и мы давно уже были бы развитой европейской страной»; «Зачем так называемые герои совершали так называемые подвиги? Зачем партизаны вели себя так глупо и нецивилизованно? Они нарушали правила ведения войны»; «Те, кто в ту войну бездумно защищал монстров, сейчас почему-то требуют для себя почета, уважения и льгот»¹.

Как бы дико не звучали подобные «импровизации», ясно, что винить в них только молодежь было бы не вполне правильно. Едва ли незрелое сознание воспроизвело бы нечто подобное без «подсказок» со стороны взрослых людей, занявшихся «корректировкой истории». Стремление этих «корректировщиков» опорочить Победу объясняется не только их политической ангажированностью, но и недостатком компетентности и информированности. Раздутый ими миф о принятой советскими вождями стратегии «большой крови» базировался на халтурной методике подсчета потерь Красной Армии, масштабы которых заведомо преувеличивались. Некоторые из интерпретаторов твердили, что боевые потери СССР достигали 30 миллионов человек и потому, дескать, речь надо вести вовсе не об его победе, а об его поражении. С помощью этого мифа они приписали советскому верховному командованию крайнюю жестокость к рядовой солдатской массе и бездарность в управлении страной и армией. Тень была брошена и на советских солдат и офицеров, по своим боевым качествам будто бы уступавшим немцам.

---

¹ Сараскина Л. Вечно проклятое прошлое // Литературная газета. 2005. 13–19 апреля.

Миф о том, что военное командование СССР добивалось успехов на фронтах исключительно ценой неисчислимых потерь личного состава, сегодня можно считать развенчанным. Благодаря усилиям исторической науки установлено, что безвозвратные потери советских вооруженных сил в годы войны составили 8,668 миллиона человек. Это число вполне сопоставимо с безвозвратными потерями германского вермахта, составившими около семи миллионов солдат².

На самом-то деле разница в цифрах еще меньше: ведь вместе с вермахтом против советских войск воевали итальянцы, венгры, румыны, финны, которые тоже несли потери, и немалые. Кроме того, нужно учесть, что множество советских военнопленных было уничтожено в нацистских концлагерях, тогда как немецкие солдаты, попавшие в советский плен, подобной участи избежали.

Что касается версии о «превентивном» характере нападения Германии на СССР, то ее распространителям полагалось бы знать, что она родилась в нацистском министерстве информации и пропаганды. Геббельс, возглавлявший это ведомство, с началом агрессии против СССР заявил, что «фюреру буквально в последний момент удалось опередить большевиков, уже занесших свое оружие над фатерляндом». Эта дезинформация вбивалась в мозги немецких солдат, чтобы повысить их ненависть к «опасному врагу»³.

Развенчать геббельсовское вранье несложно: достаточно обратиться к дневникам самого же Геббельса, в которых он фиксировал «для истории» свои сокровенные мысли. В апреле–мае 1941 г., в разгар подготовки агрессии против Советского Союза, рейхсминистр злорадствовал: «Русская карта уже вне игры. ... Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом. ... Невроз, порожденный страхом!». Никакой угрозы со стороны Красной Армии Геббельс в те дни не ждал: «Сталин учуял, что пахнет жареным, и размахивает пальмовой ветвью. Россия открыто заявляет о своем миролюбии. Это, конечно, радует». Он считал своей задачей «дезинформировать Советы, применяя сильные средства для обмана», а за неделю до вторжения вермахта на советскую территорию

---

² Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: новейшее справочное издание. М., 2009.

³ Цит. по: Ржевская Е.М. Геббельс: портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 300.

ликовал: «Блеф полностью удался! Наша операция готова так, как это только вообще возможно. Собрано столько резервов, что неудача совершенно исключена»⁴.

Боялся Сталин войны с Германией или нет, но факт остается фактом: в Кремле войны с Германией действительно не хотели. Даже осознавая, что война не за горами, Сталин обязан был сделать все, чтобы максимально оттянуть ее начало. Любая иная логика поведения была бы заведомо авантюрной: к лету 1941 г. Германия, подчинив себе основную часть Западной, Северной, Центральной Европы и Балканы, овладела колоссальными стратегическими ресурсами. Активного сопротивления в континентальной Европе вермахт не испытывал и потому мог сосредоточить против СССР все свои наличные силы. На таком фоне советское руководство не могло позволить себе действий, приближавших начало войны, тем более что модернизация Красной Армии еще не была завершена. Стремясь не дать Гитлеру ни малейшего повода для демарша, Кремль выполнял все обязательства перед Германией, предусмотренные совместными договорами, взвешивал каждый свой внешнеполитический шаг.

Мифы о запредельных жертвах Красной Армии и о вине Советского Союза за развязывание войны, будучи сфабрикованными, «шитыми белыми нитками», изначально были обречены на недолгое существование. Более устойчивым оказался миф о равноценности «двух тоталитарных монстров» – гитлеризма и сталинизма. Сложность в развенчании этого мифа связана с тем, что сталинский режим был далек от либеральных критериев, которые в части нынешних средств информации объявлены универсальными для всей человеческой истории.

Недостатки у сталинского стиля управления, конечно же, были, но это не дает достаточных оснований ставить знак равенства между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Отрицание того, что эти два государства являлись идеологическими антагонистами, было бы грубым отступлением от исторической правды. Совершенно очевидно, что их роли и цели участия во Второй мировой войне не были и не могли быть равнозначными – хотя бы потому, что одна сторона выступила агрессором, а другая вынуждена была защищать себя.

---

⁴ Цит. по: Ржевская Е.М. Указ. соч. С. 247, 250–259, 263, 301.

Миф об одинаковой ответственности СССР и Германии за развязывание войны имеет скрытую подоплеку: он отражает позицию тех политических сил на Западе, которые заинтересованы в ревизии итогов Второй мировой войны. Такая заинтересованность высвечивается в публицистике и исторических штудиях, в заявлениях американских и европейских политиков, в пропагандистских акциях, организуемых западным истеблишментом в пользу означенной ревизии.

В канун 70-летия начала Второй мировой войны одну из таких акций провела Парламентская Ассамблея Совета Европы. Она приняла резолюцию, возложившую на СССР и гитлеровскую Германию равную ответственность за развязывание войны и одинаково осудившую обе страны. ПАСЕ, сославшись на то, что война началась через неделю после подписания советско-германского пакта о ненападении, предложила считать 23 августа – день годовщины пакта – «днем памяти жертв сталинизма и фашизма».

Западные политики подвергают этот пакт проклятиям, потому что он до сих пор олицетворяет дипломатический успех Москвы и одновременно крупнейший провал британской дипломатии и геостратегии. «Демократический» пафос, наполняющий означенную резолюцию ПАСЕ, призван закамуфлировать главные цели ее составителей. Если уравнивать СССР с гитлеровской Германией, то, во-первых, окажется, что советские люди ошибались, считая войну Великой Отечественной. Во-вторых, получится, что СССР, в отличие от англосаксонских держав, не входил в число главных борцов против нацизма, а значит и не имел права на статус великой державы (стало быть, не имеет такого права и Россия – правопреемница СССР). В-третьих, выяснится, что система мировых отношений, согласованная лидерами стран-победительниц в Ялте и Потсдаме, нелегитимна, включая и такой ее компонент как ООН. В-четвертых, напросится вывод, что Россия должна нести ответственность за развязывание той войны и «платить по счетам» всем, кто ей их предъявит. Нынешняя стратегия Запада направлена на подмену итогов Второй мировой войны итогами «холодной войны», в которой Советский Союз потерпел поражение, выразившееся его распадом.

ПАСЕ хотела бы убедить мировую общественность, что подписание СССР пакта о ненападении с Германией носило преступный характер. Но для этого придется из реальной международной ситуации, сложившейся к концу 1930-х гг., вычеркнуть факты, связанные

с попустительством гитлеровской агрессии со стороны британской и французской дипломатии, сдававшей Гитлеру одну позицию за другой. Англичане и французы бездействовали, когда он вводил войска в Рейнскую область, оккупировал Австрию, Чехию, Мемельский край. Реальные шаги для пресечения германской экспансии предлагал только Советский Союз, но в Лондоне и Париже с ним не захотели считаться.

Гитлер, не видя реального сопротивления своим захватническим планам, становился все более наглым и раз за разом добивался того, чего хотел. Апофеозом попустительства ему стала Мюнхенская сделка, обвалившая систему коллективной безопасности в Европе и ставшая тем «спусковым крючком» мировой войны, роль которого «корректировщики истории» сейчас приписывают советско-германскому пакту о ненападении. Мюнхенский сговор стал, по сути, политическим альянсом между Германией и Англией, грозившим СССР не только внешнеполитической изоляцией, но и войной.

Британская дипломатия не для того соглашалась на захват Гитлером Австрии и Чехии, чтобы всего лишь «умиротворить» его. Лондон рассчитывал направить гитлеровскую экспансию против Советов. Что это отнюдь не гипотеза, подтверждают опять же дневники Геббельса, который писал об английском премьерере Чемберлене, организаторе Мюнхенского сговора: «Он считал, что настоящий враг Европы – не рейх, а Советский Союз»⁵. А когда после вторжения немцев в Польшу Британия вынуждена была объявить войну рейху, Геббельс показал, как эта война выглядела в реальности: «На западном фронте настоящая идиллия. ... Удивительнейшая война в истории. Мы были готовы к худшему»⁶.

Политика, проводимая западными державами, толкала Советский Союз на компромисс с немцами. В Кремле знали о человеконенавистнической сущности нацистской идеологии и о захватнических планах нацистского режима. Означало ли это, что Сталин должен был отвергнуть всяческие контакты с этим режимом, пойти на конфронтацию с ним? Нужно ли было «чистоту идейных риз» ставить выше безопасности советского народа? В сложившейся ситуации та-

---

⁵ Геббельс Й. Дневники 1945 г. Последние записи / пер. с нем. Смоленск, 1998. С. 171.

⁶ Цит. по: Ржевская Е.М. Указ. соч. С. 212.

кой подход был бы неразумным. У СССР появился шанс отсрочить начало войны, и воспользоваться им было насущной жизненной необходимостью. Резерв времени нужен был для перевооружения и технического переоснащения армии.

Те, кто демонизирует советско-германский пакт о ненападении, не видят или намеренно обходят вниманием очевидные моменты: до определенного момента тема подписания пакта не имела для Советского Союза особой остроты, поскольку общей границы с Германией у него не было. Ситуация стала ускоренно меняться по мере нарастания напряженности в отношениях Германии с Польшей, когда стало ясно: дело идет к войне между ними, и если вермахт завоюет Польшу, то выйдет к советским границам.

К августу 1939 г. нападение Германии на Польшу стало неотвратимым. Помочь полякам могло создание коалиции с участием Англии, Франции и СССР. В Москве велись переговоры английской, французской и советской военных делегаций. Условием заключения антигитлеровского договора являлось согласие Польши пропустить через свою границу Красную Армию для боевых действий против вермахта, но польская верхушка отказалась от такого шага, заявив, что «никогда не позволит русским занять те территории, которые Польша забрала у них в 1921 г.»⁷. Отказ Польши пропустить советские войска для ее же защиты привел к срыву переговоров между СССР, Англией и Францией. Советский Союз оказался перед выбором: остаться в изоляции или пойти на заключение пакта с Германией. В Кремле выбрали то, что больше соответствовало интересам страны, что в тот момент хоть как-то обеспечивало ее безопасность.

Понятно, что, подписывая пакт, гитлеровцы преследовали собственные цели, далекие от миролюбия в отношениях с СССР. Пакт нужен был им, чтобы всей германской мощью обрушиться на европейские страны, овладеть их ресурсами, после чего форсировать подготовку к нападению на Советский Союз. Поведение нацистской верхушки определяли оперативно-тактические пасьянсы. Ни о каком «честном партнерстве» и тем более об «искренней дружбе» с большевиками они не помышляли. Сразу после нападения на СССР Геббельс отметил в дневнике: «Сотрудничество с Россией являлось пятном на

---

⁷ Цит. по: Широкоград А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М., 2007. С. 716.

нашей чести. Теперь оно будет смыто. Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить. А когда мы победим, кто спросит нас о методе? У нас и без того столько всего на совести, что мы просто обязаны победить, иначе будем стерты с лица земли»⁸.

Подписав с Советами пакт о ненападении, гитлеровцы относились к нему как к прикрытию далеко идущих стратегических целей и намерений. Разумеется, они скрывали свое истинное отношение к Советскому Союзу. Лишь Геббельс по многолетней привычке доверял дневнику свои тайные мысли: «У фюрера нет для Москвы ничего, кроме презрения. Россия всегда будет нам чужда. Сообщество недочеловеков... Нам придется изгнать эту азиатчину из Европы, загнать ее в Азию, где ее настоящее место. Однажды нам придется расчитаться с Россией»⁹.

Уже через пять дней после разгрома Франции Гитлер приказал разработать план вторжения вермахта на советскую территорию, а из ведомства Геббельса полились потоки дезинформации. 18 июня 1941 года он поведал в дневнике: «Маскировка в отношении России достигла кульминации. Мы наполнили мир потоком слухов, так что самому трудно разобраться. Наш новейший трюк: мы намечаем большую мирную конференцию с участием России»¹⁰.

Ложь была орудием подготовки гитлеровцев к войне против СССР, ложь стала инструментом порабощения советского народа. После начала войны в занятых немцами регионах «промывка мозгов» велась безостановочно. Верхушка Рейха рассчитывала привлечь на свою сторону тех, кто пострадал от классовых чисток, раскулачивания, ущемления прав по политическим или иным мотивам. Частично расчеты нацистов осуществились: во многих оккупированных городах и селах им удалось создать полицейские службы из местного населения; были сформированы эсесовские дивизии на Западной Украине и в Прибалтике; был проведен набор во власовскую армию. Однако эти факты вполне согласуются с тезисом о патологической лживости нацистов, которая проявлялась сплошь и рядом, особенно – в разыгрывании «национальной карты».

⁸ Цит. по: Ржевская Е.М. Указ. соч. С. 264.

⁹ Там же. С. 222, 225, 234, 235.

¹⁰ Там же. С. 267.

Гитлеровцы сделали ставку на разжигание межэтнических конфликтов и сепаратизма среди народов Советского Союза, которым обещали «освобождение от большевистского ига». Их ухищрения дали результаты: в Крыму, на Украине, в Прибалтике, в отдельных местах Кавказа проявился коллаборационизм. Но суть в том, что нацисты никому дарить суверенитеты не собирались. Об этом ясно свидетельствует один из документов министерства восточных территорий, в котором говорилось: «Горцы по натуре очень доверчивые. С ними работать легче, чем с другими национальностями. Нам надо хорошо вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск. Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем установить на Кавказе оккупационный режим, а когда в горах наступит спокойствие, всех горцев уничтожим»¹¹.

В секретных директивах Гитлера подчеркивалось, что Прибалтика, Крым, Поволжье напрямую войдут в состав Третьего рейха. Уже в июле 1941 г. он заявил о необходимости выселить из Крыма все местное население, чтобы сделать полуостров «немецкой Ривьерой». Солдатам и офицерам, отличившимся на Восточном фронте, выдавались лицензии, по которым они после войны должны были получить имения и виллы в Крыму или в Прибалтике¹².

При всей идеологической непримиримости нацистов к большевизму, их главной целью было уничтожение нашей страны, выталкивание ее из истории. Они замахивались не столько на большевизм, сколько на историческое бытие народов Советского Союза. Война против СССР изначально планировалась как война на уничтожение. Задолго до восточного похода вермахта Геббельс записал в своем дневнике: «Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли»¹³. Тем, кто уравнивает СССР с нацистской Германией, следует напомнить: нацисты «вдохновлялись» доктриной расового превосходства германцев над остальным миром. Объявив другие народы «неполноценными» и «второсортными», они присвоили себе «право» истреблять их. План «Ост», разработанный под руководством таких фанатиков нацизма, как Гиммлер и Розенберг, содержал «квоты» и «разнаряд-

¹¹ У истоков правда одна // Грозненский рабочий. 1989. 2 февраля.

¹² Ржевская Е.М. Указ. соч. С. 293, 326.

¹³ Там же. С. 211.

ки» по ликвидации или радикальному сокращению народов СССР. К реализации этого людоедского плана гитлеровцы приступили с первых же дней войны, массово расстреливая мирных жителей, тысячами сжигая села и деревни, строя лагерь смерти.

На фронтах и в тылу советские люди отстаивали главную человеческую ценность – возможность жить на Земле. Они понимали: проиграть эту войну им нельзя. Мужество и героизм в борьбе со зловещим врагом были проявлены представителями всех народов СССР – русскими, украинцами, армянами, осетинами, белорусами, евреями, башкирами, казахами, чувашами и многими другими. Особенного восхищения в дни кровопролитных боев с гитлеровской армадой заслужили сыны Татарстана, среди которых более двухсот тысяч были награждены орденами и медалями, а две с половиной сотни самых храбрых из них стали Героями Советского Союза.

В сознание и советских людей, и граждан нынешней Российской Федерации Великая Отечественная война вносит большой букет глубоких смыслов, где, кроме идеологического, есть не менее важные смыслы – пространственно-геополитический, культурно-цивилизационный, религиозно-метафизический. Несмотря на неисчислимы лишения и трудности войны, Победа над нацизмом воспринималась и продолжает восприниматься в нашей стране как преодоление вселенского зла, как торжество высшей правды. Поползновения тех, кто хотел бы принизить значение подвига, свершенного нашими дедами и отцами в Великой Отечественной войне, должны восприниматься как показатель нравственной ущербности и интеллектуальной недостаточности.

Зинич М.С.

Перемещенные культурные ценности – эхо минувшей войны

В год 65-летия Победы история Великой Отечественной войны оказалась в центре внимания руководства страны и регионов, ученых и творческой интеллигенции. Не обойдена вниманием и тема войны в искусстве. С ней связана малоизвестная страница истории искусства в трагический период, когда культурные ценности стали жертвами войны, трофеями. Эта проблема, казалось бы, ушедшая в

прошлое, возникла в конце XX столетия. Она выдвинулась на одно из первых мест в процессе политических изменений в странах Восточной Европы, в международных связях России со странами дальнего и ближнего зарубежья, особенно с Германией, а также вызвала большой интерес у отечественной и зарубежной общественности.

Рассекреченные документы, свобода мнений, различные, порой полярные, взгляды на события войны 1941–1945 гг. способствуют их более всестороннему рассмотрению. К сожалению, многие публикации служили не столько поиску истины, сколько отражали накал политических страстей в обществе в 1990-е гг. Это относится и к конфликтной ситуации с реституцией библиотечных и музейных собраний. Реституция по международному праву – возврат имущества, незаконно изъятого и вывезенного воюющим государством с территории противника. Стали изучаться и такие не разработанные сюжеты, как роль союзников Германии и коллаборационистов в расхищении культурного наследия советского народа, законность нахождения в России европейских коллекций, о чем ранее писать не рекомендовалось.

С целью урегулирования возникшей проблемы на основании постановления правительства РФ от 23 июня 1992 г. была образована Государственная комиссия по реституции культурных ценностей. В марте 2001 г. вместо нее был создан Межведомственный совет по вопросам культурных ценностей, перемещенных в результате Второй мировой войны.

Спустя шесть с половиной десятилетий после окончания Великой Отечественной войны, следует напомнить отечественной и зарубежной общественности о преступлениях фашистов в сфере культуры на захваченных территориях, привлечь внимание к поиску и возвращению похищенных шедевров. В Третьем рейхе ограбление оккупированных стран было возведено в ранг государственной политики и осуществлялось целенаправленно и масштабно. Конфискацией художественных и исторических памятников, взятием трофеев занимались многочисленные германские организации, штабы, зондеркоманды, представители исследовательского общества «Наследие предков», а также органы территориальных оккупационных властей. Особенно преуспели Оперативный штаб (эйнзатцштаб) рейхсляйтера А. Розенберга, возглавлявшего Восточное министерство, и особая

команда под руководством штурмбанфюрера СС барона фон Кюнсберга. Она отражала интересы МИД Германии и СС.

По вине агрессора в Российской Федерации серьезно пострадали выдающиеся памятники мировой культуры – дворцы-музеи в пригородах Ленинграда: Петергофа, Царского Села, Павловска, Гатчины. Среди утрат всемирно известная Янтарная комната из Екатерининского дворца Царского Села, которую по праву называли восьмым чудом Света. Большой урон был нанесен древнерусским городам Новгороду, Пскову, Смоленску с их неповторимыми памятниками зодчества и музеями, провинциальным учреждениям культуры и образования. Уничтоженные и разграбленные музеи, библиотеки, архивные хранилища отражали своеобразие национальной культуры, ее традиции, дух эпохи. И это нельзя не учитывать при оценке российских потерь.

Сводные данные об ущербе в сфере культуры, подготовленные Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию нацистских преступлений и неоднократно публиковавшиеся, в настоящее время уточняются. Установлению истины помогают рассекреченные в 90-е гг. документы федеральных и ведомственных архивов, Особого архива в Москве, входящие с 1999 г. в коллекцию Российского государственного военного архива (РГВА), источники Центрального государственного архива высших органов власти управления Украины (ЦГАВООУ), трофейные фонды областных архивов. Уточненные сведения о потерях публикуются с 1999 г. в многотомном труде «Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны». Опубликовано шестнадцать томов¹⁴.

Рассекреченный комплекс ранее недоступной трофейной информации из фондов Оперативного штаба А. Розенберга, хранящихся в архивах России и Украины (они имеются также в Польше, Германии и США), характеризует оккупационную политику Третьего рейха, масштабы грабежа культурной собственности, распределение добычи в рейхе и т.д. Преступные приказы Верховного командования вооруженных сил Германии, совместная деятельность вермахта и Оперативного штаба являются доказательством, разрушающим ле-

¹⁴ Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 1–16. М., 1999–2009.

генду о «чистом вермахте», не связанном с преступлениями гитлеровского режима¹⁵.

Отделения штаба А. Розенберга были в Киеве, Минске, Риге, Таллинне, Смоленске, Симферополе. Были созданы зондерштабы «Изобразительное искусство», «Библиотеки», «Архивы», «Древняя и ранняя история», «Музыка». Вывоз осуществлялся через Киев, Ригу, Таллинн, Кенигсберг. В Центральное книгохранилище в Киеве к середине ноября 1942 г., помимо украинских фондов, было доставлено д-ром Неем 2 вагона книг из Воронежа и Курска. В основном это были старые издания на русском и западноевропейских языках (10 000 томов), которые предназначались для Центральной библиотеки высшей школы в Берлине¹⁶.

В последних публикациях приводились данные, что в библиотеках СССР погибло около 200 млн. книг¹⁷. Большой урон был нанесен библиотечной сети Российской Федерации. Практически полностью был уничтожен библиотечный фонд Ставропольского края, Сталинграда и 10 районов области, Орловской, Смоленской и Воронежской областей¹⁸.

В отчете Главной рабочей группы «Остланд» руководству штаба Розенберга в Берлине, датированном 15 октября 1942 г., сообщалось, что вывезенная из Новгорода библиотека насчитывала 33 892 тома. Восточная библиотека в Берлине получила раритеты, кроме того «Полное собрание законов Российской империи (200 томов) «Свод законов» 1857–1913 гг. (150 томов)¹⁹. Перечень можно продолжить.

Из России были вывезены сотни тысяч произведений искусства только из художественных музеев, собиравшихся в отечественных коллекциях не одно столетие. Среди утраченного прекрасные картины первоклассных мастеров К.П. Брюллова, И.К. Айвазовского, В.В. Верещагина, О.А. Кипренского, И.Н. Крамского, И.И. Левитана, И.Е. Репина, скульптуры Растрелли, Ф.И. Шубина, А.Н. Воронихина.

¹⁵ Отечественная история. 1997. № 3. С. 107–120.

¹⁶ ЦГАВОУ Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 45. Л. 9, 12; Д. 11. Л. 14.

¹⁷ Шерель А. Кочующие музы. М., 1991. С. 5–10.

¹⁸ Мазурицкий А.М. Книжные собрания России и Германии в контексте реституционных процессов. М., 2000. С. 54–55.

¹⁹ Зинич М.С. Похищенные сокровища: Вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003. С. 41.

Наиболее ценные предметы из награбленного в Европе предназначались для создаваемого музея фюрера в г. Линц. Эта акция была закодирована как «миссия Линц»²⁰.

В немецких документах постоянно подчеркивалось, что все мероприятия по изъятию предметов искусства, библиотечных и архивных собраний осуществлялись лишь для их «спасения», чтобы «они эту войну пережили и остались для последующих поколений»²¹. Однако Международный военный трибунал в Нюрнберге признал, что А. Розенберг и его эйнзатцштаб занимались разграблением культурного достояния европейских наций, а не его сохранением, как утверждала защита.

Из добычи, захваченной немецкими штабами и зондеркомандами, формировались фонды федеральных и ведомственных архивов, Центральной библиотеки высшей школы в Берлине, Восточной библиотеки, Института изучения восточных стран, частные художественные коллекции. Многие похищенные сокровища хранились в замках, шахтах, имениях нацистов. Никогда не удастся установить, сколько произведений искусства было захвачено немецкими военнослужащими в качестве трофеев, в том числе германскими маршалами и генералами Манштейном, Лашем, Линдеманом и т.д. А. Розенберг писал М. Борману 17 октября 1944 г., что для транспортировки из СССР учтенного его организациями добра понадобилось 1418 железнодорожных вагонов. Морским путем было отправлено 427 тонн²². В СССР разграблено 427 музеев, в России – 173, в Украине свыше 200. Нельзя забывать, что в деле разграбления отечественного культурного достояния нередко не отставали от германских оккупационных властей вторгшиеся вместе с фашистами на территорию нашей страны армии Венгрии, Румынии и Финляндии, отличавшиеся большой жестокостью. Из введенных впервые в 2000-е годы в научный оборот архивных документов видно, что венгерскими военнослужащими в СССР полностью уничтожены и повреждены 23 музея, 147 библиотек, 2842 театра и клуба, 49 зданий религиозных культов. Ими вывезено и уничтожено 5315 тысяч экземпляров книг, журналов, карт,

²⁰ Там же. С. 44–46; Совершенно секретно. 1993. № 11. С. 21.

²¹ РГВА. Ф. 1401/к. Оп. 1. Д. 65. Л. 73.

²² Отечественная история. 1999. № 4. С. 166; Руденко Р.А. Судебные речи и выступления. М., 1987. С. 126.

2 тысячи музыкальных инструментов, тысячи предметов искусства. Местонахождение похищенного неизвестно²³.

Из перемещенного на Запад вернулись в Россию прежде всего архивные документы, а в последнюю – художественные произведения. Реституция в 40-е годы осуществлялась по нормам международного права, по решениям союзных властей, что подтверждается опубликованными рассекреченными источниками, а также изученными и впервые введенными в научный оборот материалами Архива внешней политики РФ (секретариата В.М. Молотова и И.М. Майского, референтуры по Германии).

Учитывая тесную связь российских потерь в сфере культуры с проблемой перемещенных с территории Третьего рейха в СССР библиотечных и архивных фондов, музейных экспонатов, кратко остановимся на этой проблеме, которая десятилетия после войны оставалась засекреченной. Изъятием и вывозом немецких ценностей занимались трофейные структуры армий и фронтов с участием бригад от Комитета по делам искусств при СНК СССР, Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР, Академии наук СССР. Ключевую роль играла Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Официально этот факт был признан в нашей стране в 1990-е годы. Министерство культуры РФ в 1994 году по собственной инициативе издано специальный приказ № 257 «О введении в культурный оборот произведений искусства из Особого фонда»²⁴. Но официальные российские власти оказались не готовыми к решению сложной и запутанной проблемы реституции, не имели четкой принципиальной позиции и правовой базы.

В данном сообщении нет возможности затрагивать многие стороны борьбы вокруг «трофейного искусства» и правовой базы. Отметим лишь, что одинакового подхода к тому, что потеряла Россия в военное лихолетье и к тому, что утратила Германия, быть не может. Урон этих стран в сфере культуры несоизмерим. В Советском Союзе погибло около 200 млн книг. Отправленные из Германии в СССР книги исчисляются количеством от 7 до 10 миллионов изданий²⁵. По данным историка П.Н. Кнышевского, которого часто цитируют за рубежом и

²³ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 223. Л. 225, 243.

²⁴ Коллекция документов Министерства культуры РФ.

²⁵ Мазурицкий А.М. Указ. соч. С. 132; Реституция книжных собраний и сотрудничество в Европе. М., 1994. С. 23.

в нашей стране, трофейными войсками Красной армии отправлено в СССР в 1945 г. 24 вагона музейных предметов²⁶. В книге, изданной в Бремене в 1989 г. коллективом авторов, утверждается, что к июлю 1946 г. вывезено из немецких музеев в Москву, Ленинград и Киев около 2,5 млн экспонатов²⁷, в том числе произведения искусства.

При рассмотрении международно-правовых аспектов проблемы перемещенных культурных ценностей в результате Второй мировой войны (если вести речь о тех предметах, книгах, которые попали в собрание наших государственных учреждений), то надо признать, что, как правило, это произошло на вполне законных основаниях: по решениям Главного командования СВАГ; Контрольного совета стран-союзниц, а также на основании законов союзных властей о демилитаризации и денацификации Германии и о военных преступниках, т.е. официальным путем²⁸. Напомним, что жизнь послевоенной Германии в силу Акта о безоговорочной капитуляции определялась постановлениями и решениями оккупационной союзнической администрации, куда входил и СССР, хотя мы не отрицаем того, что вывоз произведений искусства, художественной и научной литературы нанес ущерб дальнейшему развитию немецкой культуры. Вместе с тем невозможно ставить в одинаковые условия государства-агрессоры и их жертвы.

Не следует забывать при этом о масштабной передаче в 1950–1960-е гг. в бывшую ГДР и передачах в последующие годы около 2 млн. художественных ценностей, более 4 млн. архивных дел и сотен тысяч книг²⁹. Среди возвращенного – шедевры Дрезденской картинной галереи, ювелирная коллекция саксонских королей «Зеленые своды», рельефы Пергамского алтаря, Готская библиотека и т.д.

Немецкая проблема – не единственная, существуют и другие: голландская, польская, венгерская.

В переговорах с партнерами и в прессе фигурируют чаще всего 4 комплекса ценностей: золото Шлимана; Бременская коллекция ак-

---

²⁶ Кнышевский П.Н. Добыча: Тайны германских репараций. М., 2004. С. 20.

²⁷ «Betr.: Sicherstellung». NS-Kunstraub in der Sowjetunion. Bremen, 1998. S. 161.

²⁸ Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте. Правовые аспекты. М., 2005. С. 277–296.

²⁹ Независимая газета. 1996. 12 октября; Военные трофеи. Международный бюллетень. М., 1999. № 6. С. 35.

варелей и рисунков западноевропейских мастеров; коллекция графики амстердамского банкира Ф. Кенигса и венгерская коллекция.

Крупное собрание венгерских ценностей (произведений искусства и книг) в 1945 г. оказалось в Нижнем Новгороде (бывший г. Горький), куда оно было доставлено 49-й армией 2-го Белорусского фронта. По свидетельству офицеров штаба 49-й армии, ящики с экспонатами были обнаружены ими на железнодорожной станции г. Райнсберг, севернее Берлина. И они забрали их вместе с другим брошенным немецким имуществом. Коллекция попала в Художественный музей и держалась в строгой тайне до начала 1990-х годов. В 1957 г. по распоряжению Минкульту РФ 143 произведения живописи и 8 деревянных скульптур были переданы в Москву в реставрационные мастерские (ныне Всероссийский художественный реставрационный центр им. И.Э. Грабаря). Круг владельцев наиболее известных предметов коллекции (полотна Ф. Гойи, Эль Греко, портреты кисти К. Коро) ограничивается несколькими фамилиями венгерских предпринимателей и банкиров еврейского происхождения: Ф. Хатвани, А. Херцог, М. Корнфельд³⁰.

Были засекречены, а в 1990-е гг. стали доступны читателям трофейные книги в Нижегородской областной научной библиотеке. Речь идет о литературе из библиотеки Шарошпатакского реформатского колледжа (Венгрия), оказавшейся в Нижнем Новгороде³¹. Претензии Венгрии на возвращение этого церковного имущества (134 уникальных тома) были удовлетворены в 2007 г.

Судьба духовного наследия народов в трагические сороковые годы стала с конце XX века предметом споров между государствами – участниками минувшей войны, предметом обсуждения в правительственных кругах, на международных форумах и «круглых столах» с участием российских специалистов. В нашем Отечестве после долгих дискуссий в прессе, обсуждений в палатах Парламента был принят в 1998 г. закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Рос-

³⁰ Жесты доброй воли и законодательство. Москва-Берлин, 2001. С. 305–309; Культурная карта Европы. М., 2002. С. 108–110.

³¹ Трофейные книги из библиотеки Шарошпатакского реформатского колледжа (Венгрия) в фондах Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки. Каталог. М., 1997; Московский комсомолец. 2005. 26 февраля. С. 6.

сийской Федерации». А применять его начали только в 2000-м после внесения изменений. Он признает собственностью России ценности Германии и ее союзников, вывезенные в порядке компенсаторной реституции. Не подпадает под действие Закона собственность жертв Холокоста и религиозных организаций. Проблемы заинтересованных (третьих) стран должны решаться на межгосударственном уровне. Мы получили четкий правовой статус перемещенных культурных ценностей, которые были вывезены Советским Союзом с территории Германии и находятся в государственном хранении.

В XXI веке все более значимыми становятся отношения, объединяющие государства и их народы в единую систему – мировое сообщество. Мы надеемся на проведение международных выставок произведений искусства и книг, в судьбе которых трагическую роль сыграла Вторая мировая война.

Кантор Ю.З.

**Территория «Остланд»: прибалтийская специфика
(по материалам архивов России и стран Балтии)**

«С войной покончили мы счеты»... – эта стихотворная строчка и 65 лет спустя после Победы не стала реальностью. Парадокс новейшей политической истории состоит в том, что память о войне не объединяет народы, а служит предметом раздоров. Характерно, что в ряде регионов постсоветского пространства ныне избегают употреблять дефиницию «победа», предпочитая ей «окончание войны». Замалчивание, а порой и сознательное искажение в советское время многих важнейших событий 1941–1945 гг. и предвоенных лет стало миной замедленного действия. Советская аннексия Прибалтики, получившей независимость после 1917 г., в 1940 г. на основании секретных протоколов пакта Молотова–Риббентропа насильственное включение этих территорий в состав СССР и последовавшие за этим массовые репрессии (всего в трех республиках к 17 июня 1941 г. было арестовано – 14467 чел.; выселено – 25 711 чел.; в общей сложности репрессировано – 40178 чел.)³², отмена частной собственности и

---

³² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): Сборник документов М., 2008. С. 43.

прочие прелести сталинской советизации закономерно вызвали резкое неприятие большей части населения. Именно потому нападение фашистов на нашу страну здесь многие, увы, воспринимали как путь к освобождению, чем умело воспользовался гитлеровский агитпроп, позиционировавший нацистскую оккупацию Прибалтики как «освободительный поход против большевизма». И ныне в Вильнюсе, Риге и Таллинне реанимируется привнесенная на эти территории в 1941 г. идеологема о том, что их оккупация нацистами есть путь к освобождению от Советов, а борьба под знаменами со свастикой против СССР представляется, таким образом, борьбой за независимость. Между тем, в российских и прибалтийских архивах, а также в материалах новейшей историографии сохранилось достаточное количество документов об истинных планах Гитлера в отношении Прибалтики и населявших ее народов, позволяющих реконструировать картину происходившего в этом регионе в 1941–1944 гг.

Еще задолго до оккупации, 23 мая 1939 г., на собрании в рейхсканцелярии Адольф Гитлер однозначно заявил: «Для нас речь идет о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение можно обеспечить только из районов с невысокой плотностью населения... Население негерманских областей не несет военной службы и поэтому должно использоваться как рабочая сила»³³. Литва, Латвия, Эстония, Северная Белоруссия, Ленинградская область (куда в то время включались и нынешние Новгородская и Псковская области) были объединены фашистами в одно административно-территориальное образование – Остланд. Фюрер и его единомышленники относились к народам Прибалтики с опасливым презрением – для фашистов не была секретом массовая и эффективная вооруженная поддержка жителями Прибалтики большевистского режима, олицетворением которой стали знаменитые латышские стрелки. Например, количество членов РСДРП(б) в Эстонии с марта по октябрь 1917 г. выросло со 150 человек до 20 тысяч человек³⁴ при общей численности Эстляндии менее миллиона человек – такой пропорции не было практически ни в одном регионе Российской Империи. А

³³ МИД СССР. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. М., 1981. С. 97.

³⁴ Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии: учебник для гимназии. Таллин, 2000. С. 158.

на выборах в российское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. более 40% эстонского электората проголосовало за большевиков, а в Таллинне и Нарве – более 50%³⁵. В Латвии и территориях, позднее оформившихся как Литва, процент симпатизирующих большевикам был примерно таким же. В целом же по России большевики получили менее 25%, что и побудило их, не получивших большинства, разогнать только что избранный парламент). Не меньшую идиосинкразию у фашистов вызывало резкое неприятие жителями прибалтийских территорий немецкой оккупации 1918 г., когда по Брестскому миру территории, принадлежавшие до первой мировой войны России, отошли кайзеровской Германии. Ведь эстонцы, латыши и литовцы пытались сопротивляться попыткам немецких рыцарств Эстляндии, Лифляндии и Курляндии включить эти провинции в состав Германии на правах Герцогства Балтийского, как противодействовали прибалты и возвращению земель остзейским немецким баронам (земля эта была отнята у них в 1917 г.) и вывозу собственной сельскохозяйственной продукции в Германию.

Гитлер планировал присоединить Остланд к рейху на правах рейхсгау – области рейха. Имперское министерство востока должно было взять на себя внутреннее управление, а общее генеральное – комиссар по делам востока, подчинявшийся непосредственно фюреру. Имперские комиссариаты предполагалось создать по принципу провинциальных министерств рейха. Генеральные комиссариаты имели расширенные полномочия, соответствующие полномочиям глав самоуправлений в самой Германии, а областные комиссариаты планировалось построить по принципу ландратов – земельных советов.

«Выкачать из подчиненных областей все, что необходимо для германского государства и его вооруженных сил. Выполняя эти указания, нам нечего было считаться с потребностями местного населения. Волей Адольфа Гитлера является превратить в будущем территорию восточных областей в составную часть Германии и заселить ее немцами. Мы должны были руководиться этими указаниями и постепенно их осуществлять» – таковы были задачи генеральных и областных комиссариатов³⁶.

---

³⁵ Там же. С. 159–160.

³⁶ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 1. Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г. Л. 274.

Для декорации были созданы и национальные «местные самоуправления». Эти «самоуправления» формировались немцами из максимально лояльных представителей коренного населения. Начальник СС и полиции в рейхскомиссариате «Остланд» обергруппенфюрер Фридрих Еккельн по этому поводу вспоминал: «Мне приходилось нередко сталкиваться с руководителями латвийского, литовского, эстонского «самоуправления»... Должен сказать, что все они были большими друзьями немцев. Эти люди имели только наши немецкие интересы и нисколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки... Они считали, что если даже Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, если они и немцы ликвидируют советских патриотов и особенно коммунистов, так как без коммунистов им будет легче продать свои народы другим сильным державам мира»³⁷. По приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и рейхсминистра по делам восточных территорий Альфреда Розенберга для осуществления политики германизации Остланда в конце 1942 г. начали функционировать учреждения Имперского комиссариата по укреплению немецкого народного духа и Центр по делам фольксдойче. Тогда же в Латвии, Эстонии и Литве были открыты переселенческие сельскохозяйственные школы – предполагалось, что после окончания войны представители титульных национальностей Прибалтики в качестве бесплатной рабочей силы будут обрабатывать плодородные поля Третьего рейха в Баварии, Пруссии, Саксонии и т.д. Кстати, еще в 1939 г. начался отбор колонистов из немцев для переселения в Остланд и его «естественной германизации».

Гитлер не намеревался предоставлять суверенитет прибалтийским республикам. Он смотрел на эти территории как на место, подходящее для поселения там излишнего немецкого населения, заслуженных солдат и инвалидов войн. Это должно было обеспечить власть Германии на русской территории в далеком будущем. Местное население, как не поддающееся ассимиляции, должно было быть эвакуировано, то есть выселено, и использовано на работах. «В связи с тем, что Прибалтика должна была быть заселена немцами, то ясно, что ими должны были руководить люди, преданные существующему

---

³⁷ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т.1 Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 21.12.1945 г. Л. 54.

строю. Гитлером было предусмотрено, что для заселения Восточных областей должны были привлекаться самые лучшие люди. О предстоящей работе, которая ожидала в Прибалтике, нам были даны подробные указания еще на курсах в Орденбург-Кресенге. (Школа для командного состава вермахта, направляющегося в Остланд – Ю.К.) Гаулейтер, показывая на карте будущие границы Германии на Востоке, ясно сказал, что в наши задачи будет входить превращение этих областей в немецкую землю, в составную часть Германии³⁸.

Для нацистов германизация означала освоение захваченных земель немцами с последующим «вытеснением» вплоть до полного физического уничтожения или «растворяющей ассимиляции» коренного населения. Пытаясь укоренить в народах оккупированных территорий немецкий язык, традиции, немцы неизбежно с течением времени смешивались бы с этими народами, что, по мнению гитлеровских идеологов, было вредно для чистоты расы. Стремясь германизировать оккупированные восточные регионы, нацисты планировали перевезти туда как можно больше немцев с территории рейха, непременно оберегая их от кровосмешения с местными жителями. При этом годных к ассимиляции «с точки зрения расы» местных жителей Литвы, Латвии, Эстонии, надлежало переселить в Германию, а негодных – в отдаленные районы, на «русский Восток» или уничтожить. Разумеется, оккупированные территории должны были превратиться в области массовой немецкой колонизации. «Годных с точки зрения расы» было меньшинство – от 5 до 30% населения (максимальный процент «годных», т.е. близких к арийцам фашисты вывели в Эстонии). Остальных надлежало «культурно ассимилировать» – посредством ограничения и последующего искоренения национальной культуры и насаждения немецкой, а также выделения из общей массы населения лиц немецкого происхождения (фольксдойче) и их «продвижения» на все социально и культурно значимые де-юре и де-факто посты³⁹.

Первыми в Остланд должны были переехать немцы из Вестфалии и Баварии. В качестве компенсации за переселение на восток они должны были получить там земельные участки, многократно

---

³⁸ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 1. Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г. Л. 273–274.

³⁹ Bubnis A. Vokieciu Okupuota. Lietuva (1941–1944). Vilnius, 1998. S. 448.

превосходившие по площади те, что имелись у них в Германии. И, конечно, по прибытии колонисты должны были получить себе дармовую прислугу из представителей прибалтийских народов. Напрасно местное население Литвы, Латвии и Эстонии надеялось на возвращение земли и имущества, национализированных Советами. В соответствии с директивами об «имущественном управлении Остландом» к весне 1942 г. все совхозы были взяты под немецкий контроль. В них назначили управляющих – немцев, и в будущем они должны были быть переданы в собственность новым постоянным хозяевам, разумеется, «арийцам». Крупные дома, которые были национализированы советским правительством, их прежним владельцам не возвращались и были зачислены в разряд так называемых домов Остланда. Управление ими осуществлялось исключительно представителями «арийской расы».

Все дома, принадлежавшие евреям, как и все их имущество, также были зачислены в имущество Остланда.

Разумеется, немедленно началось и «окончательное решение еврейского вопроса», в котором при активном содействии местного населения гитлеровцы на территории Прибалтики достигли отмеченных фюрером успехов – к 1944 г. эта территория была практически «свободна от евреев».

Балтийские народы в расовой иерархии нацистов значились в разряде «неперспективных». Осенью 1942 г. в Прибалтике начались антропологические исследования литовцев, латышей и эстонцев с целью выяснения как процента «годных с точки зрения расы» для германизации, так и подлежащих переселению на восток и уничтожению. Основываясь на этих «научных» исследованиях, специально созданная рейхсминистерством Восточных территорий комиссия подсчитала, что в Эстонии непригодными являются «всего» 25% коренного населения, в Латвии – около 50% (за исключением минимально пригодной «с точки зрения расы» Латгалии, где «непригодных» было более 65%), в Литве непригодных для германизации по фашистским меркам насчитали 70%⁴⁰.

По мнению руководства отдела расовой политики рейхсминистерства Восточных территорий, главным препятствием германиза-

---

⁴⁰ Bubnis A. Vokieciu Okupuota. Lietuva (1941–1944). Vilnius, 1998. S. 450.

ции народов Балтии могла стать интеллигенция⁴¹. По этой причине уже в первые дни после оккупации Прибалтики немцы арестовали представителей интеллигенции, а также тех, кто, по их мнению, лояльно относился к советской власти. В Латвии было арестовано 20 тыс. человек (преимущественно латыши), в Литве – столько же (большинство – литовцы), в Эстонии – 10 тыс. человек (большинство эстонцы). Секретным циркуляром «директора просвещения» от 9 декабря 1941 г. приказано было изъять из библиотек все советские произведения за время с 1917 по 1941 г., национальную литературу за 1940 и 1941 гг., т.е. литературу «советского периода».

На площадях городов запылали костры, превращая в пепел сокровища национального творчества и европейской литературы. Писателям и поэтам не разрешали печатать свои произведения, многих из них фашисты заключили в концлагеря. «Неперспективным» народам надлежало «минимально уметь читать, писать и считать» – более высокая культура была, по мнению нацистов, не для них.

Перебравшийся в Германию в 1919 г. уроженец Риги рейхсляйтер Альфред Розенберг, рейхсминистр восточных территорий, был сторонником «предельно прагматичного» подхода к использованию Остланда. Штаб рейхсляйтера приступил к планомерному разграблению культурных и исторических ценностей Латвии, Литвы и Эстонии и вывозу их в Германию. Вначале имущество из Прибалтики доставлялось в рейх по железным дорогам, но, когда в 1943 г. железнодорожное сообщение стало нерегулярным, а затем и вовсе прервалось с приближением линии фронта к Остланду, награбленное стали вывозить морским путем. Из одного только Рижского порта в 1943 г. ушло не менее 30 судов.

В Эстонии почти не осталось картин и скульптур национальных художников и скульпторов. Немцы вывезли в Германию более 10 тыс. произведений искусства. По приказу министра по делам восточных территорий были ликвидированы Рижская и Юрьевская (Тартуская) государственные библиотеки – в Германию было вывезено несколько тысяч томов, точное количество утраченного не установлено до сих пор. В Литве ситуация была не менее трагической. Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их со-

⁴¹ Ibid. S. 451.

общников: «17 марта 1943 г. гестаповцы оцепили здание старейшего Вильнюсского университета, разбили в нем статуи и орнаменты, изорвали картины, разграбили экспонаты, ценные учебные пособия, научную литературу, эпидиаскопы, электромоторы, станки и другое научно-вспомогательное оборудование; увезли в Германию 1743 грамма платины. В разгроме университета принимали активное участие немецкие «ученые» доктора Мюллер и Вульп. Такая же участь постигла и другой крупный литовский государственный университет и химический институт... Гебитскомиссар города Вильнюс Хингот присвоил и вывез из Вильнюсского государственного художественного музея ценные коллекции мебели, старинный фарфор, ковры, картины, гравюры и другое музейное имущество. Из этого же музея немцы похитили 40 ценных картин XIX и XX веков, 130 матриц очень редких гравюр на меди (XVII, XVIII, XIX веков), конкурсную модель проекта памятника Петру Великому скульптора Т. Крюгера. Генерал Рунау вывез ценные картины «Святое семейство» (мастерской Рубенса) и «Пейзаж» (Тенирса). Из библиотеки Академии искусств были похищены немцами 743 книги наиболее старинных и редких изданий, коллекции исторических золотых и серебряных медалей. Полному разгрому подверглись широко известные еврейские культурные учреждения: 1) Библиотека им. М. Страшуна; 2) Еврейский научный институт Академии наук Литовской ССР; 3) Историко-этнографический музей. 10 тыс. экземпляров старинных изданий XV, XVI, XVII веков были направлены в Берлин»⁴².

Изначально гитлеровское руководство было категорически против призыва в армию представителей балтийских национальностей. «Неперспективные народы» не имели права носить форму вермахта, их услуги принимались только при выполнении самой грязной работы – проведении акций уничтожения или в полицейских батальонах, охранявших тюрьмы, гетто и концлагеря. Так, инициатива латвийского «самоуправления» в феврале 1942 г. о создании национальных армейских корпусов была встречена раздраженным отказом. Еккельн, запросивший рейхсканцелярию о возможности привлечения латышей на службу в вермахт, получил такой ответ: «Фюрер не жела-

⁴² ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т.18. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Л. 176–177.

ет никаких воинских соединений из Прибалтики для использования их на фронте, так как после войны это привело бы к политическим требованиям с их стороны. Однако следует формировать возможно большее количество охранных батальонов для несения караульной службы на оккупированных территориях».

С 1942 г. фашисты начали насильно угонять на работу в Германию. Этим занимался так называемый отдел III рейхскомиссариата «Остланд», в помощь которому были приданы руководители местных самоуправлений Литвы, Латвии и Эстонии. Рекрутированием занимались и подразделения группы армий «Север».

В Латвию, Эстонию и Литву из Берлина спускались планы по насильственной мобилизации рабочей силы. Эти планы через рейхскомиссариат поступали гебитскомиссарам (комиссарам областей), а также через местные «самоуправления» начальникам уездов. Последние при помощи своих аппаратов рассылали повестки каждому человеку, в которых предлагали в обязательном порядке являться в определенное время и в определенный пункт для последующей отправки на работу в Германию. Нарушение каралось либо денежным штрафом, либо арестом. Спущенный из Берлина план мобилизации рабочей силы на первую половину 1943 г. оказался настолько высоким, что гитлеровское руководство Остланда не смогло его выполнить: положение дел немецкой армии на Восточном фронте становилось плачевным, в результате чего поток желающих трудиться для нужд рейха иссякал.

В качестве «особой чести» у представителей местного населения, включая детей, брали кровь для раненых солдат вермахта. Нормы по крови также спускались немецким руководством. Из свидетельских показаний на «Рижском процессе»: «Примерно в конце ноября 1942 г. эта «санитарная команда» СД вновь прибыла, и уже ранее зарегистрировавшихся вызывали и брали кровь от 600 до 1000 куб. см. Перед тем как брать кровь, СД и комендант лагеря Краузе обещали усилить питание и освободить «доноров» от работы, но ничего подобного не было, и люди, «отдавшие» кровь, совершенно были бессильными. Лично у меня было в этот раз взято 800 куб. см крови. Такие эксперименты «санитарной командой» в моем присутствии проводились более пяти раз, с охватом около 3000–3500 тыс. человек»⁴³.

---

⁴³ Там же. Л.134.

После поражения в Сталинградской битве гитлеровцы были вынуждены поступиться «расовыми принципами» и «снизошли» до создания из местных жителей боевых частей: немцы начали формировать национальные батальоны ваффен-СС. Это преподносилось как «высокая честь и огромное доверие – наравне с немецким народом бороться против большевиков». Но даже при проведении агитационной кампании во время набора в эсэсовские формирования местным «самоуправлениям» было запрещено использовать клише «борьба за независимость». Современный эстонский учебник по истории сообщает: «Из первых добровольцев был сформирован батальон «Нарва», возможно, самое элитное из когда-либо существовавших эстонских подразделений. В 1943–1944 гг. он проявил незаурядную отвагу в боях на Украине... Эстонские и латышские добровольческие батальоны зачастую демонстрировали более высокий боевой дух, чем подразделения вермахта, хотя были вооружены хуже. Этим добровольцев немцы особенно эффективно использовали в зимних и лесных боях»⁴⁴. В Эстонии и Латвии, судя по немецким документам, мобилизация шла весьма неплохо, а Литва призыв саботировала.

Вот лишь характерный пример – письмо Фридриха Еккельна из Вильнюса в рейхсминистерство по Восточным территориям:

«За бойкот легиона СС в Литве выполнены следующие наказания литовцам: закрыты все высшие учебные заведения Литвы, три литовских советника гражданской администрации и 29 интеллигентов из разных слоев сопротивления арестованы и заключены в концлагерь Штуттгоф»⁴⁵. В 1943 г. 15 тыс. латышей и 30 тыс. эстонцев было мобилизовано в ваффен-СС, под командование гитлеровских офицеров. Перед батальоном были поставлены следующие задачи:

- а) уничтожение еврейского населения в Прибалтике и других оккупированных немцами Советских районах;
- б) массовое истребление мирного Советского населения оставшегося на территории оккупированных Советских районах немцами;
- в) уничтожение русских военнопленных путем создания для них невыносимых условий в концентрационных лагерях;

---

⁴⁴ Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии: учебник для гимназии. Таллин, 2000. С. 214–216.

⁴⁵ Архив Литовской Эмиграции. Ф. 8. Оп. 10, Д. 272. Информационное письмо Ф.Еккельна от 02.04.1943 г.

- г) массовое насильственное использование пригнанного мирного населения из оккупированных немцами зон Советского Союза для создания укрепительно-оборонительных линий и сооружений;
- д) уничтожение мирных сел и деревень на территории оккупированных немцами Советских районов;
- е) умерщвление психиатрических больных, находящихся на излечении в больницах-клиниках;
- ж) вывоз в Германию промышленных предприятий, грабеж гражданского населения, как в городе, а также и деревне⁴⁶.

Несмотря на все усилия немецкого командования, удержать мобилизованных в войсках удавалось с трудом. Многие при первой возможности дезертировали. Особенно отличались литовцы. Они бежали из казарм и скрывались в лесах, воюя и против фашистов, и против Красной армии. Но со временем и охранные батальоны стали активно использоваться в боевых действиях.

Мобилизация в армию никак не сказалась на планах по поставке рабочей силы в Германию. В 1943 г. фюрер лично распорядился «в максимально короткие сроки» отправить на работы из Остланда 200 тыс. человек. По этому поводу прошло экстренное совещание в рейхскомиссариате: «Заместитель рейхскомиссара Матизен: Если из Остланда снять 200 тыс. рабочих, то вся хозяйственная жизнь в Прибалтике заглохнет. Эстония и Латвия уже не могут послать в Германию ни одного рабочего, и есть только единственная возможность брать людей из Литвы, но и то только при помощи полиции. Рабочую силу можно вытащить из Белоруссии, что же касается русских, то с ними ничего не выйдет, так как их можно угнать в Германию только с применением жестоких мер, в результате которых русские быстро уйдут в леса»⁴⁷.

Насильственный угон в Германию в документах именовался эвакуацией. После прорыва блокады Ленинграда и ее окончательного снятия 27 января 1944 г. ситуация в Остланде стала для фашистов и их пособников непоправимой. И снова мобилизация на фронт и в немецкий тыл. «Добровольцев» в Латвии и Эстонии в сентябре–октябре 1944 г. нашлось примерно по 20 тыс. – они, как и мобилизованные

---

⁴⁶ Там же. Л. 200.

⁴⁷ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 1. Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 22.12.1945 г. Л. 68.

литовские охранные батальоны, прикрывали отступление немецких войск. Но это уже ничего не меняло – гитлеровский Остланд перестал существовать менее месяца спустя. 24 ноября 1944 г. завершилась продолжавшаяся 71 день Прибалтийская наступательная операция советских войск, имевшая целью освобождение Литвы, Латвии и Эстонии от фашистов. В военных действиях участвовало около миллиона солдат и офицеров Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и Балтийского флота, сражавшихся против подразделений группы армий «Север» численностью более 700 тыс. человек.

Согласно акту судебно-медицинской экспертизы от 20 января 1946 г., проведенной советскими правоохранительными органами, на территории Прибалтики нацистами были убиты: в Латвии – 313 798 человек, в Литве – 666 273 человека, в Эстонии – 61 тыс. человек⁴⁸. Вильнюс, Рига и Таллинн лежали в руинах, промышленности не существовало, сельское хозяйство было уничтожено. Таковы были итоги «освободительной германизации».

Иванов А.А.

Татарстан – один из тыловых арсеналов Победы

Известно, что планы Гитлера в войне с Советским Союзом базировались на молниеносности. Одним стремительным ударом вермахт рассчитывал парализовать Красную Армию. Первые успехи немцев подтверждали правильность их замыслов. И в самом деле, к ноябрю 1941 г. гитлеровцы захватили территорию, где до войны проживало 40% населения, выплавлялось более половины чугуна, стали и алюминия, добывалось 69% угля.

Военное и политическое руководство фашистской Германии считало, что с захватом, значительной территории наша страна, лишившись материальной поддержки тыла, будет сломлена и Советский Союз рухнет. Однако в этих расчетах не все было учтено.

С первых же дней Великой Отечественной войны крайне неблагоприятный ход военных действий продиктовал необходи-

---

⁴⁸ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 18. Акт судебно-медицинской экспертизы о количестве убитых на территории Литовской и Эстонской ССР 20.01.1946г. Л.119, 251.

мость немедленного перехода экономики и всей жизни страны на военный лад.

Главная цель военной перестройки народного хозяйства сводилась к тому, чтобы путем мобилизации всех внутренних ресурсов обеспечить в самые сжатые сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной Армии над войсками фашистского блока, заложив тем самым прочный фундамент Победы над врагом.

В первые же дни войны была разработана конкретная программа мобилизации сил страны. Весь гигантский механизм государства перестраивался на военный лад. Уже к сентябрю 1941 г. экстренные мероприятия по мобилизационному развертыванию народного хозяйства были завершены. Необходимо было за короткий срок перевести на восток заводы Белоруссии, Украины, Прибалтики, западных областей РСФСР. Это была нечеловеческой трудности задача. История мирового промышленного развития не знала ничего подобного. И, тем не менее, небывалая по размерам и срокам эвакуация фабрик и заводов из прифронтовых районов в глубокий тыл была успешно решена. Из всех вывезенных на восток предприятий в 1941 г. 226 разместились в Поволжье.

Английский публицист А. Верт в своей книге «Россия в годы войны» отмечает, что эвакуация промышленных предприятий, проведенная в нашей стране, была «подлинным массовым подвигом, равно которому нет в истории второй мировой войны», что «это было чудом физической выносливости и самоотверженности, которое можно сравнить только с подвигами Красной Армии на поле боя».

И в самом деле, весь переход советской экономики на военный лад занял около года.

Лозунг «Все для фронта, все для победы» был определяющим в жизни тыла страны. Мощная промышленность была создана в Поволжье. Значительная ее часть находилась в Татарстане. Татария стала одним из важнейших регионов по производству боевой техники. Заводы и фабрики, еще вчера выпускавшие мирную продукцию, перестраивались на производство оружия.

Особая страница военных лет – эвакуация 70 предприятий с Украины и Белоруссии, Прибалтики, Ленинграда и Москвы, Воронежа, Харькова и других регионов страны. Эвакуация была столь значительной, что через месяц с начала войны в Татарии было размещено

47079 человек, а к декабрю общее число прибывших возросло до 266 тысяч. Эвакуированные размещались не только в Казани, но и в Тетюшах, Апастово, Буинске, Новошешминске, Чистополе, Билярске и других населенных пунктах.

По сравнению с довоенным временем население Казани увеличилось вдвое.

Большинство из 70 предприятий, эвакуированных в Татарию, обосновались в Казани. В их числе Московский авиационный завод им. С.П. Горбунова. Он был размещен на территории авиазавода им. С. Орджоникидзе и через два месяца начал выпуск бомбардировщика Пе-2. За годы войны здесь было выпущено 10 тысяч боевых самолетов. До 1943 г. этот самолет был основной ударной мощью бомбардировочной авиации.

В Казани выпускались стратегические бомбардировщики Пе-8, опережавшие в то время лучшие образцы самолетов этого класса во всех воюющих армиях.

Создатель бомбардировщиков Пе-2, Пе-8 В. Петляков вплоть до своей трагической гибели в начале 1942 г. был главным конструктором 22-го завода.

На территории Казанской гужевой фабрики (ныне вертолетное производственное объединение) разместился авиационный завод из Ленинграда. Через две недели после прибытия он уже выпускал самолеты По-2, которые на фронте применялись как ночные бомбардировщики, самолеты связи и санитарные машины. Всего за годы войны было выпущено 11553 таких самолетов. Каждый шестой боевой самолет, выпущенный в годы войны, получил путевку в небо в Казани.

Много продукции дала фронту легкая промышленность республики. За годы Великой Отечественной войны было пошито около одного миллиона шинелей, полтора миллиона плащ-палаток. Труженики легкой промышленности за каждый рабочий день одевали полк и обували дивизию. Одежды и обуви, изготовленной в Татарской АССР, было бы достаточно, чтобы снабдить трехмиллионную армию.

Завод «Серп и молот» освоил выпуск металлорежущих станков. Большие военные заказы получили заводы искусственной кожи, кетгутный, пишущих машин и др.

Меховой комбинат начал производство шапок-ушанок, рукавиц, унтов, шлемофонов для воинов. Комбинат «Спартак» освоил производство армейской обуви. Спасителями воинов называли врачи и

сами раненые работников Казанского кетгутного завода. Это было единственное в стране предприятие, выпускавшее живительные кетгутные нити для зашивания ран. Производство кетгута в годы войны увеличилось более чем в пять раз. Это помогло спасти жизни многим тысячам раненых на фронте воинам, вернуть их в боевой строй и к труду в мирной жизни.

Единственная в то время в стране Казанская фабрика киноплёнки в короткий срок освоила выпуск аэрофотоплёнки для целей воздушной разведки. Производство её было увеличено в четыре раза.

В Казани работало конструкторское бюро, где на положении «спецконтингента» трудились гении конструкторской мысли Сергей Королев, Андрей Туполев, Валентин Глушко и др.

В 1943–1944 гг. Сергей Королев – главный конструктор группы реактивных установок – вместе с Валентином Глушко создал ускоритель для самолёта Пе-2. Около десятка предприятий Казани участвовало в создании различных компонентов для знаменитых «Катюш». Только пороховой завод отправил для них на фронт миллион зарядов.

Крайне сложным было положение в сельском хозяйстве республики. Все мужское население призывного возраста было мобилизовано в армию. На нужды войны, особенно в её первый год, были отправлены те немногочисленные трактора и автомашины, что имелись в хозяйствах. В колхозах, совхозах, МТС Татарстана к концу 1941 г. оставалась всего одна автомашина из десяти, резко уменьшилось число лошадей – основной тягловой силы села. Планы сдачи сельхозпродуктов и внеплановые их изъятия свели до минимума оплату труда.

Но даже в этих тяжелейших условиях недоедания, непосильного труда, огромных моральных тягот село Татарстана поставляло из своих ресурсов на фронт хлеб, молоко, мясо, картофель.

Сельское хозяйство республики дало фронту 131 млн. пудов хлеба, 39 млн. пудов картофеля и овощей, 56 млн. пудов мяса, 200 млн. литров молока. Чего это стоило, знают те, кто жил в то время на селе. В распутицу и летний зной, под осенними дождями труженики многострадальной деревни пахали, сеяли и убирали урожай, проводили бессонные ночи на фермах, валили деревья на лесозаготовках, работали впроголодь, но кормили солдат. Не имея света в до-

мах, ночами вязали для них шерстяные носки и рукавицы, оставляя в каждом узелке теплоту своей души.

Уже в начале 1942 г. в республике не было ни одного завода, ни одной фабрики или мастерской, которые бы не выполняли заказы для фронта. Объем валовой продукции промышленности Татарии по сравнению с довоенным 1940 г. вырос в 1941 г. в 1,4 раза, в 1942 г. – в 2,4 раза, а в 1944 г. – в три с лишним раза. Снаряды и взрыватели, патроны и бомбы, авиационные приборы и парашюты, десантные суда, бронекатера и бронепоезда, средства связи, обмундирование и обувь, миллиарды патронов и миллионы снарядов – всего свыше 600 наименований изделий, обеспечивающих потребности фронта, произвел Татарстан в те годы.

Несмотря на все сложности военного времени, четко работали железнодорожники и речники республики, обеспечивая перевозку грузов для фронта и тыла. Через Казань шли почти все транспортные потоки из Сибири, Урала, Средней Азии и Дальнего Востока. Казань стала главной питающей артерией в период Московской, Сталинградской битв и в последующие годы.

За образцовое выполнение государственных заданий для фронта передовые коллективы крупных предприятий были награждены орденами Ленина. В их числе авиационный завод им. Горбунова, моторостроительный завод, Мехкомбинат, Лньокомбинат, обувной комбинат «Спартак». Фабрика киноплёнки удостоена ордена Трудового Красного Знамени. Свыше 4200 гвардейцев тыла – ударников промышленности республики были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Трудовые коллективы Казани 144 раза завоевывали переходящие Красные Знамена Государственного Комитета Обороны.

Многих тружеников промышленности Казани и Татарии в суровые годы Великой Отечественной войны справедливо и гордо называли гвардейцами тыла. На всех предприятиях они по-боевому участвовали в движении двухсотников, тысячников, рационализаторов и изобретателей, в соревновании молодежных фронтовых бригад.

В годы войны во всей стране шло широкое патриотическое движение за сбор средств в фонд обороны Родины, на вооружение Красной Армии, в котором активное участие принимали жители нашей республики. Так, в 1942–1944 гг. ими было внесено в этот

всенародный фонд более 262 миллионов рублей. На собранные у нас средства из личных сбережений трудящихся были построены танковые колонны «Красная Татария» и «Колхозник Татарии», 102 самолета для авиадивизии «Совет Татарстаны» имени Верховного Совета ТАССР, три бронепоезда, десятки самолетов были подарены молодежью республики единственному в вооруженных силах Комсомольскому Трансильванскому Краснознаменному авиаполку, над которым шефствовала комсомольская организация республики, бронекатера, бронепоезда и многое др.

В феврале 1945 г. по инициативе кайбицких хлеборобов развернулся сбор средств в фонд Победы. За короткий срок в него поступили десятки миллионов рублей.

Отдельные патриоты из Татарии передали в фонд обороны Родины значительные суммы. Одним из них являлся член колхоза «Кзыл-Юлдуз» («Красная Звезда») Мензелинского района Хази Ахметов. По примеру саратовского колхозника Ферापонта Головатого он внес для приближения победы над фашистскими захватчиками 101 тысячу рублей. На эти деньги был построен самолет-истребитель и вручен на фронте лучшему летчику.

С чувствами любви и заботы о защитниках Родины участвовало население Татарии в сборе теплых вещей для воинов. Только в 1941–1942 гг. трудящиеся республики отправили фронтовикам 23 тысячи полушубков, 54 тысячи пар валенок, 59 тысяч телогреек и шаровар, 106 тысяч пар теплого белья и другой одежды.

Лечение раненых солдат – это статья особая. За годы войны в госпиталях Татарской АССР прошли курс лечения около 334 тысяч раненых и больных воинов, 207 тысяч из них были возвращены в строй. Это равносильно 20 полнокровным дивизиям.

Важную лепту в подготовку боевых резервов, кадров для фронта внес Осоавиахим Татарии. За годы войны в его клубах, секциях и кружках прошли военное обучение 186 тысяч человек. А в целом по республике в подразделениях Всевобуча, Осоавиахима и общества Красного Креста в 1941–1945 гг. подготовлено 350 тысяч бойцов по более чем 30 военным специальностям (летчики, парашютисты, снайперы, пулеметчики, радисты, телефонисты, водители автомобилей, мотоциклисты, санитары и другие). Яркие строки в летопись Великой Отечественной войны вписали питомцы Казанского аэро-

клуба – одного из старейших в стране. Он был основан 3 мая 1933 г. и назывался тогда Центральным аэроклубом Осоавиахима СССР.

В предвоенные годы коллективом аэроклуба было обучено свыше 2000 летчиков, которые в авиационных школах и училищах Военно-воздушных Сил прошли летную переподготовку на истребителях, штурмовиках и бомбардировщиках – стали умелыми воздушными бойцами.

Многие летчики – осоавиахимовцы из Казани мастерски громили врага на фронтах Великой Отечественной войны. За свои ратные подвиги они были награждены орденами и медалями, а 44 самых храбрых и отважных воздушных бойца удостоились высокого звания Героя Советского Союза.

За высокие успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании, героизм в труде только в 1944 г. коллективам 22 предприятий промышленности Татарии были торжественно вручены Красные Знамена Государственного Комитета Оборона. Такое почетное Знамя навечно оставлено в коллективе, производящем самолеты По-2.

На вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков большим патриотическим подъемом ответили работники науки и культуры Татарии.

Все научные силы республики переключились на решение государственных задач обороны. Эта работа велась в 14 вузах и 25 научно-исследовательских учреждениях, в которых трудились 1200 ученых и научных сотрудников.

Важные оборонные проблемы решали видные казанские ученые, академики А.Е. Арбузов, Н.Г. Чеботарев, профессора Г.Х. Камай, Л.М. Миропольский, Х.М. Муштари, Л.И. Шулушко и др.

Так, выдающийся химик, Герой Социалистического Труда А.Е. Арбузов и его сын академик Б.А. Арбузов синтезировали состав сильной горючей смеси. Наполненные ею бутылки являлись эффективным средством борьбы с фашистскими танками.

Не прекращалась работа и над фундаментальными проблемами. Именно в Казани Е. Завойским был открыт парамагнитный резонанс, положивший начало новому направлению в физике.

Разработка рецептур порохов, создание эффективных методик расчета аэродинамики самолетов и баллистики орудий, создание новых оптических приборов для танков и самолетов, синтез химиче-

ских соединений, позволивших уменьшить вероятность применения боевых отравляющих веществ противником, отработка методики защиты кораблей от мин и торпед – все это лишь небольшая часть научных оборонных проблем, над которыми работали исследователи. Именно в Казани по заданию самого И.В. Сталина учеными был разгадан секрет кумулятивного (бронепрожигающего) снаряда.

Как правило, результаты научного поиска с ходу поступали для практического использования на предприятия и затем попадали на фронт.

Сделанные учеными научные прогнозы, обобщенные комиссией во главе с академиком Е.А. Чудаковым, и труд рабочих-нефтяников позволили начать промышленное освоение нефтяных запасов республики. Большая нефть Татарстана, на многие годы ставшая стеновым хребтом экономики страны, началось с первой промышленной скважины в Шугурове в августе 1943 г.

И штыком, и пером отстаивали свободу и независимость Родины писатели Советского Татарстана. Это к ним целиком относятся строки поэта-фронтовика Александра Жарова: «Вместе жили, Родина служили острое перо и автомат. Фронтовую дружбу дружили журналист, писатель и солдат».

Уже в первые месяцы войны из 53 членов Союза писателей Татарии 25 ушли на фронт. Среди них были Муса Джалиль, Фатых Карим, Нур Баян, Сибгат Хаким, Адель Кутуй и другие патриоты. Большинство наших поэтов и писателей работали сотрудниками армейских и фронтовых газет. В своих публикациях они разоблачали звериное лицо фашизма, вдохновляли советских воинов на героические подвиги.

Коллективы работников искусства Татарии также отдавали все свои силы делу борьбы с фашизмом. В репертуаре театров и домов культуры преобладали спектакли антифашистского, патриотического содержания.

Многие артисты казанских театров и филармонии принимали активное участие в культурном шефстве над воинскими частями и госпиталями. Только за первые годы войны здесь было дано 2500 концертов и сыграно около 70 спектаклей. Десятки агитбригад наших артистов побывали на Калининском, Брянском, Карельском, 3-м Прибалтийском и других фронтах.

В труднейших условиях военных лет государство сумело не допустить развала системы народного образования.

Плодотворно работали вузы Казани. Несмотря на большие трудности, они подготовили в годы войны более шести тысяч специалистов высшей квалификации.

Забота о детях и в это трудное время оставалась одной из главных задач. Из скудных ресурсов были выделены продукты для дополнительного питания школьников, открывались детские столовые, брались на учет для оказания материальной помощи дети фронтовиков. Согласно распоряжению СНК ТАССР от 19 августа 1941 г. для обеспечения питанием только эвакуированных детей из прифронтовой полосы было отпущено 510 тонн муки, 50 тонн кондитерских изделий, 33 тонны сливочного масла, 26 тонн колбасных изделий, 21 тонна мяса.

За осенние месяцы 1941 г. по Казани в порядке единовременного пособия временно впадшим в нужду были выданы 29 тысяч рублей, 2271 пара валяной обуви – в основном детям военнослужащих и эвакуированных.

В Татарстане была развернута широкая сеть детских домов, детских садов и интернатов для детей, прибывших из временно захваченных врагом территорий, а также из городов, которым угрожали воздушные налеты.

В первый же день Великой Отечественной войны сотни мужчин, юношей и девушек Татарии обратились в военкоматы с заявлениями призвать их в ряды Красной Армии и направить на фронт. К середине июля 1941 г. число таких добровольцев превысило 14 тысяч человек.

Основную массу их составляли коммунисты и комсомольцы. Во второй половине 1941 г. из республики было послано в армию около 12,5 тысяч коммунистов – без малого третья часть Татарской областной партийной организации. К концу войны 60% ее состава находились в рядах Вооруженных Сил СССР.

С началом войны в Казани формировались полки 81-й бомбардировочной авиационной дивизии под руководством известного летчика М.В. Водопьянова. Под руководством полковника С.Ф. Плахова в мае 1942 г. была сформирована 8-я запасная бригада в составе 3-х полков. В них были подготовлены 2 авиационные дивизии, 86 авиаполков и 6100 одиночных экипажей.

Осенью 1941 г. создалась реальная угроза Москве, где находился центр формирования минометных частей. Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 11 ноября 1941 г. «О минометных частях» новую центральную полевую базу минометных частей М-8 и М-13 решено было создать в районе г. Казань – Арск. И большая часть военных кадров для реактивной артиллерии в 1942 г. была подготовлена именно здесь.

Весной 1943 г. в Казани были сформированы 10-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада ПВО и 37-й зенитно-пулеметный полк. Большинство личного состава подразделений бригады составляли уроженцы Татарстана, а зенитно-пулеметного полка – девушки-добровольцы из городов и сел Татарии.

Новые формирования предназначались для охраны казанского неба, промышленных объектов и жилых кварталов столицы республики. Но вскоре они были отправлены на фронт и приняли активное участие в боях. В Великой Отечественной войне участвовало семь стрелковых дивизий, две авиационные, десятки отдельных полков и бригад.

Почти три тысячи километров пришлось прошагать им от Волги до Берлина. Всех их – рядовых и командиров, танкистов и пехотинцев, летчиков и моряков, артиллеристов и военных врачей – объединяло одно стремление: отстоять независимость Родины, уничтожить ненавистный фашизм.

Оставаясь верными воинской присяге и долгу, наши земляки с боями преодолевали неприступные линии обороны, освобождали города и села, бились насмерть до последнего снаряда и патрона. Чтобы вынести все это, необходим был огромный запас силы и стойкости, смелости и отваги. И они его имели.

В славной плеяде кавалеров Золотой Звезды периода Великой Отечественной войны сияют имена замечательных патриотов Родины – легендарного защитника Брестской крепости Петра Гаврилова, боевых летчиков Михаила Девятаева, Фариды Фаткуллина, Ольги Санфириной, Магубы Сыртлановой, танкистов Семена Коновалова, Виктора Григорьева, Фатыха Шарипова, артиллеристов Григория Абызова и Ильдара Маннанова, связиста Бориса Кузнецова, броневой бойца Сабира Ахтямова, понтонера Михаила Красавина, сапера Накипа Сафина, первым водрузившего знамя над рейхстагом Гали Загитова и многих других воинов.

Золотыми буквами в военную летопись вписаны имена наших земляков, полных кавалеров орденов солдатской Славы разведчиков Даяна Булатова, Григория Портнова, Рифката Гайнуллина, артиллеристов Каюма Забарова и Николая Зотова, Сергея Дегтева, танкистов Трофима Лапина, Рустама Хамитова и Павла Михеева, воздушного стрелка Алексея Васильева и других.

Ратные подвиги уроженцев Татарстана оставили след в партизанском движении, антифашистском Сопротивлении и работе подпольных групп многих стран Европы.

Трудящиеся республики по праву гордятся знатными земляками-полководцами и военачальниками, отмеченными в годы Отечественной войны высоким званием Героя. Это, прежде всего выросший и возмужавший в городе Елабуге Маршал Советского Союза Л.А. Говоров, генералы А.О. Ахманов, В.Н. Гордов, М.П. Кирпонос, Я.Г. Крейзер, А.В. Кирсанов, И.Н. Конев, Г.Б. Сафиуллин, Б.В. Шульгин, Ф. Булатов, дивизии, корпуса и армии которых умело громили фашистских захватчиков, внесли достойный вклад в завоевание Победы.

За мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, более 200 тысяч уроженцев Татарстана были награждены орденами и медалями.

Две с половиной сотни отмечены высшим воинским отличием – званием Героя Советского Союза.

48 фронтовиков стали полными кавалерами ордена Славы.

13 повторили подвиг Александра Матросова и Газинура Гафиятуллина.

6 летчиков совершили воздушные и огненные тараны.

Наряду с мужчинами на войне сражались и женщины. Только из нашей республики на фронт ушло более 10 тысяч девушек. Собираемый образ их отваги, смелости воплотился в подвиге легендарной летчицы Магубы Сыртлановой.

Примером неслышимого мужества, патриотизма и стойкости, символом борьбы с фашизмом не только для нашего народа, но и для народов всей Европы стал поэтический и гражданский подвиг нашего земляка Мусы Джалиля.

Многонациональный народ Татарстана – татары и русские, чуваш и марийцы, украинцы и башкиры, евреи и удмурты, мордва и белорусы – с честью выполнили священный долг воина, защитив не

только своих близких, свои города и села, но и всю планету, не дав превратить ее в огромный Освенцим.

От подмосковных полей и Волги, до берегов Дуная и Шпрее, в городах и селах возвышаются памятники и обелиски сыновьям и дочерям Татарстана.

Война отняла у многих родных и близких. Но никто не в силах отнять нашу память о них. Сотни тысяч солдатских могил разбросаны на бескрайних просторах нашей земли и за ее пределами. Многие из этих могил — безымянны.

Десятилетиями не утихает боль о погибших, не кончаются поиски близких или мест их погребения.

Было решено увековечить в ней каждого защитника Отечества независимо от того, погиб ли он на поле боя или во вражеском плену, в партизанском отряде или подполье, скончался ли от ран или пропал без вести на бесчисленных фронтовых дорогах.

В Республике Татарстан эта идея нашла широкую поддержку. 11 апреля 1989 года было принято постановление бюро областного комитета партии об издании Республиканской Книги Памяти – фундаментального печатного историко-мемориального памятника.

Сегодня, в канун 65-ой годовщины со дня Победы, выпущено 27 томов Книги памяти на русском и татарском языках.

До начала работы над Книгой памяти в Татарстане считалось, что с войны не вернулось 85 тысяч наших земляков. Трудно поверить, но эта цифра «прожила» почти 50 лет со дня последних залпов второй мировой. В результате длительной научно-исследовательской и поисковой работы удалось установить и увековечить имена около 350 тыс. солдат и офицеров — уроженцев Татарстана, погибших за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Погиб почти каждый второй, ушедший на войну, это в общей сложности 11,5% от всего довоенного населения республики.

В абсолютных цифрах количество учтенных погибших и пропавших без вести по Республике Татарстан выглядит следующим образом: 1941 г. – 66000, 1942 г. – 115993, 1943 г. – 83723, 1944 г. – 49662, 1945 г. – 24444 человека.

Фашизм был побежден не только на передовой, наша вечная признательность и благодарность труженикам тыла – неутомимым и скромным творцам Великой Победы. Не думая о наградах и поче-

---

стях, они ковали оружие Победы на пределе человеческих возможностей в заводских цехах, конструкторских бюро и научных лабораториях. Советская промышленность своими силами выдержала тяготы войны, на своих плечах вынесла все трудности военного времени. Вместе с другими республиками и областями Поволжья, Урала и Сибири Татарская АССР являлась могучим арсеналом страны, одной из основных ее военно-промышленных баз по обеспечению фронта боеприпасами, вооружением и снаряжением.

Трудящиеся Татарстана внесли достойный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков и достижение Победы в Великой Отечественной войне. Они быстро и решительно перестроили все хозяйство республики на военный лад и самоотверженно трудились для победы.

*Секция «Вопросы историографии,
источниковедения и методологии»*

С С

Славко Т.И.

**Советские военнопленные Великой Отечественной
войны, уроженцы Тверской области:
источники и методы исследования**

Долгое время многие проблемы Великой Отечественной войны были закрыты и по ним не велись научные исследования. До сих пор ряд документов является недоступным для исследователей. В результате появилось множество мифов, противоположных точек зрения. В настоящее время считается, что судить об исторических явлениях и процессах может каждый, в том числе непрофессионал, достаточно посмотреть телевидение, послушать радио, почитать газеты. Сейчас как никогда российскому обществу требуется проведение научных исследований Великой Отечественной войны для формирования идеологических и моральных установок, объективного осмысления исторического прошлого нашей Родины.

Вторая мировая война отличается огромной численностью военнопленных. В немецком плену оказалось, по еще до конца не уточненным данным, 5,7 млн. советских солдат, офицеров и генералов, из них 3,3 млн. умерло от расстрелов, голода, болезней и др.¹ По другим подсчетам, в плену оказалось 6,3 млн., из них умерло – 3,9 млн. человек². К военнопленным относится и гражданское население, попавшее в плен в период оккупации и насильственно угнанное на работу в Германию и другие страны фашистского блока.

---

¹ Ерин М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 140.

² Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 2: 1940–1959. М., 2001. С. 144.

Одной из функций органов госбезопасности с 1941 г. была проверка на политическую благонадежность, преданность советской власти солдат и офицеров Красной Армии, бывших в плену или в окружении. К этим категориям лиц были затем отнесены советские люди, угнанные на работу в Германию и другие страны фашистского блока и вернувшиеся в СССР (репатрианты). Долагерная проверка проводилась не только органами НКВД (НКГБ, МГБ), но и военной контрразведкой, с апреля 1943 г. – контрразведкой «Смерш» Наркоматов обороны и ВМФ. Проверка в спецлагерях, т.е. лагерях специального назначения, и «проверочно-фильтрационных пунктах» НКВД именовалась «фильтрацией».

13 апреля 1945 г. издается Инструкция по работе оперативно-чекистских отделов проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР. Лица из числа бывших военнопленных, прошедшие данную проверку и не вызвавшие никаких подозрений, направлялись, согласно этому документу, в местные военные комиссариаты, если они подлежали призыву в Красную армию. Не подлежащие призыву отправлялись к месту их постоянного места жительства (исключением являлись Москва, Ленинград, Киев и пограничные районы)³.

По постановлению Государственного Комитета Обороны от 18 августа 1945 г., военнослужащие Красной Армии, освобожденные из немецкого плена, и репатрианты после соответствующей проверки стали направляться на предприятия угольной промышленности, черной металлургии и лесозаготовки. Данный спецконтингент на положении спецпереселенцев расселялся в районах Севера⁴.

Регистрацию и проверку обязаны были пройти не только мужчины и женщины от 16 лет и старше, но и дети до 16-летнего возраста, попавшие с родителями или родственниками за границу⁵.

Фильтрационно-проверочные дела различаются по степени полноты представленных в них документов. Такое дело, как правило,

---

³ Архив Управления ФСБ по Тверской области. Ф. Секретариат УКГБ при СМ СССР по Калининской области. Д. 15. Л. 110–115.

⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 136–137.

⁵ Архив Управления ФСБ по Тверской области. Фонд Секретариата УКГБ. Оп. без номера «Совершенно секретных приказов МГБ СССР за 1945 г. в отделе кадров УМГБ Калининской области». Д. без номера. Л. 62–64 об.

содержит постановления о заведении проверочного дела и о сдаче его на временное хранение в архив, опросный лист, автобиографию проходившего проверку лица или анкету репатриированного, регистрационный лист и обязательно – «заключение» (или «справку») по фильтрационно-проверочному делу УКГБ при СМ СССР (1954–1956 гг.). Часто в деле содержатся такие документы, как протоколы допросов лица, проходившего проверку, и свидетелей, справки по делу, составленные оперработниками органов госбезопасности, учетная карточка НКВД (НКГБ, МГБ), где, в частности, есть сведения о сроках, месте и – не всегда – о результатах прохождения проверки. Реже дело включает агентурные донесения о проверяемом лице, помеченные обычно словом «источник», т.е. от секретных осведомителей под псевдонимами, а также трофейную немецкую (с переводом на русский язык) личную карточку военнопленного или «иностранного рабочего» о пребывании в фашистских лагерях и другие документы. В ряде случаев из уничтоженного проверочного дела (согласно «справке» органов госбезопасности, помеченной 1955 г.) оставлены только «Материалы о пребывании в плену» – главным образом, протоколы допросов лица, проходившего проверку, и свидетелей.

Анкета гражданина СССР, возвратившегося на родину через границу, заполнялась на проверочно-фильтрационном пункте НКВД. Она включает в себя более 20 пунктов. Это анкетные и воинско-учетные данные: сведения о семье и близких родственниках, о судимости при советской власти, о трудовой деятельности до оккупации или призыва в красную Армию, о прохождении службы в Красной Армии, когда, где и при каких обстоятельствах попал в плен или окружение; сведения о роде занятий и месте жительства за границей; служил ли в армиях воюющих с СССР стран или других воинских антисоветских формированиях; кого из советских граждан знает как изменников Родины, предателей и пособников; когда и при каких обстоятельствах вернулся в СССР или прибыл на границу, явился добровольно или задержан, кем, когда; графа о том, кто может подтвердить изложенное в анкете: а) за время пребывания в армии; б) на советской оккупированной территории; в) за время пребывания за границей (указать фамилию, имя, отчество лиц, где они живут и чем занимаются); сведения о всех имеющихся у опрашиваемого документах, о том, куда он хочет ехать и что делать; в конце анкеты

имеется, как правило, дактилооттиск указательного пальца правой руки и место для фотокарточки; подпись опрашиваемого. В конце каждой анкеты зафиксированы сведения о том, кто и когда проводил опрос в проверочно-фильтрационном пункте (лагере) НКВД; заключение фильтрационной комиссии о том, куда направляется проверяемое лицо и в какую организацию передается фильтрационно-проверочное дело⁶.

Регистрационный лист на прошедшего регистрацию в лагере, дислоцирующемся в населенном пункте, включает следующие данные: сведения о том, почему оказался на территории другого государства; подвергался ли арестам, допросам, задержаниям, штрафам со стороны немецких властей; содержался ли в спецлагерях противника и что там делал; проходил ли службу в немецкой армии, полиции, отрядах, воинских частях, госпиталях, строительных и иных батальонах, создававшихся противником; служил ли в немецких учреждениях, предприятиях, организациях, в каких, в качестве кого; какие отобраны документы при регистрации; куда следует на постоянное жительство. В конце регистрационного листа имеются такие сведения: дата заполнения листа и подпись прошедшего регистрацию, подписи председателя регистрационной комиссии НКВД СССР и регистрируемого о получении удостоверения о направлении на постоянное местожительство, дата убытия из лагеря⁷.

Справка-заключение по рассмотрению фильтрационно-проверочного дела, составленная отделами УКГБ при Совете Министров по Калининской области, удостоверяет, что данное фильтрационно-проверочное дело на гражданина, бывшего в плену или угнанного в Германию в период Второй мировой войны, пересмотренного в соответствии с приказами КГБ при СМ СССР № 00750 от 17 ноября 1945 г. № 0112 от 30 июля 1956 г. и составлено для дальнейшего хранения в архиве в фонде секретного делопроизводства со снятием данного лица с оперативно-справочного учета. В конце справки зафиксированы должность и фамилия сотрудника, проводившего

---

⁶ Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 7849. Д. 8761. Л. 1–2.

⁷ Архив Управления ФСБ по Тверской области. Фонд Секретариата УКГБ. Оп. без номера «Совершенно секретных приказов МГБ СССР за 1945 г. в отделе кадров УМГБ Калининской области». Д. без номера. Л. 62–64 об.

пересмотр дела, резолюция «согласен» начальника отдела УКГБ СМ СССР по Калининской области и дата⁸.

Опросный лист Главного Управления Контрразведки «Смерш» включает в себя от 28 до 35 признаков. Это анкетные и воинско-учетные данные: сведения о роде занятий и имущественном положении, о том, каким репрессиям подвергался (судимость, арест и др.), служил ли в белых и других контрреволюционных армиях, какие имел награды при Советской власти, находился ли в окружении или плену, при каких обстоятельствах попал в плен или окружение, в каких лагерях военнопленных содержался, сколько времени, с кем из военнопленных содержался в этих лагерях; допрашивался ли, кем и сколько раз за время нахождения в плену противника; служил ли в армии противника, работал ли в административно-хозяйственных органах противника (полиция, комендатура, стража, управа, жандармерия и т.д.); сведения о том, когда, где и как освобожден из лагеря противника или вышел из окружения; данные на лиц, которые могут подтвердить обстоятельства и факт пленения, нахождение в лагере, окружении противника, пребывание на оккупированной территории, освобождение из лагеря противника, где эти лица находятся; материалы о том, когда и откуда прибыл военнопленный в данный лагерь, где проводилась проверка. В конце опросного листа зафиксированы подпись опрашиваемого, должность, звание и фамилия сотрудника, производившего опрос, а также дата опроса⁹.

Протоколы допросов лица, проходившего проверку, и свидетелей также содержат важнейшую информацию. В начале протокола указаны сведения о том, где, когда и кто проводил допрос гражданина, бывшего в немецком плену; сообщены анкетные и воинско-учетные данные проверяемого. Имеется ссылка на то, что допрашиваемый предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по статье 95 УК РСФСР, под этим пунктом имеется личная подпись допрашиваемого. В протоколе отражены вопросы к проверяемому лицу (и его ответы): когда, где и при каких обстоятельствах он был пленен; где находился после освобождения из плена и чем занимался; допрашивался ли властями союзников после освобождения из плена, сотрудничал ли в плену с немецкими властями; менял ли в плену

⁸ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 3300. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 8760. Л. 1–1 об.

свою фамилию и т.д. В конце протокола имеются подписи допрашиваемого и сотрудника, проводившего опрос¹⁰.

Агентурное донесение представляет собой сообщение секретного агента в органы НКВД (МВД, МГБ) о результатах наблюдения за бывшим военнопленным или угнанным в Германию после его возвращения на постоянное местожительство. В конце донесения отражены мероприятия, которые предстоит осуществить по данному делу. Также дается новое задание источнику (агенту) по наблюдению за проверяемым и выяснению тех или иных сведений о нем. Агентурные донесения заверены сотрудником НКВД (МВД, МГБ).

Личные карточки на военнопленных или мирных граждан, угнанных в Германию в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (перевод с немецкого), содержат анкетные данные, сведения о родных, о воинском звании, названии и номере воинской части, о мирной профессии, о том, когда и где попал в плен, о работе в Германии, пребывании в фашистских лагерях (в том числе – о побегах из них). Нередко на карточках имеются фотографии узников, сделанные в лагерях¹¹.

Рабочая книжка иностранного рабочего (на немецком языке) включает в себя анкетные данные, сведения о родственниках, работе в Германии, о знании немецкого языка и др. Как правило, в рабочей книжке имеется фотография военнопленного, печати, штампы, подписи представителей немецких властей.

Справка Управления МБ РФ (ФСК РФ), подтверждающая пребывание гражданина в плену, состоит из анкетных данных бывшего военнопленного или насильственно вывезенного в Германию, подтверждает сведения о проживании его на оккупированной территории, нахождении в плену, пребывании в фашистских лагерях, об использовании на принудительных работах в Германии, освобождении из плена, о наличии или отсутствии сведений о противоправной деятельности в годы войны. Указывается организация, которой выдается справка, а также основание (номер архивного дела)¹².

Советская законность в отношении бывших военнопленных была восстановлена только 29 июня 1956 г., после принятия поста-

¹⁰ ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 3249. Л. 7–8.

¹¹ Там же. Д. 3266. Л. 7–7 об.

¹² ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 3236. Л. 8.

новления ЦК КПСС и Совета Министров «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»¹³. Были пересмотрены судебные дела и реабилитированы те военнопленные, которые были необоснованно осуждены как изменники Родины.

Карнишин В.Ю.

**Великая Отечественная война:
проблемы современной украинской историографии**

Противоречия переходного периода становления государственности в республиках бывшего Советского Союза в 1990-х – 2000-х гг. не могли не отразиться на состоянии исторической науки. Попытки разработать концептуальные основы новой государственной идеологии во многом предопределили содержание исследований, посвященных советскому прошлому. 65-летие Великой Победы, отмечающееся столь ярко выраженным вниманием среди научных сообществ, политиков, средств массовой информации к осмыслению трагедии и героизма советского народа, – знаковое событие в общественно-политической, культурной жизни народов, связанных общей судьбой. Между тем не следует недооценивать сохраняющееся влияние на проблематику исследований, посвященных различным аспектам войны, откровенной политической конъюнктуры. Данная тенденция достаточно четко проявилась в работах той части историков современной Украины, которая стремится заявить о новых методологических подходах в изучении событий 1941–1945 гг.

Распад СССР оказал влияние на формирование двух тенденций в исследованиях. Одна из них, по мнению украинского историка В.А. Гриневича, – особое внимание роли и месту Украины и украинцев в войне¹⁴. Речь идет об участии 6–7 млн. жителей Украины в

---

¹³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 143–144.

¹⁴ Гриневич В.А. Расколота память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru/nz/2005/2/gri24.html>.

боевых действиях в Красной армии, 200 тыс. – в партизанском движении и советском подполье на оккупированной территории. Погибла 1/6 часть населения республики; 2,3 млн. были угнаны на принудительные работы в Германию; более 700 городов и 28 тыс. сел лежали в руинах, погибло 40 % национального богатства¹⁵. Вторая тенденция – актуализация темы Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. На протяжении двух десятилетий на страницах научных изданий, в периодической печати сохраняется полярность оценок роли украинского национализма в событиях войны.

Третья тенденция связана с заявленным украинским историком А.Е. Лысенко намерением критического осмысления понятийно-категориального аппарата военно-исторических исследований в русле органического процесса самоорганизационной науки¹⁶. Разъясняя свою позицию, А.Е. Лысенко пишет о необходимости формирования новых методологических подходов для уяснения феномена идеологии «руководящей и направляющей» роли Коммунистической партии (заметим, что данная проблема всесторонне исследована российскими историками в 1990-х гг.): с учетом констатации того обстоятельства, что правящая партия «формировалась как специфический номенклатурный орден с соответствующими руководящими органами, исполнительной дисциплиной, методами руководства, формами влияния на социум в целом и отдельных индивидов, идеологической доктриной и особой пропагандистской аурой, которая обрамляла каждую ее акцию и почти сакральное место в государстве и обществе»¹⁷.

На содержание исторических исследований оказывала влияние официальная линия властей. Провозглашение независимости Украины стимулировало действия части элиты и сообщества историков с целью дистанцироваться от «традиционных советских версий», пытаясь разработать новую модель исторической памяти, способной объединить украинцев в новой исторической реальности. Поиски самоидентификации украинской государственности велись в различ-

---

¹⁵ Лисенко О.Є. Правда – істинна і правда кожної людини // Военная история. 2005. № 3–4; Таубман У. Хрущев. М., 2005.

¹⁶ Лисенко О.Є. Деякі методологічні проблеми дослідження історії Другої світової війни // Сторінки військової історії України: збірник наукових статей / відп. ред. В.А. Смолій. Вип. 12. Київ, 2009. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 10–11.

ных направлениях. Принципиальное значение приобрела трактовка событий 1939–1945 и 1941–1945 гг. Заведующий отделом истории Украины Второй мировой войны доктор исторических наук, профессор А.Е. Лысенко в интервью журналу «Воєнна історія» делает вывод о возможности сосуществования трех понятий: «Великая Отечественная война» (принимается воевавшими в Красной армии, освобождавшими СССР и страны Восточной Европы); «немецко-советская война» (термин, лишенный идеологического оттенка) и Вторая мировая война (в пользу данного определения говорит то обстоятельство, что «ветеран УПА не может употреблять термин «Великая Отечественная война»)¹⁸. Более категоричен канадский профессор украинского происхождения Р. Сербин, взгляды которого разделяются сторонниками «украиноцентризма»: «Красная Армия освободила Украину от нацистской Германии, но тем самым принесла украинскому народу не свободу, а вернула сталинскую неволю. Поэтому говорить об освобождении нет смысла. Если для россиян немецко-советская война была действительно «Отечественной», так как принесла им национальное освобождение, то для украинцев только заменила Берлин Москвой. Тогда как «отечественная» версия военных событий делает ставку на триумфе советских Вооруженных сил, «украинская» объявляет о трагической судьбе украинского населения, которое претерпело колоссальные унижения от немецкого и советского народов»¹⁹.

Действительно, разногласия в оценке природы войны отражают социокультурный раскол в современном украинском обществе. Попытки преодоления его путем «отказа от образа врага как гарантии мира в обществе, его консолидации», на наш взгляд, выглядит небесспорными на фоне уравнивания в правах ветеранов Красной армии и Украинской повстанческой, сражавшейся не только с советскими войсками, но и уничтожавшей мирное украинское и польское население.

Не может не вызвать осуждения попытка поставить на одну доску СССР и гитлеровскую Германию, которая свойственна не только

---

¹⁸ Лисенко О.Є. Правда – істинна і правда кожної людини // Воєнна історія. 2005. № 3–4. С. 8.

¹⁹ Сербин Р. Боротьба за історичну пам'ять українського народу [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://www.exlibris.org.ua/vvv/article-end.html>.

канадскому историку. Бывший украинский президент В.А. Ющенко категорично заявил о том, что «Вторую мировую войну вызвали два режима, которые хотели разделить между собой наш континент: коммунистический и нацистский, Сталин и Гитлер. И это их сотрудничество запалило взрывчатку, приведшую к 1 и 17 сентября»²⁰.

Индикаторами политизации исторических исследований на современной Украине стали решения государственной власти. 1 февраля 1993 г. Президиум Верховной Рады утвердил Постановление «О проверке деятельности ОУН–УПА», в связи с чем в 1997 г. была образована рабочая группа для подготовки исторического документа, оценивающего деятельность ОУН–УПА (в состав комиссии вошли ученые Академического института истории Украины, Службы безопасности Украины и Государственного комитета архивов Украины). Раскол, проявлявшийся и в среде украинской политической элиты, отразился на отношении к советскому прошлому. Идея исторического единства народов СССР, прославления героизма и патриотизма народа-победителя, прозвучавшая в выступлении украинского Президента Л.М. Кучмы 8 мая 1995 г. на торжественном собрании в Киеве, как оказалось, не нашла развития в других решениях: 26 ноября 1998 г. им же был подписан указ об установлении Дня памяти жертв Голодомора²¹, трактовка которого впоследствии приобрела в ряде работ историков Украины откровенно антироссийский характер.

5 июля 2006 г. Премьер-министром Украины Ю. Ехануровым было подписано Постановление «Об утверждении Положения об украинском институте национальной памяти», которому придавался статус центрального органа исполнительной власти, чья деятельность направляется и координируется правительством страны. Небезынтересно отметить, что среди задач Института – «определение направлений и методов восстановления исторической правды и справедливости в исследовании истории Украины, координация исследований, которые проводятся в государстве в этом вопросе», «инициирование и координация создания новых мемориальных комплексов,

²⁰ Ющенко: Вторую мировую войну начали Сталин и Гитлер [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.24.ua/news/4b1aa8a98dd17/view_print.

²¹ Мартынов А. Фальсификация истории: синдром украинской гуманитарной науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newzz.in.ua/politic/print>.

сооружение памятников... деятельность по сценическому и другому художественному воплощению героических образов исторического прошлого, в том числе сопротивления фашистскому, другим тоталитарным режимам и политическим репрессиям»; «подготовка предложений относительно окончательной ликвидации символов бывшего СССР», «внесение предложений относительно награждения государственными наградами и ведомственными значками участников борьбы за свободу и независимость Украины»²².

Рассматривая содержание Постановления и реализацию этого положения, можно прийти к ряду выводов. Во-первых, деятельность Института национальной памяти действительно стимулировала работу по введению в научный оборот комплекса архивных документов, ставших хорошо известными научной общественности. Во-вторых, существенно обновлено содержание электронных ресурсов в сети Интернет, посвященных различным аспектам истории Украины (можно приветствовать помещение электронных версий исторических научных журналов, которые позволяют основательно изучить рассекреченные документы, точки зрения украинских и зарубежных исследователей, проблемы, вызывающие достаточно острые дискуссии). В-третьих, решение о создании Института национальной памяти отражает тенденцию администрирования научной деятельности: не случайно, что в тексте Постановления не упомянуто о деятельности Института истории Украины – крупного научного центра страны. 25 декабря 2008 г. Верховная Рада Украины приняла Постановление «О праздновании памятных дат и юбилеев в 2009 г.», согласно которому в 2009 г. в стране должны были отмечаться такие события, как 350-летие битвы под Конотопом, 90-летие освобождения Киева войсками Украинской народной республики, 70-летие начала Второй мировой войны, 65-летие депортации крымских татар, 370-летие со дня рождения И. С. Мазепы, 130-летие со дня рождения С.В. Петлюры.

Знаковым является то обстоятельство, что в перечне отсутствуют 65-летие освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков, что не могло не вызвать резонанс в украинском обществе. 13 января 2009 г. Верховная Рада приняла Постановление о праздни-

---

²² Положение об Украинском институте национальной памяти [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kmu.gov.ua/document/41374120/post3er.doc>.

вании юбилея освобождения страны, где настаивается на соблюдении Закона «Об увековечивании «Победы в Великой Отечественной войне», статьи 2 и 8 которого запрещают фальсификацию истории и проявления фашизма²³.

15 января 2009 г. депутат Верховной Рады В. Колесниченко внес в парламент проект закона «О запрещении реабилитации и героизации фашистских коллаборационистов 1933–1945 гг.», ссылаясь на резолюцию ООН, в которой выражена глубокая озабоченность по поводу прославления нацистского движения и бывших членов организации «Ваффен СС» путем «объявления или попыток объявить таких членов и тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции или сотрудничал с нацистским движением, участниками национально-освободительных движений»²⁴.

Указанные решения отражают достаточно сложные реалии восприятия, интерпретаций и фальсификаций событий Великой Отечественной войны. Стало очевидным доминирование в современной историографии «украиноцентристского» подхода. Днепропетровскими историками В.В. Иваненко и В.К. Якуниным проведен глубокий анализ работ сторонников данного направления²⁵, основные положения которого сводятся, во-первых, к изучению событий войны по национально-территориальному признаку, во-вторых, к акцентированию внимания, прежде всего, на ошибки и просчеты, факты растерянности и плохой управляемости войск, «массовую сдачу» военнослужащих в плен, массовое дезертирование, преимущественно в начальный период войны в западных областях республики и в Крыму; в-третьих, к полному вытеснению русским национализмом интернационализма²⁶.

---

²³ Мартынов А. Фальсификация истории: синдром украинской гуманитарной науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newzz.in.ua/politic/print>.

²⁴ Европа должна дать оценку проекта исторически важного закона Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.from-ua.com/adds/print.php?news/o88a24329c2d1>.

²⁵ Иваненко В.В., Якунин В.А. Кто такие «украиноцентристы» и как они воюют против правды истории // Историчні і політичні дослідження. Видання Донецького національного університету. 2009. № 1(47). С. 178–186.

²⁶ Иваненко В.В., Якунин В.А. Кто такие «украиноцентристы» и как они воюют против правды истории // Историчні і політичні дослідження. Видання Донецького національного університету. 2009. № 1(47). С. 178, 184.

Рассматривая содержательную основу «украиноцентризма», директор Международного института новейших государств А. Мартынов обращает внимание на то, что «рабочая группа историков» во главе с заместителем директора Института истории Украины С.В. Кольчугиным в 2005 г. представила правительству «новый взгляд» на историю ООН и УПА. В основе его – отрицание вековой дружбы между русским и украинским народами; «деструкция советских мифов» – полное отрицание освободительного, прогрессивного и героического характера Великой Отечественной войны; изображение Украины «российской колонией», украинского народа – «угнетенной нацией»; гиперболизация деятельности националистов в качестве «истинных патриотов» и «национально-освободительного движения»²⁷.

Квинтэссенцией «украиноцентризма» стали материалы круглых столов, проводимых Институтом национальной памяти²⁸, исследования В.А. Гриневича, С.В. Кульчицкого, А.Е. Лысенко, И.К. Патрыляка, В.И. Сергійчука²⁹.

Выдвинутые положения требуют, на наш взгляд, должного внимания. Откровенно голословна одна из сентенций и.о. директора Института национальной памяти И.Р. Юхновского. Признавая действительно большие потери Украины в годы войны, историк приходит к сногшибательному выводу: «...Мы знаем, были украинские фронты, украинские генералы, маршалы, Герои Советского Союза – выходцы с Украины, но **все это приписывает себе Россия**» (*выделено нами – В.К.*)³⁰. Остается сожалеть, что организатор науки полностью проигнорировал многочисленные работы не только советских, российских, но и украинских историков, суждения которых отличаются фундаментальным подходом и глубокой аргументацией.

²⁷ Мартынов А. Фальсификация истории: синдром украинской гуманитарной науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newzz.in.ua/politic/print>.

²⁸ <http://www/memory.gov.ua/data/uploadpublication/main/ua>.

²⁹ Україна і Росія в історичній ретроспективі: нариси в 3 т. / В.А. Гриневич, В.М. Даниленко, С.В. Кульчицький, О.Є. Лисенко. Т. 2: Радянський проект для України. Київ, 2000; Лисенко О.Є. До питання про початок Другої світової війни та німецької агресії проти СРСР // Сторінки воєнної історії України. Вип. 7. Ч. 1. Київ, 2003. С. 29–35; Патрыляк І.К. Військова діяльність ООН(б) у 1940–1942 рр. Київ, 2004; Сергійчук В.І. Німці в Україні. Київ, 1994.

³⁰ <http://www/memory.gov.ua/data/uploadpublication/main/ua>.

В монографиях М.В. Ковалья³¹ подвергается критике позиция сторонников оккупации Украины, которую освобождала многонациональная Красная армия, в составе которой были миллионы украинцев.

Бездоказательными представляются суждения И.К. Патрыляка, которые требуют дословного цитирования: «Следует посмотреть на мобилизации 1943 г. в контексте того, не носили ли они геноцидного характера, так как известно, что сталинское руководство считало украинцев подозрительными хотя бы потому, что они были под оккупацией, а поэтому имели доступ к другой, несоветской пропаганде и агитации (немецкой или националистической, или иной). Поэтому целью было максимально «выгребать» этих людей в армию, чтобы там их перевоспитать, а кого не удастся перевоспитать – пусть погибнет под немецкими пулями»³².

Подобные умозаключения, не подкрепленные сколь-либо аргументированными доказательствами, могут впечатлить часть общества, не отягощенную знаниями по истории войны, трагедия которой заключалась в мобилизации не только молодых людей из Украины, но и из других республик Советского Союза.

В современной украинской историографии огромное место занял пласт работ, посвященных феномену ОУН и УПА в событиях войны³³, где делается вывод о том, что эти структуры представляли собой «организованное патриотическое военное движение, участники которого квалифицируются как комбатанты»³⁴. При этом читатель может прийти к выводу, что боевые действия оуновцев против Красной армии сродни борьбе против оккупантов, что явно не корреспондируется с трактовкой понятия «сопротивление в период Второй мировой войны».

---

³¹ Коваль М.В. Україна у Другій світовій та Великій Вітчизняній війнах 1939–1945 рр.: спроба сучасного концептуального бачення. Київ, 1994; Коваль М.В. Україна: 1939–1945. Маловідомі і непрочитані сторінки історії. Київ, 1995.

³² <http://www/memory.gov.ua/data/uploadpublication/main/ua>.

³³ Сергійчук В.І. ОУН-УПА в роки війни. Київ, 1996; Шаповал Ю. ОУН і УПА на терені Польщі (1944–1947 рр.). Київ, 2000; ОУН в 1941 році: Документи. Ч. 1–2. Київ., 2006.

³⁴ Веденєв Д.В., Лисенко О.Є. Військово-політична діяльність ОУН та УПА у світлі норм міжнародного гуманітарного права // Український історичний журнал. 2007. № 3. С. 46–65.

Изданная в 2006 г. монография В.В. Иваненко и В.В. Якунина, посвященная историографическим и методологическим аспектам изучения ОУН и УПА в годы Второй мировой войны, заслуживает особого внимания³⁵. Авторами подвергнута критике тоталитарная идеология «интегрального национализма»³⁶, осуждаются попытки не только реабилитировать ОУН и УПА, но и пересмотреть итоги Великой Отечественной войны³⁷.

На наш взгляд, часть украинских историков достаточно своеобразно интерпретирует контакты УПА с германским командованием, структурами Гестапо и службы безопасности Третьего рейха. В документах этих структур, обнародованных еще с 1990-х гг. СБУ, приведены бесспорные факты, явно не свидетельствующие о принадлежности оуновцев к Движению Сопротивления: «Солдаты УПА не будут нападать на немецкие подразделения... Пленные Красной Армии, а также советские банды передаются 1-Ц для допроса...». В донесении от 4 апреля 1944 г. губернатору Галиции окружного руководителя Неринга отмечалось, что «планы бандеровцев направлены не к тому, чтобы работать во вред немецким интересам, а против действующих на всем пространстве русских...»³⁸.

Изучение событий Великой Отечественной войны в современной Украине следует рассматривать в контексте кризиса советской историографии на излете горбачевской «перестройки», формирования новых научных направлений, заимствования (зачастую некритического) методологических подходов американских и западноевропейских историков и политологов. Немаловажное значение имеет проблема отношения к ценностям и традициям советской эпохи на фоне складывания государственности в республиках бывшего СССР. Происходящие изменения в оценках событий войны политиками современной Украины достаточно хорошо видны в последнее время. Речь идет, в частности, об упоминании минувшей войны как «Великой Отечественной» в выступлении Президента Украины В.Ф. Януко-

---

³⁵ Иваненко В., Якунин В. ОУН і УПА у Другій світовій війні: проблеми історіографії та методології. Дніпропетровськ, 2006.

³⁶ Там же. С. 74–75.

³⁷ Там же. С. 147.

³⁸ Довідка СБУ про діяльність ОУН–УПА (№ 113 від 30.07.1993) [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://www.zalupa.info/content/view/216>.

вича на параде в Киеве 9 мая 2010 г.³⁹ Тем не менее, следует отметить, что восприятие событий войны претерпело достаточно глубокую переоценку частью украинского общества. На Международной научной конференции «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и Европейского Союза: проблемы, подходы, интерпретации» (8–9 апреля 2010 г.), проведенной Российским институтом стратегических исследований, было обращено внимание на содержательную часть национальной версии Великой Отечественной войны, составными элементами которой, в частности, являются: Украина внесла огромный и неоцененный вклад в разгром фашистской Германии и понесла самые большие потери во Второй мировой войне; преуменьшение роли советского партизанского движения и преувеличение роли УПА-ОУН; признание Украины жертвой двух тоталитарных режимов – фашистской Германии и СССР; солдаты и офицеры немецкой дивизии СС «Галичина» не являются военными преступниками⁴⁰. Нельзя не преуменьшать значимости воздействия односторонне политизированных оценок на воспитание новых поколений граждан Украины. Величие Победы, память о погибших и уважение к ветеранам Великой Отечественной войны – фундамент, на основе которого могут изучаться события войны, без забвения прошлого и с вниманием к новым документам.

Буранок С.О.

Создание запасной столицы в оценках американской прессы

В октябре 1941 г. внимание американских периодических изданий было сосредоточено не только на военных событиях Восточного фронта, но и на переезде посольств и части правительства из Москвы в Куйбышев. Последнее было для журналистов Соединенных Штатов особенно интересным, так как предоставляло возможность расширить представления граждан США о Советском Союзе. В кон-

³⁹ <http://censor.net.ua/go/offer/ResourceID/158286.html>.

⁴⁰ Гузенкова Т.С. С чем мы вступили в этап сохранения памяти о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.world-war.ru/printer_1368.html.

це 1941–1942 гг. каждая газета Соединенных Штатов, за редчайшим исключением, не обходилась без упоминания Куйбышева. Именно из газет граждане США узнали о существовании запасной столицы. А дальнейшие сведения об истории города, его географии, природно-климатических особенностях сформировали первый образ города на Волге.

Как удалось установить, в период с 22 июня по 18 октября 1941 г. информации о городе на Волге в американских газетах нет (было изучено более 100 наименований периодических изданий почти из 30 штатов). Первое массовое упоминания Куйбышева произошло 18 октября 1941 г. – сразу в пяти изданиях были напечатаны короткие сообщения об «отъезде дипломатов и советского МИДа из Москвы и прибытии их в Куйбышев»⁴¹.

Во всех пяти периодических изданиях опубликован одинаковый текст со ссылкой на Рим: «Рим. 18 октября. Авторитетный источник в Риме сообщил, что дипломатический корпус, который убыл из Москвы, прибыл в Куйбышев, на р. Волга в 550 милях на восток от осажденной советской столицы и в 200 милях к югу от Казани»⁴². Это основная часть сообщения, идентичная во всех заметках. Только в издании «Виннипег Фри Пресс» слова «авторитетный источник» были заменены на «фашистский оратор», а «сообщил» на «утверждал»⁴³.

Исходя из скудности информации, редакторы постарались разнообразить ее заголовками. Так в «Дэйли Тайм Ньюз» (Северная Каролина) данный текст снабжен заголовком «Дипломаты бегут»⁴⁴. Еще более жестко высказались журналисты из калифорнийского издания «Френзо Би Рипаблкан»: «Куйбышев сообщает: красные бегут из столицы», стремясь выдать отъезд дипломатов за паническую эвакуацию Москвы⁴⁵. Зато в «Гастония Дэйли Гэззет» и «Виннипег Фри Пресс» решили подобную неточную, неавторитетную и неподробную информацию в отдельную заметку не оформлять, поместив в

---

⁴¹ Daily Times-News. 1941. October 18. P. 5; The Frenso Bee Republican. 1941. October 18. P. 1A; Gastonia Daily Gazette. 1941. October 18. P. 2; Oakland Tribune. 1941. October 18. P. 8; Winnipeg Free Press. 1941. October 18. P. 7.

⁴² Daily Times-News. 1941. October 18. P. 5.

⁴³ Winnipeg Free Press. 1941. October 18. P. 7.

⁴⁴ Daily Times-News. 1941. October 18. P. 5.

⁴⁵ The Frenso Bee Republican. 1941. October 18. P. 1A.

раздел «Сообщения». В калифорнийской газете «Окленд Трибьюн» текст с упоминанием Куйбышева поместили в статью о положении дел на русском фронте. Также данное издание указывает состав американской миссии: посол Лоуренс Штейнхардт, два секретаря, три чиновника и 10 корреспондентов⁴⁶.

Итак, в первый день создания образа Куйбышева были сообщены американскому обществу лишь самые общие географические сведения о городе и его значении. Подобный географический интерес свойственен не только прессе, но и мемуаристам. Так, журналист Э. Гилмор, узнав об эвакуации в Куйбышев, задается вопросом: «Куйбышев? Где же этот Куйбышев?»⁴⁷.

Очевидно, что при знакомстве американцев с запасной столицей их более всего волновало ее положение относительно известных обществственности Соединенных Штатов ориентиров – Москвы, Казани и Волги. Так же поступает и Гилмор в своих мемуарах⁴⁸. Зато американских дипломатов этот вопрос почти не заинтересовал. Например, Дж. Кеннан упоминает только «недавнее переселение посольства в Куйбышев»⁴⁹. Никаких дополнительных сведений он не сообщает. Так же поступает и Л. Генерсон – сотрудник посольства, эксперт по Ближнему Востоку, пробывший в резервной столице до лета 1942⁵⁰. А Дж. Мэлби, специалист по Юго-Восточной Азии и России, говорит о Куйбышеве, совершенно не вдаваясь в подробности и уточнения: «В 1943 г. я прибыл в Куйбышев, где все еще располагалось наше посольство»⁵¹. Вероятно, дипломаты после войны считали, что месторасположение Куйбышева теперь известно большинству американских граждан, но в 1941 г. эту известность предстояло только создать.

На следующий день, 19 октября 1941 г., в освещении дел в запасной столицы наступает перерыв. Лишь одна газета – техасская «Гэлвестоун Дэйли Ньюз» публикует заметку, идентичную сообще-

⁴⁶ Oakland Tribune. 1941. October 18. P. 8.

⁴⁷ Gilmore E. Me and My Russian Wife. New York, 1954. P. 29.

⁴⁸ Gilmore E. Me and My Russian Wife. New York, 1954. P. 29–30.

⁴⁹ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 121.

⁵⁰ Truman Library. Oral History Interviews. Oral History Interview with Loy W. Henderson.

⁵¹ Truman Library. Oral History Interviews. Oral History Interview with John F. Melby.

нию от 18 октября⁵². Связано это было, прежде всего, с отсутствием дополнительной информации. Зато 20 октября Куйбышев становится широко известен: дипломаты и корреспонденты прибывают в город⁵³. И эту новость старается сообщить гораздо большее количество периодических изданий, чем предыдущее сообщение из Рима.

По нашим подсчетам, о Куйбышеве в этот день написали 25 американских газет. Подобный высокий показатель обусловлен началом деятельности корреспондентов из агентства «Ассошиэйтед пресс». Об этом пишет Э. Гилмор⁵⁴. Г. Кэссиди так же отмечает, что с первых дней пребывания в Куйбышева необходимо было составлять коммюнике, получать сообщения, присутствовать на пресс-конференциях⁵⁵. Благодаря этой интенсивной работе «Ассошиэйтед пресс» весьма оперативно получило первую, очень важную информацию о Куйбышеве, что незамедлительно отразилось в американской прессе. Все газетные заметки от 20 октября идут со ссылкой на данное агентство. Этим объясняется полное сходство материалов этого дня о Куйбышеве, которые содержали как новые сведения, так и повторяли старые от 18 октября. К последним относятся:

Во-первых, постоянные указания месторасположения города по отношению к «советской столице и Казани»⁵⁶. В отличие от первого упоминания Куйбышева, теперь журналисты по-разному определяли расстояние от города на Волге до Москвы: либо в 550 миль (наиболее распространенная версия), либо в 540 миль.

Во-вторых, как и в изданиях от 18 октября, все газеты писали о переезде американского посла Штейншардта как о главном событии, обусловившем известность Куйбышева⁵⁷.

Новой информации относительно Куйбышева в прессе США 20 октября появляется значительно больше, чем ранее. Прежде всего, следует отметить, что каждая из выявленных нами 25 американских

---

⁵² Galveston Daily News. 1941. October 19. P. 2.

⁵³ Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России. Самара, 2006. С. 242.

⁵⁴ Gilmore E. Me and My Russian Wife. New York, 1954. P. 52–55.

⁵⁵ Cassidy H. Moscow Dateline: 1941 – 1943. Boston, 1943. P. 154.

⁵⁶ Brownsville Herald. 1941. October 20. P. 2.

⁵⁷ The Capital Times. 1941. October 20. P. 4; Daily Courier. 1941. October 20. P. 2; Brownsville Herald. 1941. October 20. P. 2; San Antonio Light. 1941. October 20. P. 3; Cumberland Times. 1941. October 20. P. 2.

газет сообщила о прежнем названии города – Самара, которое стало употребляться журналистами наравне с «Куйбышевым» и «городом на Волге»⁵⁸. Подобное разнообразие вариантов обозначения второй столицы встречается, в основном, в прессе. В мемуарах и дневниках американские корреспонденты и политики строго придерживались названия «Куйбышев»⁵⁹.

Помимо этого были установлены имена некоторых репортеров, прибывших 20 октября. Все газеты сообщали о Генри Кэссиди и Роберте Мэдждудфе – основных корреспондентах Соединенных Штатов в СССР. Также особо отмечался в американских газетах «приезд японского посла в бывшую Самару»⁶⁰. Но упоминалось лишь его имя – Татекава Юсицуги⁶¹. Только репортеры из «Капитал Таймс» (Висконсин) установили звание посла – генерал⁶². Перечень прибывших в Куйбышев дипломатов и журналистов традиционно завершается сообщением об «эвакуации последней части советского правительства в город»⁶³. Как видно, вся новая информация 20 октября только отчасти касалась Куйбышева, а в основном была посвящена людям, в него прибывшим.

Важной особенностью материалов о запасной столице на данной этапе явилось отсутствие сообщений в наиболее популярных и влиятельных изданиях. Исключением была одна из наиболее авторитетных газет США – «Нью-Йорк Таймс». Впервые с 22 июня 1941 г. Куйбышев появился на страницах данного издания 19 октября. В статье Эдвина Джеймса «Великий вопрос: будет ли Россия сражаться?» упоминается начавшийся переезд советского правительства и

---

⁵⁸ Waterloo Daily Courier. 1941. October 20. P. 2; The Capital Times. 1941. October 20. P. 4.

⁵⁹ Gilmore E. Me and My Russian Wife. New York, 1954. P. 29–30; 45–54; Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 121.

⁶⁰ San Antonio Light. 1941. October 20. P. 3.

⁶¹ Brownsville Herald. 1941. October 20. P. 2; Greeley Daily Tribune. 1941. October 20. P. 3; Clearfield Progress. 1941. October 20. P. 2.

⁶² The Capital Times. 1941. October 20. P. 4. На самом деле японский посол Татекава имел звание генерал-лейтенанта: Клавинг В.В. Япония в войне 1931–1945. СПб., 2000. С. 302.

⁶³ Sheboygan Press. 1941. October 20. P. 2; Wisconsin Rapids Daily Tribune. 1941. October 20. P. 3; San Antonio Light. 1941. October 20. P. 3.

дипломатов в резервную столицу. Автор задавался вопросом, не является ли это признаком паники, подготовки Москвы к сдаче и прекращению борьбы⁶⁴.

Но 21 октября 1941 г. «Нью-Йорк Таймс» публикует уже две статьи на первой полосе, посвященные Куйбышеву. Первая, наибольшая, вышла с громким заголовком: «Русские переносят столицу на Волну»⁶⁵. Сразу заметно, что такое название статьи сильно отличается от рассмотренных нами ранее. Журналисты солидного издания выделили здесь главное политическое событие: не переезд дипломатов, не прибытие американских корреспондентов, не географическое положение города, а перенос столицы из Москвы в Куйбышев. Репортеры из других газет либо упоминали об этом как деле второстепенном, либо игнорировали совсем. При этом основной текст сообщения, как и в остальных газетах, базируется на информации «Ассошиэйтед пресс», но не копирует ее. В «Нью-Йорк Таймс» 21 октября описывается и месторасположение Куйбышева, и прибытие американских граждан в город, «которые известили нас о своем прибытии на специальном поезде советского МИДа»⁶⁶. Новых сведений о Куйбышеве по сравнению с другими газетами «Нью-Йорк Таймс» не публикует. Так же поступают 21 октября и редакторы двух других солидных изданий – «Вашингтон Пост» и «Чикаго Дэйли Трибьюн».

Вашингтонская газета публикует на второй странице две статьи о Куйбышеве, одна из которых с традиционным названием «Журналисты США достигли новой советской столицы». Материал основан на сведениях прошедшего дня: отмечается лишь, что «посол Л. Штейнхарлт прибыл в Куйбышев (Самара) в сопровождении дипломатов и корреспондентов после пятидневного путешествия из Москвы»⁶⁷. «Чикаго Трибьюн» также публикует две статьи в этот день, посвященные Куйбышеву на первой и шестой страницах⁶⁸.

Благодаря названным публикациям в трех авторитетных периодических изданиях, 21 октября 1941 г. Куйбышев становится известен

⁶⁴ New York Times. 1941. October 19. P. 1.

⁶⁵ New York Times. 1941. October 21. P. 1.

⁶⁶ New York Times. 1941. October 21. P. 1.

⁶⁷ The Washington Post. 1941. October 21. P. 2.

⁶⁸ Chicago Daily Tribune. 1941. October 21. P. 1, 6.

всей Америке. В значительной степени этому способствовала и специфика подачи материалов – на первой полосе, за исключением чикагской газеты. Пресса малых и средних городов США также внесла в этот день ощутимый вклад в освещение дел временной столицы.

В первую очередь, следует отметить, что 21 октября появились первые фотографии города на Волге в американских газетах. Первенство здесь принадлежит изданию штата Висконсин «Ла Кроззе Трибьюн». На второй странице помещен не очень четкий снимок площади Революции. Любопытна подпись к фотографии: «Площадь Ленина в Куйбышеве – новой военной столице России, так как Москва стала осажденной крепостью»⁶⁹. К сожалению, пока не удалось выяснить автора снимка. Очевидно, что он сделан до войны, причем не слишком информированным человеком, который из-за памятника Ленину ошибся с названием площади. Журналисты из «Ла Кроззе Трибьюн» никак не могли совершить подобную ошибку, так как памятник виден чрезвычайно плохо, и установить, в честь кого он, совершенно невозможно, следовательно, они воспользовались старой подписью. Тем не менее, это первая фотография, с помощью которой стал создаваться визуальный образ советской временной столицы.

Еще одним важнейшим событием 21 октября стала публикация во многих газетах обстоятельной статьи Уоллеса Кэрролла – ведущего сотрудника агентства «Юнайтед Пресс» в СССР⁷⁰. Различные варианты данного репортажа были опубликованы как минимум в четырех периодических изданиях: «Вашингтон Пост», «Шибойгэн Пресс» (Висконсин), «Висконсин Стэйт Джорнал» (Висконсин), «Видетте Мэсэнджер» (Индиана)⁷¹. Наиболее полную версию напечатала газета «Шибойгэн Пресс». В ней материал разбит на три части, каждая из которых посвящена одной теме⁷². Первая часть статьи точно такая же,

⁶⁹ La Crosse Tribune and Leader Press. 1941. October 21. P. 2.

⁷⁰ Архив У. Кэрролла хранится в Библиотеки Конгресса США: Library of Congress. Papers. В 1942 г. У. Кэрролл издает книгу о своем пребывании в России: Carroll W. Inside Warring Russia: An Eye-Witness Report on the Soviet Union's Battle. New York, 1942.

⁷¹ The Washington Post. 1941. October 21. P. 2; Sheboygan Press. 1941. October 21. P. 7; Wisconsin State Journal. 1941. October 21. P. 12; Vidette Messenger. 1941. October 21. P. 1.

⁷² The Washington Post. 1941. October 21. P. 2; Sheboygan Press. 1941. October 21. P. 7.

как и в других газетах 20–21 октября. Здесь Кэрролл рассказывает о переезде американского посла и журналистов, отмечая, что «Юнайтед Пресс» в Куйбышеве представляют Генри Шапиро⁷³, М. Хендлер и сам Кэрролл. Вторая часть статьи более интересна – в ней дается характеристика города. Кэрролл, прежде всего, отмечает, что Куйбышев находится в 540 милях от Москвы и является важным современным промышленным и сельскохозяйственным центром Советского Союза. Журналист также указывает национальный состав населения Куйбышева: русские, поляки, чуваша, мордва и татары. Но ошибается с количеством жителей – сообщает лишь о 171 тысяче человек⁷⁴.

Помимо скурых данных о Куйбышеве, которые перепечатывали многие газеты 18–21 октября, Кэрролл старается «оживить» их, создать нормальное описание, передать хотя бы частично атмосферу того места, где он находится. Причем журналист делает это очень кратко: «Город находится в области с таким же названием. Она простирается по обеим сторонам восточной петли Волги в месте слияния с рекой Самара. Здесь длинные, холодные зимы, полные снежных бурь»⁷⁵. Всего в нескольких предложениях Кэрролл не только описывает своим читателям климат военной столицы, но и сообщает важную информацию: впервые упоминается Куйбышевская область. Географические сведения также сильно отличаются от традиционных для прессы США, хотя никакой специальной информации для этого Кэрроллу не потребовалось – достаточно было взглянуть на карту, но из американских журналистов в период 18–21 октября он сделал это первым.

Кэрролл также одним из первых среди репортеров Соединенных Штатов создает классический образ зимнего Куйбышева, используя слова «снежные бури», «мороз», «холод». Идентичная картина наблюдается и в мемуарах. Э. Гилмор. Рассказывая о своем первом впечатлении от второй столицы, он употребляет часто выражения «заснеженный Куйбышев», «обледенелый вокзал», «скованный

---

⁷³ Его воспоминания хранятся в Библиотеке Конгресса США: Library of Congress. Henry Shapiro Papers. Box 137.

⁷⁴ Sheboygan Press. 1941. October 21. P. 7. Тогда как на 1941 г. число жителей Куйбышева составляло 390 тысяч человек. См.: Ванчинов Д.П. Военные годы Поволжья 1941–1945. Саратов, 1980. С. 62.

⁷⁵ The Washington Post. 1941. October 21. P. 2; Sheboygan Press. 1941. October 21. P. 7.

льдом»⁷⁶. Но необходимо учитывать, что Гилмор прибыл в Куйбышев перед Днем Благодарения в конце ноября и описывал представшую перед ним реальность, а Кэрролл 20 октября передавал традиционный образ русской зимы⁷⁷.

После природно-климатического описания Кэрролл характеризует в своей статье экономику второй столицы, делая упор на транспортную систему, а также дает описание промышленности и сельского хозяйства: «Отрасли промышленного производства включают машиностроение, мельницы, пивоваренные заводы, спичечные фабрики, лесопилки. Также производят кумыс (збродившее молоко кобылы)»⁷⁸. Ограниченность такого обзора может объясняться тем, что в специфике куйбышевской промышленности было очень мало экзотического, «чисто русского», что могло понравиться американским читателям.

Третья, заключительная часть статьи Кэрролла, примечательна тем, что повествует об истории города. Об истории Куйбышева Кэрролл пишет: «Город был основан в 1586 г. как связующее звено между Казанью и Астраханью, только что завоеванными Россией. В XVII–XVIII веках это центр восстаний, но после город становится важным центром коммуникаций для русской экспансии на восток. Куйбышев вошел в события большевистской революции, когда в 1918 г. чешские солдаты перевезли в город золотой запас России для нужд сторонников царизма. Но из-за угрозы захвата были вынуждены вывезти его из Куйбышева»⁷⁹. Видно, что в статье Кэрролл в первую очередь создавал образ второй столицы, используя привычные для американского общества стереотипы восприятия России, а достоверное освещение истории города – для журналиста дело второстепенное. Поэтому материал Кэрролла содержит наиболее известные американским гражданам штампы о России: «русская экспансия», «антиправительственные восстания», «большевистская революция», «царизм». Завершает этот перечень упоминание о голо-

⁷⁶ Gilmore E. *Me and My Russian Wife*. New York, 1954. P. 52–53.

⁷⁷ Согласно мемуарам Г. Кэссиди 20 октября в Куйбышеве было солнечно и умеренно тепло: Cassidy H. *Moscow Dateline: 1941–1943*. Boston, 1943. P. 154.

⁷⁸ *The Washington Post*. 1941. October 21. P. 2; Sheboygan Press. 1941. October 21. P. 7.

⁷⁹ Sheboygan Press. 1941. October 21. P. 7.

де в Куйбышевской области в 1921 г., который «произошел, несмотря на чрезвычайно плодородную почву региона»⁸⁰.

Дополняет данную картину Кэрролл сведениями о том, что «зима со свирепыми ветрами, заметающими поверхность тяжелым снегом, здесь длится пять месяцев, а перепады температуры составляют более 70 градусов»⁸¹. В итоге, в своей статье журналист создал весьма нелицеприятный образ запасной столицы, где отвратительный климат и страшная, агрессивная история. Появление такого специфического образа отчасти может быть объяснено настроениями, которые доминировали среди только что прибывших журналистов. В своих воспоминаниях Кэрролл, Гилмор и Кэссиди отмечают: во-первых, утомительное путешествие и очень нежелательный отъезд из Москвы⁸²; во-вторых, разочарование от самого города Куйбышева, которое постигло их уже на вокзале; в-третьих, уныние, произведенное жильем – «Гранд Отелем»; в-четвертых, ужас от еды⁸³. Все эти «неприятности» могли оказать существенное воздействие на характер первых статей, что мы и наблюдаем в материале Кэрролла.

В этот же день – 21 октября 1941 г. – в американских средствах массовой информации произошло еще одно значимое событие, связанное с Куйбышевым. В ведущем издании г. Мэдисон «Висконсин Стэйт Джорнал» сокращенный вариант статьи Кэрролла был напечатан вместе с картой России, где была отмечена вторая столица⁸⁴. Насколько удалось установить, это первая публикация статьи о Куйбышеве, снабженная картографическим материалом.

Благодаря перечисленным факторам, 21 октября 1941 г. можно считать важнейшим рубежом в формировании представлений американского общества о Куйбышеве. Именно в этот день разрозненные и отрывочные публикации о второй столице сформировались в целостный информационный поток, охватывающий почти все основные периодические издания каждого штата. А главное, с этого времени тема Куйбышева постоянно поднимается на страницах

⁸⁰ The Washington Post. 1941. October 21. P. 2.

⁸¹ The Washington Post. 1941. October 21. P. 2.

⁸² Гилмор пишет, что из поездки по Советскому союзу похудел на 30 фунтов: Gilmore E. Me and My Russian Wife. New York, 1954. P. 52.

⁸³ Gilmore E. Me and My Russian Wife. New York, 1954. P. 55; Cassidy H. Moscow Dateline: 1941–1943. Boston, 1943. P.155.

⁸⁴ Wisconsin State Journal. 1941. October 21. P. 12.

ведущих американских газет, что обеспечивает быстрое распространение сведений о «военной столице» и охват широких слоев населения Соединенных Штатов. Следовательно, период с 18 по 21 октября можно признать временем зарождения информационного обеспечения второй столицы в американской прессе. В дальнейшем наибольшее развитие получают те тенденции создания образа Куйбышева, которые были заложены в данный начальный период.

Кабирова А.Ш.

Современная историография истории Татарстана периода Великой Отечественной войны

Изучение, обобщение исторического опыта советского народа по обеспечению победы в Великой Отечественной войне является сегодня ведущим направлением отечественной историографии. Прочный интерес к годам военного лихолетья неизменно сохраняется и среди исследователей истории Татарстана⁸⁵. За долгие годы сложилась республиканская историография данной проблемы: выпущены сотни книг, статей, брошюр. Различные аспекты темы стали предметом изучения в кандидатских и докторских диссертациях. В целом, историографию истории Татарской АССР военных лет можно подразделить на несколько периодов:

1941–1956 гг. – включает в себя два подраздела: годы Великой Отечественной войны и послевоенное время;

Вторая половина 1950-х гг. – середина 1980-х гг. – охватывает период после XX съезда КПСС до «перестройки» 1985 г.; условно это время историками тоже подразделяется, как правило, на два этапа, при этом хронологической гранью является 1964 г.

---

⁸⁵ В годы Великой Отечественной войны республика называлась ТАССР (Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика). После принятия Декларации о суверенитете 30 августа 1990 г. она стала именоваться Республикой Татарстан или Татарстаном. В связи с тем, что эти названия достаточно быстро прижились и прочно укоренились среди населения и, кстати, совершенно естественно воспринимались и в более ранние периоды истории, мы посчитали возможным в тексте статьи использовать оба варианта.

Вторая половина 1980-х гг. – по настоящее время – современный или новейший период.

Выделение основных этапов разработки темы позволяет выявить качественные характеристики и особенности изучения истории республики в годы Великой Отечественной войны в каждый из обозначенных периодов, определить общие тенденции и раскрыть местные специфические отличия. Но при этом не следует забывать, что предложенная периодизация является весьма условной, так как каждый из исследователей при изучении своей проблемы, как правило, выдвигает собственную дифференциацию, при этом достаточно убедительно аргументируя обозначенную позицию⁸⁶.

Учитывая, что первые периоды историографии темы ранее уже довольно подробно освещались в работах наших предшественников, мы в своей статье предлагаем ограничиться анализом состояния и перспектив изучения истории Татарстана военных лет на современном этапе.

Начиная с 1985 г., историческая наука вступила в сложную и противоречивую фазу своего развития, когда процессы перестройки, гласности в экономической, политической и культурной сферах жизни общества вызвали потребность в переосмыслении многих явлений нашего исторического прошлого. Эти кардинальные изменения заложили предпосылки новейшего периода и в историографии Великой Отечественной войны. В 1991 г. с распадом Советского Союза и сменой идеологической парадигмы у российских специалистов появились более широкие возможности для выражения свободы научного творчества. Рассекречивание архивов и включение в научный оборот неизвестных документов из спецхранов позволили ученым выйти за рамки изначальной заданности параметров советской историографии, закрыть пробелы в освещении сюжетов военного времени, преодолеть былую конъюнктурность и тенденциозность в оценках происходивших в тяжелые годы войны событий.

В Татарстане современный этап историографии темы, как и в большинстве регионов, ознаменовался выходом достаточно большо-

---

⁸⁶ Решая для себя проблемы периодизации, историки Татарстана опираются на труды признанных отечественных ученых и военных: А.М. Самсонова, П.А. Жилина, Г.А. Куманева, М.А. Гареева, Г.А. Докучаева, Г.В. Серебрянской, Р.Р. Хисамутдиновой, Ю.А. Перчикова и др.

го количества трудов по истории республики военного периода. Рассмотрим эти работы, традиционно подразделив их на отражающие трудовые свершения и фронтовые подвиги татарстанцев.

Выход новых обобщающих книг и изданий по *тыловой проблематике* в центре⁸⁷ сподвигнул историков Татарстана к продолжению изучения уже поставленных в региональной историографии вопросов, касавшихся различных проблем и аспектов создания экономического и культурного фундамента для разгрома врага, с новых позиций, а также к постановке ранее неисследованных тем. Основными научными центрами по изучению истории Великой Отечественной войны в республике являлись Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, после его реорганизации (в 1997 г.) – Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан и Казанский государственный университет им. Ульянова-Ленина.

Примечательно, что идейным вдохновителем и наставником многих молодых исследователей в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в 1990-х гг. являлся известный специалист по военной истории Татарстана З.И. Гильманов. Напомним, что именно ему принадлежит заслуга создания первых комплексных монографий по истории республики периода Великой Отечественной войны. Еще в 1977 г. вышла книга ученого «Татарская АССР в Великой Отечественной войне», раскрывающая роль республики как важного тылового региона страны, в 1981 г. – его же работа «Трудящиеся Татари на фронтах Великой Отечественной войны», посвященная боевым подвигам татарстанцев в разгроме фашизма⁸⁸. Одновременно с З.И. Гильмановым

⁸⁷ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985; История советского крестьянства. В. 5 тт. Т. 3. Крестьянство накануне в годы Великой Отечественной войны 1938–1945 / отв. ред. М.И. Вылцан. М., 1987; Очерки советской культуры в годы Великой Отечественной войны. М., 1987; Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / отв. ред. Г.А. Куманев. М., 1988; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943 / отв. ред. А.В. Митрофанов. М., 1989; Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди / под общей ред. А.Т. Кинкульдина. М., 1989.

⁸⁸ Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977; Его же. Трудящиеся Татари на фронтах Великой Отечественной войны. Казань, 1981; Его же. Без сугышта юлбарыстан кочлебез (Мы в бою сильнее тигров). Казань, 1984. На тат. яз.

тему вклада Татарстана в победу над фашизмом на предыдущем этапе историографии детально разрабатывали коллеги и ученики З.И. Гильманова: А.М. Залялов, Р.А. Худякова, А.К. Айнутдинов, М.А. Пьянов, Ф.Ф. Ибрагимов, В.Ф. Телишев и многие др.⁸⁹

В 1990-х гг. под научным руководством З.И. Гильманова был поднят новый круг проблем истории Татарстана военного периода. С.К. Хайрутдинов в своей работе «Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» впервые в комплексном виде охарактеризовал всю периодику, издаваемую в республике в военные годы. Г.В. Мазитова рассмотрела деятельность творческих союзов Татарстана; материалы ее диссертации «Учреждения и деятели искусств ТАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» позволили отразить широкую панораму светской культурной жизни в регионе. А.Ш. Асылгараева в исследовании «Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны» в целостном виде показала роль женщин республики в различных сферах жизни общества в военный период; при этом она впервые, пожалуй, в республиканской историографии заострила внимание на негативных последствиях, которые оказывали на женщин повышенные нагрузки во время работы в общественном производстве республики в 1941–1945 гг. Позже основные положения диссертации получили дальнейшее развитие в ее монографии⁹⁰.

⁸⁹ Залялов А.М. Героизм комсомольцев и молодежи Татарии в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1975; Худякова Р.А. Коммунистическая партия – организатор всенародной борьбы за здоровье воинов Советской Армии в тылу в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1970; Айнутдинов А.К. Татарская фронтовая печать (1942–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1971; Его же. Летопись подвига. Исторический очерк по страницам фронтовых газет. Казань, 1984; Пьянов М.А. Военное обучение населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979; Ибрагимов Ф.Ф. Руководство татарской партийной организации профсоюзами республики в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979; Телишев В.Ф. Героические подвиги советских воинов в боях по освобождению Курляндского полуострова (октябрь 1944 г. – май 1945 г.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1984.

⁹⁰ Хайрутдинов С.К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989; Мазитова Г.В. Учреждения и деятели искусств ТАССР в годы Великой Отечественной

Одновременно много работ по военной теме защищалось в Казанском университете, правда, они в региональном плане, как правило, были шире и охватывали в целом поволжский материал. Так, З.С. Бузяков целью своей кандидатской диссертации определил исследование такого явления, как «дружба народов, являвшегося важным фактором Победы». Работа была построена на фактографической базе трех национальных автономных республик. Большое значение для всех поволжских историков имела диссертация Е.Л. Храмковой, впервые в 1987 г. проанализировавшей состояние историографии Великой Отечественной войны в Поволжье, что в значительной степени помогло выявить достижения и нерешенные задачи региональной историографии указанной проблемы и позволило определить круг неизученных вопросов. Позже она же подготовила докторскую диссертацию по историографии культуры России периода Великой Отечественной войны. Интересное исследование представил В.А. Попов, который задался целью изучить опыт использования трудового потенциала поволжской производственно-технической и научной интеллигенции в военный период. Впоследствии расширение избранной темы послужило базой для подготовки докторской работы⁹¹.

Написанные после 1985 г. труды отличались гораздо более взвешенным подходом к рассматриваемым сюжетам, стремлением внести новые элементы в ранее «закрытые» темы, отразить некоторые

войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990; Асылгараева А.Ш. Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991; Кабирова А.Ш. (Асылгараева А.Ш.) Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань, 1995.

⁹¹ Бузяков З.С. Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам Марийской, Татарской и Чувашской автономных республик): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1987; Храмкова Е.Л. Вклад трудящихся Поволжья в победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (советская историография, 1941–1986): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1987; Ее же. Историография культуры России периода Великой Отечественной войны на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2009; Попов В.А. Мобилизация и использование трудового потенциала производственно-технической и научной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991; Его же. Опыт использования трудового потенциала специалистов и ученых в реализации государственной научно-технической политики в годы Великой Отечественной войны (на материалах Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1996.

особенности идеологической, производственной и социальной составляющих военных лет.

И все же, объективно оценивая историографию тылового Татарстана во второй половине 1980-х – 1990-е гг., следует подчеркнуть, что исследовательских работ, посвященных трудовому героизму жителей республики, в изучаемый период выпускалось значительно меньше по сравнению с предыдущими годами. На наш взгляд, свою роль здесь играли как объективные, так и субъективные факторы: к сожалению, уходили из жизни крупнейшие отечественные историки, в основном, фронтовики, занимавшиеся этими вопросами, а молодежь, в свою очередь, мало интересовалась проблемами военной истории. Несомненное влияние на развитие исторической науки оказывало и общее неудовлетворительное социальное состояние всего общества. Напомним, что историки не только нашего региона, но и всей страны переживали тогда весьма непростое время. Ведь именно в 1990-е гг., с открытием «шлюзов гласности», под видом «рассекреченных» архивных документов на читателей «хлынул» поток новой информации в виде самых невероятных мифов и фальсификаций. На гребне антикоммунистической волны некоторые «деятели от науки» черной краской попытались вымарать и Победу советского народа. Под сомнение было поставлено самое святое – патриотизм и героизм советских людей, отстоявших мир в жестокой схватке с фашизмом. Сегодня можно честно признать, что напор и страстность, с которой лжеспециалисты проповедовали тогда свои взгляды, вызвали определенную растерянность среди профессиональных историков. Потребовалось время, прежде чем появились серьезные работы ученых, где этим гнусным вымыслом были противопоставлены убедительные контраргументы.

Но, несмотря на отсутствие в республике в течение долгого времени (почти целого десятилетия) исследований по новым проблемам, касавшихся тыла Татарстана, в 1990–2000 гг. выходили работы обобщающего характера, где в том числе был представлен и военный период. Это, прежде всего, учебные пособия для учащихся общеобразовательных школ по истории республики⁹². В указанных

---

⁹² Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галлямова А.Г. История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг. IV часть: учебное пособие для общеобразовательной школы. Казань, 1998; История Татарстана: учебное пособие для основной школы. Казань, 2001.

изданиях приводились уточненные на конкретный момент выхода книг статистические данные, частично обновлялась фактографическая база, включались извлечения из документов. Правда, в методологическом плане они мало чем отличались от работ, которые были опубликованы ранее.

Однако тогда же в Татарстане вышло несколько общих трудов, на наш взгляд, весьма заметно позитивно повлиявших на развитие историографии истории республики военного периода. В них так называемые «новые веяния» проявились гораздо более отчетливо.

В 1997 г. в Казани увидел свет двухтомный сборник «На страже порядка», посвященный истории милиции Татарстана⁹³. В первой книге издания в главе «По законам военного времени» рассматривается деятельность правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны. Впервые в республиканской историографии здесь поднимаются вопросы кадровых изменений, освещаются проблемы и задачи, поставленные перед сотрудниками в 1941–1945 гг. по обеспечению общественного порядка, приводятся конкретные примеры нелегкой службы милиционеров по борьбе с хулиганством, спекуляцией, бандитизмом и т.п.

В 1998 г. А.Ш. Кабировой было подготовлено учебное пособие «Республика Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»⁹⁴. В нем в концентрированном виде раскрываются все основные проблемы военной истории республики: вопросы перестройки экономики на военный лад, вклад работников культуры и искусства в Победу, с учетом новых подходов к теме раскрывается социальное положение граждан.

В 1999 г. в Татарском книжном издательстве была издана монография И.Р. Тагирова «Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век)»⁹⁵. 7 глава книги непосредственно касается военного лихолетья. Автор глубоко проанализировал имеющийся в наличии статистический материал, дал объективную характеристику

---

⁹³ На страже порядка. Книга первая. МВД Республики Татарстан. Казань, 1997.

⁹⁴ Кабирова А.Ш. Республика Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учебное пособие по курсу «История Татарстана и татарского народа». Казань, 1998.

⁹⁵ Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999.

материально-бытовых проблем населения республики, показал взаимосвязь фронта и тыла, причем опираясь на документы, рисующие не только парадную, но и неприглядную сторону войны.

В 2000 г., к 55-летию юбилею Победы, редакция «Книга Памяти» выпустила солидное издание, повествующее о вкладе татарстанцев в дело разгрома фашизма⁹⁶. Книга интересна тем, что наряду с известными фактологическими данными (представленными в основном по монографиям З.И. Гильманова) в нее включены выдержки из архивных документов, воспоминания ветеранов, заметки из периодики военного времени, исследовательские статьи ученых-историков. Здесь же приводятся последние сведения о боевых потерях Татарстана на фронтах войны, публикуются биографии Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы – уроженцев республики. К 65-летию Победы «Книгой Памяти» было подготовлено дополненное и обновленное издание данного труда.

В первое десятилетие XXI века, когда страсти, связанные со сложным временем потрясений и кризиса 1990-х гг., улеглись, проблемы истории тылового Татарстана начали изучаться более активно. Этому способствовало и включение в научный оборот новых источников. В 2005 г., к 60-летию Победы, вышел документальный сборник о работе оборонных предприятий в тылу республики «Татарстан – один из арсеналов победы», а в 2009 г. – сборник документов, рассказывающих о шефской помощи жителей республики Сталинграду и Сталинградской области после разгрома фашистских войск на Волге. Он так и называется – «Татарстан – Сталинграду»⁹⁷. Первый из них, на наш взгляд, является поистине новаторским. Дело в том, что в предыдущий период историографии войны при анализе общественного производства республики ученые были скованы рамками предоставляемых для изучения материалов. Документы предприятий тяжелого машиностроения (собственно оборонных) долгое время

---

⁹⁶ Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Казань, 2000; Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г. К 65-летию Победы. Казань, 2009.

⁹⁷ Татарстан – один из арсеналов победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / под общ. ред. З.Р. Валеевой. Казань, 2004; Татарстан – Сталинграду: сборник документов и материалов / сост.: А.А. Иванов, Л.В. Горохова, В.Г. Хамидуллина, В.В. Иванова. Казань, 2009.

хранились в фондах архивов под грифом «секретно», в связи с чем историки приводили по данной отрасли лишь общие цифры, традиционно сосредотачивая свое внимание на работе легкой и пищевой промышленности. Новые рассекреченные источники, вводимые в научный оборот в указанном сборнике, позволяют оценить мощный военно-промышленный потенциал республики, раскрыть развитие авиационной отрасли, приборостроения, судостроения, производства боеприпасов, что в целом убедительно подтверждает положение о том, что Татарстан в годы Великой Отечественной войны действительно являлся одним из важных тыловых arsenалов.

Кроме изучения ранее «закрытых тем» в развитии народного хозяйства страны, среди ученых все более набирал силу интерес к научным направлениям, связанным с человеческим фактором: социальной истории, психологии, демографии. Острую актуальность приобрели изыскания, посвященные военной повседневности.

В 2001 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны» Е.Г. Кривоножкина⁹⁸. В этой работе автор впервые в республиканской историографии целый параграф посвятила происходившим в военные годы демографическим процессам, проследив изменение численности и состава сельского населения. На новых материалах раскрыта также социальная сторона жизни деревни. В том числе большое внимание уделено деятельности правоохранительных органов на селе, показано место и роль религии, объективно рассмотрено состояние здоровья сельчан.

Необходимо также особо отметить специальный сборник статей, изданный в Казанском университете к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, выпущенный по итогам прошедшей в рамках юбилейных мероприятий Всероссийской конференции⁹⁹. С докладами выступали ученые не только из Казани и городов Татарстана, но и из Москвы, Нижнего Новгорода, Сыктывкара и др. Конференция стала важным этапом в ходе переосмысления ряда проблем истории войны. Усилия ее участников были в основном сосредоточены на исследовании и интерпретации ранее не вводившихся в научный обо-

---

⁹⁸ Кривоножкина Е.Г. Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2001.

⁹⁹ Татарстан в годы Великой Отечественной войны. Люди, события, память. Казань, 2005.

рот документов. Привлечение новых источников позволило отразить всю многомерность и многослойность «событий войны» в человеческом восприятии. Соответственно, новым прочтением отличаются и опубликованные в сборнике статьи.

В последние несколько лет в университете было защищено несколько работ по истории Великой Отечественной войны. Некоторые исследователи, например, Н.М. Галимуллина, Я.М. Поливанов¹⁰⁰, рассматривая общие проблемы, не ставят задачей привлечение в целостном виде регионального материала, хотя отдельные фрагменты из истории республики военных лет в их работах, конечно, имеются.

Другие – решают поставленные в научном исследовании задачи непосредственно на республиканских источниках. Среди них следует особо выделить работы В.Т. Сакаева и А.Ю. Иванова. Диссертация В.Т. Сакаева посвящена анализу историко-демографических процессов в среде городского населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны¹⁰¹. Вслед за Е.Г. Кривоножкой, проанализировавшей состояние сельского населения республики, В.Т. Сакаев попытался «закрыть» пробелы в республиканской историографии темы относительно городских жителей, и в своей работе автор подробно изучил основные демографические характеристики горожан: изменения в численности и структуре, связанные со смертностью, рождаемостью, брачностью и т.п.

Чрезвычайно интересное диссертационное исследование подготовил и представил А.Ю. Иванов¹⁰². Он избрал в качестве темы своей работы эпистолярный жанр и попытался проследить, что и как могут рассказать нам и нашим современникам фронтовые письма участни-

---

¹⁰⁰ Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005; Поливанов Я.М. Ключевые образы Великой Отечественной войны в историко-политической мысли в условиях общественных перемен (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

¹⁰¹ Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.

¹⁰² Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

ков войны. В качестве объекта изучения им были избраны письма фронтовиков и тружеников тыла Татарской АССР военного времени.

В настоящее время специалисты-историки продолжают разрабатывать новые проблемы и старые сюжеты (но с учетом новых подходов). Неисследованные страницы военной действительности находят отражение в статьях и брошюрах историков республики. В основном это труды А.А. Иванова, А.Ш. Кабировой, В.Ф. Телишева, И.А. Гилязова, Е.Г. Кривоножкиной, В.Т. Сакаева. Историки республики открывают для себя и читателей проблемы, связанные с анализом общественно-политической ситуации, массовых настроений граждан в регионе, отражением состояния трудовых отношений и трудовой дисциплины, эволюции государственно-конфессиональных взаимоотношений и т.п.¹⁰³

В целом, анализ исследованной литературы убедительно свидетельствует о том, что на сегодняшний день назрела необходимость в создании комплексного труда, где бы на новой документальной базе, с учетом новых подходов к теме была написана подлинная, взвешенная, объективная история тылового Татарстана военного времени.

---

¹⁰³ Кабирова А.Ш. Социальная политика в годы войны и ее реализация в Татарии (1941–1945 гг.) // Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг.: современные подходы. М., 2005; Ее же. Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научный Татарстан. 2009. № 2; Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. Особенности агитационных методов работы с населением при проведении кампаний помощи фронту в Татарской республике в 1941–1942 гг. // Татарстан в годы Великой Отечественной войны: люди, события, память. Казань, 2005; Иванов А.А. Некоторые заметки к вопросу о коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны // Московская и Сталинградская битвы – поворотные события Великой Отечественной войны: Материалы научно-практической конференции, июнь 2007 г. Казань, 2007; Гилязов И.А. Восточные легионы вермахта: причины и обстоятельства создания // Татарстан в годы Великой Отечественной войны: Люди, события, память. Казань, 2005; Кривоножкина Е.Г. Место и роль религии в жизни сельского населения ТАССР в годы Великой Отечественной войны // В поисках ответов: сборник трудов молодых ученых. Вып. 2. Елабуга, 2000; Сакаев В.Т. «Кто же будет драться против немцев за голодный паек...» (О массовых настроениях городского населения Татарской АССР в первые месяцы Великой Отечественной войны) // Эхо веков. 2006. № 2.

Гораздо более активно в современный период историографии в республике разрабатывалась **фронтовая** проблематика. В этом отношении, прежде всего, необходимо отметить огромную военно-патриотическую работу редакции «Книга Памяти», созданной в преддверии 50-летнего юбилея Победы при Кабинете Министров Татарстана. Основной ее задачей, как видно из названия, была определена подготовка многотомного труда, в котором должны были быть увековечены имена всех погибших на фронтах войны солдат и офицеров, уроженцев Татарстана и призванных военкоматами республики.

Главным редактором новой структуры был назначен Р.Р. Идиатуллин, в составе редакции работали А.А. Иванов, М.В. Черепанов, Ф.С. Хабибуллина и несколько сотрудников. В 1994 г. Р.Р. Идиатуллина по посту главного редактора «Книги памяти» сменил А.А. Иванов.

По мере работы над книгой стало понятно, насколько это грандиозный труд. Каждый том издания был посвящен определенному району или городу республики. Первый том увидел свет в 1993 г. За время 1993–2010 гг. было выпущено 27 томов этого скорбного мартиролога¹⁰⁴. В книгах нет описания подвигов, в них лишь краткие сведения о том, когда и где родился солдат, каким военкоматом призван, когда погиб, и, если удалось установить, место захоронения. Но эти скупые строчки заставляли сильнее биться сердца родных и близких бойца, когда они видели на страницах тома родное имя. Многие только из указанного издания смогли узнать, где следует искать останки погибшего фронтовика. За заслуги в поисковой и издательской деятельности коллектив сотрудников редакции в 2000 г. был отмечен Государственной премией в области науки и техники.

Завещание «Помнить всех поименно» в республике было выполнено. Кропотливая, титаническая работа составителей республиканской «Книги Памяти» позволила уточнить основные данные, касающиеся в целом участия татар и татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом. Если ранее во всех работах, посвященных военному периоду, указывалось, что на фронт из республики было отправлено 560 тысяч человек, 87 тысяч из них погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками, то сегодня доподлинно известно, что в годы войны в действующей армии сражались около 700 тысяч сы-

---

¹⁰⁴ Память (Сведения о погибших на фронтах Великой Отечественной войны жителей Республики Татарстан). В 27 т. Казань, 1993–2010.

нов и дочерей республики, более 350 тысяч из них (каждый второй) остались лежать на полях сражений¹⁰⁵.

В 2010 г. основной труд редакции «Книга Памяти» был завершен, но сотрудники продолжили работу по новым направлениям: были изданы многотомник «Они вернулись с Победой» (списки возвратившихся солдат и офицеров, тоже представленные по каждому району республики); сборник биографического характера «Татарстанцы в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» и др.¹⁰⁶

В 2001 г. А.А. Иванов основные результаты своего многолетнего труда представил в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. За работу «Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» ему была присуждена степень доктора исторических наук¹⁰⁷. Несколько ранее ученый опубликовал монографию с аналогичным названием.

На современном этапе в республике в новом формате были переизданы также книги энциклопедического характера о Героях Советского Союза – уроженцах республики и полных кавалерах ордена Славы трех степеней¹⁰⁸. В 2000 г. Татарское книжное издательство выпустило хорошо оформленный и богато иллюстрированный энциклопедический справочник «Батырлар китабы» («Книга Героев») на двух государственных языках. В издании справочного характера собраны сведения о 378 Героях Советского Союза, жизнь которых связана с Татарстаном. Большинство из них родились в республике, являлись ее уроженцами. Другие – учились, работали либо какое-то время жили на ее территории. В книгу были включены и материалы

---

¹⁰⁵ Память. В 27 т. Т. 1. Казань, 1993. С. 4; Гильманов З.И. Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны. Казань, 1977. С. 4–5.

¹⁰⁶ Они вернулись с Победой. В 24 т. (Выход издания продолжается) Казань, 2005–2010; Татарстанцы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / авт.-сост.: А.А. Иванов, Ф.С. Хабибуллина. Казань, 2000; Они защищали Родину, 1941–1945 / авт.-сост. З.У. Терегулов. Казань, 2002.

¹⁰⁷ Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора ист. наук. Казань, 2001; Его же. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Казань, 1998.

¹⁰⁸ Батырлар китабы (Книга Героев). Казань, 2000; Кавалеры Ордена Славы трех степеней = Дан орденның тулы кавалерлары / сост. В.В. Иванова; под ред. А.А. Иванова. Казань, 2005.

о представителях татарского народа, живших за пределами Татарстана. К 60-летию юбилею Победы, по аналогии с предыдущей книгой, в издательстве «Книги Памяти» увидел свет двуязычный сборник «Кавалеры ордена Славы трех степеней» («Дан орденом тулы кавалерлары»), подготовленный и составленный В.В. Ивановой, который в значительной степени дополнял сведения о героях-патриотах, приводимых в ранее изданной книге 1986 г.

Традиционным направлением работы историков Татарстана является изучение не только региональных материалов, но и документов, связанных с этническим компонентом. Ученые и журналисты обобщают сведения о Героях Советского Союза – татарах по национальности, пытаются проследить путь воинов-татар в воинских формированиях. В частности, в 2007 г. была издана книга И.Ф. Исмагилова о Героях татарского народа. Как сказано в аннотации, его труд – это «первое издание, которое освещает наиболее полный круг имен выявленных героев татарского народа в военное и мирное время»¹⁰⁹. Автор в целостном виде представил список героев татарской национальности, доблестно проявивших себя и прославивших свой народ. В подготовленной И.Ф. Исмагиловым обобщающей работе приводятся биографические данные об участниках гражданской войны, Героях Советского Союза, Героях труда и Героях Социалистического труда, кавалерах ордена Славы I, II и III степени. Так, например, здесь еще раз подтверждаются сведения, ранее публиковавшиеся в других изданиях, о том, что Александр Матросов, как ранее писали в прессе, «русский чудо-богатырь», в действительности является Шакиржаном Мухаметжановым, уроженцем Башкортостана, татарин по национальности¹¹⁰.

Несколько публикаций в республиканской историографии, особенно в канун юбилейных дат, было посвящено уточнению ряда известных фактов и положений отечественной историографии Великой Отечественной войны. В частности, бурное обсуждение среди населения вызвал вопрос о приоритете водружения Знамени Победы над рейхстагом. Согласно опубликованным в республиканских изданиях

¹⁰⁹ Исмагилов И.Ф. Герои татарского народа (научное издание). Казань, 2007.

¹¹⁰ Исмагилов И.Ф. Указ. соч. С. 71; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1. М., 1987. С. 56; Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С. 347; Татар энциклопедия сузлере (Татарский энциклопедический словарь). Казань, 2002. С. 410, 446. На тат. яз.

историческим документам, первыми, кто установил красный стяг над куполом рейхстага, была группа бойцов в составе: Г.К. Загитова, А.П. Боброва, А.Ф. Лисименко, М.П. Минина во главе с капитаном В.Н. Маковым. Татарстанских журналистов и историков особенно заинтересовал татарин (уроженец Башкирской АССР) Гази Загитов. Большой материал об этих событиях с богатой подборкой документальных свидетельств подготовил и опубликовал в журнале «Эхо веков» в 1995 г. его редактор Владимир Пискарев¹¹¹. В 1994 г. общественность Татарстана и Башкортостана возбудила ходатайство о присвоении подлинным героям звания Героя Российской Федерации, но оно не было поддержано Министерством обороны РФ. В канун 60-летия Победы в Великой Отечественной войне татарский писатель и журналист Рафаэль Мустафин снова вернулся к этому вопросу и, призывая восстановить историческую справедливость, в журнале «Татарстан» писал: «Ничуть не умаляя подвига М. Егорова и М. Кантария, надо все же вспомнить и об истинных героях. Это нужно не им – ибо большинства из них уже нет в живых. Это нужно всем нам»¹¹².

В современный период историографии было издано и значительное количество трудов о фронтовых подвигах татарстанцев обобщающего характера, причем состояние источниковой базы позволило объединить собранные за многие годы материалы как по территориальному принципу, так и, если условно обозначить, по отраслям или видам военных специальностей. Например, в начале и в середине 2000-х гг. появились книги справочного характера о героях-фронтовиках – участниках Великой Отечественной войны на материалах Лениногорского, Бавлинского, Нурлатского, Бавлинского районов республики, а также нескольких районов г. Казани: Кировского, Вахитовского, Приволжского¹¹³. Все эти издания схожи между собой. Как правило, они содержат сведения биографического характера, фо-

---

¹¹¹ Пискарев В.И. Кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1996. № 1/2. С. 92–107.

¹¹² Мустафин Р. Рейхстагга Жину байрагы кем кадаган? (Кто водрузил Знамя Победы?) // Татарстан. 2005. №4. С. 49. На тат. яз.

¹¹³ Книга памяти Лениногорского района Татарской ССР. Лениногорск, 1992; Тимин Т. Так сражались бавлинцы. Казань, 2000; Гарипов Б.М. Звон меча и молота – 2: книга-справочник. Бавлы, 2005; Гордость земли Нурлатской. Кн. 1: Вспомним годы фронтовые / под ред. И.М. Галяутдинова. Самара, 2005; Кировский район в годы Великой Отечественной войны

тографии, иногда воспоминания самих ветеранов. В масштабах районов такие книги, на наш взгляд, были важны не только с точки зрения увековечивания имен фронтовиков – защитников Отечества, но и обладали огромным воспитательным эффектом. Во-первых, принимавшие участие в их составлении школьники и студенты приобщались к поисково-патриотической работе; и, во-вторых, собранный материал значительно обогащал коллекции школьных и районных музеев, удачно вписываясь в имеющиеся экспозиции и выставки.

Достаточную популярность имели также так называемые тематические сборники, посвященные фронтовикам-железнодорожникам, нефтяникам, милиционерам, преподавателям университета и др.¹¹⁴

Среди них выделим несколько работ. В 2000 г. и 2005 гг. вышли книги А.А. Иванова об авиаторах республики¹¹⁵. Это – документальные очерки, рассказывающие о летчиках, штурманах, техниках и механиках, стрелках-радистах, сражавшихся с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны. В книгах представлены все авиаторы – Герои Советского Союза. По подсчетам автора, выходцами из Татарстана являются 46 человек. В предисловии к работе «Боевые крылья Татарстана» прославленный летчик М.П. Девятаев пишет о ней: «Со страниц книги перед нами встают смелые и сильные духом, беззаветно преданные Родине люди. Они свято верили в победу и мужественно приближали ее, совершая порой изумительные подвиги»¹¹⁶. Работа А.А. Иванова действительно написана чрезвычайно увлекательно, художественным и образным языком. С особым волнением читаются строки о бесстрашии и отваге А.П. Чулкова, Л.М. Соколова, Г.Р. Павлова. В книге приводится интересный факт о

/ творческая группа под рук-вом Г.А. Мюллера. Казань, 2000; Этих дней не смолкнет слава (сборник) / авт.-сост.: Т.Т. Федорова и др. Казань, 2005; Казанцы – победе. Вахитовский район / автор проекта и сост-ль: Г.П. Бердников. Казань, 2005; Они в Казани родились (аннотированный указатель Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы трех степеней, родившихся в г. Казани). Казань, 2006.

¹¹⁴ Железнодорожники Казанской магистрали в годы Отечественной войны (воспоминания, очерки). Казань, 1995; Гиматдинов А.К. Всегда в строю: 1941–1945. Альметьевск, 1995; Дятлова А.М. Тасмовцы второй мировой (воспоминания, мемуары). Казань, 2001.

¹¹⁵ Иванов А.А. Авиаторы Татарстана в годы Великой Отечественной войны. Казань, 2000; Его же. Боевые крылья Татарстана. Казань, 2005.

¹¹⁶ Иванов А.А. Боевые крылья Татарстана. Казань, 2005. С. 3.

том, что, оказывается, эскадрилья, которой командовал наш земляк – ас неба – Фарит Фаткуллин, полностью состояла из Героев Советского Союза. В этом дружном коллективе сражались два казанца, два питомца Казанского аэроклуба. Фарит Фаткуллин – комэск, бывший рабочий фабрики «Светоч» (позже – «Заря»), и Борис Васильев – комиссар, бывший студент Казанского авиационного института. Майор Ф.М. Фаткуллин погиб в неравном бою на Сталинградском фронте.

Активно участвовали в войне юнги. Об этом рассказывает книга Ш.Х. Байгильдина «Шли юнги в бой»¹¹⁷ – документальный сборник о воспитанниках Соловецкой школы юнг, созданной в 1942 г. для подготовки молодых кадров для флота. За три года Соловецкую школу юнг окончили более четырех тысяч человек, став артиллеристами, мотористами, электриками. Среди окончивших школу были казанцы: М. Валидов, Р. Гильфанов и др.

Одновременно при рассмотрении вопросов участия татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом находят себе дорогу новые труды, отличные от всего того, что ранее было создано. Работа И.А. Гилязова особняком стоит в республиканской историографии военной темы, так как возможность свободно говорить и тем более писать о таком явлении, как коллаборационизм, появилась совсем недавно. Книга историка «На другой стороне» рассказывает о коллаборационистах из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Долгие годы эта тема была запретной. Властные органы старались «замолчать» эту проблему, так как она никак не вписывалась в победные реляции военного времени. Автор книги, несколько лет проработав в немецких архивах, лично изучил все доступные источники. Его выводы и объективные оценки происходивших в годы войны событий и в целом указанного явления легли в основу труда. Основные положения, изложенные в данной работе, И.А. Гилязов впоследствии вынес на суд научной общественности и, успешно защитив их, стал доктором исторических наук. В 2005 г., расширив и дополнив предыдущее издание новой фактографической базой, включив в нее сведения о коллаборационистах других национальностей, ученый написал новую книгу «Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха»¹¹⁸.

¹¹⁷ Байгильдин Ш. Х. Шли юнги в бой. Казань, 2005.

¹¹⁸ Гилязов И.А. На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998; Его же.

По нашему мнению, этот труд наиболее убедительно свидетельствуют о новых, качественных изменениях в историографии темы войны в современный период.

Традиционно много в изучаемое время выходило мемуарной литературы. Это направление развивалось чрезвычайно активно. Ветераны Великой Отечественной спешили донести до читателей свои впечатления и размышления о пережитом, рассказать о боевых товарищах, поведать о трагических и курьезных случаях из военной жизни.

Перечислим некоторые из опубликованных работ. Огромный резонанс в обществе имели воспоминания Героя Советского Союза М.П. Девятаева. Его книга «Побег из ада» переиздавалась пять раз. В 1988 г. и 2000 гг. в республиканском книжном издательстве вышли очередные дополненные издания. В 1990 г. увидели свет воспоминания ветерана-связиста И.И. Хайрутдинова «Нет, не забудет солдат...» и документальное исследование Ф.Д. Березина «По дорогам фронтовым». К 90-летию со дня рождения поэта-фронтовика Мусы Джалиля в 1996 г. вышла работа В.А. Кузнецова «Моя книга памяти: Дневник из долины смерти». В 1998 г. издательством «Отечество» к изданию был подготовлен труд бывшего командира взвода 1145-го стрелкового полка 353-й дивизии Ф.А. Галимова «Дороги солдатские» о боевом пути полка от Кавказских гор до Берлина. В 2000 г. были опубликованы мемуары ветерана Д.И. Черкасова «Война глазами сержанта». В 2001 г. – издана книга Ф.С. Султанбекова «Мужество останется в веках». В 2005 г. были переизданы записки военного летчика Г.Р. Павлова «В военном небе»¹¹⁹.

В начале XXI века выходит также ряд коллективных сборников, авторами очерков в которых выступают фронтовики. В 2002 г. мемуары ветеранов авиационного института были обнародованы в виде книги «Этот день мы приближали, как могли...», в 2008 г. изданы воспоминания преподавателей и сотрудников Казанского

Военно-политический коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1999; Его же. Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань, 2005.

¹¹⁹ Девятаев М.П. Побег из ада. Казань, 1988, 2000; Хайрутдинов И.И. «Нет, не забудет солдат...»: Воспоминания связиста. Казань, 1990; Березин Ф.Д. По дорогам фронтовым. Казань, 1990; Кузнецов В.А. Моя книга памяти: Дневник из долины смерти. Казань, 1996; Галимов Ф.А. Дороги

университета¹²⁰. К 60-летию Победы увидела свет работа «Назовем поименно» – документально-художественное издание о сотрудниках органов внутренних дел Татарстана, фронтовиках. Основу труда составили литературно обработанные воспоминания ветеранов, записанные в разные годы¹²¹.

В 2003 г. Черемшанским мемориальным центром под руководством Н.С. Фролова был выпущен сборник фронтовых писем, воспоминаний, фотографических документов «Все они хотели жить»¹²². В данной книге мемуары ветеранов особенно впечатляют, так как составители книги задалась целью показать не столько приукрашенную историю войны, сколько «величайшую трагедию народа».

Размышлениям ветеранов Татарстана, пытающихся оценить события тех далеких лет с позиций сегодняшнего времени, значительное место уделено и в книге «Я был на той войне великой»¹²³, авторами-составителями которой являются участники Великой Отечественной войны П.П. Лебедев и В.М. Даутов.

Отдельную группу трудов составляют книги, отражающие поисковое движение в республике. В обобщающем виде опыт татарстанского поискового движения в республике был представлен М.В. Черепановым в книге «Зачем живым Долина смерти?»¹²⁴. В ней автор рассказы-

---

солдатские: от Кавказских гор до Берлина (1941–1945). Казань, 1998; Валиев А.Х. Записки военного прокурора. Казань, 2000; Черкасов Д.И. Война глазами сержанта. Казань, 2000; Султанбеков Ф.С. «Мужество останется в веках...». Казань, 2001; Концевой А.И., Лебедев П.П. Бородино под Курском. (Из воспоминаний ветеранов Курской битвы). Казань, 2003; Павлов Г.Р. В военном небе: записки военного летчика. Казань, 2005.

¹²⁰ «Этот день мы приближали как могли...»: Из воспоминаний ветеранов войны / КГТУ (КАИ). Казань, 2002; КГУ (Преподаватели и сотрудники КГУ – участники Великой Отечественной войны и труженики тыла). Казань, 2008.

¹²¹ Назовем поименно: к 60-летию Победы (посвящается фронтовикам – сотрудникам ОВД РТ). Казань, 2005.

¹²² Все они хотели жить: фронтовые письма, воспоминания, фотографии, документы из фондов Черемшанского Мемориального центра / сост.: Н.С. Фролов. Казань, 2003.

¹²³ «Я был на той войне великой»: Великая Отечественная война в памяти и размышлениях татарстанцев / авт.-сост.: П.П. Лебедев, В.М. Даутов. Казань, 2005.

¹²⁴ Черепанов М.В. Зачем живым Долина смерти? Казань, 2006.

вает об истории этого патриотического движения, о создании первых «Снежных десантов», об экспедициях и походах его бойцов. Но труд М.В. Черепанова не только об этом. Будучи профессиональным журналистом, он много печатается в различных изданиях. Темы его публикаций весьма разнообразны. Многие из них собраны в указанной работе. На страницах книги нашли отражение вопросы методики архивной, агитационной, пропагандистской работы поисковиков, формы и методы исследовательской работы сотрудников «Книги Памяти», малоизвестные проблемы истории, размышления автора о судьбах волжско-уральских легионеров, о подвиге Мусы Джалиля и т.д. Книгу отличает яркий образный язык и глубокая эрудиция специалиста.

Необходимо отметить также трехтомное издание «Имена из солдатских медальонов», выпущенное в 2005–2008 гг. казанским издательством «Отечество»¹²⁵. В него включены поименные биографические данные о 6410 военнослужащих, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, имена которых были установлены общественными поисковыми организациями в ходе проведения экспедиционных работ по местам боевых действий воинских подразделений.

Как видим, освещение ратных подвигов татарстанцев в годы Великой Отечественной войны в современный период в республиканской историографии войны получило адекватное отражение. Наиболее важными результатами стало создание многотомных трудов, увековечивавших имена героев, активизация издания мемуаров ветеранов, выход комплексных работ, освещающих поисковое движение в Татарстане.

Таким образом, подводя итоги изучению современной историографии истории республики периода Великой Отечественной войны, мы можем констатировать, что учеными Татарстана проводятся интенсивные исследования в этом направлении. С открытием новых возможностей расширяются горизонты научного поиска, вносятся коррективы в уже изученные проблемы, уточняются статистические данные и т.п. Методологический плюрализм, пришедший на смену единомыслию историков советской генерации, анализ новых архивных источников позволяет специалистам отойти от однозначных оценок военного периода и показать исторические процессы во всей их сложности, противоречивости и многогранности.

---

¹²⁵ Имена из солдатских медальонов. В 3-х т. / сост.: М.Ю. Коноплев, Р.Р. Салахияев. Казань, 2005–2008.

Секция «Наука и культура:
достижения и нерешенные задачи»

С С

Храмкова Е.Л.

**Историография музейного дела периода
Великой Отечественной войны на рубеже XX–XXI вв.**

В историографии проблемы можно выделить документальные публикации, исследования обобщающего характера, работы по узким сюжетам темы. Документальные издания немногочисленны и практически все из них посвящены ленинградским музеям¹. В научный оборот были введены делопроизводственная документация, источники личного происхождения, фотодокументы, хранящиеся в архивах Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамере) им. Петра Великого, Государственного музея-заповедника «Павловск» и некоторых других. Данные издания, а также новые исторические исследования² позволили уточнить вопросы организации и проведения

---

¹ Из истории Кунсткамеры, 1941–1945: Слово тем, кто охранял музей. Слово тем, кто воевал. Слово тем, кто работал. Слово детям блокады / сост. В.Н. Вологодина. СПб., 2003; Эрмитаж: хроника военных лет. 1941–1945 / сост. Е.М. Яковлева, Е.Ю. Соломаха. СПб., 2005; Эрмитаж в годы Великой Отечественной войны: докум. архива Государственного Эрмитажа // История Петербурга. 2005. № 2. С. 71–83.

² Вологодина В.Н. Из истории кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. СПб., 1994. Вып. 4. С. 161–184; Ее же. Научная деятельность сотрудников Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) им. Петра Великого в годы войны и блокады // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. СПб., 2005. С. 134–143; Кончин Е. История со многими неизвестными // Краевед. зап. / Орловский обл. краевед. музей. 1995. Вып. 1. С. 36–44; Барсукова И. К истории эвакуации музейных коллекций // Там же. 1999. Вып. 3. С. 197–204; Корж М.Е. Государственный Русский музей. Блокадные дни (по материалам Отдела рукописей ГРМ) // Война народная. СПб., 2002. С. 71–83; Станюкович Т.В. Музейные работники в годы блокады (по материалам архивов ЛО ИЭ и ИН СССР) // Из истории Кунсткамеры... Указ. соч. С. 68–74 и др.

эвакуационных мероприятий, маршруты следования музейных коллекций, назвать имена ученых, реставраторов, хранителей и других сотрудников, принимавших деятельное участие в сложнейшей упаковке, переноске, отправке музейных экспонатов и т.д. Публикации мемуарных и эпистолярных материалов восполнили пробелы в изучении повседневной жизни музейных работников военной поры³.

Исследования обобщающего характера по истории музейного дела 1941–1945 гг. малочисленны⁴, в этой связи хотелось бы обратить внимание на содержательную статью Н.В. Фатигаровой. Опираясь на документы, выявленные в центральных и местных архивах, она впервые критически оценила государственную музейную политику, а также раскрыла содержание деятельности музейных учреждений в период войны. Автор пришла к выводу о неготовности музеев к работе в экстремальной обстановке (отсутствие эвакуационных планов, будущих эвакуобаз, своевременно продуманных мероприятий, обеспечивающих безопасность музеев и др.). Эвакуация «повсеместно проводилась в большой спешке без должного материального обеспечения», «при острой нехватке времени, ... рабочих рук, нередко под бомбежками и артиллерийскими обстрелами». В ряде тыловых городов были закрыты и выселены местные музеи, «иногда даже без предварительной консервации их коллекций». Н.В. Фатигарова отметила, что некоторые приказы и распоряжения Наркомпроса РСФСР не соответствовали обстановке, к ним, в частности, относилось предложение провести единый государственный учет музейных коллекций музеев системы НКП и создать на этой основе сводные научные каталоги музейных ценностей. Она убедительно доказала: данная работа в условиях войны «успеха не имела, да и не могла иметь. Музеи, экспозиции которых в большинстве случаев были свернуты, фонды законсервированы, а штаты сокращены до

---

³ См.: Анатолий Михайлович Кучумов. Статьи. Воспоминания. Письма / под общ. ред. Н.С. Третьякова; сост. Р.Р. Гафифуллин. СПб., 2004; Анна Ивановна Зеленова. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2006.

⁴ См.: Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела XVIII–XX вв.). М., 1991. С. 173–225; Кузнецов А.М. Отечественные военные музеи: становление и развитие (1918–1991). М., 2008; Грицкевич В.П. История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб., 2009.

минимума, в условиях военного времени не имели реальной возможности ею заниматься», вследствие этого были «впустую потрачены огромные силы и средства, которые могли быть использованы гораздо эффективнее»⁵. Подробно описывая тяжелейшее положение музейной системы, отмечая тенденцию стремительного сокращения музеев на территории РСФСР⁶, Н.В. Фатигарова обоснованно подчеркнула значение подвига рядовых музейных работников⁷.

Некоторые аспекты истории музейного дела военных лет нашли отражение в сводных трудах, монографиях, статьях, посвященных центральным музеям⁸.

На рубеже XX–XXI вв. выделилось отдельное направление, посвященное изучению феномена провинциального музейного дела эпохи войны, что привело к количественному росту работ по истории краеведческих⁹, художественных и литературных¹⁰, естествен-

---

⁵ Фатигарова Н.В. Указ. соч. С. 176, 209–214.

⁶ Там же. С. 203–204.

⁷ Там же. С. 186, 189, 190 и др.

⁸ Из истории музея: сб. ст. и публикаций / сост. И.Н. Карасик, Е.Н. Петрова. СПб., 1995; Из истории Кунсткамеры, 1941–1945...; Гришаев О.В. Государственный исторический музей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. 1. 2005. № 1. С. 59–66 и др.

⁹ Ермакова Л.И. Выставочная и собирательская работа краеведческих музеев Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Вклад сибиряков в Великую Победу Вклад сибиряков в Великую Победу. Красноярск, 1995. С.127–130; Москвитина С.П. Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева в годы Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и мир в XX веке. Владивосток, 2001. С. 188–194; Сметанина Е.Г. Нижнетагильский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Тагильский край в панораме веков. Нижний Тагил, 2001. Вып. 2. С. 48–54; Мальцева Н.Т. Кемеровский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Балибаловские чтения. Кемерово, 2003. Вып. 3. С. 71–76; Роянова Г.И. Калужский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003. С. 399–409; Малов Н.М., Миронова А.И. Саратовский областной музей краеведения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Саратовский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Саратов, 2005. С. 8–26 и др.

¹⁰ Котов Ф.П. Коми республиканский художественный музей: 1943–1990-е гг. // История вузовских музеев страны. Музей и личность. Сыктывкар,

нонаучных¹¹ и других учреждений. Данные исследования отличаются комплексным анализом деятельности местных музеев, четким определением используемого категориального аппарата. В ключевое понятие «музейное дело» включали комплектование, учет, хранение, охрану, изучение и использование культурного наследия, а также осмысление этих процессов; музейную политику (музейное законодательство, музейное строительство, подготовку кадров и т.д.); музейную практику; музееведение как науку. Все перечисленные составляющие в большей или меньшей степени изучались в региональной литературе. Особую группу составляют статьи о музеях, чье возникновение было непосредственно связано с событиями минувшей войны, например, о Музее обороны и блокады Ленинграда и его трагической судьбе в послевоенные годы¹².

В 2002 г. была опубликована кандидатская диссертация известного казанского теоретика и практика музейного дела К.Р. Синецкой¹³. Данная работа, защищенная автором еще в 1970 г., на протяжении многих лет являлась ценным справочным изданием по истории музеев в Татарской АССР (Республике Татарстан) и не потеряла своего значения до сегодняшнего дня.

1994. С. 199–201; Муренина Г.П. Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского в годы Великой Отечественной войны // VII Краеведческие чтения. Саратов, 1995. С. 44–47; Александрова Л.К. Пушкинский государственный музей-заповедник в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Волжский рубеж. Кострома, 2000. № 1(2). С. 65–69; Рогожникова Ю.С. Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева в годы войны (По материалам архива СГХМ им. А.Н. Радищева) // Саратовский край в Великой Отечественной войне... Указ. соч. С. 68–74.

¹¹ Долгих Л.А. Кунгурская ледяная пещера в годы Великой Отечественной войны // Тыл – фронту. Челябинск, 2005. С. 135–138; Буторина Л.А. Ильменский заповедник в годы Великой Отечественной войны (по документам архивов страны) // Там же. С. 318–320.

¹² Шишкин А.А. «Здесь царит атмосфера героизма, храбрости, твердости, воли»: Гос. Мемор. Музей обороны и блокады Ленинграда стремится донести до современников горькую и святую правду о войне и героизме защитников города // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 59–64; Его же, Добротворский Н.П. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда // История Петербурга. 2004. № 1 (17). С. 72–78 и др.

¹³ Синецкая К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань, 2002. С. 133–157.

К числу крупных монографических трудов относится книга Е.А. Поправко по истории музейного дела в Приморском крае¹⁴. Работа автора отличается глубоким и всесторонним историографическим, источниковедческим анализом проблемы, а также выявлением и осмыслением основных тенденций в развитии музейных процессов военного времени. В монографии подробно исследованы состояние музейной сети региона накануне и в годы войны, особенности государственной политики в области музейного дела, уровень развития основных видов музейной работы, состояние охраны памятников истории и культуры в изучаемый период.

Анализ содержания публикаций по истории районных, областных, краевых и республиканских музеев позволяет составить некоторое представление о современной концепции провинциального музейного дела 1941–1945 гг. Одним из ее значимых аспектов является состояние региональной музейной сети накануне войны, которое оценивается исследователями по-разному. Так, Е.А. Поправко, отмечая общеизвестный факт значительного роста музеев на территории РСФСР в советский период, подчеркнула, что в Приморье данная тенденция не наблюдалась. Единственным доступным для публики был только краевой краеведческий музей. Недостаточно развитым направлением в его работе являлся учет и хранение музейных фондов, что усугубилось в условиях войны. Это явление наблюдалось повсеместно и было вызвано удалением старых специалистов, непрерывными кадровыми «чистками», репрессиями музейных работников в 1930-е гг., низким финансированием музейных учреждений, высокой текучестью кадров¹⁵. Сведения, приведенные в монографии автора, подтверждают и другие исследователи. Например, Н.М. Малов и А.И. Миронова также пишут о крайне неблагоприятной обстановке в Саратовском областном музее краеведения накануне войны (аресты директора и научных сотрудников, уход старейших и наиболее опытных работников, обследования партийных органов, прокуратуры и НКВД на предмет «политической благонадежности» кадрового состава, жесткий контроль над экспозиционной работой¹⁶).

¹⁴ Поправко Е.А. Музейное дело в Приморском крае (1941–1985 гг.). Владивосток, 2006.

¹⁵ Там же. С. 25–27, 29–30.

¹⁶ Малов Н.М., Миронова А.И. Указ. соч. С. 8–12.

Нелицеприятная оценка руководства музейным строительством на территории Оренбургского края дана в работах Н.А. Ереминой. Она пришла к выводу, что решающим фактором в трагической судьбе Оренбургского краеведческого музея явилось полное безразличие властей, при попустительстве которых из музея в 1920-е гг. были вывезены громадные и уникальные геологические, нумизматические, военные и другие коллекции. В 1930-е гг. музейные фонды перемещались из помещения в помещение, что к концу десятилетия привело к полному прозябанию музея. Естественно, ситуация не могла измениться к лучшему и в 1941–1945 гг.¹⁷

Военные годы оцениваются большинством ученых как особый период в истории российского музейного дела. С одной стороны, в это время наблюдается явное ухудшение практически всех показателей работы, а с другой – в экстремальной ситуации музеям удалось решить проблемы, решение которых до этого было невозможно, например, осуществление учета, хранения и комплектования музейных фондов. Не имея зачастую квалифицированных кадров и необходимых финансовых средств, музеи продолжали вести эту работу; достаточно оперативно шел сбор материалов по истории войны¹⁸. В некоторых публикациях затрагивались вопросы материального положения провинциальных музеев. Как известно, их помещения занимались воинскими частями, эвакуированными предприятиями, архивами, штабами МПВО, использовались под склады и общежития. Это привело к сокращению постоянных экспозиций музеев, частичному или полному их закрытию, переходу на режим консервации¹⁹. Они работали при отсутствии отопления, несоблюдении температурно-влажностного режима экспонатов, вопиющем бесхозяйственном отношении к музейным ценностям со стороны многочисленных «квар-

---

¹⁷ Еремина Н.А. История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006. С. 18.

¹⁸ Поправко Е.А. Музейное дело... Указ. соч. С. 29, 32; Леденцова Е.К. Музейное дело Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Тыл – фронт. Челябинск, 2005. С. 156; Малов Н.М., Миронова А.И. Указ. соч. С. 16–21.

¹⁹ Леденцова Е.К. Указ. соч. С. 154; Рогожникова Ю.С. Указ. соч. С. 69–70; Михеева Г.А. Указ. соч. С. 44; Малов Н.М., Миронова А.И. Указ. соч. С. 21–25 и др.

тирантов», особенно военных²⁰, что привело к катастрофическим последствиям. К сожалению, вопрос о финансировании музеев накануне и в годы войны рассмотрен авторами поверхностно. Они лишь отмечают отдельные факты недостаточного финансирования музеев. Еще реже встречается анализ материально-бытового положения сотрудников – директоров, заведующих фондами, отделами, ученых секретарей, научных сотрудников, сторожей, истопников и т.д.

Описывая тяжелейшее положение музейных учреждений в период войны, ученые отмечают, что и в этих условиях продолжалась музейная практика. И здесь, наряду с общими тенденциями (усиление военно-патриотической деятельности, преобладание оперативных форм работы и др.), авторы выявили особенности массово-просветительской и научно-исследовательской деятельности музеев. Например, как показала Е.А. Поправко, в отличие от многих музеев, Приморский краевой краеведческий музей не прекращал работу ни на один день, а его фонды не консервировались, за исключением художественного отдела. Более того, в музее появились новые подразделения, ему удалось наладить краеведческую работу и начать формирование общественного актива, были созданы первые постоянные кружки для школьников. Несмотря на нехватку профессиональных кадров, музей вел научно-исследовательскую деятельность с целью сбора материала для будущих коллекций. Не случайно именно в военное время местные органы власти поддержали смелую инициативу сотрудников музея присвоить ему имя В.К. Арсеньева (учитывая, как пишет Е.А. Поправко, тот факт, что накануне войны была репрессирована супруга Арсеньева, а сам он до дня смерти в 1930 г. находился на особом контроле органов ОГПУ)²¹.

Е.К. Леденцова отметила позитивное значение пополнения фондов музеев Свердловской области эвакуированными ценностями, определенную активизацию музейной деятельности в связи с размещением на Урале большого количества научных, культурных учреждений, эвакуированного населения. Но одновременно подчеркнула: указанные процессы сопровождались уплотнением запасников местных музейных учреждений, частичным или полным их закрытием,

---

²⁰ Малов Н.М., Миронова А.И. Указ. соч. С. 22–23; Рогожникова Ю.С. Указ. соч. С. 69.

²¹ Поправко Е.А. Музейное дело... Указ. соч. С. 31, 37, 38, 39, 40, 40–43.

организацией выставок, проведением лекций вне стен хранения. В целом краеведческая работа в регионе была ориентирована на выявление ресурсов для нужд обороны²².

Приток посетителей в музеи во многом был вызван ростом числа эвакуированных, военнослужащих. Во время осмотра экспозиций иногда происходили любопытные казусы. Так, Саратовский областной музей краеведения организовал передвижную выставку «Отечественная война советского народа против германских империалистов». Она действовала и на городском агитпункте при станции «Саратов – пассажирская». Выставку приходилось нередко подправлять, «поскольку курящие слушатели-красноармейцы отрывали бумагу с выставочных планшетов для изготовления “самокруток”»²³.

В целом на рубеже XX–XXI вв. в историографии объективно оценивалось состояние музейного дела в регионах в годы Великой Отечественной войны. Это огромный ущерб, нанесенный зданиям и помещениям музеев, потребовавший впоследствии проведения капитально-восстановительных работ; полное нарушение режима и системы хранения фондов; резкое ускорение процесса естественного старения экспонатов. Потери некоторых провинциальных музеев были очень большими²⁴. В то же время авторы подчеркнули: благодаря профессиональному и героическому труду научных сотрудников удалось сохранить от гибели музейные собрания²⁵.

Рассматриваемая проблема нашла отражение в главах и параграфах диссертаций регионального характера²⁶. Особого внимания

²² Леденцова Е.К. Указ. соч.

²³ Малов Н.М., Миронова А.И. Указ. соч. С. 14.

²⁴ См., напр.: Буторина Л.А. Указ. соч.

²⁵ Леденцова Е.К. Указ. соч. С. 156; Малов Н.М., Миронова А.И. Указ. соч. С. 24–25; Михеева Г.А. Указ. соч. С. 45; Орехова С.В. Указ. соч. С. 121;

²⁶ См. автореф. дис. канд. ист. наук: Третьяков Н.С. Спасение историко-художественных памятников пригородных дворцов-музеев Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1948). СПб., 1991; Винокуров П.В. Становление и развитие музейного дела в Якутии (середина 80-х годов XIX в. – 1980 г.). Якутск, 1996. Гл. 3; Кричмарь С.М. Создание и развитие историко-краеведческих музеев в национальных республиках Северного Кавказа в XX веке (На материалах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии). Ист. аспект исследования. М., 1998. Гл. I, § 2; Дыртыкол А.Ю. Становление и развитие музейного дела в Туве (1921–2000 гг.). Кызыл, 2002. Гл. 1, §1; гл.2, § 1; Феоктистова Т.Н. История становления и

заслуживают выводы и обобщения Е.А. Поправко²⁷ и Л.К. Александровой²⁸. Докторская диссертация Е.А. Поправко подытожила многолетнюю работу автора в области исторического изучения основных процессов и тенденций развития музейных учреждений в Приморском крае. В основе методологии исследования – институциональный подход, позволяющий рассматривать музейное дело как особый социальный институт, «задействованный в процессах отбора, учета, хранения, исследования и трансляции социально-значимых феноменов». Автор учитывала исторически «сложившиеся особенности среды, в которой возникают и функционируют музеи» и «определяют своеобразие музейной сети каждого региона»²⁹. Военные годы рассмотрены Е.А. Поправко в контексте продолжения начального периода (становления) музейной сети в регионе (основная причина – географическая удаленность от центра России). По ее мнению, музейное дело Приморья практически не почувствовало тягостного влияния Великой Отечественной войны, в отличие от большинства музеев Европейской части СССР и РСФСР³⁰.

В работах Л.К. Александровой рассмотрены такие недостаточно изученные сюжеты, как роль музеев в социокультурном пространстве провинции; научно-исследовательская и просветительская работа музейных учреждений; влияние их деятельности на общественное сознание; роль музеев в сохранении культурных

развития музейного дела в Хакасии в XX веке (1928–2003 гг.). Улан-Удэ, 2004; Еремина Н.А. История становления и развития музейного дела в Оренбургском крае в XIX–XX вв. Оренбург, 2006. Гл. 2.

²⁷ Поправко Е.А. История музейного дела в Приморском крае (1941–2000 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.

²⁸ Александрова Л.К. Провинциальные музеи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (На материалах Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона России). Кострома, 2003; См.: Ее же. Научно-исследовательская работа музеев провинции для нужд обороны страны (на материалах Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона) // Вестн. Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. 2003. № 2 (38). С. 81–86; Ее же. Роль провинциальных музеев в духовном пространстве тыловых районов страны // Там же. № 3 (39). С. 74–78; Ее же. Участие музеев в культурной жизни российской провинции военных лет (на материалах Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона) // Волжский рубеж. 2003. № 7. С. 13–20 и др.

²⁹ Поправко Е.А. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Указ. соч. С. 18.

³⁰ Там же. С. 43.

ценностей народов Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона; материально-бытовое положение сотрудников музеев и некоторые другие. В результате поисковой работы автору удалось восстановить забытые имена музейных работников, самоотверженно трудившихся в российской глубинке. Достоинством источниковой базы работ Л.К. Александровой является введение в научный оборот архивных материалов по истории районных краеведческих музеев (наименее изученных в литературе). Большое внимание автор уделила научно-исследовательской работе музеев региона, которая в годы войны приобрела качественно новые черты: они активно включились в работу по мобилизации местных ресурсов на нужды фронта и тыла; одним из направлений, наиболее востребованных обществом, было собирание и систематизация документальных материалов о войне³¹; огромен вклад провинциальных музеев в спасение эвакуированных исторических и художественных ценностей, сохранение культурных и национальных традиций. В заключение автор пришла к выводу: российские музеи в целом, и провинциальные музеи в частности, можно рассматривать как уникальное социокультурное явление периода Великой Отечественной войны, «в котором нашли отражение все процессы общественной, духовной и социальной жизни общества в сложный, трагический период истории»³².

Важно отметить, что данный вывод в иной интерпретации прозвучал во второй половине 1990-х гг. в публикациях омских ученых В.Г. Рыженко и В.Ш. Назимовой³³, выполненных в рамках культурологического и «городоведческого» подходов. Они отметили, что обращение к музейной теме позволяет выявить более сложные (чем представлялось ранее) связи между культурой и экстремальными факторами, а также понять, почему в условиях войны музеи не рассматривались властью и социумом как «излишняя роскошь». Авторы

³¹ Александрова Л.К. Научно-исследовательская работа музеев провинции... Указ. соч. С. 81–82.

³² Александрова Л.К. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Указ. соч. С. 22, 25.

³³ Назимова В.Ш., Рыженко В.Г. Художественные музеи в годы Великой Отечественной войны // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 1995. С. 122–126; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Музеи в культурно-цивилизационном ландшафте сибирского города в условиях XX в. // Гуманитарное знание: ежегодник. Сер. «Преемственность». Омск, 1997. Вып. 1. С. 162–175.

предложили новую модель изучения музеев – анализ их внутренней жизни, разнообразных и даже неожиданных для военного времени социокультурных связей. В данном ракурсе музейная деятельность рассматривается как один из определяющих факторов складывания «многомерного культурно-цивилизационного ландшафта» сибирских городов, прослеживается приращение регионального культурного потенциала за счет эвакуации столичных и других музейных учреждений, продолжения активной выставочной и лекционной деятельности, объединения местных и столичных художественных сил. Музеи в годы войны являлись, по выражению авторов, «окном в мир мировой и национальной культуры», местом встречи горожан с уникальными культурными ценностями. По мнению авторов, несмотря на существенный идеологический компонент в деятельности музеев, подвижнический труд сотрудников не только сохранил и преумножил культурный потенциал сибирских городов, но и создал возможности для его развития после окончания войны³⁴.

Завершая краткий историографический обзор, можно отметить, что в рассматриваемый период ученым удалось достаточно полно и объективно обрисовать положение и развитие музейной сети, проанализировать основные аспекты музейного дела, выявить специфику музеев как научных учреждений, выявить ведущие факторы, определившие особенности функционирования музейных учреждений в экстремальных условиях войны. Что касается недостаточно изученных вопросов, то в первую очередь к ним относится одна из самых сложных проблем – анализ музейных утрат в результате Великой Отечественной войны³⁵. Именно в этой области проводится кропотливая работа по изучению отечественных и зарубежных архивных фон-

---

³⁴ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Музеи в культурно-цивилизационном ландшафте... Указ. соч. С. 162–165, 172–173.

³⁵ См.: Корж М.Е. Указ. соч.; Янченко С.А. Об утраченных экспонатах Государственного Русского музея в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Проблемы хранения и реставрации экспонатов в художественном музее. Нерадовские чтения. СПб., 2003. С. 58–62; Игнатович Т.Н. Великая Отечественная война в судьбе картин из Московского Румянцевского музея // Румянцевские чтения. М., 2005. С. 93–103; Зинич М.С. Оценка утрат художественных музеев в годы Второй мировой войны // СССР во Второй мировой войне: Третьи Всерос. историко-краевед. чтения памяти проф. П.Е. Матвиевского. Оренбург, 2010. С. 108–111 и др.

дов, издается «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны», выявляются общие цифры потерь в масштабах СССР, РСФСР, отдельных регионов и городов, уточняются причины гибели конкретных музейных коллекций.

Хайрутдинов Р.Р., Кабирова А.Ш.

Сохранение и реставрация памятников Казанского Кремля в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы

В первые десятилетия Советской власти архитектурный ансамбль Казанского Кремля понес существенные утраты. В конце 1920 – начале 1930-х гг. были снесены колокольня, галерея, ведущая к архиерейскому дому, парадные входные лестницы, четыре боковых барабана и главы Благовещенского Кафедрального собора, разрушены надвратная церковь и часовня при Спасской башне, Спасо-Преображенский собор, колокольня, Варваринская церковь, церковь Киприана и Устиньи, ряд других построек Спасо-Преображенского монастыря и его некрополь³⁶.

Все эти годы Кремль являлся центром сосредоточения органов власти и управления ТАССР. На его территории размещались основные государственные, советские, хозяйственные учреждения и ведомства, управления и службы³⁷. Многочисленность и разветвленность аппарата управления и, как следствие, значительный дефицит служебных помещений наряду с равнодушным и потребительским отношением к зданиям привели к тому, что к сороковым годам XX столетия состояние архитектурных памятников Казанского Кремля стало удручающим.

Большинство зданий требовало незамедлительного ремонта кровли, оконных проемов, дверей, стен, укрепления конструктивных и несущих элементов. Особый урон был нанесен объектам Кремля размещением в них воинских подразделений, а также проживанием рабочих и служащих заводов, эвакуированных в период Великой Отечественной войны.

---

³⁶ Казанский Кремль. Краткий путеводитель / сост. А.И.Григорьев. Казань, 1959. С. 29.

³⁷ НА РТ Ф. Р-128. Оп.1. Д.3450. Л.18–20, 35–36.

В военные годы Татарская республика стала одной из важнейших тыловых баз на востоке страны. Сюда из центральных и западных районов было эвакуировано множество предприятий, государственных и научных учреждений. В Татарстане вопросами приема и расквартирования населения, рабочих и служащих эвакуированных предприятий занимался специально созданный при СНК ТАССР Эвакуационный Совет. Местом его расположения также был избран Кремль. В ноябре 1941 г. Татарский обком ВКП(б) назначил заместителя председателя СНК ТАССР З.В.Тинчурина уполномоченным Всесоюзного Совета по эвакуации по Татарской АССР.

Уже к началу сентября 1941 г. в республику прибыло более 176 тысяч человек, а всего к весне 1942 г. – 266 тысяч. Население Казани увеличилось с 401 до 515 тысяч человек³⁸. Большой процент среди них составляли рабочие промышленных предприятий, число которых в годы войны превысило 70³⁹. В Татарстан были эвакуированы крупнейшие машиностроительные и приборостроительные предприятия, как, например, Московский и Ленинградский авиационные заводы, Ленинградский металлообрабатывающий завод, Московский часовой завод и др.

В этих условиях руководство республики было вынуждено пойти на беспрецедентный шаг. 16 октября 1941 г. СНК Татарской АССР совместно с ОК ВКП(б) приняли специальное постановление «О предоставлении 30 тысяч квадратных метров площади на территории Кремля для заводов Наркомата авиационной промышленности». В том числе, по данному постановлению предусматривалось освобождение здания, занимаемого наркоматами ТАССР, общей площадью 6018 квадратных метров. Около 26 государственных органов и ведомств должны были быть переселены в порядке уплотнения или выселены за пределы Кремля⁴⁰.

Освободившаяся часть зданий в Казанском Кремле временно предоставлялась эвакуированным работникам завода № 22 авиационной промышленности СССР, прибывшим в Казань из Москвы. Согласно архивным источникам, для данного предприятия была вы-

---

³⁸ Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Казань, 2000. С.132.

³⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.29. Д.88. Л.5.

⁴⁰ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.1. Д.3450. Л.35–36.

делена площадь в 4107 квадратных метров, из которой 1300 метров было отдано под общежитие, 600 метров занимал детский сад, 2207 квадратных метров составляли квартиры рабочих и служащих⁴¹. Например, в подъезде № 3 проживало 18 семей и 260 человек одиноких, в подъезде № 4 – 34 семьи и 36 человек одиноких. Здесь же располагался детский сад-интернат на 120 мест⁴². Таким образом, в годы Великой Отечественной войны кремлевская территория была занята не только под госучреждения, но и под квартиры и общежития.

Но условия проживания в кремлевских зданиях, несмотря на то, что они находились в центре города, были совершенно неудовлетворительные. Проведенная 15 марта 1942 г. прокурорская проверка по обследованию общежития рабочих выявила возмутительные факты как по линии медобслуживания эвакуированных, так и по состоянию их жилищно-бытового положения.

В докладной записке в Татарский обком ВКП(б) прокурор республики Д.Исупов писал: «В общежитии большая скученность, холод, антисанитария, отсутствует кубовая для воды, нет прачечной, нет теплой уборной, отсутствует вода [...] За все время отопительного сезона помещение отапливалось всего лишь раз, температура доходит до $-5-10^0$, стены покрыты инеем, портятся обои, переплеты, полы и двери. Большинство жильцов заявляют, что из-за отсутствия дров и неотапливаемости здания, они вынуждены спать в верхней одежде, по несколько месяцев не имея возможности попасть в баню, жильцам приходится в помещении стирать белье и там же сушить его...»⁴³.

По итогам обследования, определившего, что «скученность и уплотненность общежития превышает санитарный минимум», был сделан вывод о необходимости устранения подобного положения дел, обеспечения должной заботы об эвакуированном населении, ужесточения контроля за соблюдением постановлений правительства. Руководство завода заверяло СНК об освобождении выделенных помещений не позднее 1942 г. Однако вопрос о переселении затянулся и не был решен даже в первые послевоенные годы.

⁴¹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.7-8.

⁴² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.6. Д.239. Л.160.

⁴³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп.5. Д.472. Л.44-45.

В 1944 г. председатель СНК ТАССР С.М.Шарафеев в письме заместителю председателя СНК СССР В.М.Молотову указывал, что администрация завода не обеспечивает сохранность Дома наркоматов: «Здание не ремонтируется, грязно, запущено, оконные стекла разбиты на 50–60%, полы во многих комнатах порублены, сантехнические устройства разрушены и не работают, основные печи поломаны, а установленные временно угрожают в противопожарном отношении. Имеющиеся деревянные дворовые службы, а также ворота, заборы ограждения поломаны и сожжены»⁴⁴.

Дальнейшее пребывание работников завода в непригодных для жилья помещениях, по мнению С.М.Шарафеева, могло привести к полному разрушению правительственного здания. СНК ТАССР обратился с просьбой дать указание наркому авиационной промышленности А.И.Шахурину и директору завода В.А.Окулову освободить занимаемые под общежитие, детский сад и квартиры помещения, произвести ремонт внутренней и наружной части здания, восстановить все разрушенные и сожженные дворовые постройки.

Лишь после завершения Великой Отечественной войны, в соответствии с распоряжением СНК ТАССР от 21 июля 1945 г. «О размещении наркоматов и управлений в освобождаемом корпусе Кремля», произошло распределение комнат Дома наркоматов между правительственными организациями и учреждениями. Руководители 14 наркоматов и управлений должны были произвести расселение в трехдневный срок и обеспечить ремонт передаваемых помещений.⁴⁵

Однако исполнение решения правительства было сопряжено с целым рядом сложностей. Во-первых, руководство завода № 22 не могло в кратчайшие сроки предоставить всем рабочим необходимую жилплощадь, и, во-вторых, предлагаемая площадь была намного меньше, чем занимаемая в Кремле. Поэтому в начале 1950-х гг. в кремлевских корпусах все еще сохранялись частные квартиры⁴⁶. В архиве имеются сведения о проживавших в Кремле семьях Газеевой, Коротковой, Кравцовой, Халитова, Стюковой и др. Всем им предлагалось переселиться из домов военного ведомства в дома местных Советов. Например, семье Газеевой – на улицу Тельмана, Коротковой – на Федосеев-

⁴⁴ НА РТ. Ф.Р–128. Оп. 2. Д.65. Л.42.

⁴⁵ НА РТ. Ф.Р–128. Оп. 2. Д.65. Л. 33–33об.

⁴⁶ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.65. Л.7.

скую, Кравцовой – на улицу Островского и т.д.⁴⁷ Однако даже в 1957 г. в кремлевских зданиях проживало до 70 семей жильцов⁴⁸.

Большие нарекания вызывала бездеятельность руководства Казанского военного гарнизона и танкового училища по восстановлению обрушившейся в 1942 г. части кремлевской стены, примыкавшей к зданию. Атмосферные осадки, стекающие со всей территории училища, привели к разрушению кирпичной кладки и создали угрозу обрушения примыкающей к ней стены 4-х этажного здания. Находящаяся рядом с разрушившимся участком стена сильно деформировалась, частично обрушилась и создала угрозу завала трамвайного пути и безопасности трамвайного движения 9-го маршрута. Отметим, что отсутствие водоотводов и плачевное состояние ливневой канализации послужило причиной разрушения ряда объектов Кремля.

8 сентября 1943 г. вышло постановление СНК ТАССР и Обкома ВКП(б) № 379 «О ликвидации аварийного состояния части кремлевской стены, примыкающей к зданию № 5/4 Казанского танкового училища». В нем отмечалось, что начальник КЭЧ Казанского гарнизона Карлицкий не выполнил указания исполкома Казанского горсовета и постановление СНК ТАССР от 14 сентября 1942 г. по ликвидации аварийного состояния и восстановлению стены. Карлицкого и начальника Казанского танкового училища В.И.Живлюка постановление обязало форсировать работы по разборке и восстановлению разрушенной, а также находящейся под угрозой обрушения части кремлевской стены и обеспечить окончание работ к 30 сентября 1943 г.

Председателю исполкома Казгорсовета Д.М.Тышкевич вменялось в обязанность выполнить все земляные и дорожные работы по укреплению земляного откоса до 25 сентября 1943 года, нарком внутренних дел ТАССР П.Н.Горбулину предлагалось выделить в распоряжение КЭЧ Казанского гарнизона каменщиков и плотников, а руководителю Госплана ТАССР Полянскому – 95 тыс. шт. кирпичей, 25 тонн негашеной извести, 2 тонны сортового железа, 5 тонн цемента. Всего на эти цели исполкому Казгорсовета разрешалось израсходовать в 1943 году из городского бюджета 250 тысяч рублей⁴⁹.

⁴⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.6. Д.2359. Л.12.

⁴⁸ НА РТ. Ф.Р-391. Оп.1. Д.110. Л.26.

⁴⁹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.36об.

В 1944 г. по распоряжению председателя СНК РСФСР А.Косыгина было выделено 300 тыс. рублей для капитального ремонта памятников Казанского Кремля. На 1 сентября 1944 г. было освоено 270 тыс. руб.: восстановлена часть обрушившейся кремлевской стены, отремонтированы фасады Спасской башни, здание СНК и Верховного Совета ТАССР, проведены работы по озеленению и благоустройству Кремля.

В связи с предстоящим в июне 1945 года 25-летием ТАССР 30 января 1945 г. СНК республики утвердил постановление «О плане строительных работ по Казанскому Кремлю на 1945 год», согласно которому на ремонт объектов Кремля выделялось 770 тысяч рублей (в том числе из госбюджета – 690 тысяч и 80 тысяч – за счет амортизационного фонда)⁵⁰.

В частности, предусматривались устройство водостоков и канализации кремлевских корпусов, озеленение территории Кремля и прилегающего к нему бульвара, установка скульптуры И.В.Сталина, восстановление обрушившихся кремлевских стен, ремонт Спасской башни и асфальтовых покрытий Кремля. Полная стоимость капитального ремонта Казанского Кремля составляла 2 млн. руб.⁵¹

Начальнику Танкового училища поручалось отремонтировать занимаемые корпуса, начальнику Хозуправления Кремля привести в порядок здания наркоматов, наркому внутренних дел провести ремонтные работы здания, занимаемого под Центральный архив (здание Благовещенского собора) и т.д.⁵²

С завершением войны у правительства республики появилась возможность решения ряда важных и неотложных задач – освобождение кремлевских памятников от арендаторов, наносящих объектам архитектуры ущерб. В мае 1946 г. увидело свет постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) «О мероприятиях по благоустройству Казанского Кремля», в котором предписывалось помещения Кремля использовать министерствами и управлениями республики в служебных целях. Директор 22-го завода В.А.Окулов обязывался до 1 августа 1946 г. освободить занимаемые помещения Дома правительства.

⁵⁰ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.65. Л.1.

⁵¹ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.65. Л.43.

⁵² НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.65. Л.1–3, 6.

Командующий территориальным военным округом генерал-полковник Н.И.Гусев обязывался освободить 36 комнат в отремонтированном виде. Начальнику танкового училища В.И.Живлюку предписывалось к 1 июня 1946 года освободить здание Спасской башни, используемое под склад материально-технического оборудования, и вернуть его Хозуправлению Кремля, благоустроить здание училища с фасадной стороны и со стороны кремлевской башни, находящейся на его территории⁵³. Казанскому городскому совету вменялись в обязанность работы по планировке и укреплению кремлевского откоса, УВС-46 – строительство наружной канализации согласно утвержденному техническому проекту. «Гордорстрою» поручалось провести ремонт асфальтовых покрытий проезжей части и тротуаров.

Хозуправление Кремля было обязано восстановить уничтоженное озеленение, произвести в 1946 году капитальный ремонт кремлевских стен и башен. Управление по делам архитектуры при СМ ТАССР должно было организовать изучение крена башни Сююмбеки и провести практические мероприятия по предотвращению дальнейших отклонений. Автоинспекции предлагалось установить место стоянки автомашин в Кремле и упорядочить движение автотранспорта в кремлевском проезде. Министр внутренних дел ТАССР Горбулин должен был произвести капитальный ремонт крыши кафедрального собора. Совету Министров республики поручалось предусмотреть в бюджете 1946 г. средства на благоустройство Кремля⁵⁴.

Вместе с тем, как свидетельствуют источники, многие из намеченных мероприятий так и остались на бумаге. Об этом можно судить по письму Герасима Ивановича Иванова, опубликованного исследователем А.Ш.Кабировой⁵⁵. Находясь проездом в сентябре 1946 г. в столице ТАССР, он посетил Кремль и был настолько поражен его бедственным состоянием, что вынужден был написать об увиденном в Татарский обком ВКП(б).

Автор отмечает «ужасное состояние» Казанского Кремля: «Ведь на стенах этого Кремля масляной краской написано решение Совнаркома, что это является памятником архитектуры, а значит, есть музейная историческая ценность, и разрушение таковой карается законом.

⁵³ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.7-10.

⁵⁴ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.7-10.

⁵⁵ Кабирова А.Ш. «Сделать Кремль музеем и сердцем республики...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. № 1.

Исходя из этого решения (а ведь это решение было принято при Ленине) этот Кремль должен быть в образцовом порядке, чтоб сохранить его как историческую ценность, чтоб воспитывать на нем подрастающее поколение, а также чтобы это было сердцем республики, поскольку там находится Верховный Совет и ряд министерств».

Иванов с сожалением констатировал: «Ограда разрушается от времени [...], рамы окон выбиты, как будто бы только кончилась фашистская бомбардировка. Везде мусор и грязь, газончики запущены, деревья засохли и обломанные, на возвышенностях стоят грязные деревянные уборные, лицевая сторона зданий побелена без штукатурки, тыловая сторона валится и грязная. В закоулках между домами отвратительно грязно, гниль и нечистоты, двор зарос бурьяном и всякими сорняками, побелку сделали небрежно, даже министерские вывески замазаны, а также циферблат часов на башне. Смотришь на все это внутри Кремля, а также снаружи на гнилой вонючий обводной канал и думаешь, есть в городе хозяин или здесь нет хозяев, а каждый живет как может»⁵⁶.

Письмо датировано первым послевоенным годом. Страна только-только начала восстанавливаться после страшной войны. Это было время, когда советские люди испытывали значительные трудности с продовольствием, с одеждой. Но одновременно в народе жило понимание непреходящей ценности архитектурных памятников и необходимости их сохранения для потомков. Война, в ходе которой были разрушены города, музеи, картинные галереи, всколыхнула глубинные чувства граждан и заставила их более обостренно воспринимать прекрасное и дорожить тем, что уже создано и построено. Так и Г.И.Иванов, обращаясь к руководителям республики, напоминал им, что Казанский Кремль является «народным достоянием», а потому должен стать «музеем и сердцем республики, чтобы народ шел в ваш Кремль так, как идет в Московский Кремль, а возможности вы найдете для этого, и народ вас за это отблагодарит»⁵⁷.

Это письмо сыграло определенную роль в процессе решения вопроса о благоустройстве Кремля. По итогам специально созванного совещания Совет Министров республики принял решение об исправлении указанных недочетов: были вымыты окна и вывески на зданиях министерств, проведены озеленительные работы, организо-

⁵⁶ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.39.

⁵⁷ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.39.

вана уборка на территории Кремля, покрашен циферблат часов на Спасской башне и т.п.⁵⁸

Дальнейшая история ансамбля Казанского Кремля во второй половине 1940–50-х гг. неразрывно связана с деятельностью Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР. Именно эта организация занималась основными ремонтными и реставрационными работами находящихся на его территории памятников истории и архитектуры. Уже в первые послевоенные месяцы данное подразделение приступило к одной из важнейших работ – исследованию причин деформации башни Сююмбеки. Для комплексного изучения состояния башни было принято несколько правительственных постановлений. Одно из них – постановление СНК ТАССР от 20 июля 1945 г. В 1945 г. делались зарисовки деформаций, было выполнено геологическое обследование территории и конструктивное обследование самого сооружения, осуществлены контрольные замеры наклона, подготовлено обращение в СНК ТАССР о необходимости специальных научно-исследовательских работ⁵⁹.

Состояние знаменитого исторического памятника волновало многих, в том числе и представителей органов власти, так как дальнейшее отклонение и появление деформационных трещин могло вызвать разрушение башни. Полное обследование указанного сооружения вызвало к жизни постановление Совета Министров ТАССР от 9 июля 1946 г. «О мероприятиях по сохранению памятника архитектуры – башни Сююмбеки», в соответствии с которым предполагалось произвести строительные работы по укреплению фундамента башни, ремонтно-аварийные работы, установить оконные переплеты, водосточные трубы, упорядочить отвод поверхностных вод с площади возле северного фасада башни; организовать систематическое наблюдение за наклоном, деформационными трещинами башни на пилонах, а также закрыть арку в башне для проезда автомашин, так как вибрация от машин могла способствовать прогрессирующему росту деформаций⁶⁰.

Для укрепления башни Сююмбеки было принято решение просить Совет Министров РСФСР о выделении целевым назначением 40 т цемента, 200 м² стекла, 1 т кровельного железа, 75 м³ пиленого

⁵⁸ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.65. Л.40.

⁵⁹ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.174. Л.8–9.

⁶⁰ НА РТ. Ф. Р–128. Оп.2. Д.327. Л.75.

леса, 1,5 т гвоздей, 500 кг олифы и 2 т бензина. Непосредственное выполнение строительных работ по укреплению фундаментов и стен башни возлагалось на Госстройтрест № 14 Министерства авиационной промышленности СССР⁶¹.

В своем обращении на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П.Берии председатель Совета Министров ТАССР С.Шарафеев, ходатайствуя о возложении работ по усилению фундаментов на Госстройтрест № 14, особо подчеркивал, что «памятнику угрожает полное разрушение, если не будут приняты неотложные меры по укреплению основания башни и ликвидации повреждений»⁶². Ввиду угрожающего состояния башни Сююмбеки, Совет Министров РСФСР разрешил в 1946 году для усиления основания башни израсходовать в счет внелимитных затрат 239 тыс. руб.

Организация производственных работ поручалась Московской проектно-технической конторе треста по передвижке и разборке зданий. Распоряжением исполкома Московского городского совета проектные работы планировалось выполнить к 1 ноября 1946 г.⁶³ По договору Управление по делам архитектуры при СМ ТАССР было обязано исследовать грунт под фундаментом башни собственными силами. Первоначально эти мероприятия предполагалось поручить Хозяйственному управлению, но они были отвергнуты ввиду резолюции С.Г.Батыева, написавшего: «...на Хозуправление Кремля возлагать такую работу нельзя. Примите меры»⁶⁴.

Инженерно-геологические изыскания башни велись Казанской инженерно-геологической группой Татарского геологоразведочного треста под руководством старшего геолога Г.А.Штерна⁶⁵. Для выяснения геологического строения участка 29 ноября 1945 г. в непосредственной близости от башни были пробурены 5 скважин и вырыты 2 шурфа. 20 июня 1946 г. дополнительно были пробурены еще 3 контрольных шурфа для осмотра грунта основания и выяснения конструкции и размеров фундамента. Для широкого изучения и обобщения геологического материала по Кремлю были исполь-

⁶¹ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.65. Л.32-32об.

⁶² НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.65. Л.29.

⁶³ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.327. Л.63.

⁶⁴ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.327. Л.75.

⁶⁵ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д. 328. Л.98.

зованы скважины и шурфы, отрытые на территории Татбашшколы (1937 г.) и на площадке у левого склона берега р. Казанки.

Было установлено, что насыпной (культурный) слой отличается большой неоднородностью, состоит из супеси и суглинка темно-серого цвета, насыщенных в большей или меньшей степени строительным мусором в виде обломков бутового камня и кирпича. Местами среди насыпных грунтов встречались углистые остатки – следы неоднократно повторявшихся на территории Кремля пожаров. При исключительной неоднородности и непостоянстве насыпного слоя выделялись 2 типа слагающих его грунтов и материалов. В верхней части преобладал строительный мусор: битый кирпич, щебень, бутовый камень, скопления извести, неразложившаяся щепка, обломки предметов домашней утвари, перемешанных с грунтами глинистого типа супесей и суглинков, окрашенных в темно-серый или черный цвет. Местами этот слой налегал непосредственно на покровные образования, местами переходил в более чистые, также насыпного происхождения, но со значительным преобладанием грунтов над строительным мусором, а иногда даже без примеси последнего⁶⁶.

Глубина залегания насыпи колебалась от 1,5 до 3,90 м. Максимальная толщина насыпного грунта была обнаружена под юго-восточной частью фундаментов башни Сююмбеки. Ниже под насыпным грунтом залегали перемежающиеся слои мелкозернистого песка, суглинка и супесей различной мощности. Скважиной № 3 был встречен водоносный горизонт мощностью 1,4 м.

Геодезические наблюдения показали, что основной причиной деформации башни являлось ее отклонение в юго-восточном направлении. Впервые отклонение башни от вертикального положения «в сторону собора на величину 0,185 саж. – 39,4 см» отметил перед ее реставрацией в 1913 г. П.М.Дульский⁶⁷. Величина отклонения основания шпиля или вершины свода над седьмым ярусом измерялась впоследствии неоднократно: в 1927, 1941, 1945 и 1946 гг.

Величина этих отклонений была зафиксирована в следующих цифрах (см): 1927 г. – 114,9; 1941 г. – 114; 1945 г. – 118,7; 1946 г. –

⁶⁶ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.328. Л.105–106.

⁶⁷ Егерев В.В. Измерение наклона Сююмбекиной башни // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып.2. Казань, 1928. С. 40–41.

130. Как отмечали специалисты, наиболее точными и бесспорными являлись замеры 1941 и 1946 гг., проведенные геодезическим путем, а остальные измерения осуществлялись при помощи отвеса⁶⁸. Обмеры 1941 г. были проведены бригадой в составе проф. М.М.Синявер, архитектора П.С.Борисова, студентки МАИ В.А.Тарасовой⁶⁹. Обследование 1946 г. проводилось начальником геодезической службы Управления главного архитектора г. Казани А.М.Губайдуллиним, впоследствии зав. кафедрой геодезии КИСИ (КГАСА)⁷⁰.

По сведениям Ф.В.Салиховой, башня Сююмбеки была включена в городскую триангуляционную сеть 1910 и 1930 гг., поэтому стало возможным получать сведения о ее крене с 1910 г. Отклонение по годам выразилось в цифрах (м): 1910 – 1,22; 1930 – 1,28; 1941 – 1,46; 1946 – 1,64; 1958 – 1,68⁷¹.

В 1947 г. было проведено специальное нивелирование архитектурных элементов башни по периметру двух пилонов и четверика 2-го яруса; прослежены и отмечены точки, которые пронивелированы по одному шву кирпичной кладки. Также была пронивелирована поверхность парапетов 1, 2 и 3 ярусов башни. Швы двух пилонов и 2-го яруса были наклонены к горизонту по-разному, поэтому наблюдаемый наклон 2-го яруса сложился за счет трещин в своде проезда и стенах башни. Поверхность парапетов наклонялась к горизонту также по-разному, и только по мере подъема их наклон приближался по величине и направлению к элементам крена башни⁷².

Подготовленные материалы исследования включали в себя планы Кремля в горизонталях с указанием окружающих башню зданий; план расположения контрольных шурфов и зарисовку фундаментов по шурфам; геолого-литологические профили; план расположения подземных коммуникаций, находящихся на территории башни Сююмбеки; таблицу повторяемости направления и средних скоростей ветра по Казани; розу ветров, составленную метеорологической станцией по данным за 1915–40 гг. Кроме того, был составлен расчет

⁶⁸ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.328. Л.110.

⁶⁹ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.328. Л.99; Башня Сююмбеки (Обмеры). Казань, 1944. 24 с. 7 табл.

⁷⁰ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.328. Л.93.

⁷¹ Салихова Ф.В. Башня Сююмбеки и истоки цивилизации булгаро-татар. Казань, 2001. С. 37.

⁷² Салихова Ф.В. Указ. соч. С. 37–38.

давления на грунт под фундаментом башни и направлений в кладке стен; график роста крена; дан анализ рельефа местности.

Комиссия по изучению башни Сююмбеки пришла к выводу, что деформация не являлась следствием изменений в геологических условиях участка. Наклон башни объяснялся неравномерной осадкой основания из-за сгнивших деревянных свай, забитых под подошву фундамента и неравномерно несущей способности грунтов основания, а также наличием насыпного слоя большой мощности под юго-восточной частью фундамента башни при большом удельном давлении на грунт в 7 кг/см^2 , что вызвало появление ряда деформационных трещин. В частности, трещины в западной стене 2-го и 3-го ярусов являлись следствием наличия растягивающих напряжений в кирпичной кладке порядка $3\text{--}4 \text{ кг/см}^2$ без учета ветровых нагрузок.

Комиссия рекомендовала для прекращения прогрессирующего наклона сделать частичную подводку фундаментов под южный пилон башни, доведя подошву до естественных грунтов. Перед работами по подводке фундаментов планировалось провести горизонтальный обхватывающий металлический пояс в 1-м ярусе и затяжку свода над проездом, укрепить основание под северный пилон нагнетанием цементного раствора, упорядочить отвод поверхностных вод возле северного фасада башни. Кроме того, предполагалось закрыть проезд под башней и организовать системное наблюдение геодезическим способом. По углам башни и на внутренних поверхностях стен установить постоянные репера, на главнейшие трещины – поставить маяки⁷³.

В 1953 г. начальник Управления по делам архитектуры И.А.Валеев обращается с письмом к секретарю Татарского обкома КПСС С.Г.Батыеву и председателю Совета Министров ТАССР М.З.Азизову с просьбой о ходатайстве в Советах Министров РСФСР и СССР о выделении 200 тыс. рублей на укрепление основания башни. К 1953 г. крен от геометрического центра на проекционное яблоко уже составил 1,64 м, и состояние памятника общесоюзного значения вызвало серьезные опасения⁷⁴.

В марте 1954 г. Управление по делам архитектуры при СМРСФСР в лице заместителя начальника В.Голли уведомило, что Академия

⁷³ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.328. Л.117–119.

⁷⁴ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.1042. Л.23.

архитектуры СССР, к которой обратились с просьбой о составлении проектной документации по укреплению башни Сююмбеки силами Центральной проектной реставрационной мастерской, отказалась от выполнения данной работы. Управление по делам архитектуры РСФСР посчитало целесообразным поручить выполнение данных мероприятий СНРПИМ с привлечением кандидата технических наук Э.М.Генделя, проводившего обследование башни и составившего предложения по ее укреплению⁷⁵.

С началом масштабных работ по сооружению защитной дамбы вдоль кремлевских стен состояние башни Сююмбеки вновь стало вызывать опасения. В августе 1954 г. И.А.Валеев в письме на имя заместителя председателя исполкома Казанского городского совета А.А.Абещедарского и начальника управления по строительству сооружений инженерной защиты г. Казани А.А.Сальникова отмечал, что забивка железобетонных свай 6-ти тонным молотом при строительстве моста через Казанку из-за резонансного сотрясения оказывает сильное воздействие на башню Сююмбеки⁷⁶.

В соответствии с шестилетним планом (1955–1960) капитальных вложений по ремонтно-реставрационным работам по неиспользуемым памятникам архитектуры ТАССР подводка и усиление аварийных фундаментов и реставрация отдельных разрушенных участков башни Сююмбеки должна была быть осуществлена в 1955–57 гг. Общая стоимость работ составляла 353 тыс. рублей, в том числе в 1955 году 200 тысяч и по 50 тыс. в последующие два года. При этом объем ранее освоенных средств по этому объекту составлял 53 тыс. рублей⁷⁷. Однако из-за отсутствия достаточного финансирования и строительных материалов укрепление фундаментов башни переносилось из года в год.

В октябре 1956 г. И.А.Валеев уведомил Госстрой РСФСР о том, что «ввиду несвоевременного получения цемента и дождливой погоды, предусмотренные работы по укреплению основания башни Сююмбеки не начаты и переносятся на 1957 год. В данное время ведутся только подготовительные работы (заготовка арматуры), также переносятся на 1957 год работы по Булгару ввиду недостаточности

⁷⁵ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.1102. Л.26.

⁷⁶ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.1102. Л.27–28.

⁷⁷ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.1102. Л.39.

автотранспорта. Средства, предусмотренные на эти два объекта, перекладываются на объекты Свияжска и стены Казанского Кремля...»⁷⁸.

Медленное ведение работ по реставрации памятников архитектуры руководитель Управления объяснял тем, что «реставрационная производственная мастерская не имеет в достаточном объеме автотранспорта, рабочей силы, общежитий и жилья для рабочих и служащих, производственной базы, оборудования». Однако и на следующий год ситуация не изменилась. В своем обращении в Совет Министров ТАССР И.А.Валеев обозначает очередной датой проведения работ по усилению фундаментов основания башни Сююмбеки силами СНРПМ 1958 г. В 1958–1959 г. Татарская СНРПМ под руководством архитектора С.С.Айдарова произвела реставрацию наружной облицовки башни, а также заполнения проемов и внутренних деревянных конструкций. Только в 1977–1978 г. было произведено инженерное укрепление фундаментов башни по проекту, выполненному институтом Татгражданпроект в мастерской №2 под руководством О.И.Берима и А.И.Исхакова.

Реставрационные работы продолжились в конце XX столетия. В период с 1985 по 1991 г. были реализованы проект по консервации башни Сююмбеки институтом Татгражданпроект под руководством А.И.Исхакова, производство работ по укреплению фундаментов башни способом буроинъекционных свай силами управления «Гидроспецстрой», реставрация фасадов и интерьеров башни силами Татарского СНРУ под руководством архитектора Г.М.Гаязовой с применением оригинальной методики укрепления поверхности кирпичной кладки и тонирования стен, изготовление и установка завершения башни Сююмбеки в виде полумесяца с позолотой.

В послевоенное десятилетие реставрационные работы проводились не только на башне Сююмбеки, но и на других объектах Казанского Кремля. На эти мероприятия, а также на восстановление памятников г. Болгар Управление по делам архитектуры в 1946 г. предполагало затратить свыше 200 тыс. рублей⁷⁹.

В справке в редакцию газеты «Красная Татария» в качестве отклика на статью «Бережь памятники культуры», опубликованную 26 марта 1949 г., приводились следующие данные: «За прошедший

⁷⁸ НА РТ. Ф.Р–391. Оп.1. Д.97. Л.74об.

⁷⁹ Красная Татария. 1946. 5 марта.

1948 год произведено ремонтно-восстановительных работ на сумму 1113 тыс. рублей за счет средств пользователей, в т.ч. по восстановлению части кремлевских стен и благоустройству Кремля – 465 тыс. рублей, Благовещенскому собору по внешнему ремонту здания – 65 тыс. рублей...»⁸⁰.

Но, несмотря на целый комплекс обозначенных мер, вопросы, связанные с благоустройством Казанского Кремля, даже к концу 1940-х гг. так и не были разрешены. Свидетельством тому стало обрушение кремлевской стены на протяжении 40 метров на участке от въездных ворот до угловой круглой башни, произошедшее 18 мая 1948 г.

Созданная на следующий день правительственная комиссия в составе заместителя председателя СМ ТАССР А.П.Гаврилушкина, заместителя министра внутренних дел ТАССР Н.О.Власова, профессора КИИГСа В.В.Егеревы, и.о. начальника Управления по делам архитектуры при СМ ТАССР Ф.А.Симонова, заместителя главного городского архитектора А.А.Пименова, старшего инженера Госплана ТАССР В.И.Златоустова, главного инженера Хозуправления Кремля П.М.Логинова выяснила, что разрушилась не связанная с массивом древней кладки наружная кирпичная облицовка, которая представляла собой свободностоящую стену.

Сочетание свободностоящей кирпичной облицовки с древней бутовой кладкой применялось в Кремле начиная с 1684 г., когда для подстройки башен и перекладки парапетов впервые стал применяться кирпич. С тех пор обрушения на отдельных участках стен повторялись, особенно угрожающими были деформации башенных сооружений. Разрушившийся участок облицовки перекладывался уже несколько раз. Большое разрушение стены произошло в 1774 г. при взятии Казани Пугачевым, в 1839 г. облицовочная часть стены была вновь переложена. В 1852 г. парапетная стенка была заменена. Весной 1927 г. фрагмент стены на протяжении 41 метра выпал и был заменен новой кладкой, которая простояла до 1948 г.

Комиссия основными причинами аварии посчитала отсутствие отведения атмосферных осадков, которые, попадая между облицовкой и основной кладкой, оказывали разрушающее действие. Конструктивная особенность облицовочной стенки не обеспечивала

⁸⁰ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.650. Л.34.

ее устойчивость от больших вибраций, особенно когда вблизи нее проходили танки. Доказательством тому служили частые обрушения западной кремлевской стены во время нахождения здесь танкового училища.

Угроза архитектурному наследию заставила комиссию провести осмотр всех стен и башен Кремля. Проверка показала, что практически все участки кремлевской стены находятся в аварийном состоянии, а на отдельных узлах имеются даже отклонения от вертикального положения. Комиссия установила, что на участке между угловой и Консistorской башнями с северо-восточной стороны имеются «выпучивания» и отклонение стены от ее вертикального положения наружу на протяжении до 160 м. На участке от Консistorской башни до угловой Воскресенской стены имелись отклонения от вертикали наружу до 40 см, отмечен ряд трещин. Консistorская башня находилась в «весьма аварийном состоянии, с угрозой внезапного разрушения».

Задний участок стены со стороны реки Казанки от Воскресенской до Тайницкой башни имел ряд больших трещин до 10 см. Земляной холм за кремлевской стеной от подмыва весенних вод и подкопов разрушался. В самой Тайницкой башне также были выявлены трещины. Стена со стороны ул. Баумана, за исключением вновь отреставрированных участков, имела на отдельных участках выпучивания, отслоение облицовки и отклонения от вертикального положения. Участок стены от круглой западной башни до Спасской имел частичное разрушение с внутренней стороны. По периметру стен со стороны ул. Федосеевской и р. Казанки в откосах были обнаружены подкопы, которые оказывали вредное воздействие на устойчивость стен.

Особо разрушительными для стен являлись поглотители, помойки и временные уборные, расположенные вдоль кремлевских стен, начиная от дома офицерского состава и по всей территории военного городка, а также отсутствие водоотводов от стен, как с наружной, так и с внутренней сторон. Озабоченность комиссии вызвало аварийное состояние Спасской башни, в которой в плохом состоянии были некоторые конструктивные элементы (крыши, перекрытия). Трехэтажный корпус казарм военного городка также разрушался, в нем были выломаны перекрытия, оконные переплеты, двери и др. конструктивные элементы.

Комиссия вынесла решение: во-первых, немедленно разработать правила эксплуатации территории и сооружений Кремля, приняв соответствующие меры с целью охраны от разрушений;

во-вторых, провести реставрационные работы по восстановлению обрушившегося участка южной стены;

в-третьих, в связи с угрозой разрушения освободить от жильцов офицерский дом и Консисторскую башню. Также комиссия подчеркнула важность систематической проверки состояния всех сооружений Казанского Кремля⁸¹.

В январе 1949 г. начальник Управления по делам архитектуры в письме к заместителю председателя Совета Министров ТАССР М.И.Юсуповой указал, что Казанский горисполком не выполняет работ по укреплению кремлевских откосов. 19 мая 1948 г. комиссия под председательством зам. председателя СМ А.Н.Гаврилушкина пришла к заключению о необходимости срочного укрепления откосов кремлевских стен по всему периметру, особенно по ул. Батурина и со стороны р. Казанки. Выполнение означенных мероприятий возлагалось на Казанский городской исполнительный комитет. И.А.Валеев указывал на прогрессирующие деформационные трещины Тайницкой и Спасской башен, на опасные выпучины и обрушение кремлевских стен в 1947–48 гг. и видел причину разрушений в отсутствии правильной организации отвода «поверхностных вод с территории Кремля и откосов кремлевских стен, наличие выгребных ям»⁸².

Многочисленные напоминания о необходимости выполнения постановлений Совета Министров ТАССР на имя председателя исполкома В.П.Головина от 23 августа, 4 октября, 28 октября, 9 декабря 1948 г. также остались без внимания⁸³.

Под влиянием этих событий Совет Министров ТАССР 20 августа 1948 г. и 10 марта 1949 г. принял постановления «О мероприятиях по охране памятников архитектуры в Казанском Кремле», где было указано на необходимость проведения конкретных действий по сохранению культурного наследия и благоустройства территории Казанского Кремля. В констатирующей части документов отмечалось, что отданные ранее распоряжения, к сожалению, выполнены не были.

⁸¹ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.513. Л.36–40.

⁸² НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.650. Л.1.

⁸³ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.650. Л.34.

Так, военная часть никаких работ по ремонту Тайницкой башни и стен Кремля, прилегающих к занимаемой ею территории, не произвела; не освободила от жильцов Спасскую и от складских помещений Тайницкую башни; не ликвидировала существующие сараи и выгребные ямы. Хозуправление Кремля также не провело необходимых работ: не организовало водоотводы и водостоки с территории и стен Кремля, не завершило работы по укреплению Консисторской башни⁸⁴.

Спасская, Тайницкая башни Казанского Кремля и церковь Николая Ратного использовались КЭЧ Казанского района. Только после длительных переписок с вышестоящими и судебными органами Управление по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР в 1948 г. добилось восстановления 3-го этажа разрушенной КЭЧ Спасской башни, чердачного перекрытия площадью 120 м², кровли, полов, штукатурки, остекления и других работ.

Следует отметить, что расположенные на территории Кремля военная часть и военный городок стали «головной болью» для Управления по делам архитектуры. Ежегодные проверки выявляли одни и те же проблемы, связанные с благоустройством занимаемой ими территории. В апреле 1952 г. начальник Управления по делам архитектуры при СМ ТАССР И.А.Валеев отправляет очередное письмо на имя начальника в/ч № 45463 генерал-майора Лихова и начальника КЭЧ Казанского района инженера-подполковника Завьялова с требованием привести в благоустроенный вид территорию военного городка у здания ДОС-2 и ликвидировать сараи для дров, поглощающие и выгребные ямы.

Он отмечал: «...когда-то зеленый уголок Кремля превратили в места свалки мусора, понастроили службы, дровяники, помойные ямы и склад дров. Со стороны ул. Баумана на кремлевские стены сложили дрова, тем самым способствуя разрушению стен, к тому же на аварийных участках»⁸⁵. Не выполнялось указание штаба ПРВО и УК 23/7328 от 5 июня 1951 г. об уборке с бульвара мусора, сброшенного с территории военного городка.

Письма аналогичного содержания были отправлены 22 сентября 1952 г. командующему войсками Приволжского военного окру-

⁸⁴ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.650. Л.55-57 об.

⁸⁵ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.955. Л.11.

га генерал-лейтенанту Перекрестову, секретарю крайкома ВКП(б) С.Г.Батыеву, начальнику управления по делам архитектуры при СМ РСФСР В.А.Шквартикову. В них указывалось, что руководство военной части в течение ряда лет грубо нарушало постановление Совета Министров СССР № 3898, инструкцию и правила эксплуатации используемых памятников, ввергло занимаемую территорию и прилегающие к ней участки в захламленное состояние, варварски разрушало и не производило поддерживающего ремонта находящихся на этой территории памятников. Командование в/ч № 45463 просто не реагировало на указания Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР, игнорируя постановление 1948 г., целый ряд предупреждений от 10 ноября 1948 г., 8 мая 1951 г., 12 марта, 1 июня, 6 августа, 5 сентября 1952 г. и др.⁸⁶

25 октября 1954 г. при очередной проверке сохранности памятников комплекса Казанского Кремля начальником инспекции по охране памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР Анисимовым было установлено, что находящиеся на территории военного городка памятники систематически хищнически разрушались. В здании церкви Николы Ратного (XVI в.) самовольно были пробиты белокаменные стены в цокольной части для приспособления подвального помещения под овощехранилище. Подвальное помещение остатков бывшего Спасо-Преображенского монастыря (XVI в.) использовалось под бензохранилище. Неоднократные предупредительные меры со стороны республиканских властей военными игнорировались. Руководство части не принимало мер к прекращению дальнейшего разрушения, а наоборот «усилило его путем увеличения количества солдат и автомашин для вывозки получаемого от разборки белого камня и большемерного кирпича для использования их на мостовую»⁸⁷.

Общее состояние комплекса сооружений Кремля продолжало ухудшаться. На кремлевской территории отсутствовали должным образом функционирующие канализация и водопровод, что, в свою очередь, ослабляло основания и фундаменты сооружений. А это приводило к новым разрушениям выдающегося архитектурного ансамбля.

⁸⁶ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.955. Л.21.

⁸⁷ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1102. Л.37.

В 1953 г. Управление инженерной защиты г. Казани без согласования с органами управления по делам архитектуры приступило к сооружению защитной дамбы на участке кремлевских стен вдоль берега р. Казанки. Производилась засыпка угловой Воскресенской и основания Тайницкой башни, что вело к искажению их исторического и архитектурного облика. При этом совершенно не предусматривались защитные мероприятия по конструктивному усилению оснований башен и стен при наличии серьезных деформаций Тайницкой башни (трещин и сползания). Управление по делам архитектуры настаивало на согласовании проектов защитных дамб с Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР⁸⁸.

24 сентября 1953 г. комиссия с участием квалифицированных специалистов осмотрела участок кремлевской стены между Тайницкой и Воскресенской башнями и установила, что сползание и просадка земляного откоса вызвали деформацию стены и помещения гаража, вследствие чего появились трещины в продольных и поперечных стенах гаража, в асфальто-бетонных полах, перекрытиях размером от 1 до 5 см; обнаружались продольные и поперечные трещины в самой стене основания Тайницкой башни. Комиссия пришла к заключению, что основной причиной сползания и просадки земляного откоса стало его сильное увлажнение при намыве Управлением гидромеханизации инженерно-защитной дамбы, а также из-за вод бытового назначения (вода от мытья машин фильтровалась в грунты откоса)⁸⁹.

19 февраля 1954 г. начальник Управления по делам архитектуры И.А.Валеев обратился к председателю Совета Министров ТАССР М.З.Азизову с письмом о неблагоприятном состоянии архитектурных и археологических объектов Кремля, особенно в северной его части. Казанский филиал Академии наук СССР также подтвердил свою обеспокоенность состоянием памятников архитектуры. В докладной записке от 1 октября 1953 г. с приложением акта комиссии от 24 октября 1953 г. говорилось об угрожающем состоянии комплекса кремлевских сооружений в связи с увлажнением основания земляного холма в процессе намыва защитной дамбы; о появлении деформационных трещин на кремлевских стенах, башнях и основных сооружениях; просадках земляного откоса и возможности даль-

⁸⁸ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1042. Л.42.

⁸⁹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1042. Л.66-70.

нейшего ухудшения ситуации в связи с поднятием уровня воды до отметки 56,0–55,0, а также с нарушением режима грунтовых вод и стока поверхностных вод с территории Кремля.

Положение Казанского Кремля, состояние его архитектурных и археологических памятников серьезно беспокоили и представителей научной интеллигенции. Следует отметить, что археологические наблюдения и исследования на территории Казани и Казанского Кремля в 1940–50-е гг. проводились под руководством Н.Ф.Калинина, основоположника казанской школы археологов, крупнейшего знатока средневековой истории Кремля и всей Казани.

Начальный этап (1923–27 гг.) археологических исследований Н.Ф.Калинина на территории Казани представлял собой наблюдения за ходом строительных работ, накопление фактического материала⁹⁰. Наблюдения после 1945 г. подготовили почву для начала широкомасштабных раскопок на основе перспективного плана археологических работ, составленного Н.Ф.Калининым. По этому плану предусматривалось проведение раскопок на площади 14 тыс. м². Плодотворные раскопки Н.Ф.Калинина 1950-х гг. завершили второй этап в истории изучения Казанского Кремля⁹¹. В целом в 1923–54 гг. только на территории Кремля Н.Ф.Калининым, его коллегами О.С.Хованской, В.Ф.Смолиным, В.В.Егеревым и другими учеными было исследовано 415 кв.м площади⁹².

Необходимость проведения срочных работ по геологическому и гидрогеологическому исследованию территории Казанского Кремля

---

⁹⁰ Ситдигов А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. С. 14.

⁹¹ В 1928–1929 гг. производились раскопки в северо-восточной части Кремля под руководством И.Н.Бороздина. См: Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановской церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. III. Казань, 1929. С. 37–40. В 1935 г. у северной стены Кремля вел раскопки сам Н.Ф.Калинин. См.: Калинин Н.Ф. Город Казань (О раскопках в Казанском Кремле в 1935 г.) // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.-Л., 1941. С. 104–106. С 1947 г. им осуществлялись постоянные наблюдения при строительных работах. См: Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. I. 1955. С.117–138.

⁹² Ситдигов А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. С.19.

ля с учетом карстовых образований отметила и комиссия Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР, заседание которого состоялось 4 января 1954 г.

Управление по делам архитектуры при СМ ТАССР, изучив предложения КФАН СССР об археологических работах в районе Казанского Кремля и его окрестностях, пересмотрело ранее внесенные предложения от 1 октября 1954 г. Исходя из указаний Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР, Управление внесло на рассмотрение и утверждение Совета Министров ТАССР предложения о производстве в 1954 г. геологических и гидрогеологических исследований на территории Казанского Кремля в районе провала 1926 г., со стороны ул. Баумана, с учетом карстовых образований, и о разработке мероприятий по обеспечению сохранности сооружений кремлевского комплекса.

Предлагалось произвести археологические исследования и изучение предполагаемых древних подземных ходов на территории Кремля (в районе Тайницкой башни, на ул. Баумана). Выполнение этих работ поручалось проектной организации «Ленгипрокоммунстрой» МКХ РСФСР с привлечением КФАН СССР и с возложением производства раскопок, земляных работ, вскрытий на Управление по строительству инженерной защиты г. Казани.

В 1954 г. был разработан проект решения Совета Министров ТАССР об организации при исполкоме Казанского горсовета комиссии по изучению недр Казанского Кремля с целью координации работ разных специалистов. В состав комиссии были включены представители от Казгорисполкома С.К.Дмитриев, городской архитектор С.С.Копец, начальник Управления по делам архитектуры И.А.Валеев, от строительного института нефтяной промышленности В.В.Егеров, археолог КФАН СССР Н.Ф.Калинин, гидрогеолог М.С.Кавеев, от Ленинградского института проектирования коммунального строительства И.И.Пархоменко. Был составлен план изучения подземных пустот Казанского Кремля, его коммуникаций и сооружений.

В плане на 1954 г. предусматривалось исследование места провала около Тайницкой башни, проведение археологических раскопок в северо-западной части Кремля, фундамента башни Сююмбеки для уяснения причин ее наклона, фундаментов и грунтов у Дома правительства в его восточной части. Планом работ предполагалось проведение глубокого (до 20 м) бурения по археологическим и гидро-

геологическим раскопам, по откачке воды, по закреплению пустот, по электроосвещению подземных работ.

Организациям и управлениям рекомендовалось внести в план своих работ на 1954 г. проведение указанных мероприятий с выделением средств, механизмов и рабочей силы. Коменданту Кремля, хозяйству военного училища и другим учреждениям, находящимся на кремлевской территории, предписывалось очистить территорию для производства научных изысканий, оградить железной решеткой башню Сююмбеки и закрыть проезд⁹³.

За период с 1951 по 1955 г. на восстановление Консistorской башни Казанского Кремля было израсходовано 85,2 тыс. руб.; Тайницкой башни – 122,9 тыс. руб.; Спасской башни – 143,3 тыс. руб.; стен и башен – 550 тыс. руб. В 1956 г. в Казанском Кремле работы велись в основном на стенах и башнях. За 9 месяцев было освоено 132 тыс. руб., восстанавливались утраченные ранее зубцы на участке от Тайницкой до Воскресенской башни, Безымянная круглая аварийная башня оделась металлическими поясами, перекладывались стены, восстанавливалась кровля⁹⁴.

Однако эти мероприятия не могли кардинально изменить ситуацию с общей потребностью в ремонте и реставрации кремлевских объектов. В мае 1956 г. в письме, направленном на имя председателя Госкомитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров РСФСР С.И.Шапурова и Председателя Совета Министров ТАССР М.З.Азизова, руководство и сотрудники Государственного музея ТАССР (В.Дьяконов, Е.Бушканец, Т.Вигалюк, А.Ефимова, Н.Субаев, Ф.Гасимов, В.Гришин) выражали свою озабоченность крайне неблагоприятным состоянием «всего дела с охраной историко-архитектурных памятников в Татарии»⁹⁵.

Музейщики прямо связывали эту ситуацию с тем, что, по их мнению, Управление по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР «и особенно его начальник Валеев наплевательски относятся к охране памятников – нашего народного достояния». Авторы обращения констатировали совершенно неудовлетворительное состояние стен и башен Казанского Кремля: «Часть из них на глазах

⁹³ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.1102. Л.7.

⁹⁴ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.1208. Л.72.

⁹⁵ НА РТ. Ф.Р–391. Оп.1. Д.97. Л.70–73.

разрушается. Отдельные башни грозят обвалом. Железная кровля на некоторых башнях обветшала, на других совсем отсутствует. За последние 10 лет дважды производилась побелка стен и башен. Однако работа эта выполнялась настолько плохо, низкокачественно, что общий вид Кремля производит весьма жалкое впечатление. Стоит он обшарпанный, облезлый, разрушающийся»⁹⁶.

Через полтора года в докладной записке директора Государственного музея ТАССР В. Дьяконова «Об учете, состоянии, охране и реставрации исторических памятников в Татарии» (январь 1958 г.) сообщалось, что, как и раньше, продолжается «растрескивание и разрушение определенных участков кремлевской стены», «отдельные отрезки стены сохраняют неряшливый вид и имеют трещины»⁹⁷.

Здесь же отмечалось запущенное состояние исторических памятников XVI–XVIII вв. – стен и башен, в первую очередь – Спасской башни, Благовещенского собора и башни Сююмбеки. Напоминая, что здание собора использовалось архивом, В.Дьяконов отмечал, что это обстоятельство не пошло ему на пользу, негативно сказавшись на сохранности архитектурного памятника: «Внешний облик собора, как памятника зодчества, был нарушен снятием купола. Местами не хватало архитектурных деталей на стене и на боковом входе...». В плохом состоянии находилось и само помещение собора. Процесс разрушения росписи и штукатурки, начавшийся в 1940-х гг., в этот период «охватил большую часть помещения». Причинами разрушения являлись неотрмонтированная крыша и отсутствие отопления⁹⁸. Что же касается башни Сююмбеки, то она вновь нуждалась в реставрационных работах.

Таким образом, Казанский Кремль в 1940–1950-е гг. активно использовался многочисленными госучреждениями и организациями. Эксплуатация зданий привела к разрушению многих исторических памятников. Редкие попытки ученых и общественности изменить ситуацию и улучшить состояние кремлевских сооружений и благоустроить территорию Кремля не дали положительного эффекта. Поэтому и в последующие годы проблемы реконструкции, реставрации исторических и архитектурных памятников всего ансамбля Кремля являлись злободневными.

⁹⁶ НА РТ. Ф.Р–391. Оп.1. Д.97. Л.71.

⁹⁷ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.1274. Л.7–8.

⁹⁸ НА РТ. Ф.Р–128. Оп.2. Д.1274. Л.9.

Основные ремонтно-реставрационные работы историко-архитектурного ансамбля Казанского Кремля развернулись на рубеже XX–XXI столетий. Объекты культурного наследия комплекса Казанского Кремля с 1994 г. состоят в ведении Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль»⁹⁹. Масштабные реставрационные работы проводились на протяжении 10 лет и были приурочены к празднованию в 2005 г. 1000-летия столицы Республики Татарстан – города Казани.

Сегодня Казанский Кремль является объектом исторического и культурного наследия мирового, федерального (общероссийского) наследия и особо ценным объектом культурного наследия Республики Татарстан¹⁰⁰. В 1998 г. ансамбль Казанского Кремля был представлен и в конце 2000 г. решением XXIV сессии Комитета по всемирному наследию ЮНЕСКО, прошедшей в австралийском городе Кернс, включен в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО¹⁰¹.

Деманов А.А.

Вклад гуманитарных наук в формирование патриотизма в годы Великой Отечественной войны

В борьбе за жизнь на фронте и в тылу проявилась не только материальная, но и духовная сила советской науки. Великая Отечественная война велась не одной лишь мощью оружия и числом сражавшихся дивизий, но и великой силой идей. Известно, что гитлеровская пропаганда массивно насаждала идеи о «непобедимости» вермахта, превосходстве «нового порядка» в Европе, непревзойденности стратегии «блицкрига», о легкой победе на Востоке.

⁹⁹ Постановление КМ РТ от 31.01.1994 г. № 39 «О создании Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль»; Указ Президента РТ от 22.01.1994 г. № 47 «О создании Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».

¹⁰⁰ Постановление Совета Министров РСФСР от 30.10.1960 г. № 1327; Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176; Постановление Кабинета Министров РТ от 31.07.1998 г. № 424.

¹⁰¹ Решение ЮНЕСКО от 02.12.2000 г.; Казанский Кремль. Казань, 2005. С. 171.

Вместе с печатью, радио, средствами массовой информации, вместе с литературой и искусством советская наука вела активную идеологическую борьбу с врагом. Она велась с первых и до последних дней войны. Ученые разных областей знания, особенно представители общественных наук, развернули большую агитационно-пропагандистскую работу. Она велась в тылу и на фронте. Ученые выступали с лекциями и докладами в воинских частях и госпиталях, на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Голос деятелей науки часто звучал по радио.

Естественно, что такое масштабное событие, как Великая Отечественная война, возбудило и во много раз обострило интерес и внимание к истории, в первую очередь к истории советского многонационального государства и дореволюционной России.

«Общественная потребность в знании истории, ее традиций, ее закономерностей за время Великой Отечественной войны возросла в небывалой степени», – писала академик А.М. Панкратова¹⁰². Одним из главных направлений в деятельности историков явилась подготовка научных и популярных изданий о героическом прошлом нашей Родины. Историки написали много брошюр о борьбе русского народа за независимость, о великих русских полководцах, об Отечественной войне 1812 г. В ряде изданий освещалась славная история Красной Армии, борьба советского народа с иностранными интервентами в годы гражданской войны. Выпускалась серия тематических брошюр «Культурные сокровища народов СССР». Их авторы – видные ученые С.В. Бахрушин, В.Д. Греков, И.И. Минц, М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров и многие др.

Несмотря на войну (а во многих случаях даже по ее «подсказке»), в стране отмечались важные юбилейные даты – 700-летие разгрома немецких рыцарей-крестоносцев на Чудском озере, 290-летие Переяславской рады¹⁰³.

Конечно, в годы войны, тем более в ее начале, ученым было не до крупных и фундаментальных исследований, хотя нельзя утверждать, что они совсем прекратились. Так, в 1942 г. издается капитальная монография академика Е.В. Тарле «Крымская война». Продолжаются

¹⁰² Пархоменко А.А., Федоров А.С. Сражающаяся наука. М., 1990. С. 167.

¹⁰³ Великая Отечественная война. 1941–1945: словарь-справочник. М., 1985.

начатые в предвоенные годы исследования по истории гражданской войны и иностранной интервенции. Их итогом явился второй том большого коллективного труда «История гражданской войны в СССР». За 4 военных года опубликовано свыше 30 сборников документов и материалов по истории Октябрьской революции и гражданской войны, о борьбе с германскими оккупантами в 1918 г. Актуальными в этот период стали исследования по истории внешней политики. Коллектив видных ученых и специалистов (в их числе А.М. Панкратова, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов и др.) подготовил второй и третий тома «Истории дипломатии», они были изданы в 1945 г. Продолжается разработка проблем истории славянских народов, их национально-освободительной борьбы. В 1944 г. публикуется сборник «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». Сборник подготовлен группой крупных специалистов-славяноведов¹⁰⁴.

В августе 1943 г. Президиум АН СССР создает специальную комиссию по истории Великой Отечественной войны. В ее состав вошли Е.М. Ярославский, И.И. Минц, Р.С. Землячка, Е.Н. Городецкий и другие ученые. Комиссия активно занималась сбором, изучением и анализом документов и материалов о Великой Отечественной войне. В работу вовлекаются многие научные учреждения и организации, государственные архивы. На этой основе были впоследствии подготовлены крупные научные публикации.

Взросший интерес народа к героическому прошлому своей Родины, выдающаяся роль советской науки в борьбе с фашизмом стимулируют развитие исследований по истории отечественной науки. В связи с 25-летием Октябрьской революции Академия наук СССР провела в ноябре 1942 г. в Свердловске юбилейную сессию. В повестке дня стояли доклады видных ученых, посвященные деятельности Академии наук, развитию в нашей стране естественных, технических и общественных наук в послереволюционные годы.

Широко отмечались и знаменательные даты в истории науки. Так, научная общественность страны провела специальные заседания, посвященные 150-летию со дня рождения Н.И. Лобачевского, 100-летию со дня рождения К.А. Тимирязева, 50-летию со дня смерти П.Л. Чебышева. В 1943 г. отмечалось 300-летие со дня рождения И. Ньютона. В ознаменование юбилея Академия наук издает

¹⁰⁴ Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.

коллективный труд «Исаак Ньютон. 1643–1727. Сборник статей: к трехсотлетию со дня рождения». Чествование в Советском Союзе виднейшего английского ученого получило очень благожелательный резонанс в странах – союзницах СССР по антигитлеровской коалиции. В ноябре 1944 г. Совнарком СССР принимает постановление об организации в системе Академии наук Института истории естествознания. Цель его создания – разработка истории мирового, и особенно отечественного, естествознания (в дальнейшем на его основе организуется Институт истории естествознания и техники АН СССР). Первым директором института стал президент Академии наук академик В.Л. Комаров¹⁰⁵.

Серьезную работу вели ученые-экономисты. Их деятельность в основном определялась задачами военного времени. Экономисты разрабатывают проблемы развития военной экономики Советского Союза и зарубежных стран. В центре внимания – изучение вопросов, связанных с размещением производительных сил СССР в условиях войны. В частности, Институт экономики АН СССР занимался исследованием и анализом военной экономики Урала, Казахстана и других промышленных центров страны. Экономистами решались теоретические и практические проблемы планирования военного производства, организации труда, использования материальных и людских ресурсов.

Руководящим центром по разработке научных проблем военной экономики стал Госплан СССР во главе с Н.А. Вознесенским. Членами Совета научно-технической экспертизы Госплана были видные ученые; в том числе экономисты, специалисты по финансам, организации труда и управления. В большой и многоплановой работе, которая велась по мобилизации народного хозяйства в Госплане и наркоматах, активно участвовали научные сотрудники многих учреждений Академии наук СССР, отраслевых НИИ промышленности и транспорта.

Когда началась война, Н.А. Вознесенский непосредственно руководил разработкой мобилизационных народнохозяйственных планов, то есть переводом всей экономики на военные рельсы. В 1943 г. за заслуги перед экономической наукой Н.А. Вознесенский был избран академиком АН СССР. С 1947 г. он член Политбюро ЦК ВКП(б). Свой огромный опыт по разработке в годы войны народнохозяйственных планов, по перестройке экономики страны на военный лад Николай

¹⁰⁵ Пархоменко А. А., Федоров А.С. Указ. соч. С. 168.

Алексеевич обобщил в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Эта книга в 1948 г. удостоена Государственной премии СССР.

В области политической экономии, статистики, истории, экономики продолжали научные исследования академики С.Г. Струмилин, В.С. Немчинов, К.В. Островитянов, Е.С. Варга и другие ученые. Профессор П.И. Лященко подготовил к изданию трехтомную монографию «История народного хозяйства СССР», опубликованную в первые послевоенные годы. В 1945 г. увидели свет написанные украинскими экономистами труды «Народное хозяйство Советской Украины», «Экономическая география УССР». Немало крупных экономических работ подготовили ученые и других союзных республик¹⁰⁶.

Не прекращались в военное время и научные исследования ученых-юристов, правоведов и криминалистов. Работа велась в разных направлениях – по проблемам государства и права, гражданского права, международного права и т.д. Особый акцент делался на темах, имевших актуальное общественно-политическое значение.

Так, академик И.П. Трайнин (в годы войны он возглавлял Институт права АН СССР) подготовил ряд работ о нарушениях фашистами законов и обычаев войны. А.Н. Трайнин, тоже известный ученый-правовед, в 1944 г. выпустил монографию «Уголовная ответственность гитлеровцев». Книга вызвала большой интерес как в СССР, так и за рубежом. В дальнейшем по поручению Советского правительства А.Н. Трайнин подписал в Лондоне Соглашение об учреждении Международного военного трибунала. Во время Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками он был консультантом советской части международного трибунала¹⁰⁷.

Продолжали научную работу литературоведы. В их поле зрения – памятники древнерусской литературы и искусства, творчество крупнейших русских писателей, достижения советской литературы. Изучению этих проблем посвящают свои работы Д.С. Лихачев, Н.К. Гудзий, А.С. Орлов и другие ученые. Профессор Д. Благой завершил большой исследовательский труд «История русской литературы», выпущенный в 1945 г. Важной частью деятельности литературоведов стало издание серии научно-популярных брошюр

¹⁰⁶ Пархоменко А.А., Федоров А.С. Указ. соч. С. 169.

¹⁰⁷ Пархоменко А.А., Федоров А.С. Указ. соч. С. 169.

«Писатели – патриоты нашей Родины». В той серии вышли работы о А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, Н.А. Некрасове, И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом и других писателях.

Опыт научно-технического прогресса в нашей стране в годы Великой Отечественной войны является не только достоянием истории. Он интересен и поучителен, дает множество убедительных примеров великой силы научного знания, огромных возможностей науки, ее важнейшей роли в укреплении и упрочнении мира.

Шевырин С.А.

Изобретатели в ГУЛАГе в годы Великой Отечественной войны

Отдельную страницу истории ГУЛАГа составляет судьба и деятельность репрессированной научно-технической интеллигенции и лагерных конструкторских и технических бюро. Вклад репрессированной часто за несуществующие преступления научно-технической интеллигенции в развитие российской науки и техники до сего времени до конца не раскрыт и требует изучения.

В электронную базу данных Пермского государственного архива новейшей истории занесено более 36 тысяч дел репрессированных по политическим мотивам жителей Пермского края. Из них около 150 человек – инженеры, конструкторы, химики, физики. Имеются групповые дела, в которые включены целые конструкторские отделы Пермских заводов¹⁰⁸. Так, например, в 1935 г. были арестованы почти все инженеры-конструкторы пермского авиамоторного завода №19 за то, что в обеденный перерыв рассказывали антисоветские анекдоты¹⁰⁹. Все инженеры были заключены в ИТЛ на срок от 3 до 8 лет. Вновь сформированное конструкторское бюро завода №19 также проработало недолго. В 1938 г. инженеры были обвинены в создании контрреволюционной вредительской организации, на счете которой был не только выпуск дефектных моторов для РККА, но и гибель

¹⁰⁸ Например, архивно-следственное дело Владимирова и др. 1938 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520 в 3 т.

¹⁰⁹ Архивно-следственное дело Мавровского Ю.М. 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2441.

Чкалова: «...по указанию Побережского и Туполева вредительски изготовили мотор для самолета И-16, в результате чего 03.10.1937 г. этот самолет потерпел катастрофу и погиб В. Чкалов»¹¹⁰. Побережский¹¹¹ был расстрелян, а инженеры-конструкторы получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Причем, осуждены они были Военной коллегией Верховного суда СССР или Особым совещанием НКВД в 1940 г., а на многих из них уже в 1938 г. пришли заявки из Четвертого спецотдела НКВД, занимающегося научными разработками. Так, инженер-термист, бывший зам. главного металлурга завода №19 Чугунов В.В. был осужден 28.05.1940 г., а 11.10.1938 г. он уже был отправлен в Москву в распоряжение отдела специальных технических бюро НКВД СССР¹¹². Многие другие «вредители» – инженеры завода №19 также попали в лагерные «шарашки»: Владимир М.С. продолжил конструирование авиационных моторов в Казанском КБ, Концевич Ф.В. стал старшим конструктором подмосковного КБ (Тушино), Дроздик Д.М. после нескольких лет лагерных скитаний попал в Ленинградское ОКБ, где работал специалистом по двигателям внутреннего сгорания¹¹³. Концевич Ф.В. в заключении участвовал в разработке авиационного дизельного мотора под руководством Чарольского, бензинового авиадвигателя МБ-100. Осужденный к 10 годам инженер Брискин Е.И. возглавил в колонии производство мин и снарядов, внес ряд рацпредложений, особенно в изготовлении крыльев стабилизаторов¹¹⁴.

Наполнение лагерей и тюрем инженерами, техниками, химиками и др. специалистами естественно вело к их значительной убыли на воле и привлечению внимания к этой особой группе заключенных. 15 мая 1930 г. появился особый Циркуляр, подписанный председателем ОГПУ Ягодой и председателем ВСНХ Куйбышевым, который предлагал «...использовать вредителей ... таким образом, чтобы ра-

¹¹⁰ Из справки по архивно-следственному делу №1476 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Т. 2. Л. 48.

¹¹¹ Директор пермского авиамоторного завода.

¹¹² Архивно-следственное дело Чугунова В.В. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14350. Л. 140, 52.

¹¹³ Архивно-следственное дело Владимирова М.С. и др. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520.

¹¹⁴ Архивно-следственное дело Брискина Е.И. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10299.

бота их проходила главным образом в помещении органов ОГПУ. ... оказывать им содействие в деле постановки опытных работ...»¹¹⁵. Но, фактически к этому времени первое тюремное конструкторское бюро уже существовало. Попавших в разряд «вредителей» специалистов по самолетостроению и авиадвигателям ОГПУ сосредоточило в Бутырской тюрьме, где они еще в декабре 1929 г. занимались конструированием новых самолетов¹¹⁶. Циркуляр от 15 мая 1930 г. давал возможность широко использовать опыт Бутырской тюрьмы. Причем инженеров – «вредителей» предполагалось использовать исключительно в области «производства новых средств вооружения армии и флота»¹¹⁷. Такие тюремные КБ были организованы в Москве, Ленинграде, Таганроге, Ростове, Казани.

В Перми до 1941 г. таких КБ не было. С началом войны в Молотовскую область было эвакуировано 124 промышленных предприятия. Среди них было немало военных, которые часто размещались на территории уже существовавших в Перми (тогда Молотове) военных заводов. Например, на производственных площадях завода им. Кирова разместились 5 эвакуированных пороховых предприятия¹¹⁸. С предприятиями эвакуировались рабочие и инженеры, технические и конструкторские бюро. В их числе было как минимум два особых бюро, в которых работали заключенные, в большинстве своем «враги народа». Это были осужденные по 58-ой статье УК РСФСР ученые-изобретатели. Осенью 1941 г. из-под Москвы (Болшево) было эвакуировано Особое техническое бюро (ОТБ) НКВД при научно-исследовательском институте промышленности боеприпасов, а из ленинградских «Крестов» – артиллерийское Особое конструкторское бюро (ОКБ) №172. На языке ГУЛАГа это были спецтюрьмы с контингентом 150 человек при заводе №172 (пушечный) и

---

¹¹⁵ Крук Н.С. История ОКБ-172 // Вестник «Мемориала». 2001. №6. С. 46.

¹¹⁶ История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. Экономика ГУЛАГа. М., РОССПЭН, 2004. С. 584.

¹¹⁷ Из приказа НКВД СССР №0021 «Об организации Особого технического бюро», 10.01.1939 г. // История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. Экономика ГУЛАГа. М., РОССПЭН, 2004. С. 444.

¹¹⁸ Степанов М.И. Оборонный комплекс Западного Урала // И помнит мир спасенный... материалы научно-практической конференции 27 апреля 2005 г. Пермь, 2005. С. 20.

20 человек при заводе №98 (взрывчатые вещества)¹¹⁹. По воспоминаниям ученых, прошедших через эти спецтюрьмы, первая была размещена «на одной из боковых тихоньких улочек... в Мотовилихинском районе»¹²⁰, вторая – в Закамске при Кировском заводе¹²¹.

Особое техническое бюро при Кировском заводе возглавлял А.С. Бакаев. Под его руководством трудились талантливые инженеры-химики – Д.И. Гальперин, А.Э. Спориус, Б.И. Пашков, В.А. Лясоцкий, Ф.М. Хритинин и другие¹²². За годы войны они разработали новые высокоэффективные сорта пороха, новую технологию производства зарядов к «Катюшам», организовали производство взрывчатых веществ (коллоксилина) на Краснокамском бумкомбинате¹²³. Благодаря ученым-химикам из ОТБ НКВД Кировский завод в годы войны стал основным поставщиком порохов в стране¹²⁴. В 1943 г. часть изобретателей была досрочно освобождена и награждена орденами и медалями.

Особое конструкторское бюро из Ленинграда первоначально планировалось эвакуировать в Казань. Вероятно, предполагалось слияние с Зеленодольским ОТБ. 21 июля 1941 г. этап заключенных был отправлен в Казань, но благодаря военной неразберихе оказался в Томске¹²⁵. И только в июле 1942 г. инженеры-конструкторы прибыли в Молотов. В Государственном общественно-политическом архиве Пермской области сохранился протокол заседания бюро Сталинского районного комитета партии г. Молотов (современный Свердловский район Перми), на котором рассматривался вопрос о возможности создания партиячейки при спецтюрьме, прибывшей из Томска¹²⁶. Вполне вероятно, что ученые-заключенные были первонач-

¹¹⁹ ГАПК. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 651. Л. 23.

¹²⁰ Воспоминания Фомченко С.И. Материалы к истории ОКБ-172 // Вестник Мемориала. №6. СПб., 2001. С. 64.

¹²¹ Д.И. Гальперин. Ученый. Учитель. Патриот. Пермь, 2003.

¹²² История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006. С. 254–255.

¹²³ Д.И. Гальперин. Ученый. Учитель. Патриот. Пермь, 2003. С. 12–13.

¹²⁴ Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 20.

¹²⁵ Крук Н.С. Орудия победы // Вестник Мемориала. №6. СПб., 2001. С. 50.

¹²⁶ ПермГАНИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 123. Л. 28.

чально размещены в ИТК №1, находившейся в районе современного театра кукол, пока им не подыскали небольшой двухэтажный домик на улице Ким¹²⁷. Ведущим конструктором этого КБ был М.Ю. Цирульников, осужденный Особым совещанием НКВД по 58-ой статье к 8 годам заключения.

На пушечном заводе в Мотовилихе существовало свое опытно-конструкторское бюро под руководством главного конструктора С.П. Гуренко. Но, судя по заявлению коллектива конструкторов этого бюро, начиная с 1940 г., «...бюро работает без малейшей отдачи... За указанный период времени бюро не внедрило на валовое производство ни одного своего нового образца артиллерийских машин. ... Большинство остальных машин 1941–1942 гг. либо не выдержали испытаний, либо их отладка затягивалась на долгие годы, ввиду чего они теряли свою актуальность, что приводило их также в архив или на склад»¹²⁸. Под заявлением подписалось 13 конструкторов. Появление еще одного КБ на заводе оживило научную мысль и внесло элемент соревнования между конструкторами. Так, разработку 45-мм противотанковой пушки поручили сразу нескольким КБ. ОКБ Мотовилихинского завода предложило вариант М-6, эвакуированное ОКБ – М-42. При испытаниях выстрел из М-42 оказался кучнее¹²⁹; т.е. вариант, предложенный заключенными, был лучше. То же было и с проектом увеличения мощности 152-мм пушки МЛ-20. В отчете начальника ОКБ Мотовилихинского завода их неудача в основном объясняется тем, что конструктор, которому было поручено вести разработку, уехал в дом отдыха, и «работа остановилась»¹³⁰. В докладе на партсобрании «Итоги работы опытно-конструкторского бюро за 1943 г. и задачи, поставленные наркомом перед конструкторами на 1944 г.» главный инженер завода Гуренко привел еще несколько факторов, снижающих эффективность их работы. В частности, он отметил, что их опытные образцы изготавливаются в последнюю очередь, тогда как образцы ОКБ-172 – в первую, а связано это с тем,

---

¹²⁷ В книге «История промышленности Пермского края. XX век». (Пермь, 2006. С. 232) приводится точный адрес – ул. Ким, 41.

¹²⁸ ПермГАНИ. Ф. 889. Оп. 1. Д. 413. Л. 2–3.

¹²⁹ Там же. Л. 13.

¹³⁰ Там же. Л. 17.

что разработки ОКБ-172 «делались по приказу Наркома»¹³¹ (*имеется в виду нарком внутренних дел Берия*).

Попытки руководства заводского КБ вести совместные разработки с ОКБ-172 пресекались: «С предложением о совместной работе я (*Гуренко*) направился в ОКБ-172 к тов. Самарскому (*зам. начальника ОКБ*), но последний наотрез отказался... Я целых три часа просидел в ОКБ-172, уговаривая Самарского, но ничего не добился. Надо отдать должное тов. Цирульникову, он сразу принял мою сторону, но его т. Самарский через некоторое время выслал в другую комнату»¹³². Отказ подтвердил и начальник ОКБ-172 полковник НКВД Иванов.

На счету лагерной «шарашки» ОКБ-172 – разработка пехотной противотанковой пушки М-42 («*Аннушки*»), модернизация гаубицы-пушки 152-мм МЛ-20 (позже использовалась в самоходке ИСУ-152), разработка 122-мм самоходки повышенной мощности М-22¹³³, 76-мм дивизионной пушки БЛ-14, 85-мм противотанковой пушки БЛ-19¹³⁴ и др.

Конечно же, условия жизни в тюремном КБ не походили на жизнь в обычном сталинском лагере. Питание было по специальным нормам, иногда превосходящим питание охраны. Попавший в ОКБ-172 В.Н. Яворский, до этого работавший тачечником на строительстве железной дороги Котлас-Воркута, вспоминал: «В этой спецтюрьме кормили лучше, чем в санатории, не давали только птичьего молока»¹³⁵. Не нужно забывать, откуда попал в ОКБ Яворский, и более-менее хорошее питание казалось для него санаторным. Одежды заключенные были в штатское, но всюду сопровождалась конвоем. Причем, на секретные полигоны конвой не допускался и ждал за оградой¹³⁶. Этим заключенным иногда прощались даже антисоветские высказывания. Так, например, заключенный казанского КБ пермяк М.С. Владимиров «рассказывал антисоветские анекдоты,

¹³¹ ПермГАНИ. Ф. 889. Оп. 1. Д. 473. Л. 24.

¹³² Там же. Л. 9.

¹³³ Там же. Ф. 889. Оп. 1. Д. 413. Л. 17–19.

¹³⁴ Крук Н.С. Орудия победы // Вестник Мемориала. №6. СПб., 2001. С. 57.

¹³⁵ Яворский В.Н. Автобиографическое повествование // Вестник «Мемориал». СПб., 2001. №6. С. 73.

¹³⁶ История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006. С. 323.

надсмехался над страной, ходил по рабочим кабинетам и критиковал советские газетные статьи»¹³⁷, но многочисленные «агентурные донесения» оставались без ответа.

За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тысяч пушек, т.е. каждая четвертая, произведенная в стране¹³⁸. Многие из них были разработаны заключенными инженерами. М.Ю. Цирульников по ходатайству наркома вооружения Д. Устинова в 1943 г. был досрочно освобожден, другие конструкторы остались в заключении¹³⁹. Причем, Цирульников был только освобожден, но не реабилитирован, поэтому возвращаться в Ленинград ему было запрещено. С этого времени судьба Михаила Юрьевича Цирульникова была связана с нашим городом – сначала он стал главным конструктором завода №172 им. Молотова, затем участвовал в разработке маршевого ракетного двигателя для межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2 (НПО «Искра»), преподавал в политехническом институте. Похожая судьба была и у Давида Израилевича Гальперина – заключенного «шарашки» при Кировском заводе. После досрочного освобождения он – главный инженер порохового завода им. Кирова в Закамске, зам. директора НИИ-130 при пороховом заводе, профессор.

Если наиболее выдающихся изобретателей зачастую досрочно освобождали и награждали орденами и медалями, то рядовые конструкторы и техники проводили в заключении и ссылке многие годы. Так, Георгий Васильевич Жуков, работавший в 1937 г. техническим руководителем Пермского кислородного завода, 28 октября был арестован и обвинен в участии в «контрреволюционном заговоре, главной целью которого ставилось свержение Советской власти». После одного допроса он был осужден тройкой НКВД по статье 58 УК к 10 годам ИТЛ. 2 года провел в лагерях. В 1940 г. был взят в «шарашку» в г. Молотовск Архангельской области, где занимались разработкой артиллерийских систем, в 1944 г. был переведен в г. Молотов в ОКБ-172¹⁴⁰. Бывший главный инженер авиамоторного завода им. Сталина

---

¹³⁷ Из агентурных донесений, январь-март 1940 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14520. Переписка.

¹³⁸ Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 20.

¹³⁹ Воспоминания Яворского В.Н. // Вестник Мемориала. №6. СПб., 2001. С. 75.

¹⁴⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10366.

(современный завод авиадвигателей) Е.И. Брискин отбыл 10 лет в лагерях, колониях и «шарашках» за участие в «контрреволюционной вредительской организации». В годы войны работал в СКБ (специальном конструкторском бюро) над созданием новых авиационных двигателей. В 1950 г., когда закончился срок его заключения, он был выслан «бессрочно» в г. Балхаш Карагандинской области (Казахская ССР)¹⁴¹. Баранов Арон Генрихович, инженер-механик авиамоторного завода №19, награжденный орденом «Красная звезда» за изобретения в авиамоторостроении, был осужден в 1936 г. по 58 статье, отправлен в Ухтпечлаг, где умер на лесоповале в 1938 г.¹⁴²

Ученые и изобретатели, осужденные за «вредительство», названные «врагами народа», добросовестно и плодотворно трудились в тюремных конструкторских бюро. В тюремных КБ, находившихся в Перми (тогда Молотове), были созданы мощнейшие образцы военной техники, разработаны новые технологии производства пороха и новые составы порохов. В отчете Четвертого спецотдела НКВД СССР за 1939–1944 гг. приведены десятки изобретений – самолеты, моторы, пушки, подводные лодки, катера, радиостанции, прибор ночного боя¹⁴³. Особо были отмечены в отчете достижения пермских исследовательских бюро. Очень долго их вклад в Победу и их имена были засекречены, и только сейчас начинается изучение и раскрытие этих «белых» страниц истории.

Мустакимов И.А., Фаезова Г.Н.

К истории создания и публикации «Письма татарского народа фронтовикам-татарам»

«Письмо татарского народа фронтовикам-татарам» появилось в ряду других коллективных писем-наказов, написанных от имени разных народов СССР своим соплеменникам на фронте. В 1942–1943 гг. были опубликованы письма узбекского народа бойцам-узбекам, ка-

¹⁴¹ Там же. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10299. Т. 1.

¹⁴² Архивно-следственное дело Баранова А.Г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399.

¹⁴³ Отчет Четвертого спецотдела НКВД СССР // История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. Экономика ГУЛАГа. М., РОССПЭН, 2004. С. 445–450.

захского народа фронтовикам-казахам, «Письмо бойцам-армянам от армянского народа», «Письмо бойцам-таджикам от таджикского народа»¹⁴⁴. В 1943 г. были опубликованы письма соплеменникам-фронтовикам от имени башкирского, чувашского и других народов. Издавались они схожим образом: сперва публикация в центральных газетах («Правде» и «Известиях»), затем – в республиканских изданиях и фронтовых газетах. Нам не удалось найти документ, инициировавший написание «Письма татарского народа» и писем-обращений от имени других народов, но то, что такой документ был и исходил из Центра, представляется несомненным.

История подготовки и публикации этого документа дает ряд небезынтесных штрихов, характеризующих эпоху. Речь идет в первую очередь о практике использования национального фактора. Описываются подвиги татар совместно с другими народами СССР на фронтах Великой Отечественной войны. Акцентируется многовековая совместная мирная жизнь русских и татар. Русский народ при этом предстает подлинным старшим братом татарского народа, причиной всех современных советскому периоду достижений последнего. При этом апеллируется к историческим примерам (в «нужной» интерпретации), цитируется фрагмент известного стихотворения Тукая «Китмибез!» («Не уйдем!»), приводятся татарские народные пословицы и поговорки. В более ранних редакциях «Письма» содержатся цитаты из татарских баитов и песен о русско-французской войне 1812–1814 гг.¹⁴⁵ и Первой мировой войне. Приводятся сведения о зверствах фашистов в отношении татар на оккупированных территориях. В заключение содержится призыв беспощадно бить фашистов¹⁴⁶. Труженики тыла (то есть «татарский народ») в свою очередь обязуются увеличить вы-

---

¹⁴⁴ Лихоманов М.И. «Правда» в борьбе за мобилизацию советского народа на помощь фронту в первый период Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета. 1958. Вып. 8. С. 110.

¹⁴⁵ Этот фрагмент не вошел в последующие редакции «Письма», что, по-видимому, было обусловлено причинами как технического (желанием сократить объем текста), так и политического характера: часть французов воевала в рядах Красной Армии (эскадрилья «Нормандия»).

¹⁴⁶ Здесь ярко прослеживается влияние на составителей «Письма» статьи И.Эренбурга «Убей!», опубликованной в «Красной Звезде» 24 июля 1942 г.

пуск вооружения и боеприпасов, сдавать государству во все возрастающем количестве продукцию сельского хозяйства.

По воспоминаниям писателя Г.Баширова, составление «Письма татарского народа» было поручено Татарским обкомом ВКП(б) Институту языка, литературы и истории при СНК ТАССР, там же собирались необходимые для этого материалы. Посоветовавшись между собой, сотрудники института и писатели решили доверить написание текста писателю Кави Наджми. Помогали ему литературовед Гази Кашшаф (во время написания «Письма» – член правления Союза советских писателей ТАССР) и фольклорист Хамит Ярми¹⁴⁷. При составлении «Письма» были использованы различные справки, газетные публикации, энциклопедии, письма и другие материалы¹⁴⁸. Как сообщал Х.Ярми, после завершения работы над текстом «Письма», оно было зачитано членам обкома ВКП(б). Авторы воспоминаний не указывают времени завершения подготовки «Письма». Самая ранняя редакция относится к декабрю 1942 г. и подстрочного перевода на русский язык не имеет. По-видимому, это одна из самых ранних редакций «Письма». В последующем этот текст подвергся весьма существенной редакторской правке.

Подстрочный перевод «Письма» на русский язык был подготовлен писательницей и переводчицей Сарвар Адгамовой¹⁴⁹, стилистическую обработку перевода осуществил Константин Федин¹⁵⁰. Окончательная версия была опубликована на татарском и русском языках в виде листка и разослана по районам и городам республики

---

¹⁴⁷ В конце машинописного текста «Письма» на татарском языке от февраля 1943 г. содержится карандашная помета, позже обведенная черными чернилами: «Текст составили К. Наджми, Х. Ярмухаметов, Г. Кашафутдинов» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 892. Л. 18–35). Однако определить авторство и датировать эту запись не представляется возможным.

¹⁴⁸ Бәширов Г. Тормыш юлында. Казан, 1986. Б. 145–146. См. также: Татар әдәбияты тарихы. Т. 5. Казан, 1989. С. 18.

¹⁴⁹ По другим сведениям, переводчиком письма на русский язык был поэт Бруно Зернит (Шамова А. Письмо татарского народа фронтовикам-татарам // Казанцы – Победе. Вахитовский район. Казань, 2005. С. 5). Однако свидетельства человека, принимавшего непосредственное участие в составлении «Письма» (каковым являлся Х.Ярми), представляются нам более весомыми.

¹⁵⁰ Бәширов Г. Тормыш юлында. Казан, 1986. Б. 146–147; Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Казань, 1977. С. 269.

для сбора подписей. Очевидно, публикацию «Письма» в виде листка следует датировать январем – началом февраля 1943 г. К 3 марта «Письмо» подписало 1511137 человек¹⁵¹. 5 марта 1943 г. «Письмо» было опубликовано в «Правде» и «Известиях», 6 марта – в республиканских газетах «Кызыл Татарстан» и «Красная Татария», затем – во фронтовых газетах. «Письмо» было зачитано и по радио. Русский текст читал Ю.Левитан, татарский – Х.Ярми¹⁵².

Обращение к фронтовикам-татарам вызвало большой патриотический подъем среди солдат и офицеров. Отвечали на него своими письмами воины целых фронтов и воинских подразделений¹⁵³.

Существует несколько редакций этого документа. Рукописных беловиков или черновиков нам выявить не удалось. Письмо было составлено на татарском языке. Самая ранняя известная нам редакция татарского текста «Письма» относится к концу 1942 г.¹⁵⁴ Следующая редакция датируется февралем 1943 г.¹⁵⁵ Ее текст практически совпадает с текстом «Письма», опубликованным в виде листовки.

---

¹⁵¹ Текст телеграммы секретаря Татарского ОК ВКП(б) С.Ш.Гафарова директору Института языка, литературы и истории при СНК ТАССР Х.Ярмухаметову (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 760. Л. 15). Указанная цифра фигурирует во всех публикациях «Письма».

¹⁵² Бәширов Г. Тормыш юлында. Казан, 1986. Б. 147.

¹⁵³ Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. документов и материалов / сост. А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. Казань, 1963. С. 347, примеч. 55; Татар әдәбияты тарихы. Т. 5. Казан, 1989. Б. 18–19; Кабирова А.Ш. Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 162–163. Публикацию некоторых ответных писем и отрывков из них см.: Совет Ватаны өчен сугышларда (Фронтлардан килгән хатлар жьентыгы). Казан, 1946; В боях за нашу Советскую Родину (Сборник документов Великой Отечественной войны). Казань, 1946; Книга героев. Т. I. С. 14–17; Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. документов и материалов / сост. А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. Казань, 1963. С. 284–286.

¹⁵⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 893. Л. 3–23. В этом машинописном экземпляре документа стоит датированная 24 декабря 1942 г. резолюция помощника секретаря Татарского обкома ВКП(б) З.С.Яхина о направлении этого документа заведующему сектором печати Татарского обкома ВКП(б) И.Х.Сабитову (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 893. Л. 3).

¹⁵⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 892. Л. 18–35.

Первоначально составители «Письма» пытались показать хана Шах-Али в качестве положительного героя татарской и российской истории (это первая и единственная известная нам в новейшей истории попытка): «В эпоху Ливонской войны 1558–1582 годов самые большие походы трехсоттысячной русской армии были осуществлены под предводительством прославленного татарского полководца Шах-Али. Шах-Али и татарские воины, участвовавшие вместе с ним в Ливонской войне, глубоко осознали, что будущность их народа заключается в совместной жизни и братском единении с великим русским народом. Они заронили в сердца предков нынешних фашистов страх, передающийся из поколения в поколение»¹⁵⁶. В этом же экземпляре данный абзац был отредактирован следующим образом: «В эпоху Ливонской войны 1558–1582 годов в походах русской армии против немцев принимало участие много татарских джигитов. Татарские воины, глубоко осознававшие, что будущность их народа заключается в совместной жизни и братском единении с великим русским народом, заронили в сердца предков нынешних фашистов страх, передающийся из поколения в поколение»¹⁵⁷. Видятся две причины таких существенных правок в этом фрагменте. Во-первых, по понятиям того времени, татарский полководец не мог возглавлять походы русской армии – упоминание об этом преуменьшило бы роль русского народа как «старшего брата» других народов СССР и отдавало бы «татарским национализмом». Второй причиной удаления имени Шах-Али (кстати, названного «татарским полководцем», а не

¹⁵⁶ ЦГА ИПДРТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 893. Л. 11–12. В оригинале: «1558–1582 нче еллардагы Ливон сугышы чорында өч йөз мең кешелек рус армиясенең иң зур походлары атаклы татар полководцы Шаһгали житәкчелегендә үткәрелә. Үз халкының яшәү таянычын фәкать бөек рус халкы белән бердәм тормыш коруда, иң якын туганнарча аерылмый гомер сөрүдә икәнлеген тирәнтен аңлаган Шаһгали һәм аның белән бергә Ливон сугышларына катнашкан татар гаскәрләре хәзерге фашистларның бабаларының йөрәгенә нәселдән нәселгә күчеп сөйләнерлек курку салганнар».

¹⁵⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 893. Л. 11–12. В оригинале: «1558–1582 нче еллардагы Ливон сугышы чорында рус армиясенең немецләргә каршы походларында күп кенә татар егетләре катнашалар. Үз халкының яшәү таянычын фәкать бөек рус халкы белән бердәм тормыш коруда, иң якын туганнарча аерылмый гомер сөрүдә икәнлеген тирәнтен аңлаган татар гаскәрләре хәзерге фашистларның бабаларының йөрәгенә нәселдән нәселгә күчеп сөйләнерлек курку салганнар».

ханом), на наш взгляд, было то, что в потенции это могло породить в татарском сознании представление о татарском народе как самостоятельной силе, способной иметь своего лидера, тогда как упоминание не только самостоятельной, но и просто отдельной от российских государей политической фигуры из «нацменьшинств» в России опять же противоречило идеологическому тренду того времени.

Возможно, эта же причина лежит в следующей правке: предложение «Объединение татарского народа в единый боевой лагерь вокруг великого полководца Сталина заронило в сердца немецких оккупантов невиданный ужас»¹⁵⁸ было исправлено на «Объединение в единый боевой лагерь вокруг великого полководца Сталина татарского народа заронило в сердца немецких оккупантов невиданный ужас»¹⁵⁹.

В последующие редакции «Письма» были добавлены примеры жестокого обращения немецких фашистов с татарским населением оккупированных территорий СССР (Украины, Белоруссии, Прибалтики, Сталинградской области РСФСР)¹⁶⁰.

В опубликованных татарском и русском текстах имеются незначительные различия по содержанию.

«Письмо татарского народа» полностью публиковалось несколько раз в 1943 г. и один раз в 1946 г. Публиковались и отрывки из «Письма»¹⁶¹. За период публикации «Письма» его татарский текст пять раз, а его русский перевод – трижды претерпели правки по содержанию. В первой официальной публикации татарского текста, опубликованном в газете «Кзыл Татарстан» 6 марта 1943 г., имелось предложение «На землях Крыма и Кавказа рекой льется кровь наших братьев и слезы наших сестер». Под «братьями и сестрами» здесь имелись

---

¹⁵⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 893. Л. 16. В оригинале: «Татар халкының бөөк полководец Сталин тирәсендә бердәм сугышчан лагерь булып туплануы немец оккупантлары йөрәгенә моңарчы күрелмәгән дәрәжәдә дәһшәтле курку салды».

¹⁵⁹ Там же. В оригинале: «Бөөк полководец Сталин тирәсендә татар халкының бердәм сугышчан лагерь булып туплануы немец оккупантлары йөрәгенә моңарчы күрелмәгән дәрәжәдә дәһшәтле курку салды».

¹⁶⁰ Выявление достоверности приведенных в письме примеров не относится к целям настоящей статьи.

¹⁶¹ Книга Героев. Т. I. С. 33–34; Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. документов и материалов / сост. А.М. Зялялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. Казань, 1963. С. 280–283.

в виду этнически родственные татарам народы Северного Кавказа и крымско-татарский народ. Во втором издании «Письма», вышедшем отдельной брошюрой в том же 1943 г., слова о родстве татар с народами Кавказа уже отсутствуют¹⁶². Наконец, из последней полной публикации письма (1946 г.) исключено упоминание и о «наших братьях, проливающих слезы в Крыму». Эта фраза была исключена и из публикации русского перевода письма в издании 1946 г. Причиной удаления этого предложения были выдвинутые советскими властями против крымских татар обвинения в массовом предательстве и депортация крымско-татарского народа в 1944 г. Из татарского текста письма в 1946 г. было исключено даже такое безобидное предложение, как «в прошлом татарский народ сумел сберечь свою культуру» (несмотря на то, что во всех публикациях русского текста оно было оставлено).

Несколько слов об особенностях сбора подписей под «Письмом». Кампания по сбору подписей, как и само написание «Письма», была организована партийными органами (в обкоме этим занимался отдел пропаганды и агитации). Обнаружить документы о сборе подписей на промышленных предприятиях и вообще в городах республики нам не удалось. На селе значительная часть подписей была собрана путем проведения «районных собраний трудящихся», «митингов-совещаний районного актива» с участием представителей колхозов, предприятий и учреждений (обычно это были председатели колхозов, сельсоветов, секретари первичных парторганизаций, стахановцы, районный и местный актив). Участники этих мероприятий подписывали «Письмо» от имени своих односельчан и сослуживцев¹⁶³. В некоторые районы для «обсуждения и подписания» Письма были

---

¹⁶² Возможно, упоминание о родстве татар с народами Кавказа было удалено из письма в связи с началом депортации ряда народов Кавказа, начавшейся изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. о выселении карачаевцев из Карачаевской автономной области «в связи с тем, что в период оккупации многие карачаевцы вели себя предательски» (Бугай Н. Депортация народов // Война и общество, 1941–1945 книга вторая. М., 2004. Журнал «Скепсис» www.scepsis.ru. Режим доступа – http://scepsis.ru/library/id_1237.html). В таком случае данное издание «Письма» следует относить к периоду после 12 октября 1943 г.

¹⁶³ Так, в собрании трудящихся Арского района приняло участие 246 человек от 29 сельсоветов. Участники собрания подписали письмо от имени 11671 человека (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 891. Л. 6).

направлены представители республиканских и казанских органов власти (обкома, Казгорисполкома). Во многих докладных записках, представленных этими уполномоченными и райкомами ВКП(б) в Татарский обком партии, сказано о проведении таких мероприятий 15 февраля 1943 г.¹⁶⁴ Вероятно, дата проведения собраний была назначена обкомом. Часть подписей собиралась на местах – в колхозах, МТС и других учреждениях. Любопытно, что имелись случаи, когда по каким-то причинам «Письмо» подписывали не все участники собрания¹⁶⁵. Обком требовал у райкомов предоставления подлинников подписей¹⁶⁶. При подготовке «Письма» к официальной публикации в обкоме был составлен список из 48 подписантов, достойных быть упомянутыми поименно. В него вошли представители промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, партийного и государственного аппарата, герои войны, как татары, так и представители других национальностей¹⁶⁷.

Интересно, что письменные данные о количестве подписавших «Письмо» из отдельных районов поступали в обком уже после его официальной публикации¹⁶⁸. Таким образом, вопрос о степени достоверности указанной в публикациях «Письма» цифры в 1511137 человек остается открытым¹⁶⁹, но он не имеет принципиального значения. Ибо люди под этим документом, несомненно, подписывались искренне, желая скорейшего и победоносного завершения войны,

¹⁶⁴ См., например: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 900. Л. 3, 30, 32, 91.

¹⁶⁵ См., например: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 891. Л. 13.

¹⁶⁶ См. характерную резолюцию секретаря Татарского ОК ВКП(б) по пропаганде и агитации С.Ш.Гафарова на докладной заведующей отделом пропаганды и агитации Бавлинского РК ВКП(б) (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 891. Л. 7).

¹⁶⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 893. Л. 42, 44, 45. Имеется статистическая выкладка по национальности, полу и социальному положению этих 48 человек: «а) татар – 36. б) женщин – 21. в) представителей колхозов, совхозов и МТС – 21. г) представителей промышленности – 7. д) представителей науки – 3. е) представителей культуры и искусства – 7. ж) парт[ийных,] комсом[ольских,] советск[их] работников – 9» (Там же. Л. 43).

¹⁶⁸ См., например: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 891. Л. 6, 7, 9–14.

¹⁶⁹ В одном недатированном, но, судя по всему, близком ко времени официальной публикации «Письма» документе упоминается цифра в 1109463 подписавшихся (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 891. Л. 19), в другом – 1209463 подписавшихся (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 893. Л. 41).

возвращения домой родных и близких. Здесь чаяния людей совпали с интересами режима. Свою роль сыграл и талантливо написанный текст «Письма». Его сильное эмоциональное воздействие на слушателей и читателей подтверждается многочисленными воспоминаниями и свидетельствами очевидцев¹⁷⁰. Из вышесказанного следует, что при необходимости под «Письмом» можно было собрать и больше подписей, чем было заявлено.

В последнем полном издании «Письма» на русском и татарском языках (1946 г.) из числа подписантов было исключено имя Ф.Б.Бадретдинова. Ко времени первой публикации письма он являлся третьим секретарем Татарского обкома ВКП(б). Причиной исключения его имени, несомненно, был вынесенный ему решением бюро обкома от 11 октября 1945 г. строгий выговор «за антигосударственную практику в проведении хлебозаготовок»¹⁷¹. Вина Ф.Б.Бадретдинова, в 1943–1945 гг. занимавшего пост первого секретаря Куйбышевского райкома ВКП(б), заключалась в том, что он стремился смягчить условия поставок хлеба государству, чтобы облегчить экономическое положение жителей подведомственного ему района.

И последнее наблюдение. В «Письме» для обозначения татарской Отчизны был использован образ «Идел Йорт» (в русских изданиях это выражение переведено как «родная Волга»). Эти слова были заимствованы авторами документа из татарского народного дастана «Идегей»¹⁷² и оставлены даже в последнем полном издании «Письма» на татарском языке (1946 г.), хотя в результате постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» фактически было запрещено даже упоминание этого эпоса.

Полагаем, что непосредственной причиной, побудившей власти прибегнуть к практике публикации подобных писем, было критическое положение на южных фронтах, сложившееся к осени 1942 г., а также осуществление в ноябре 1942 – феврале 1943 г. судьбоносной для страны Сталинградской стратегической наступательной опе-

---

¹⁷⁰ См., например: Бәширов Г. Тормыш юлында. Казан, 1986. Б. 146; Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Казань, 1977. С. 269.

¹⁷¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 61л, д. 200. Л. 157–158.

¹⁷² В самой ранней редакции «Письма» приводится и пространная цитата из этого эпоса (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5, д. 893. Л. 22).

рации. В этих условиях правительство было вынуждено использовать все возможные ресурсы для мобилизации населения¹⁷³. Таким образом, в тяжелые моменты войны власть смягчила свой пресс на национальные культуры. В «Письме татарского народа» это выразилось в призыве к яростной борьбе с немецкими фашистами во имя спасения от фашистского ига этнически родственных татарам народов Кавказа и Крыма, апеллировании (пусть и весьма осторожном) к историческому прошлому татарского народа. Когда же исход войны окончательно определился в пользу Советского Союза, идеологический контроль и давление на национальную культуру немедленно усилились¹⁷⁴. Это нашло отражение и в изменениях, вносившихся в текст «Письма татарского народа фронтовикам-татарам» при его подготовке и публикации в 1942–1946 гг.

---

¹⁷³ Таким же вынужденным шагом со стороны власти в годы войны было использование религиозного фактора (см.: Мальцев В. Священная война // НГ-Религии. 2010. 19 мая. Режим доступа: http://religion.ng.ru/history/2010-05-19/7_holywar.html).

¹⁷⁴ Кабирова А.Ш. Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 162.

Секция «Проблемы
социально-экономического развития»

С С

Хисамутдинова Р.Р.

**Урал – становой хребет обороны страны
в годы Великой Отечественной войны**

Руководство Советского Союза задумывалось о роли Урала в возможном столкновении с агрессором еще задолго до военного столкновения с фашистской Германией и ее сателлитами, поэтому еще в 1920–1930-е гг. здесь были развиты химическая, топливная, металлургическая, машиностроительная, электроэнергетическая отрасли, освоены резервные природные ресурсы. В годы третьей пятилетки на востоке страны начинают создаваться заводы-дублиеры, которые в военные годы приняли оборудование профильных промышленных предприятий, эвакуированных на восток страны. Однако главная задача превращения Урала в оружейный арсенал осталась не осуществленной, что объясняется нехваткой времени, недостатком денежных средств и военной доктриной И.В. Сталина, не предполагавшей возможности глубокого вторжения неприятеля, а следовательно, и потери западных промышленных районов страны. Отсюда, несмотря на правильную оценку возможностей Урала, его милитаризация не форсировалась. Немецкое наступление и захват западных территорий, уязвимых в военном отношении и где недалеко была сосредоточена почти вся оборонная промышленность, поставили страну на грань катастрофы. Только благодаря эвакуации, переместившей в тыл 2 593 предприятия, и титаническому труду местного и эвакуированного населения, создавшего на востоке страны практически новую военно-промышленную базу, трагедия была предотвращена¹.

¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 802.

Урал в годы войны стал становым хребтом обороны страны. К концу 1942 г. на его территории было размещено более 830 предприятий, эвакуировано 2 млн. 127 тыс. человек, составивших 25% от всех эвакуированных в РСФСР и 9,7% населения Урала². 51,7% переселенцев осели в уральских городах, что значительно усилило плотность проживания в них. Так, численность населения Свердловска за годы войны выросло с 423 тыс. человек до 620 тыс., Уфы – с 258,0 до 380,0, Ижевска – со 184 до 205,9 и т.д. Увеличение населения Урала привело к большей скученности населения. Фактически обеспеченность жильем на Урале по разным ведомствам, территориям, типам жилья колебалась от 0,8 до 4,0 кв. м.³

Историк А.В. Сперанский приводит данные, что с июня 1941 г. по декабрь 1942 г. Урал принял 2127 тыс., из них Свердловская область – 719 тыс., Челябинская – 500 тыс., Пермская – 315 тыс., Оренбургская – 240 тыс., БАССР – 278 тыс., УАССР – 75 тыс.³ По мнению других историков, в Челябинскую область было эвакуировано 427 тыс. человек, из них в Челябинск – 200 тыс. (в 1942–1943 гг. приезжие составили 50% от общего числа жителей областного центра), в Магнитогорск и Златоуст – более чем по 100 тыс. Златоуст к концу 1941 г. имел 146 тыс. населения. К концу 1942 г. население Челябинска увеличилось на 55%, Златоуста – на 35%, Магнитогорска – на 34%, Копейска – на 39%. Почти удвоилось городское население Миасса⁴. В целом по Уралу численность городского населения за годы войны возросло более чем на 2 млн. человек⁵.

По другим архивным источникам, на 26 июня 1942 г. на территории Чкаловской области было размещено 242 657 человек, из них

² Урал – фронту. М., 1985. С. 45; Футорянский Л.И. Размещение эвакуированных предприятий на Южном Урале // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 95; Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ижевск, 1996. С.32, 32; Свердловская область за 50 лет. Свердловск, 1984. С. 125; Очерки истории Челябинской областной партийной организации, 1917–1976. Челябинск, 1967. С. 522; Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 41.

³ Сперанский А.В. Становой хребет обороны // Родина. 2001. № 11. С. 84; Павленко В.Д., Павленко Г.К. Огненный рубеж фронта и тыла. Челябинск, 2005. С.37.

⁴ ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 61. Л. 3.

⁵ Якунцов И.А. Рабочий класс Урала в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 1987. С. 36.

в городах области 98022, в сельской местности 144635 человек⁶. По данным профессора Л.И. Футорянского, в Чкаловской области разместились около 250 тыс. человек, из них в Чкалове – 75 тыс. Население городов области выросло за короткий срок в два раза⁷.

Эвакуация рабочей силы на Урал в значительной мере облегчила решение кадровой проблемы. 55% прибывших сразу же включились в работу промышленных предприятий. В среднем доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Урала к концу 1942 г. составила 31%. На некоторых объектах она достигала 50–75%⁸.

Для восполнения трудовых ресурсов на производство привлекались пенсионеры (4,35% – в промышленности, 14,8% – в аграрном секторе) и женщины (соответственно 47,7% и 74,6%)⁹.

Проблема трудовых ресурсов решалась и за счет подготовки молодых кадров в системе трудовых резервов. За 1941–1945 гг. в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО на Урале было подготовлено по различным рабочим специальностям 444,7 тыс. человек.

Обеспечение предприятий рабочей силой осуществлялось и при помощи создания трудовой армии. В ее подразделение направлялись люди, признанные негодными к строевой службе в армии или считавшиеся неблагонадежными по социальному и национальному признакам. Численность трудармейцев на Урале в середине 1942 г. составляла более 78000 человек, в середине 1943 г. – более 190000, в середине 1944 г. – 140 тыс. человек. С мобилизационной полити-

⁶ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 43. Л. 25.

⁷ Футорянский Л.И. Оренбуржье – во имя Победы (60 лет разгрома фашистской Германии). Изд. 2-е, доп. Оренбург, 2004. С. 36.

⁸ Сафронов А.А. Перераспределение трудовых ресурсов между западными регионами страны и Уралом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 166.

⁹ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 250; Сперанский А.В. Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории в контексте национальной безопасности // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Четвертые уральские военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. С. 18.

кой было связано и изменение состава трудармии. Если зимой-летом 1942 г. она формировалась из советских граждан, по национальности принадлежавших к государствам, воюющим с СССР – немцев, итальянцев, финнов, румын, венгров и болгар, то с осени 1942 г. рабочие колонны стали пополнять выходцы из Казахстана и республик Средней Азии. В середине 1943 г., времени концентрации наибольшей численности трудармейцев в уральском регионе, доля мобилизованных немцев среди них составляла 61,7%, трудмобилизованных из Средне-Азиатского военного округа – 35%, спецпоселенцев – 3,3%¹⁰.

Для обеспечения производственных мощностей региона достаточным количеством рабочих рук применялся также труд заключенных и военнопленных. К 1945 г. численность пленных в регионе достигла максимальной цифры в 250 тыс. человек¹¹. Однако решающая роль в основных отраслях экономики Урала принадлежала местным и эвакуированным рабочим и специалистам, которые самоотверженно выполняли свой патриотический долг перед родиной.

К концу военных действий на уральских заводах и фабриках трудилась 1/5 всех промышленных рабочих страны, обеспечивших превышение довоенного уровня выпуска промышленной продукции в 3,6 раза. Выпуск оборонной промышленности увеличился здесь в 6 раз. Урал давал около половины артиллерийских орудий и минометов, более 2/3 танков (60% средних и 100% тяжелых). Труженики Урала произвели танков и САУ больше, чем вся Германия вместе с оккупированными странами. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, был изготовлен из уральской стали. По темпам и размерам промышленного производства в годы войны Урал занял первое место среди других регионов СССР. В 1943 г. на Урале производилось столько же промышленной продукции, сколько в Поволжье, Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии вместе взятых. На долю региона приходилась до 40% всей продукции военной промышленности страны¹².

---

¹⁰ Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 29–30.

¹¹ Мотревич В.П. Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 98, 99.

¹² Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 802; Антуфьев А.А., Бакунин А.В. Создание слаженной военной экономики на Урале в период Великой Отечественной войны // Вклад Урала в Победу над фашистской Германией. Свердловск, 1986. С. 14.

В то же время в аграрном секторе Урала наблюдалось падение сельскохозяйственного производства. Уменьшилось поголовье скота, сократилась продуктивность животноводства и поставки животноводческой продукции государству. По сравнению с 1941 г. посевные площади сократились в 1945 г. на 30,6%. За годы войны произошли изменения и в структуре посевов. Площади под зернобобовыми сократились на 32,3%, под техническими – на 43,5%, под кормовыми – на 45%, однако выросли площади под картофелем и овощами на 45,2%. Это было связано с тем, что картофель в годы войны стал вторым хлебом для населения региона. Ценой величайшего самопожертвования колхозы и совхозы Урала дали стране 11 495,2 тыс. т зерна, при этом доля сельскохозяйственных районов региона (Башкирии и Чкаловской области) составляла 41% всех заготовок. Значительной была доля поставок и животноводческой продукции региона (1428,6 тыс. т молока и др. продукции)¹³.

Урал стал в годы войны не только главным арсеналом Красной армии, но и настоящей кузницей боевых резервов. Здесь было сформировано более 500 воинских частей и соединений. Среди них два механизированных и один танковый корпус, 64 стрелковые, 10 кавалерийских, 4 артиллерийские дивизии, большое количество отдельных бригад, полков, батальонов, дивизионов, рот. В их составе на фронт ушло более 2 млн. уральцев, из которых 600 тыс. сложили головы на поле брани. Большинство уральских подразделений, проявив героизм и доблесть, стали гвардейскими, получили награды. Почти всем частям и соединениям, сформированным на Урале, были присвоены почетные наименования освобожденных ими городов: Львова, Витебска, Киева, Ленинграда, Николаева, Сум, Харькова, Пскова, Будапешта, Берлина, Праги и др.

С началом войны на Урале наряду с мобилизацией военнообязанных граждан развернулось массовое добровольческое движение. За первые три дня войны в Магнитогорске подали заявление более 600 добровольцев, в Троицке – 458, в Чебаркульском районе – 214. К 29 июня 1941 г. в военкомат Златоуста поступило 1091 заявление.

---

¹³ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 71, 118; Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002. С. 66, 131.

Среди добровольцев в области за эти дни было 13 тыс. юношей и девушек. Сразу после выпускного вечера 52 выпускника школы № 37 Челябинска вместе с директором И.В. Гароном ушли на фронт. Военкоматы области работали день и ночь, отправляя на фронт новые поколения¹⁴.

Уральские воины проявляли и личный героизм. Так, летчики И.Л. Золин и А.А. Бурденюк геройски погибли в самолетах, направленных на скопления вражеской техники и солдат, рядовой Я.Н. Падерин, боец 1186-го полка 355-й стрелковой дивизии телом закрыл амбразуру вражеского дота в ходе Московской битвы 27 декабря 1941 г. В Сталинградской эпопее геройски сражался 2-й Гвардейский механизированный корпус. 16 его бойцов повторили подвиг панфиловцев, ликвидировав 22 вражеских танка. Имя знаменитого уральца-снайпера Василия Зайцева из Челябинской области наводило ужас на фашистов в ходе уличных боев в Сталинграде.

Бессмертной славой покрыли себя бойцы Уральского добровольческого танкового корпуса. Начав боевой путь на Курской дуге, они с боями прошли по дорогам Украины и Польши, принимали участие в Берлинской операции и в освобождении Праги. 48 тыс. бойцов корпуса получили правительственные награды, 38 человек стали Героями Советского Союза.

Большую роль в годы войны в подготовке летчиков сыграло Оренбургское летное училище. Всего за годы войны 220 выпускников за мужество и героизм получили высокое звание Героя Советского Союза, а девять человек стали дважды Героями (И.С. Полбин, Т.Я. Бегельдинов, Л.И. Беда, Е.П. Федоров, И.Ф. Павлов, С.И. Гицевец). Тринадцать выпускников школы совершили воздушные тараны, среди них единственная женщина Екатерина Зеленко. 12 сентября 1941 г., оставшись одна против семи «мессершмиттов», она не вышла из боя, не дрогнула. Бомбардировщик против истребителей. Сбила один из них огнем, а затем направила свой подбитый самолет в лобовую атаку на другой.

Впереди всех на территорию Германии вошла 3-я уральская Гвардейская стрелковая дивизия. Организованные на Урале 150-я

---

¹⁴ Пасс А.А. Война и кооперация (промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941–1945 гг.). Челябинск, 2000. С. 39; Смирнов Д.Б. Военные комиссариаты // Челябинск. Энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 148.

и 171-я Гвардейские стрелковые дивизии приняли участие в штурме Рейхстага. Первым достиг входа в фашистское логово 1-й батальон из 380-го полка 171-й дивизии (командир – старший лейтенант К.Я. Самсонов), однако затем их опередил 1-й батальон из 756 полка 150-й дивизии (командир – капитан С.А. Неустроев), ворвавшийся в здание буквально на плечах неприятеля. Пять уральцев, участвовавших во взятии последней гитлеровской цитадели, получили звание Героя Советского Союза (К.Я. Самсонов, А.И. Негода, А.Т. Сотников, П.П. Ширяев, М.Ф. Толмачев). Всего за годы войны этой высшей наградой Родины были отмечены более 1000 человек, воевавших в частях и соединениях, сформированных Уральским военным округом¹⁵.

Уральская земля дала и замечательных военачальников, прославившихся победами в годы Великой Отечественной войны: уроженцев Курганской области генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, руководившего войсками Брянского и Воронежского фронтов; Героя Советского Союза генерал-полковника М.С. Шумилова, командовавшего легендарной 64-й армией, оборонявшей Сталинград; выходца из Оренбургской области, дважды Героя Советского Союза генерала А.И. Родимцева, возглавлявшего знаменитую 13-ю Гвардейскую стрелковую дивизию в Сталинградской битве, которая под ураганным огнем врага переправилась на правый берег Волги в ночь на 15 сентября 1942 г. и выпрямила критическое положение, которое складывалось в городе; родившихся в Удмуртии вице-адмирала Каспийской и Амурской военных флотилий Ф.С. Седельникова, маршала авиации, начальника штаба ВВС Ф.Я. Фалалеева и других.

В годы Великой Отечественной войны жители Урала оказывали всенародную помощь фронту, которая принимала самые разнообразные формы. Сбор шапок, полушубков, ватных курток и брюк, меховых жилетов, шарфов, пар валенок и варежек проводился на протяжении всех военных лет и дал ощутимые результаты. Только из Оренбургской области фронтовикам было направлено 426 тыс., из Удмуртии – 301 тыс., из Башкирии – более 133 тыс. теплых вещей.

Принимая активное участие в оказании всенародной помощи фронту, уральцы за годы войны сдали для нужд госпиталей сотни тонн

---

¹⁵ Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968. С. 128, 129, 144, 146, 161, 175, 178; Сперанский А.В. Уральско-Львовский добровольческий танковый корпус // Уральская историческая энциклопедия ...С. 549.

донорской крови, собрали на строительство артиллерийских батарей, танковых колонн и авиаэскадрилий несколько миллиардов рублей. Замечательным проявлением патриотизма стало активное участие населения Урала в создании Фонда обороны. Только жители Удмуртии, Башкирии и Южного Урала собрали в Фонд обороны за период войны более 5 млрд. руб. За счет добровольных взносов уральцев были сформированы и вооружены Уральский добровольческий танковый корпус, танковые колонны «Свердловский комсомолец», «Челябинские колхозники», «Колхозник Удмуртии», им. В.Чкалова, им. Челябинского комсомола; авиаэскадрильи «Башкирский истребитель», «Комсомолец Башкирии», «Комсомолец Удмуртии», «Свердловский колхозник», «Курганские совхозы», им. Комсомола Молотовской области, «Шадринский рабочий» и т.д.; шестнадцать артиллерийских батарей, подводная лодка «Челябинский комсомолец», звено катеров «Морской охотник» и многие другие воинские подразделения.

В годы Великой Отечественной войны происходит удивительный на фоне войны всплеск в развитии духовного потенциала Урала, который во многом объясняется эвакуацией сюда большого количества учреждений образования и культуры из западных районов страны. Уральская земля приняла и разместила 46 вузов, более 50 ссузов, 25 театров, большое число деятелей образования, литературы и искусства. Эвакуация на Урал «золотого фонда» культуры страны обусловила мощный импульс для творческой работы местной художественной и педагогической элиты.

Функциональную устойчивость и способность в критической обстановке войны удовлетворять потребности общества в полной мере продемонстрировала образовательная система Урала. За годы войны количество вузов и общеобразовательных школ в регионе превысило довоенные показатели, соответственно, с 48 до 60 и с 15,7 до 16,6 тыс. Ссузовская система хоть и не достигла уровня 1940/41 г. по количеству учебных заведений, но по численности учащихся превысила его на 6 тыс. чел. Всего за годы войны уральские учебные заведения дали народному хозяйству более 20 тыс. специалистов с высшим и более 36 тыс. со средним специальным образованием.

За военные годы значительно вырос художественно-образный уровень культуры Урала. После некоторого спада интенсивно работали уральские отделения писателей, пополнившиеся маститыми мастерами, прибывшими в эвакуацию. На уральской земле продол-

жили деятельность М. Шагинян, А. Караваева, Е. Пермяк, А. Коц, А. Барто, Л. Кассиль, А. Первенцев, Ю. Тынянов, В. Каверин, А. Фатьянов, А. Корнейчук, П. Тычина и мн. др. Это позволило укрепить писательские организации как количественно, так и качественно. К примеру, Свердловское отделение увеличилось с 5 до 64 чел., Пермское – с 6 до 50. Расширились и другие отделения региона. Впервые писательская организация была создана и в Оренбуржье.

Одну из главных ролей в идейно-воспитательной работе играли театры. Преодолев трудности начального периода войны, они стабилизировали материальную базу, укрепили кадровый состав, обновили репертуар. В целом по Уралу за годы войны было поставлено 3,7 тыс. пьес, проведено 65,6 тыс. спектаклей, которые посетили 28,5 млн. зрителей¹⁶.

Для Чкаловской (Оренбургской) области большим культурным событием стало прибытие в областной центр 5 сентября 1941 г. Ленинградского государственного академического Малого театра оперы и балета, который в течение трех лет радовал чкаловских зрителей своими постановками. Театр поставил 29 опер и балетов, дал около тысячи концертов, которые посетило более 1 млн. зрителей. За время войны театр послал на фронт 9 бригад, организовал в госпиталях около 200 выступлений. Средства, полученные от многих постановок, передавались в фонд обороны страны, на восстановление разрушенного фашистскими оккупантами памятников культуры Ленинграда и Ленинградской области, Сталинграда, для детей и семей фронтовиков. 9 мая 1943 г. артисты Ленинградского Государственного ордена Ленина Академического Малого оперного театра прибыли в Сталинград с концертом. По воспоминаниям заслуженной артистки О.М. Головиной, «первые концерты происходили в руинах. Было всего 60–70 слушателей – восстановителей разрушенного фашистами городского хозяйства. Все лучшее, что могли дать, мы дали этим людям. Это была дань наших переполненных сердец». 17 мая артисты давали свой последний концерт в Сталинграде. На огром-

---

¹⁶ Сперанский А.В. Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории в контексте национальной безопасности // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Четвертые уральские военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. С.21–21.

ной площади разместились зрители. На этот раз тысячи патриотов, ехавших со всех концов советской земли для восстановления разрушенного города, слушали артистов театра, выступавших на одном из этажей случайно уцелевшего здания. Художественный руководитель Ленинградского Государственного Академического Малого оперного театра, заслуженный деятель искусства, дирижер, профессор Б.Э. Хайкин, вернувшись из командировки в Москву, начал разрабатывать программу симфонического концерта вечера вальсов И. Штрауса для сбора средств детям Сталинграда. В августе прошел с большим успехом в городе Чкалове симфонический концерт из произведений И. Штрауса. Дирижировал на этом концерте Б.Э. Хайкин. Полученные от концерта средства в сумме 11 379 рублей Ленинградский театр перевел в распоряжение Кировского райкома партии г. Чкалова для организации детских яслей в Сталинграде¹⁷.

Вместе с группой Малегота на Урал эвакуировались ленинградские композиторы И.И. Держинский, В.В. Волошинов, В.П. Соловьев-Седой, Д.Г. Френкель, М.И. Чулаки, которые весьма успешно работали в Чкалове. И.И. Держинского многое связывало с Оренбургом: в свое время он учился в местном музыкальном училище, здесь у него были многие знакомые и близкие ему люди. Он вскоре возглавил созданное в Оренбурге отделение Союза советских композиторов.

Заметный вклад в общую победу внесли уральские художники, уделявшие огромное внимание выпуску плакатов, листовок, агитвитрин, панно и лозунгов. Развивалось и индивидуальное творчество, находившее выход в написании крупных полотен оборонного содержания. Все вернисажи, проводимые на Урале в годы войны, вызывали повышенный интерес у специалистов и зрителей, однако самыми примечательными стали: «За Родину» (Уфа, 1942 г.), «Ленинград в дни блокады» (Пермь, 1943 г.), «Урал – кузница оружия» (Свердловск, 1944 г.) и ряд других.

Особую значимость в общественном развитии Урала приобрело кино. Характерной чертой военного времени было сочетание агитационно-пропагандистских мероприятий с демонстрацией кинофильмов. Особой популярностью пользовались патриотические кинофестивали, оборонные рейды, фронтовые месячники, кинолектории. За годы войны только в пяти областях Урала киносеансы по-

¹⁷ Чкаловская коммуна. 1943. 17 июля, 18 августа, 8 сентября.

сетили более 180 млн. чел., а ежегодный валовой сбор от продажи билетов в среднем в 2,5 раза превышал показатели 1940 г.¹⁸

Насыщенной была и музыкальная жизнь Урала. Волей военной судьбы здесь творили Т. Хренников, В. Шебалин, Р. Глиэр, А. Хачатурян, В. Волошинов, В. Соловьев-Седой, гастролировали Д. Ойстрах, Э. Гилельс, Л. Оборин, Д. Шостакович и мн. др. Активно разрабатывали оборонно-патриотическую тематику и местные композиторы М. Фролов, В. Трамбицкий, М. Розенпуд, М. Черняк, Х. Исмагилов, Р. Муртазин. С полным напряжением трудились Уральская консерватория, областные, республиканские филармонии и другие музыкально-концертные организации, создавались новые музыкальные коллективы. В результате в регионе возросло количество концертов, музыкальных вечеров и лекториев, увеличилось число людей, посетивших эти мероприятия. Только на Среднем Урале за годы войны было проведено 20 тыс. музыкальных концертов.

В годы войны заметно поднялся нравственно-религиозный уровень населения Урала, что объяснялось предоставлением властями религии возможности легального развития. Это проявилось в восстановлении епархий, в разрешении открытия молитвенных зданий, в прекращении расправ над священнослужителями и амнистии ранее репрессированных, в ослаблении контроля за хождением религиозной литературы. За годы войны на Урале возобновили деятельность 88 православных храмов. Веротерпимость власти проявилась и по отношению к неправославным конфессиям, открывшим за годы войны 17 культовых учреждений. «Новая религиозная политика» позволила церковным институтам усилить влияние на массы, более интенсивно проводить патриотическую работу и консолидировать все слои общества на защиту Отечества, оказывать духовную поддержку верующим, потерявшим родных и близких на полях сражений, оказывать материальную помощь фронту. Только за 1943–1945 гг. уральские священнослужители и верующие собрали на нужды обороны около 14 млн. руб.

---

¹⁸ Сперанский В.А. Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории в контексте национальной безопасности // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Четвертые уральские военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. С. 22.

За годы войны заметно выросла общая доля Урала в общероссийском духовном потенциале. К концу войны в регионе насчитывалось 14,3% высших учебных заведений и 16,1% средних специальных заведений, совместно подготовивших 10,0% всех российских выпускников. В областях и республиках Урала работало 14,9% общеобразовательных школ, 19,2% детских домов, 15,8% библиотек, 27,3% киноустановок, 15,6% театров¹⁹.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Урал стал не только опорным краем страны, но и мощным духовным фундаментом, оказывавшим прямое воздействие не только на жителей региона, но и на всех жителей страны.

Гарунова Н.Н.

К вопросу о строительстве в годы войны железной дороги «Кизляр – Астрахань»

В буре военных событий Великой Отечественной войны было немало событий, которые незаметно «потерялись», не получив должного отражения в истории. К числу таких эпизодов с полным основанием можно отнести и сооружение железной дороги от Кизляра до Астрахани, известной как стройка НКПС №8. Председатель Государственной Думы Астраханской области А.Б.Клыкканов в одном из своих вступлений отметил, что «большое значение для победы над врагом на Волге имело строительство железной дороги Кизляр – Астрахань. 334 километра магистрали были проложены за небывало короткие сроки. Дорога связала Закавказье, Северный Кавказ с центром. Труд возводивших ее женщин, стариков, подростков – это подвиг».

Сложная обстановка, сложившаяся летом 1942 г. на советско-германском фронте, когда немецкие войска выдвинулись не только к берегам Волги, к Сталинграду, но быстро продвигались и в сторону Северного Кавказа, вызывала серьезную тревогу у Государственно-

---

¹⁹ Сперанский В.А. Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории в контексте национальной безопасности // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Четвертые уральские военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. С. 22.

го комитета обороны и Генерального штаба Красной Армии. Если угроза захвата Закавказья была снята, то опасения за безопасность Закавказья оставались, продолжались возникшие еще летом большие трудности с доставкой бакинской нефти.

Зная планы немецкого командования по захвату Кавказа и учитывая реально складывающуюся не в нашу пользу фронтovou обстановку, еще 16 августа 1941 г. состоялось решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о строительстве новой железной дороги от Кизляра до Астрахани. Эта линия протяженностью 335 км была запроектирована от станции Кизляр, являвшейся конечным пунктом тупиковой 82-км линии, примыкавшей по станции Червлено-Узловой к главному ходу Прохладная – Махачкала (и далее до Баку) Орджоникидзевской железной дороги. Далее она должна была следовать вдоль побережья Каспийского моря до станции Трусово и затем через Волгу до Астрахани Рязано-Уральской железной дороги. Эта специальная стройка НКПС №8 призвана была обеспечить железнодорожный вывоз бакинской нефти по кратчайшему пути.

Железная дорога от Кизляра до Астрахани была одной из крупнейших военныхстроек. На значительном протяжении она проходит в сложной природно-географической, безводной, малонаселенной и экономически неразвитой зоне. Учитывая важность быстрого ввода линии в действие, ее строительство организовали по принципу народной стройки военного времени с активным привлечением местного населения. Начальником строительства был назначен Мушкатин и его заместителем по политчасти Черкасский²⁰. НКПС принял меры по укомплектованию строительства рабочей силой за счет имевшихся на дорогах строительно-ремонтных подразделений и направил туда необходимые машины и механизмы (экскаваторы, скреперы, бульдозеры, копровое оборудование, автотранспорт и др.), а также строительные материалы. Большое участие в организации строительства приняли территориальные органы, особенно Калмыцкий обком ВКП(б) и Совет Народных комиссаров Калмыцкой АССР, что подтверждается архивными документами Архива Калмыкии и частично отражается в документах Фондов Кизлярского краеведческого музея. Например, Постановление бюро обкома ВКП(б)

---

²⁰ Пашинин С.А. Воспоминания, посвященные 65-летию ввода в строй линии Кизляр – Астрахань. Интернет ресурсы.

и Совет народных комиссаров Калмыцкой АССР от 30 сентября 1941 г.: «Считать строительство железнодорожной линии Астрахань – Кизляр важнейшей стройкой в республике». Как следует из протокола № 151 заседания бюро Калмыцкого Обкома ВКП(б) от 22 ноября 1941 г., при рассмотрении вопроса «О ходе строительства железной дороги Кизляр – Астрахань» подчеркнуто исключительное значение строительства дороги Кизляр – Астрахань в дни Отечественной войны советского народа против германских оккупантов и призывает всех трудящихся Улан-Хольского, Лаганского, Долбанского, Приволжского, Юстинского и Черноземельского улусов принять самое активное участие в этом важнейшем оборонном строительстве, мобилизовать все силы и средства, чтобы своевременно и высококачественно закончить строительство дороги в установленные сроки партией и правительством.» Согласно протоколу № 155 заседания бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) от 10 декабря 1941 г., бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) постановило: обязать Долбанский, Приволжский, Улан-Хольский, Лаганский, Черноземельский, Юстинский улускомы ВКП(б) до 13 декабря 1941 г. дополнительно мобилизовать на строительство дороги Кизляр–Астрахань установленное количество людей и подвод решением бюро ВКП(б) от 22 ноября 1941 г., по мере окончания земляных работ силами лучшей части колхозников, участвующих в строительстве, немедленно организовать укладку полотна. Из протокола № 37/144 заседания исполнительного Комитета Приволжского улусного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой АССР «О трудовой повинности населения Приволжского улуса на работы оборонного значения» от 20 августа 1942 г. следует, что в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. и постановления Военного Совета от 13 августа 1942 г. исполкомом объявлена по улусу трудовая повинность всего трудоспособного населения в возрасте: мужчин от 14 до 60 лет и женщин от 15 до 55 лет²¹. Протоколом объединенного заседания Бюро Лаганского Улускома ВКП(б) и Лаганского Исполкома Улус-

²¹ Решение от 2009.09.04 Лаганский районный суд Республики Калмыкия. Об установлении факта участия в строительстве железной дороги Астрахань – Кизляр в 1942–1943 гг. Национального архива Республики Калмыкия от 11 июня 2009 г. № 172. Фотокопия. Кизлярский краеведческий музей. Ф. 1. Оп. 1всп. Д. 12. Л. 7.

ного совета депутатов трудящихся от 9 октября 1941 г. одобрено и принято к неуклонному исполнению постановление Бюро Обкома ВКП(б) и СНК КАССР «О строительстве новой железнодорожной линии Астрахань – Кизляр». Для обеспечения выполнения установленного правительством срока открытия движения по линии принято решение о направлении на строительство железной дороги не позднее 15 октября в порядке трудовой и гужевой повинности 1200 человек рабочих, 300 подвод, распределив их по колхозам: Лаганский поссовет, колхозы «Каспиец», «Тельмана», «20-я Годовщина Октября», «Ревтруд», «Соцпуть», «Заветы Ильича», «Соц Халга», «Улан Туг», «2-я пятилетка». Как следует из докладной записки СНК Калмыцкой АССР и обкома ВКП(б) в ЦК партии и СНК СССР о военном и хозяйственном положении в Калмыкии на 15 августа 1942 г., вновь построенная железная дорога Кизляр – Астрахань подвергается усиленной бомбардировке вражеской авиацией. Так, например, 15 августа 1942 г. четыре бомбардировщика бомбили станцию Улан Хол железной дороги Кизляр – Астрахань, сбросили до 80 бомб, разрушили несколько звеньев дороги. Имеются людские жертвы. В этот же день три бомбардировщика бомбили станцию Зензели, подожгли 6 железнодорожных цистерн с нефтью. Воздушная охрана железной дороги от налетов вражеских самолетов на территорию нашей республики совершенно отсутствует. Из письма командования 110 Калмыцкой кавалерийской дивизии в СНК КАССР и обком ВКП(б) о боевых действиях дивизии, ее состоянии и необходимости пополнения от 6 сентября 1942 г. следует, что по приказу командующего Закавказским фронтом генерала армии Тюленева дивизия, войдя в подчинение 44 армии, прибыла к новому месту дислокации – Улан Холл КАССР – для выполнения боевой задачи по охране железнодорожной магистрали Кизляр – Астрахань и для уничтожения отдельных групп противника, оказавшихся на территории КАССР. Из письма военного комиссара Республики Калмыкия полковника В. Молозаева первому заместителю председателя Верховного суда Республики Калмыкия Басангову И.В. от 27 апреля 2001 г. следует, что географически железная дорога Астрахань – Кизляр находится между линией боевых действий на суше и местом расположения военно-морских баз Каспийской военной флотилии, которые входили в состав дей-

ствующей армии²². Вышеуказанные документы подтверждают доводы о том, что железная дорога Астрахань – Кизляр была отнесена к военному объекту и действительно находилась в прифронтовой зоне. Однако на первом этапе в сложных условиях военного времени и при недостатке необходимых материальных ресурсов и квалифицированных кадров добиться решительного сдвига в строительстве не удавалось. Более того, на фоне разговоров о труднопреодолимых проблемах даже начались подготовительные работы по временной консервации стройки. Видимо, это стало результатом существовавших в начале войны недостатков в организации восстановительных работ, а также из-за несогласованности действий двух ведомств – НКПС и Наркомата обороны. Но точно известно, что Калмыцкий обком ВКП(б) категорически возражал против приостановки работ и добился телеграммы за подписью И.В. Сталина о том, что «строительство железной дороги Кизляр – Астрахань будет закончено и консервация отменена». На специальном расширенном заседании 10 декабря 1941 г. бюро обкома ВКП(б) еще раз подчеркнуло важность строительства железной дороги Кизляр – Астрахань для дальнейшего экономического и культурного развития Калмыцкой республики и особенно ее приморских районов. Были приняты конкретные решения по оказанию дополнительной помощи строительству.

По линии НКПС также принимались срочные меры по исправлению положения и активизации строительства. Для ускорения работ была направлена 47-я бригада железнодорожных войск (командир – полковник В.М. Галынин) и 25-й отдельный мостовой батальон, а также спецформирования НКПС – мостоотряд № 2 и мостопоезд № 49. Наркоматом были выделены дополнительные фонды на стройматериалы и оборудование, установлен диспетчерский контроль за ускоренной доставкой их к месту работ. Для координации деятельности всех исполнителей и оперативного принятия мер по ускорению работ на строительство²³ был командирован заместитель

---

²² Решение от 2009.09.04 Лаганский районный суд Республики Калмыкия. Об установлении факта участия в строительстве железной дороги Астрахань – Кизляр в 1942–1943 гг. Национального архива Республики Калмыкия от 11 июня 2009 г. № 172. Фотокопия. Кизлярский краеведческий музей. Ф. 1. Оп. 1всп. Д. 12. Л. 7.

²³ Казапкин С. Время трудовых подвигов // Кизлярская правда. 1985. 16 марта. С. 7.

наркома путей сообщения И.Д.Гоциридзе с группой ответственных работников наркомата. С весны 1942 г. сооружение линии Кизляр – Астрахань было взято под постоянный контроль как НКПС, так и Государственным комитетом обороны.

Героический и самоотверженный труд участников строительства № 8, общая численность которых (включая местное население) доходила до 20 тыс. человек, позволил в сжатые сроки выполнить основные работы. 4 августа 1942 г. первый поезд из Кизляра прибыл в Астрахань. Это торжественно отмеченное событие стало началом регулярного движения поездов по 335-километровой новостройке, снявшей остроту проблемы доставки бакинской нефти в европейскую часть страны.

Следует отметить, что все строительство осуществлялось по облегченным техническим нормам военного времени, и это обеспечило своевременное выполнение всех необходимых работ к моменту открытия движения и принятие линии в эксплуатацию. При этом не только допускалось терпимое отношение к разного рода упрощениям и даже отход от требований проекта, но строительство многих объектов вообще находилось в зачаточной стадии. Это касалось локомотивного и вагонного хозяйств, служебных, жилых и других зданий. Конечно, из-за допускаемого упрощения и низкого качества путевых работ состояние пути на многих участках требовало постоянного ограничения скорости движения поездов, которая в ряде случаев не превышала 15–25 км/ч²⁴.

О высоком духе патриотизма строителей свидетельствует опубликованная телеграмма²⁵ Председателю Государственного комитета обороны товарищу Сталину о том, что «Воодушевленные героическими подвигами Красной Армии, бесстрашно громящей немецко-фашистских оккупантов, рабочие, инженеры, техники и служащие строительства внесли из своих личных сбережений на строительство боевых самолетов и танков 303400 тыс. рублей и отправили подарки на фронт для бойцов и командиров Красной Армии на сумму 195100 рублей». Был опубликован и ответ И.Сталина «Прошу передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и

---

²⁴ Там же.

²⁵ Телеграмма Председателю ГКО СССР // Вперед (орган Управления и Политотдела строительства № 8/108). 1943. 17 апреля.

служащим строительства наркомата путей сообщения № 8/108, собравшим на строительство танков и боевых самолетов и пославшим подарки фронтовикам, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Такова была героическая история стройки НКПС № 8/108 по сооружению железной дороги Кизляр – Астрахань, снявшей в 1942–1943 гг. острую проблему по обеспечению Красной Армии и народного хозяйства горючим. Многие активные участники этого военнотрудового подвига были отмечены высокими государственными наградами и награждены медалью «За оборону Кавказа».

Славко А.А.

Система функционирования детских учреждений для беспризорных и безнадзорных детей в России в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война вызвала новый рост численности детей – сирот, а отсюда – беспризорных и безнадзорных. Государство сразу же принимает меры для устройства детей, оставшихся без родителей. В первые месяцы войны в связи с экстренной эвакуацией детей из прифронтовых и фронтовых районов страны возникает острая необходимость в размещении детей в детдомах, расположенных в тылу. Начинается уплотнение и без того переполненных детских домов, численность воспитанников в них увеличивается примерно в 2–3 раза. Спешно открываются новые детские дома.

Незадолго до войны, 19 апреля 1941 г., в докладе прокурора СССР В.М. Бочкова были отмечены факты неудовлетворительного состояния детдомов Наркомпроса. В Краснодарском крае, например, дети не были обеспечены одеждой, обувью, продуктами питания. В некоторых детдомах расхищались государственные средства. Не хватало топлива. Зимой часть детей вынуждена была ходить босиком и без головного убора. Школу посещали не более 50 % воспитанников и др.²⁶ Эти же проблемы автоматически перекладываются и на военное время. Так, в Куйбышевской области для размещения эвакуиро-

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 25 а. Д. 7352. Л. 19–24. Опубликовано: Дети ГУЛАГа: 1918–1956. С. 366.

ванных детей за период с 1 июля по 4 сентября 1941 г. в количестве 1036 человек было открыто 4 новых детских дома. Имевшиеся до этого в области 31 детский дом были переполнены, вместо 3 102 человек по плану Наркомпроса в них содержалось 3 700 детей. Кроме того, для эвакуированных детей было открыто три интерната²⁷.

Директорами, учителями и воспитателями детских домов профессионально и духовно были разные люди. О ком-то вспоминают с ненавистью и грустью, кого-то – с благодарностью всю последующую жизнь. Обследование детских домов начала 1942 г. показало следующее. Во многих из них директор и воспитатели не имели соответствующего образования и педагогического опыта. Деятельность воспитателей планировалась формально, порой вообще отсутствовали планы работы. В помещениях было грязно и неудобно, поскольку не хватало средств на ремонт. В условиях печного отопления большинство печей было пожароопасно. Как вспоминает одна из воспитанниц Петровского детского дома Оренбургской области В.Б. Большакова, в годы войны сюда попали дети из Ленинградской, Витебской и Смоленской областей. Девочки на кроватях спали по двое, мальчики же на нарах, «сколько поместятся». Детдом располагался в маленьких домах без удобств. Заготовкой дров занимались сами воспитанники, за что получали дополнительный кусочек хлеба с щепоткой сахара. Электричества не было. По словам бывшей воспитанницы, «начальные классы в школу не ходили, не в чем было. Старшие бегали в школу в галошах, а там технички печку топят, угольков в галоши накидаешь, чтобы в них теплее стало, и снова наденешь. В школе писать было нечем. Писали на старых книгах и газетах, между строк»²⁸. Не хватало квалифицированных педагогических кадров, особенно воспитателей.

Война еще более усложнила положение детдомовцев. Недостаточное медицинское обслуживание в детдомах резко ухудшилось вследствие мобилизации медицинских кадров на фронт, снизились нормы питания, увеличились заболеваемость и смертность среди детей.

---

²⁷ СО ГАСПИ. Ф. 656. Оп. 19. Д. 2. Л. 93–96. Опубликовано: Самарское Поволжье в XX веке: сб. док. и матер. / сост. П.С. Кабытов. Самара, 2000. С. 378–379.

²⁸ Воспоминания: из воспоминаний Большаковой Варвары Борисовны. Режим доступа: <http://www.cdat.orb.ru>.

Колоссальным был ущерб, нанесенный фашистскими захватчиками за время оккупации советских территорий. Для примера приведем данные по Калининской области. Полностью или частично было разрушено 44 детсада и детских дома, 1 059 школ, 168 культпросветучреждений и др. Приводятся и другие, более уточненные данные: до войны в области функционировало 36 детдомов, в годы войны разрушено и сожжено было полностью 27, по детсадам: до войны было 100, полностью сожжено 36, частично 27²⁹.

С целью освобождения мест в детских домах для эвакуированных детей, по воспоминаниям В.В. Балинского, по окончании 5 классов, в начале войны, детям выдали свидетельства о рождении «с плюсом в 2 года» и направили либо на завод, либо в ремесленные училища³⁰.

Тыл всячески пытается помочь детям – сиротам. С 5 июня 1942 г., например, Куйбышевская область принимает решение о размещении у себя еще 5 тыс. детей из Ленинграда, которые распределялись по детским домам и общежитиям спецшкол области, в зданиях бывших детских санаториев³¹. Эвакуировали целыми детскими домами.

Для разгрузки детских домов в январе 1942 г. Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР было разрешено провести набор детей от 14 лет и выше в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Остальных детдомовцев старше 14 лет Наркомпросы республик обязаны были направить на работу в промышленность и сельское хозяйство³².

По мере освобождения советских территорий от немецкой оккупации необходимо было в срочном порядке решать проблему размещения находящихся там детей – сирот. На самих освобожденных территориях помещения детских домов, как правило, были разрушены, а строительство требовало времени. В связи с создавшейся ситуацией СНК РСФСР издает распоряжения, которые дают разрешение на вывоз детей – сирот в заранее определенные детские дома. Так, согласно распоряжению СНК РСФСР № 556-р от 26 апреля 1943 г.

²⁹ ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 16. Л. 38.

³⁰ Багинский В.В. А человек – живет! Режим доступа: <http://www.sormovich.nnov.ru>.

³¹ ГАСО (Сам.). Ф. 1227. Оп. 4. Д. 51. Л. 60–61. Опубликовано: Самарское Поволжье в XX веке: сб. док. и матер. / сост. П.С. Кабытов. С. 383–384.

³² Собрание постановлений СНК СССР. 1942. № 2.

Калининский облисполком вывез из освобожденных районов 1,5 тыс. детей-сирот, которые были размещены в детских домах Молотовской и Кемеровской областей. В качестве сопровождающих был не только обслуживающий персонал, но и медицинские работники. Все дети – сироты и сопровождающие обеспечивались на дорогу сухим пайком из расчета на 15 дней. Кроме того, выделялись денежные средства на оплату в пути горячего питания³³.

В условиях тяжелого экономического положения в стране, обострившегося войной, правительство прибегает к уже апробированным методам снабжения за счет расширения подсобных хозяйств. Война потребовала от детдомов повышенного внимания к подсобным хозяйством. Заготовка продуктов с их помощью велась с таким расчетом, чтобы продуктов детдомовцам хватало на весь предстоящий год. Для этого старались купить корову, свиней, кур. Земельные участки в основном обрабатывались силами воспитанников. Это были немалые площади, например, в Карчемском школьном детдоме Устькуломского района Коми АССР земельный участок, по данным на март 1942 г., был равен 4,5 га³⁴.

Подсобные хозяйства с начала войны функционировали во всех детдомах, кроме находящихся в оккупации. После освобождения они сразу же создаются и здесь. Хотя снабжение детских домов продуктами питания с подсобных хозяйств, с официальной точки зрения, должно было быть дополнительным источником снабжения, на деле подсобные хозяйства детдомов нередко являлись основным источником питания.

В условиях войны необходимо было активнее развернуть военно – психологическое и патриотическое воспитание. Для этого в детдомах готовились витрины с материалами о Великой Отечественной войне. Дети вели переписку с воинами Красной Армии, особенно с бывшими воспитанниками своих детдомов, активно участвовали в тимуровском движении, помогая семьям погибших или находящихся на фронтах. В свою очередь, осязательная помощь детдомовцам шла от общественных организаций.

В связи с организацией в 1943 г. нового типа детских учреждений для содержания детей и подростков – трудовых воспитательных

³³ ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 8. Л. 3.

³⁴ НА РК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 388. Л. 1–1 об.

колоний для беспризорных и безнадзорных детей, в них также стали направляться воспитанники детских домов, которые систематически нарушали внутренний распорядок и дезорганизовывали нормальную постановку учебы и воспитания в детдомах³⁵. Части трудовых воспитательных колоний был придан статус специальных.

Специальные трудовые воспитательные колонии НКВД СССР с производственным и школьным обучением по программам ремесленных училищ для наиболее одаренных детей первыми стали организовываться в РСФСР в Московской, Ярославской областях, в Башкирской АССР. Эти колонии не предполагали вывод подростков в ремесленные училища и школы ФЗО и тем самым предотвращали возможные побег³⁶. Воспитанники специализированных трудовых воспитательных колоний находились в значительно лучших условиях, по сравнению с обычными трудовыми колониями для несовершеннолетних. Для них было установлено улучшенное вещевое довольствие и повышенные нормы питания.

В первой половине 1943 г. по всей стране прошла проверка детских домов, в которых находилось 308 тыс. детей³⁷. По ее результатам было принято специальное постановление СНК СССР № 942 от 1 сентября 1943 г., в котором обобщались итоги и намечались пути улучшения работы детдомов³⁸. Среди главных выделялись две проблемы: работа по устройству детей, оставшихся без родителей, и немедленное устранение скученности детей в детдомах, а также оборудование их всем необходимым для нормального проживания инвентарем, кроватями, мебелью, посудой и др. СНК автономных республик, областным и краевым исполкомам было разрешено открытие новых детских домов сверх утвержденных планов.

С 1 сентября 1943 г. постановлением СНК № 942 вводятся единые государственные нормы снабжения продуктами питания детей детских домов. Централизованно по плану детдома стали снабжать-

---

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 215. Л. 214–216. Опубликовано: Дети ГУЛАГа: 1918–1956. С. 383.

³⁶ Тимофеев, В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события / В.Г. Тимофеев. С. 9.

³⁷ История России. Режим доступа: <http://www.history.ru>.

³⁸ Собрание постановлений СНК СССР. 1943. Сентябрь. С. 13.

ся в необходимом количестве медикаментами, бакпрепаратами и дезинфекционными средствами³⁹.

В 1943–1944 гг. во всех детских домах на имеющиеся или вновь создаваемые мастерские – слесарные, столярные, обувные, швейные, трикотажные и др. – возлагались большие требования. Цель ставилась двоякая: трудовое обучение воспитанников и решение их бытовых проблем. Мастерские детских домов были приняты предприятиями на снабжение отходами производства. Особое внимание стало уделяться подбору кадров. Для этого воспитатели, не имеющие законченного среднего образования и специальной педагогической подготовки, стали получать заочное среднее педагогическое образование⁴⁰.

Постепенно начинает налаживаться медицинское обслуживание детей в детдомах. Для этого устанавливались графики приема врача. В каждом детском доме стала работать медсестра, осуществляющая постоянное наблюдение за здоровьем детей. В течение сентября 1943 г. был проведен врачебный осмотр воспитанников всех детских домов страны.

В годы войны создавались и специальные детские дома как благотворительные учреждения. Со времени действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. «Об амнистии бывших польских граждан» по середине 1944 г. на территории СССР было открыто и функционировало 40 польских детских домов⁴¹.

После освобождения советских территорий от фашистских захватчиков на них срочно открываются специальные детские дома для «детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов»⁴². На бывших оккупированных территориях создавались и так называемые «индивидуальные детские дома». Инициаторами выступали, как правило, предприятия, колхозы и совхозы, которые брали на себя содержание таких детдомов.

³⁹ ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 8. Л. 48 об.

⁴⁰ Собрание постановлений СНК СССР. 1943. Сентябрь. С. 13.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 178. Л. 33 а–35 а. Опубликовано: История сталинского Гулага: конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. С. 419.

⁴² ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 8. Л. 28.

В конце 1943 г. ставится задача открыть к середине марта 1944 г. в каждом районе Европейской части России колхозные детские дома⁴³. Так, к концу 1943 г. в Орле за четыре месяца было создано 6 специальных детдомов на 1,5 тыс. мест, и в первом квартале 1944 г. планировалось открыть еще 6 на 800 мест⁴⁴.

Материальное положение и снабжение этих детдомов существенно отличалось от детдомов обычного типа, открытых ранее, в лучшую сторону. Все спецдетдома были сравнительно полно укомплектованы воспитательским и обслуживающим персоналом. Работа проводилась строго по плану. Во всех детдомах дети были разбиты по возрастным группам, и работа в каждой группе проводилась по особой методике. Все дети школьного возраста посещали школу и были полностью обеспечены школьными принадлежностями. При детдомах были созданы пионерские отряды, работали различные кружки.

К июню 1944 г. планы по открытию новых детдомов были полностью выполнены и, например, в Орловской области успешно функционировали 12 специальных детских дома, в которых пребывало плановое число детей – 230 человек⁴⁵. В Калининской области в 1944 г. функционировало 16 детских домов, в которых соответственно находилось 1710 детей, 36 общих детских дома – 3138, 14 колхозных детских домов – 785 воспитанников. При этом специальные детские дома были полностью обеспечены по нормам Совнаркома⁴⁶.

Государство особо отмечало важность «безотказного приема всех детей, оставшихся без родителей, и устранение скученности в существующих домах», расположенных на освобожденных от немцев территориях. К примеру, только за два месяца, июль и август 1944 г., на территории Калининской области дополнительно открывается 26 детских домов. Для работы в них было направлено 35 молодых учителей. Воспитатели в количестве 40 человек за короткий срок закончили специализированные курсы⁴⁷.

В 1944 г. в детских домах находилось 534 тыс. воспитанников⁴⁸. Однако во многих детдомах обычного типа ситуация с питанием и

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ ГАОО. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 20. Л. 20.

⁴⁵ Там же. Д. 36. Л. 141–141 об.

⁴⁶ ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 16. Л. 51 об.

⁴⁷ Там же. Л. 1.

⁴⁸ История России. Режим доступа: <http://www.history.ru>.

одеждой продолжала складываться неудовлетворительно и в 1944 г. Не хватало одежды, и дети зимой ходили в школу в летних пальто. Нередко встречались случаи обморожения. Как, например, было отмечено по Калининской области, что положение детских домов оставалось неудовлетворительным, промышленные предприятия выполняли возложенные на них обязательства плохо, положение с жестким инвентарем в детских домах было неудовлетворительное. Слабое развертывание мастерских объяснялось причиной полного отсутствия сырья и оборудования⁴⁹.

Воспитанники детских домов вынуждены были писать жалобы на плохое питание и отсутствие одежды. Только за один месяц, январь 1944 г., Колполиевский пункт военной цензуры получил 199 писем от воспитанников детских домов, которые жаловались на плохое питание и обмундирование⁵⁰. В Серегинском детском доме с. Назарово (ныне г. Назарово), по данным на 10 сентября 1944 г., дети испытывали недостаток в одежде и обуви, ограниченным было питание⁵¹.

Тогда в срочном порядке, с целью налаживания положения в детдомах, принимаются экстренные меры. Повсеместно происходит смена руководителей детских домов, многие из которых отдаются под суд. Новыми директорами «принимаются все меры к улучшению всей жизни» детских домов⁵².

Для улучшения положения воспитанников в детдомах необходимо было решить проблему заготовки полной нормы топлива на холодное время года; обеспечить детдома тягловой силой и продуктивным скотом; вывести всех детей, больных туберкулезом, в тубсанатории. С этого времени председателям исполкомов райсоветов вменялось в обязанность ежемесячное личное посещение всех детдомов, расположенных на вверенных им территориях.

29 августа 1944 г. приказом заместителя Народного комиссара просвещения РСФСР № 592 утверждается инструкция Наркомпроса РСФСР «Об охране имущественных прав воспитанников детских домов. На директоров детских домов с этого времени возлагалась

⁴⁹ ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 16. Л. 51 об.

⁵⁰ Дети ГУЛАГа: 1918–1956. С. 401.

⁵¹ Сидоренко А., Березина А. Человек и война. 2004. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru>.

⁵² См., напр.: ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 16. Л. 11.

обязанность охраны имущественных прав воспитанников и сохранности самого имущества, если таковое имелось. Деньги воспитанников или драгоценности с этого времени должны были вноситься в сберегательную кассу или банк на имя ребенка. Если считалось, что хранение имущества воспитанника нецелесообразно, то разрешалась его продажа. Вырученные от этого средства также вносились на сберкнижку ребенка. При выходе из детдома воспитаннику все это должно было быть выдано под расписку⁵³.

К концу войны численность детдомов в ряде регионов сокращается в связи с уменьшением численности беспризорных и безнадзорных детей, в других местах – увеличивается. Так, например, если в Орле в 1941 г. было 37 детских домов, в которых находилось 2 065 воспитанников, то в 1944 г. здесь осталось 20 детдомов с 1 330 воспитанниками⁵⁴. В Калининской области, наоборот, если на начало 1943 г. в 17 детдомах находилось 1 780 детей, то по данным на 1 марта 1944 г. в области функционировало 40 детских домов, в которых размещалось 3 840 детей⁵⁵.

Кривоножкина Е.Г.

Организация быта, труда и отдыха детей в сельских районах Татарской АССР в 1941–1945 гг.

В годы войны Татарская АССР превращается в важный тыловой регион. Первые эвакуированные начали прибывать в республику уже в июле 1941 г. Среди эвакуированных в сельскую местность большой процент составляли дети. Уже к 1 декабря 1941 г. в сельских районах ТАССР разместились 67 798 детей, 70% которых были в возрасте до 12 лет. Они прибывали как с родителями, так и с детскими учреждениями – детскими домами, детскими садами, пионерскими лагерями и т.д. Сразу по несколько детских учреждений приняли в Бондюж-

---

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 108. Д. 332. Л. 215–217. Опубликовано: Дети ГУЛАГа: 1918–1956. С. 413–414.

⁵⁴ ГАОО. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 195. Л. 8.

⁵⁵ ГАТО (Тв.). Ф. Р-1216. Оп. 11. Д. 16. Л. 27.

ском (4), Верхне-Услонском (3), Елабужском (3), Красноборском (3) и Набережночелнинском (4) районах⁵⁶.

На 1 января 1943 г. дети до 13 лет составляли 43,8% всего сельского населения, из них мальчики – 21,7%, девочки – 22,1%. На долю подростков 14–15 лет приходилось 7,5%, в том числе 3,6% мальчиков и 3,9% девочек⁵⁷.

Военные и трудовые мобилизации для пополнения армии и рабочей силы в промышленности значительно сократили общее число специалистов сельского хозяйства. Единственной возможностью компенсировать потери рабочей силы и снижение уровня механизации в деревне в военные годы могло стать увеличение трудовой нагрузки на оставшееся сельское население. 13 апреля 1942 г. Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) приняли Постановление, по которому на время войны для подростков от 12 до 16 лет, проживающих в колхозах, устанавливался обязательный минимум до 50 трудодней в год. Подросткам выдавали трудовые книжки и учитывали их заработки. Все колхозники, не выработавшие без уважительных причин трудодни по периодам сельхозработ, должны были привлекаться к суду, а по приговору последнего – к исправительно-трудовым работам в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза.

Удельный вес трудодней подростков составлял в 1943 г. по обследованным экономическим зонам СССР от 9% до 11%⁵⁸. Считая уборку и заготовку сельскохозяйственных продуктов общенародным делом, Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) установили в 1944 и 1945 гг. на период уборки урожая обязательный выход на работу всех трудо-

---

⁵⁶ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 186. По данным официальной статистики в целом в Татарию было организовано эвакуировано 226 тысяч человек. Однако, по нашим подсчетам, к весне 1942 г. в республике разместились 276 438 эвакуированных, а в феврале 1943 г. эвакуационные пункты зарегистрировали 278 943 человека.

⁵⁷ Подсчитано по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 515. Л. 159–159 об. К сожалению, вычислить количество подростков 12–13 лет тоже невозможно, так как сведения о них записывались в графу о детях 8–13 лет без распределения по возрастам внутри графы.

⁵⁸ Теряева А.П. Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 18.

способных колхозников от 14 лет и старше, независимо от выработки ими минимума трудодней⁵⁹.

Вообще Поволжье входило в категорию многоземельных районов, где и до войны рабочих рук не хватало⁶⁰. А в дни войны сельчанам дополнительная помощь нужна была особенно. В апреле 1942 г. было издано постановление о трудовой помощи колхозам населением городов⁶¹. Мобилизованное на сельхозработы городское население получало, как и сельское, нормы выработки: 40–50 трудодней в колхозах и 20–30 дневных норм в совхозах. Для учащих нормы составляли 20–30 трудодней в колхозах и 20–30 дневных норм в совхозах, по выполнению которых они, по желанию, должны были освобождаться от мобилизации⁶².

Летом к работе на полях привлекались школьники начальных классов сельских школ и городские школьники средних и старших классов. В течение года сельские школьники собирали золу, птичий помет, навоз. Собирали и готовили к весеннему севу верхушки клубней картофеля⁶³. Наравне со взрослыми принимали участие во всех полевых работах. Им, как и взрослым, выдавали трудовые книжки, куда записывали заработанные трудодни. Колхозы обычно рассчитывались по трудодням зерном и овощами. Совхозы платили деньгами, а в качестве премирования применяли натуроплату.

Нормы дневной выработки на ребенка в зависимости от вида работ составляли от 0,15 до 0,5 га. Подростки скирдовали, вязали и перекладывали снопы, перелопачивали зерно, сгребали и копнили рожь, окучивали картофель и т.д. Отдельные виды работ давались

---

⁵⁹ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1945 гг. Сыктывкар, 1945. С. 23.

⁶⁰ См.: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1945 гг. С. 283.

⁶¹ О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1945 гг. С. 14–16.

⁶² Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1943 году // Социалистическое сельское хозяйство. 1943. №7. С. 5.

⁶³ НМ РТ. Ед. хр. 330. Б/н. Соцдоговор коллектива педагогов и учащих-ся Кузнечихинской средней школы.

без указания нормы, что оплачивалось сдельно⁶⁴. Наиболее трудоемкой работой была посадка овощей и их полив. Поскольку оросительная система в селах республики за годы войны пришла в негодность⁶⁵, воду приходилось набирать и носить вручную за 400–500 метров⁶⁶. Дети, как и взрослые, работали в любую погоду, чтобы в срок закончить посевную или уборочную. Когда руководство колхоза или совхоза обращалось с просьбой работать в выходной день – работали безотказно⁶⁷. Учащиеся оказывали посильную помощь в ремонте зданий (ферм, кузниц и т.п.), техники (комбайнов, тракторов), пахали землю и ухаживали за животными⁶⁸.

Колхозы и совхозы обеспечивали приезжих подростков на время работы жильем (в общежитиях, зданиях клубов, школ или в крестьянских семьях), трехразовым питанием. Овощи, полученные школьниками в счет натуроплаты, доставлялись силами крестьян до транспортного узла (пристани, трассы). Некоторые совхозы и ОРСы имели возможность премировать лучших школьников стахановскими обедами, промтоварами (отрезами ткани, галошами, или талонами на обувь).

Нормальной организации детского труда в селах мешали бытовые трудности. Не хватало мыла. Часто в помещениях, где размещались школьники, не было стекол, протекала крыша, не было кроватей. Приходилось спать на полу, в сырости. Негде было сушить одежду и обувь. Иногда учителя, сопровождающие школьников, вынуждены были обращаться в Совнарком с жалобами на жилищные условия, поскольку правления некоторых колхозов и совхозов никаких мер к их улучшению сами не принимали⁶⁹. Несмотря на это,

---

⁶⁴ НМ РТ. Ед. хр. 330. Б/н. Сведения об итогах сельскохозяйственных работ учащихся и учителей Казанской средней школы № 83 летом в 1944 году.

⁶⁵ Подробнее см.: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 16. Д. 306.

⁶⁶ НМ РТ. Ед. хр. 330. № 15366. Сводка о работе учащихся средней женской школы № 68 за летний период 1944 г.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. № 108050. Благодарность правления колхоза «Красный ключ» Верхне-Услонского района ученикам школы № 19; б/н. Отзыв Ключинской МТС Юдинского района о работе учеников ЖУ №1; № 108035. Характеристика работы учащихся и педагогов школы №7 г. Казани.

⁶⁹ НМ РТ. Ед. хр. 330. Б/н. Сведения об итогах сельскохозяйственных работ учащихся и учителей Казанской средней школы № 83 летом в 1944 году.

подростки работали добросовестно, выполняя и перевыполняя установленные нормы.

В связи с массовым вовлечением женщин в сельскохозяйственное производство, в том числе прибывших по эвакуации или самостоятельно вместе с детьми, а также в связи с эвакуацией в республику большого количества детских учреждений, сильно возросла потребность в расширении сети дошкольных учреждений. Государственный план развития сельского хозяйства на 1942 г. обязал колхозы не позднее чем за 10 дней до начала полевых работ организовать детские ясли простейшего типа и детские площадки с выделением для этого менее трудоспособных женщин-колхозниц, а также с привлечением учительниц⁷⁰. Если в летний сезон 1941 г. в ТАССР было открыто 1 360 детплощадок, то в 1942 г. их стало уже 2 475, а в 1943 г. – 2 137 (53 в городе, остальные в сельской местности). К августу 1944 г. число сельских детплощадок снижается до 1 196 (или на 57,4 %), а число детей в них сокращается со 109 408 до 57 406 (на 52,5%)⁷¹. Среднее число детей на одну детплощадку составляло в тот или иной период 48–53 человека⁷².

Продолжали работать в республике и стационарные детские сады. Однако, к концу войны их количество тоже систематически уменьшается. За 1943 г. число детских садов в сельской местности сократилось с 355 до 283, или на 20,3% (в том числе при колхозах – со 168 до 77, или на 54,2%) , а за 7 месяцев 1944 г. – с 283 до 221, то есть на 22% (в том числе при колхозах – с 77 до 28, или на 63,6%)⁷³. Можно выделить, как минимум, две причины такого резкого сокращения числа детских садов и площадок: во-первых, это начавшаяся реэвакуация населения, а во-вторых – чрезвычайно тяжелое материальное положение на селе, и, прежде всего, в колхозах. Как свидетельствуют источники, колхозы Татарской АССР не выделяли достаточных для питания детей фондов пищевых продуктов, в связи с чем большое количество детских садов при колхозах ТАССР за 1943–1944 гг. было закрыто, а сезонные детские площадки не были в

---

⁷⁰ О государственном плане развития сельского хозяйства на 1942 год // Социалистическое сельское хозяйство. 1942. №3. С. 5–6

⁷¹ НАРТ. Ф. 1296. Оп. 18. Д. 531. Л. 87.

⁷² Подсчитано по: Там же.

⁷³ НАРТ. Ф. 1296. Оп. 18. Д. 531. Л. 87.

достаточной мере развернуты⁷⁴. При этом не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что низкая рождаемость детей в военные годы тоже могла стать одной из причин малой наполняемости дошкольных детских учреждений.

На 1 января 1945 г. число детских садов в сельской местности составило 246 (из них 33 – при колхозах), а количество детей, их поощающих – 11 205 человек⁷⁵.

Женщины в годы войны работали не только в дневных, но и в ночных сменах. В связи с этим в стране начинают работать ясли с круглосуточным дежурством персонала. В 1944г. появляются круглосуточные детские сады и в Татарии, хотя детей в них было немного: на 1 августа 1944 г. – 13 человек, а на 1 января 1945 г. – 15 человек⁷⁶.

У женщин-работниц не было порой времени для ухода за больными детьми – и в яслях стали принимать не только здоровых, но и заболевших детей, для которых создавались особые стационары, санаторные группы, группы дифференцированного обслуживания. При территориальных детских консультациях также возникали стационары, в которых получали квалифицированную медицинскую помощь и бережный умелый уход малыши с пониженным питанием, гипотрофией, больные рахитом и др.⁷⁷ Так или иначе, дети все же были под присмотром, а родители в это время могли работать.

Население большинства районов республики оказалось в крайне затруднительном положении с топливом. Детдома и интернаты готовили топливо в основном силами своих воспитанников и сотрудников. При слабом питании и плохой одежде заготовка дров давалась детям очень тяжело. Старшие дети с воспитателями рубили в лесу деревья, пилили длиной 1,5–2 м, чтобы суметь поднять и погрузить в сани. А уже в деревне младшие дети пилили и рубили их на дрова. Летом при заготовке дров дети жили в лесу в шалашах. Шалаша строили сами, еду тоже готовили сами⁷⁸.

---

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Д. 537. Л. 24.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Виноградов Н.А. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1955. С. 30.

⁷⁸ Бондаренко В.А. Вышневолоцкий-Тимбаевский детский дом. Казань, 1988. С. 16, 63.

В 1942 г. детские дома и интернаты республики заготовили 30,2 тысячи м³ дров, что обеспечивало полную потребность дровами на год⁷⁹. К сожалению, из-за нехватки транспорта подвезено к детучреждениям было только 32,6% заготовленных бревен⁸⁰. Зимой, когда нечем было топить, все дети, даже младшие ходили в лес за ветками и щепками. Л.П. Новоселова-Кузнецова, воспитанница Тимбаевского детского дома, вспоминает: «Как сейчас представляю – от леса тянется длинная вереница детей, под мышками сучок сырой сосны, а мы без рукавичек, а снега там хватало [...] и гамаш у нас не было[,] и обувь новой тоже, видимо, не успевали обеспечивать, в первую очередь одевали солдат... у кого пятки голые какой-то тряпкой обернуты, особенно страдали малыши, а дрова не горят, и обувь посушить негде»⁸¹.

Из-за недостатка топлива, а также по ряду других причин, плохо работали общественные бани. Детучреждения по приезду в республику баню строили в первую очередь. По воспоминаниям И.А.Карузиной, воду набирали из реки и носили на коромыслах. Зимой на реке делали прорубь. Ведра часто падали, и за водой приходилось возвращаться⁸².

Еще одной серьезной проблемой в годы войны стало обеспечение населения продуктами питания и теплой одеждой.

В целом хлеб выдавался по норме 500 г для взрослых, 400 г – для детей и иждивенцев⁸³. В начале войны в республике изыскивались возможности для питания детей молоком или молочными продуктами (после выполнения планов обязательной поставки молока государству)⁸⁴. С весны 1942 г. начались перебои с продовольствием. Например, в Кызыл-Армейском районе отсутствие муки приводило к частым перебоям в работе пекарни. Для организации работы паровой мельницы требовалось 2–3 тонны горючего, которого в районе не было. Особый фонд для детей не подвозился. В результате участились случаи желудочно-кишечных заболеваний среди детей⁸⁵.

⁷⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 441а. Л. 39.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Бондаренко В.А. Указ. соч. С. 15.

⁸² Там же. С. 86.

⁸³ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.5. Д. 564.

⁸⁴ Там же. Л. 80 об.

⁸⁵ Там же. Д. 498. Л. 4.

В Елабужском районе долгое время детям не выдавались молочные и кондитерские изделия, манная крупа, рис и т.д.⁸⁶ Многие колхозы по распоряжению Уполнаркомзага прекратили выдачу для детей эвакуированных молока. В Куркачинском сельсовете Высокогорского района, в колхозе им. Вахитова выдачу молока прекратили даже больным детям. В результате ряд семей эвакуированных, имеющих 3–4 детей, без хлеба, жиров и молока оказались на грани голода. А председатель этого колхоза Гайнутдинов, член ВКП(б), чистосердечно признавался: «За то, что я не выполню задание по поставке молока государству, меня будут судить, а за то, что я не выдал его детям, судить не будут»⁸⁷.

Детские учреждения уже в августе 1941 г. испытывали затруднения с организацией питания. Решение вопроса о финансировании детских учреждений затягивалось, продуктов питания не хватало⁸⁸. Как вспоминает воспитанница Вышневолоцкого детского дома, эвакуированного в д. Тимбаево Буденновского района ТАССР, В.П. Сергеенкова, «чтобы приготовить завтрак или обед, директор детского дома Алексей Александрович⁸⁹ шел по деревне, покупал пуд картошки, из которой варили суп, а кожуру пропускали через мясорубку и давали с растительным маслом»⁹⁰. Иногда к картофельным очисткам добавляли пропущенную через мясорубку селедку⁹¹. Пытаясь побороть чувство голода, дети ели верхушки молодых соев, сырую картошку и представляли, что едят свежий огурец⁹².

В холодное время года, спасаясь от голода и холода, некоторые воспитанники ходили к колхозникам греться, помогали им по хозяйству. Выпускники детдома Семенов Н.Я. и Аминов В.М. запомнили, что жители деревни никогда не отказывали в приюте, и кормили, чем могли⁹³.

---

⁸⁶ Там же. Д. 564. Л. 71.

⁸⁷ Там же. Л. 68.

⁸⁸ Там же. Д. 129. Л. 34–35.

⁸⁹ А.А.Александров. В мае 1942 г. ушел на фронт и погиб. Его заменила И.Р.Красновская.

⁹⁰ Бондаренко В.А. Указ. соч. С. 60.

⁹¹ Там же. С. 16.

⁹² Там же. С. 86–87.

⁹³ Там же. С. 16.

В течение 1942 г. детдома получали продукты питания от Райпотребсоюзов из централизованных фондов с большими перерывами. Наряды на сахар, крупу и другие продукты отоваривались несвоевременно, в Заинском и Мамадышском районах не отоваривались совсем. В большинстве районов не отоваривались наряды на цельное молоко (в основном из-за невыполнения колхозами госпоставок)⁹⁴.

Положение с продовольствием улучшалось осенью за счет овощей, собранных детьми со своих земельных участков. Местные власти выделили детдомам землю под приусадебное хозяйство, помогли обзавестись семенами и скотом. В 1942 г. 83 детучреждения освоили 952,5 га земли, в том числе: 260 га – под картофель, 55 га – под овощи, 317,5 га – под бобовые и зерновые культуры, 349 га – под сенокос. Правда, в некоторых районах просо погибло, а урожай картофеля оказался низким⁹⁵.

Почти каждый детдом имел по несколько поросят, 2–3 лошади, овец. Большинство детдомов осенью откладывало часть картофеля и других культур на посадку.

С ноября–декабря 1942 г. питание детей снова ухудшилось из-за снижения норм по централизованным фондам, а также из-за неудовлетворительного отоваривания крупой, сахаром и другими продуктами⁹⁶.

Надо заметить, что к концу 1942 г. значительно ухудшилось и питание домашних детей в детсадах, яслях и на детплощадках. С середины года детсады не получали молочных продуктов. В октябре–декабре не поступала крупа⁹⁷. Например, в детском саду с. Сабы дневное меню было следующим: 150 г хлеба, лапша ржаная постная и чай. Совершенно не было картофеля, крупы, сливочного масла. Суп приправлялся горьким подсолнечным маслом⁹⁸.

Детский сад ст. Нурлаты Октябрьского района в июле 1942 г. перестал получать муку и хлеб. Торгующие организации предлагали заведующей брать зерно и размалывать его самим, но у детского сада не было такой возможности⁹⁹.

⁹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. д. 441 а. Л. 68.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. д. 441 а. Л. 68.

⁹⁷ Там же. Л. 70.

⁹⁸ Там же. Д. 498. Л. 117.

⁹⁹ Там же. Д. 564. Л. 188 об.–189.

Более-менее разнообразное питание было организовано в ряде детских садов, имеющих подсобное хозяйство. В основном эти детские сады располагались в райцентрах (например, детский сад в Муслимово)¹⁰⁰.

В сельской местности, и особенно среди татарского населения, детей ясельного возраста матери кормили грудным молоком не только до года, но и значительно дольше. Органы здравоохранения отмечали это как положительный факт, поскольку дети получали однородное, полноценное питание, «не находясь в зависимости от рыночной конъюнктуры, колебаний в качестве продуктов и готовых блюд»¹⁰¹.

Очень нуждались дети в обуви и верхней одежде. Например, в детском саду ст. Нурлаты проживал эвакуированный из Минска мальчик, который потерял своих родителей. Вся одежда у ребенка порвалась, мальчик завшивел. Заведующая детским садом вместе с мальчиком семь дней подряд ходила к председателю Райисполкома, но не получила для ребенка ни штанов, ни рубашки¹⁰². Смеем предположить, что ничего этого в Райисполкоме просто не было.

Кроме того, как показывают источники, в сельских районах республики были и такие дети-сироты, которые проживали без родителей не в детских домах или детских садах, а самостоятельно. Многие из них вынуждены были заботиться о себе сами, используя доступные для их возраста средства. Например, в Богатых Сабах на Бикинской улице в доме № 11 проживали двое таких детей-сирот. Ежедневно они ходили по дворам, просили милостыню, сидели в столовой в ожидании обедов. Обувь и одежда на них была рваная или их не было совсем. На Тукаевской улице проживал самостоятельно 14-летний мальчик. Денег у него не было. По свидетельству очевидцев, в сельсовете об этом хорошо знали, но никакой помощи детям не оказывали¹⁰³.

В 1942 г. более 4,7 тысяч детей детских учреждений остались на осень без обуви. Зимние пальто отсутствовали у 2180 детей¹⁰⁴.

---

¹⁰⁰ Там же. Д. 441а. Л. 70.

¹⁰¹ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 538. Л. 30.

¹⁰² НА РТ. Ф. Р-1296 Оп. 18. Д. 538. Л. 188 об.

¹⁰³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 498. Л. 118. 19 октября 1944 г. вышло Постановление Совнаркома ТАССР № 760/574с «О мероприятиях по борьбе с нищенством», которое к тому времени достигло огромных размеров, особенно в г. Казани. С 1 января 1945 г. в Казани открылся приемник-распределитель для нищих, рассчитанный на 30 человек.

¹⁰⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 441 а. Л. 68.

Для изготовления и ремонта одежды, а также для изготовления необходимого инвентаря при десяти постоянных¹⁰⁵ детдомах было организовано 20 мастерских, в том числе 3 слесарных, 8 столярных, 6 швейных, 2 трикотажных, 1 сапожная¹⁰⁶.

Отсутствие одежды и обуви приводило к тому, что детям не в чем было ходить в школу, особенно если до школы требовалось идти несколько километров. Многие из детей тяжело болели и умирали.

В 1941 г. из-за отсутствия одежды перестали посещать школу дети в Чистопольском и Ципьинском районах¹⁰⁷. С каждым годом войны количество таких детей росло. В 1942 г. только в Столбищенском районе из 5000 школьников около 2000 не посещали школу¹⁰⁸.

В 1943/44 учебном году контингент учащихся 5–7 классов в сельской местности снизился на 22391 человек, или на 19,7%¹⁰⁹. В целом по республике недоохват и отсев детей школьного возраста по системе Наркомпроса в 1943/44 учебном году составил 111165 человек, или 25%. Основными причинами отсева школьников стали:

– переезд родителей в связи с реэвакуацией в другие области, края и республики Советского Союза, а также переезд родителей в другие районы Татарской АССР – 18,3%;

– переход детей в другие учебные заведения (ФЗО, ремесленные училища, железнодорожные училища и т.д.) – 24,1%;

– отсутствие одежды и обуви – 13,3%;

– длительная болезнь и смерть – 17,9%.

Остальные 26,4% детей, пропускающих занятия в школе, в основном помогали по хозяйству родителям¹¹⁰.

Таким образом, из-за отсутствия одежды и обуви, а также из-за длительной болезни, нередко приводящей к смерти, не могли посещать школу 34683 ребенка, что составляет 7,8% к общему числу детей школьного возраста¹¹¹.

На VII сессии Верховного Совета ТАССР, после обсуждения доклада Наркома Просвещения ТАССР Контюкова об итогах 1943/44

¹⁰⁵ То есть не эвакуированных, местных.

¹⁰⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 441 а. Л. 68.

¹⁰⁷ Там же. Д. 147. Л. 169; Д. 564. Л. 47.

¹⁰⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Л. 34.

¹⁰⁹ Подсчитаю по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 531. Л. 91.

¹¹⁰ Там же. Л. 55, 91.

¹¹¹ Подсчитано по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 531. Л. 55, 91.

учебного года, Наркомпросу ТАССР и председателям исполкомов районных и городских Советов депутатов было предложено провести ряд мероприятий: в сельской местности, в целях борьбы с отсевом детей из-за отдаленности школ, при средних и неполных средних школах организовать интернаты, а также предусмотреть размещение учащихся на отдельных квартирах по договорам. А в целях улучшения здоровья детей Наркомпросу ТАССР было предложено обеспечить в 1944/45 учебном году организацию горячих завтраков во всех школах.

Совнаркому ТАССР было поручено рассмотреть вопрос о расширении производства детской одежды и обуви на предприятиях Наркоматов легкой местной промышленности и промкооперации. В каждом районе должны были развернуться мастерские промкооперации по починке одежды и обуви для школьников и учителей¹¹².

В годы войны часть детей вместе с родителями принимала участие в религиозных обрядах. Самым массовым религиозным праздником мусульман Татарской АССР в годы войны стал Курбан-байрам. Подготовка к нему длилась, как правило, 5–10 дней. Несмотря на тяжелое время, верующие татары заранее готовили овец для жертвоприношения. «Курбан» резали не только старики, но и демобилизованные с фронта красноармейцы. Когда они воевали, то дали слово – «Назер-айту»: если останутся живыми, то принесут Богу «Курбан»¹¹³.

Почти во всех деревнях республики в 1945 г. зарезали приблизительно от 3 до 10 голов овец. В д. Кияшево Тетюшского района в мечеть для богослужения собрались более 60 верующих: 30% присутствующих составляли старики, 40% – лица среднего возраста, и 30% – молодежь¹¹⁴.

Как отмечал Уполномоченный Совета по делам Религиозных культов при СНК Татарской АССР Багаев, обычно верующие шли в мечеть организовано, группами по 20–50 человек. И в каждой группе было как минимум 5–8 детей. Мальчики, которых родители вели с собой в мечеть, вместе со взрослыми пели по дороге особую молитву – «Такбир». В дни Мавлюда (месяц рождения пророка Магомета) и в дни больших праздников в богослужениях участвовали и женщины¹¹⁵.

¹¹² НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 531. Л. 57 об.

¹¹³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1844 б. Л. 1 об.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. Л. 2.

Подведем итоги. Татарская АССР в годы войны стала важным тыловым районом, причем, как индустриальным, так и аграрным. Всего в течение 1941–1945 гг. труженики сельского хозяйства республики при активной постоянной помощи детей смогли поставить государству и фронту 2 млн. 363 тыс. тонн зерна, более 600 тыс. тонн картофеля и овощей, около 325 тыс. тонн продуктов животноводства, и т.д.¹¹⁶ Как видим, несмотря на жестокость, режиму удалось мобилизовать усилия всего народа, в том числе и детей. В этом смысле победа народа нашей страны над фашистской Германией, немалый вклад в которую внесли жители Татарской АССР, стала и победой сталинской системы.

Ханипова И.И.

Демографические процессы в ТАССР в 1930–1940-е гг.: общая характеристика (по материалам Национального архива РТ)

В 1930-х – 1940-х гг. более 2/3 населения ТАССР проживало в сельской местности. По переписи 1939 г. численность населения составляла 2 915,3 тыс. чел., в т.ч. 2 301,0 тыс. чел. сельчан и 614,3 тыс. чел. горожан. Активная переселенческая политика, организационные наборы рабочей силы для предприятий страны, проводившиеся в республике на протяжении 1930-х гг., привели к сокращению численности населения, в первую очередь сельского. На 1 января 1941 г. численность населения республики составила 2 760,0 тыс. чел. Увеличившись в годы войны за счет эвакуированных (численность населения в 1942 г. – 3 075,2 тыс. чел., в 1943 г. – 2 196,8 тыс. чел.), к концу войны население республики сократилось до 2 456,4 тыс. чел. Уже в 1946 г. наблюдается прирост населения (за счет рождаемости), в дальнейшем тенденция роста приобретает устойчивый характер. Численность населения в 1947 г. – 2 558,7 тыс. чел., на 1 января 1948 г. – 2 603,6 тыс. чел., в т.ч. 1 794,7 тыс. чел. сельчан и 808,9 тыс. чел. горожан¹¹⁷.

¹¹⁶ Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов / сост. А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. Казань, 1963. С. 334.

¹¹⁷ НА РТ. Ф. Р-3959. Оп.3. Д.56. Л.3.

ТАССР до войны входила в группу высоких показателей рождаемости. В 1935 г. было 40,7 рождений на 1000 населения (далее показатели, данные в расчете на 1000 населения, будут выражены в промилле – ‰); в 1936 г. – 44,0‰; в 1937 г. – 42,4‰; в 1938 г. – 43,6‰; в 1939 г. – 45,3‰; в 1940 г. – 37,1‰; в 1941 г. – 33,8‰. Значительно снизилась рождаемость в годы войны: в 1942 г. – 19,9‰; в 1943 г. – 13,0‰; в 1944 г. – 11,4‰; в 1945 г. – 13,2‰. В 1946 г. рождаемость повысилась вдвое (25,1‰), в 1947 г. тенденция подъема продолжилась (26,9‰). Рождаемость в 1948 г. составила 24,8‰¹¹⁸. На селе уровень рождаемости был выше, чем в городе. Но к 1943 г. он практически сравнялся с городским (13,2‰), в 1944–1946 гг. стал ниже городского (10,7‰; 12,0‰ и 24,0‰), вновь сравнявшись в 1947 г. (27,0‰).

Коэффициенты общей смертности населения ТАССР за ряд лет показывают рост смертности в 1936 (28,9‰) и 1940 гг. (26,3‰). Смертность в 1941 г. составила 23,3‰, в 1942 г. – 26,8‰, в 1943 г. – 19,7‰, в 1944 г. – 24,0‰. После небывало низкого уровня в 1945 г. (11,7‰), 1946 г. (10,9‰) вновь наблюдается подъем смертности в 1947 г. (13,3‰)¹¹⁹, хотя он намного ниже уровня смертности довоенных лет.

Сопоставление показателей смертности за ряд лет показывает сезонное колебание смертности: наибольшее число смертей в феврале – апреле, что связано с повышением заболеваемости воспалением легких, и июле – августе (в эти месяцы росло количество желудочно-кишечных заболеваний). Сезонные волны общей и детской смертности совпадают.

Смертность детей в сельской местности была ниже смертности в городах. До войны значительный подъем детской смертности (одна из главных причин которого – голод, пережитый жителями республики незадолго до войны) приходится на 1940 г. В целом по ТАССР умерло детей на 100 родившихся 23,04, в сельской местности – 21,4. В годы войны, достигнув показателя 28,9 (на селе – 26,0) в 1942 г., детская смертность начинает снижаться (7,8 на 100 родившихся в 1945 г.). Новый подъем детской смертности происходит в 1947 г. (11,8 – по республике и 10,5 – на селе). Структура смертности свиде-

¹¹⁸ См.: НА РТ. Ф. Р-3959. Оп.3. Д.56; Оп.1. Д.473; Р-1296. Оп.18. Д.538.

¹¹⁹ См.: НА РТ. Ф. Р-3959. Оп.3. Д.56; Р-1296. Оп.18. Д.538.

тельствует о сохранившейся в послевоенные годы неблагополучной санитарно-эпидемической ситуации.

В 1930-е гг. уровень брачности в ТАССР был довольно высоким. В то же время в связи с оттоком из деревни населения брачного возраста в сельских местностях наблюдается тенденция к сокращению браков. Если в 1937 г. в республике было заключено 19 478 браков (т.е. 7,1 на 1000 насел.), в 1939 г. – 21 445 браков (7,4 на 1000 населения)¹²⁰, то в 1940 г. – 14 618 браков (5,0 на 1000 населения). В 1947 г. было заключено 24 166 браков (9,4 на 1000 населения). Брачность в сельской местности ниже, чем в городской. В 1937 г. на 1000 горожан заключено 10,8 браков, на 1000 сельчан – 6,2 браков; в 1939 г. – соответственно 10,5 и 6,5 браков; в 1940 г. – 8,2 и 4,2 браков; в 1947 г. – 11,0 и 8,6 браков. Например, в Елабуге – 8,7 (в сельских районах Елабужского района – 5,9); в Арске – 11,4 (на селе – 8,2 на 1000 населения)¹²¹. Сельские районы, находившиеся вблизи от промышленных центров или имевшие свое производство, давали более высокий процент брачности, чем чисто сельскохозяйственные районы.

Телишев В.Ф., Сакаев В.Т.

Массовые настроения городского населения Татарской АССР в первые месяцы Великой Отечественной войны

Изучение общественных настроений горожан в связи с началом войны имеет важное значение для понимания закономерностей массового сознания военного времени. Работа с фондами Татарского обкома партии позволила выявить большой пласт фактического материала, систематизация которого позволяет сделать вывод о том, что настроения в первые месяцы войны были достаточно противоречивыми, с наличием противоположных точек зрения, а также определить факторы, влиявшие на формирование массовых настроений.

Начало войны вызвало всплеск патриотических настроений среди большей части городского населения республики. Ярким проявлением этого стала массовая запись добровольцев в ряды Красной

¹²⁰ Здесь мы встречаем расхождение в показателях. Согласно «Указаний по исчислению демографических коэффициентов», в республике в 1939 г. было заключено 30 043 браков. См.: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп.18. Д.515.

¹²¹ НА РТ. Ф. Р-3959. Оп.3. Д.56. Л.24.

Армии. Уже 22 июня только в один Молотовский райком и райвоенкомат г. Казани было подано 760 заявлений с просьбой отправить на фронт. В течение 22–24 июня в Сталинском районе Казани подали заявления 400 добровольцев. Патриотический подъем охватил все группы населения, людей разных возрастов, пола и социальных групп¹²². Всего за первые три дня войны по республике было подано свыше 5000 заявлений от добровольцев, в том числе 1325 – от жителей Казани¹²³. К 12 июля число добровольцев в республике достигло 14 тысяч человек¹²⁴.

Документы обкома партии свидетельствуют, что в первые два дня войны население Казани было уверено в полной победе Красной Армии. Население поверило в появившиеся слухи о том, что Красной Армией взяты Варшава, Лодзь, Кенигсберг, Бухарест. Можно с уверенностью сказать, что подавляющая часть населения Казани не ждала поражения Красной Армии в войне с Германией. В условиях информационного голода первых дней войны в эти слухи поверили даже высокопоставленные сотрудники горкома и обкома партии. 24 июня, когда стало ясно, что новости первых дней не имеют под собой почвы, бюро Татарского обкома приняло специальное постановление «О распространении непроверенных слухов о результатах военных действий РККА». В нем было отмечено, что «ряд руководящих работников политотдела Казанской железной дороги, а вслед за ними и городских райкомов, опираясь на бытовые разговоры, несмотря на отсутствие правительственного сообщения, распространили по городу Казани непроверенные слухи о результатах военных действий РККА»¹²⁵. В фондах обкома сохранились материалы, раскрывающие процесс формирования этого слуха. Расследование показало, что сообщение попало в город от работников Казанского ж.-д. узла. Они, в свою очередь, о мнимых победах Красной Армии узнали вечером 23 июня на проводившейся лекции о международном положении. В здании политотдела железной дороги тогда же была вывешена

---

¹²² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 39; Д. 203. Л. 57–59; Д. 227. Л. 21.

¹²³ Там же. Д. 153. Л. 39; Д. 228. Л. 28.

¹²⁴ Пьянов М.А. Военное обучение населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979. С. 47–48.

¹²⁵ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 118. Л. 99–106.

карта, где красными флажками были обозначены «взятые» города. Выяснилось, что это сообщение было якобы получено днем 23 июня по специальной связи НКПС. Начальник политотдела Казанской ж-д. Мандур, чтобы выяснить достоверность этого сообщения, позвонил в райком, но там ничего ответить не смогли. Однако новость, сообщенная Мандуром в райком, моментально просочилась на улицы города и активно обсуждалась, причем рассказчики нередко уверяли, что сами это слышали по радио, а у дома Печати на Баумана некие «активисты» даже вывесили соответствующее объявление. Сотрудники политотдела, которые ходили по делам в райком и райвоенкомат и еще ничего не знали о сообщении, полученном Мандуром, вернулись в политотдел с теми же самыми новостями. После этого Мандур «удостоверился» в правдивости сообщения¹²⁶.

В фондах обкома сохранились материалы, раскрывающие механизм формирования других слухов. 28 июня по радио передавалось сообщение о разгроме штаба корпуса вермахта, один из работников «Ремонтпромсоюза» сообщил об этом в правление союза, там, приняв этот факт за разгром целого корпуса, подсчитали, что убито было в корпусе 50 тысяч человек, и уже вечером политинформатор на партийном собрании доложил, что за 27 июня в плен взято 50 тысяч немцев. В конце июня в г. Москве была проведена пробная воздушная тревога. В этот период там находился агент Татпромснаба Мазинов, который, приехав в Казань, рассказал об этом факте и добавил, что видел у своих ног осколок снаряда, в результате по Казани стали распространяться слухи о налете на Москву фашистских бомбардировщиков¹²⁷.

На распространение слухов в Казани в первые дни войны влияние оказали очереди у продуктовых магазинов, возникшие из-за перебоев с торговлей хлебом. Любая очередь – самое удобное место для возникновения и распространения слухов. На заседании бюро обкома 24 июня было отмечено: «... в г. Казани во всех хлебных магазинах создались огромные очереди населения, причем некоторые из них не могут приобрести хлеб на протяжении 1–2 дней»¹²⁸. Только к 27 июня 1941 г. проблемы со снабжением хлебом населения Каза-

¹²⁶ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 271. Л. 19–26.

¹²⁷ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 20–32.

¹²⁸ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 120. Л. 29–30.

ни и Зеленодольска были решены¹²⁹. Очереди в первые дни войны появились и в других городах республики. Причем причина их была не в дефиците того или иного товара, а в стремлении населения произвести хотя бы минимальный запас. В первые дни войны очереди возникли у магазинов в Чистополе и Бавлах. Чистопольский райком 24.06.1941 г. сообщал: «...в связи с объявлением Германией войны СССР и объявлением мобилизации в СССР, враждебные элементы распространяют всевозможные провокационные слухи, например, 23 июня население города сильно устремилось закупать в магазинах соль, спички, мыло и другие товары. На рынке отдельные лица покупают картофель целыми мешками. Вкладчики устремились за получением вкладов и сбросом облигаций...»¹³⁰. Подобное стремление произвести запасы наблюдалось и в Казани. Здесь, например, один только магазин №19 Сталинского района за 23–24 июня продал 3,5 тонны соли и 60 ящиков спичек, хотя до начала войны этот магазин продавал соли 60–70 кг и спичек до 1 ящика в день; магазин №37 продал 9 тонн соли и 19 ящиков спичек. Обком партии оценил появление очередей в магазинах как «попытку враждебных элементов дезорганизовать торговлю и посеять панику...». Против этих явлений были немедленно приняты меры¹³¹. В Чистополе и Бавлах в магазинах через продавцов и специально выделенных коммунистов велась «разъяснительная работа по решительному разоблачению провокационных слухов о недостатках продуктов», а по сути – по физическому пресечению попыток произвести запасы. Эти меры дали результат, и уже к 28 июня «отлив средств с сберкасс и стремление производить запасы товаров уже не наблюдается»¹³².

Много информации приносили с собой эвакуированные. Эта часть населения испытала в первые дни войны все ее ужасы. Они делились пережитым с окружающими, создавая тем самым панические настроения. Так, гражданка Гросс, эвакуированная из Цехановиц, рассказывала, что в тех местах, где она жила, население было настроено против советской власти и считает, что польское население освободило не советское государство, а Германия¹³³. Удручаю-

¹²⁹ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 72. Л. 17.

¹³⁰ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 1–4.

¹³¹ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 5, 20–32, 44–45.

¹³² ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 8–9.

¹³³ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 58.

щее впечатление производили рассказы эвакуированных о поражениях Красной Армии. В Чистопольский район с 4 по 10 июля 1941 г. прибыло 473 человека граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы, которые, «несмотря на специальное предупреждение райкома не вдаваться в излишнюю болтовню о причинах их эвакуирования, рассказывали все же о бомбардировке фашистской авиацией наших городов, о разгроме Минска, о том, что на территории Латвии, Литвы и Белоруссии действовала «пятая колонна», и о том, что территории Литвы и Латвии не были очищены от враждебных СССР элементов»¹³⁴. Рассказы эвакуированных побуждали местное население к попыткам самим найти объяснение поражениям РККА. Со строительства железнодорожной линии Казань – Бугульма 21 сентября 1941 г. сообщалось, что «на читках газет у агитаторов рабочие задают такие вопросы: «Почему наша Красная Армия сдает немцам советские города, почему нас всех не посылают на помощь Красной Армии, надо было Гитлера бить раньше, когда он еще воевал с Францией»¹³⁵. Не получая информации у официальных лиц, население самостоятельно искало ответ на вопрос о причинах поражений. Так, стрелок 2 взвода Казанской ж.-д. П.И. Жучкин 24 августа 1941 г. высказал мысль: «На западном фронте много вредителей, фашистские войска моторизованы, а наши нет, отсюда последствия победы»¹³⁶. В Чистополе был зафиксирован разговор, участники которого высказали мысль, что отступление Красной Армии объясняется отсутствием способных командиров¹³⁷. Получили распространение слухи об измене крупных военачальников РККА. В Казани Ковалев распространял слухи, якобы маршал Тимошенко сдался немцам и сдал с собой вместе дивизию, Протащук рассказывал, что он якобы слышал по радио на казанском вокзале, что маршалы Тимошенко и Буденный перешли на сторону фашистов. Работник спирттреста №14 В.И. Друженицкий, член партии, среди рабочих распространял слух, якобы маршал Ворошилов пропал без вести. В Чистополе работница райсвязи Крылова, член редколлегии стенгазеты, 10 сентября вырезала из стенгазеты портреты маршалов Буденного и Тимошенко по-

¹³⁴ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 15.

¹³⁵ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 118.

¹³⁶ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 107–109.

¹³⁷ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 142. Л. 61.

тому, что в райсвязи распространился слух, будто бы они перешли на сторону Германии¹³⁸. 4 октября 1941 г. военный прокурор НКВД республики Семикозов докладывал: «За последнее время среди населения как города Казани, так и сельских районов ТАССР распространились различные слухи о том, якобы маршал Советского союза Тимошенко перешел на сторону врага... Военной Прокуратурой за распространение этих провокационных слухов уже преданы суду Военного Трибунала 12 человек, однако дела этой категории продолжают возникать, и, как видно, эти слухи принимают распространенный характер»¹³⁹. Некоторые слухи касались личности Сталина и содержали утверждения, что он сбежал¹⁴⁰.

В охране Казанской ж.-д. стрелок П.И. Зеленко, эвакуированный из Белостока, в разговоре с рабочими станции Юдино говорил, что «он был в плену у немцев, что их попало в плен 6 человек, из них немцы евреев и коммунистов расстреляли, а он остался»¹⁴¹. На этой почве возникали слухи о якобы хорошем обращении немцев с пленными красноармейцами и с населением занятых немецкими войсками местностей. Ряд высказываний можно охарактеризовать как надежду, что в случае поражения СССР простым гражданам будет сохранена жизнь: в Мамадыше гражданка Токарева в беседе с женой работника райкома ВКП(б) говорила: «Много народа убивают. У меня, наверное, сын попал в плен или убит. Нашим ладно, они беспартийные, если в плен попадут, то им ничего не будет. Их только заставят работать, а вот коммунистам плохо будет, их всех расстреливать будут»¹⁴². На заводе СК-4 в Казани работница планового отдела Деева заявила, что «Гитлер не над всеми издевается, а только над коммунистами и евреями»¹⁴³.

В отдельную группу следует отнести слухи, вызванные отсутствием официальной информации. Среди населения получили рас-

---

¹³⁸ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 58; д. 143. Л. 114–115; д. 153. Л. 12–17.

¹³⁹ Цит. по: Кривоножкина Е.Г. Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. С. 207.

¹⁴⁰ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17.

¹⁴¹ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 107–109.

¹⁴² ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17.

¹⁴³ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 129. Л. 57; Д. 138. Л. 98–99.

пространение слухи о предстоящих в конце июля бомбардировках Казани¹⁴⁴. Уже 23.06.1941 г. распространилась информация, что якобы 27.06 будет взорван казанский завод №40¹⁴⁵. Немало разговоров касалось международного положения. 23.06.1941 г. счетовод Сучкова заявила «Вот Гитлера выкормили нашим хлебом, теперь он против нас воюет, не получится ли так с Англией, представители которой приехали к нам в СССР. Куда смотрит наше Правительство, наверно, есть среди нашего Правительства люди, которые стремятся к возврату старого»¹⁴⁶. Кандидат в члены ВКП(б) в Чистополе соглашение СССР и Великобритании расценил как соглашение в прошлом с Германией. Это сравнение он объяснил так: «вот Гитлера кормили он нам «нагадил» в тарелку, то же самое следует ожидать и от Англии». Нередко слухи противоречили друг другу: в Бугульме в августе был зафиксирован слух, якобы СССР предлагает мир Германии, а в Зеленодольске в это же время ходил слух, что Германия у СССР просила перемирия, но советское правительство отказалось. В Бугульме летом появился слух о том, что якобы Англия объявила войну СССР, а в Казани ходили разговоры, что Турция объявила войну СССР¹⁴⁷.

Материалы обкома партии показывают, что наряду с патриотическим настроением имели даже противоположные по духу настроения, которые можно подразделить на ряд групп. В первую группу следует отнести высказывания, отражающие сомнение в возможности победы над врагом при явно сочувственном отношении к советскому строю. Они появились после успехов немецких войск в пограничных сражениях. Причем, эти настроения охватили и некоторых членов партии, например, секретарь первичной парторганизации стройтреста №14 Горячев, выступая 4 июля на собрании работников с вопросом об отчислении в Фонд обороны, сказал: «Надо сдать государству облигации займов, если Гитлер придет, ваши облигации превратятся в пустые бумажки»¹⁴⁸. В Калининском районе имел место случай выхода 2-х юношей из комсомола, объяснивших его тем, что «если Гитлер займет территорию, где они живут, то комсомольцев убьют»¹⁴⁹.

¹⁴⁴ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17.

¹⁴⁵ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 44–45.

¹⁴⁶ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 114–115.

¹⁴⁷ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17, 44–45.

¹⁴⁸ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17.

¹⁴⁹ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 204. Л. 72.

В городе Зеленодольске рабочий Иванов говорил: «Гитлер выступал по радио и призывал, чтобы мы против него не воевали, так как у нас жить плохо, а у Гитлера хватит пищи на 5 лет». В Мамадышском районе 11 июля охранник спиртзавода Русецкий сказал: «Гитлер напал вовремя, Россия сейчас очень слабая, рабочий класс весь голодает, победить ему не трудно»¹⁵⁰. 24 июня в Чистополе было зафиксировано заявление: «Гитлер 20 лет изучал СССР, с Германией воевать трудно, она сильна, а мы не совсем подготовлены»¹⁵¹. На станции Казань 3 августа таксировщик станции Казань Тарасов заявил, что «он, Тарасов, как военнообязанный является пушечным мясом второй очереди»¹⁵². Имелись высказывания такого характера: «Мы голодны, у нас нет людей, которые могли бы драться с винтовкой в руках против сытых немцев», «Кто же будет драться против немцев за голодный паек, за болтушку в колхозах, у нас сил не хватает держать в руках винтовку, скоро немцы придут»¹⁵³. 25 августа комсомолка Рябцева заявила, что она видела, «как вели по городу пленных немцев, все они толстые, упитанные, а ведут их худые красноармейцы-конвоиры, – худые они потому, что 20 лет мы голодаем».¹⁵⁴

Во вторую группу можно отнести высказывания, в которых населения предполагало неизбежное ухудшение жизни советского народа в связи с войной. В политинформации Чистопольского райкома от 24.06.1941 г. сообщалось: «...Имеются случаи единичных высказываний провокационного и пораженческого порядка: «хлеба не будут давать и 500 грамм на человека, надо запастись», «начинается мобилизация женщин, у которых дети старше 3-х лет», «я надену на себя всю новую одежду, Гитлер придет – все равно заберет»¹⁵⁵. В Бугульминском районе среди родителей учащихся школ распространился слух о том, что за учебу будут брать оплату¹⁵⁶.

В третью группу входят высказывания пораженческого характера с явной враждебностью к советскому строю. Так, 26 июня 1941 г. в Казани кандидат в члены ВКП(б) Аристова заявила: «Мне все рав-

¹⁵⁰ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17

¹⁵¹ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 1–4.

¹⁵² ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 107–109.

¹⁵³ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17.

¹⁵⁴ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 129. Л. 57.

¹⁵⁵ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 1–4.

¹⁵⁶ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17.

но, придут немцы или останутся русские, так как я сейчас хожу в лаптях и при немцах буду ходить в лаптях»¹⁵⁷. В Чистополе среди мобилизованных были отмечены антивоенные разговоры: «чернорабочий лесозавода Гаврилов в беседе с рабочими о частичной мобилизации заявил: «Хоть тысячами идите на фронт – все равно вас Гитлер раздавит»¹⁵⁸. В Казани 23 июня уборщица Пухлова упорно требовала разъяснить, «какая разница между Гитлером и Сталиным»¹⁵⁹. Старший весовщик станции Казань Безленко высказал мнение, что «Гитлер идет войной на Советский Союз потому, что надеется на поддержку нашего населения. Кто сейчас живет хорошо, тому будет плохо, а коммунистам жить не придется». Составитель поездов станции Казань Никулин по вопросу продвижения эвакуированных выразился: «эвакуированных везут очень много, а хлеба рабочим дают мало, теперь будут давать еще меньше, везут паразитов – только нам создают работу». По вопросу надбавки на подоходный налог он же говорил, что «правительство берет у рабочего последнее», а о семьях красноармейцев он выразился, что «семьям красноармейцев, ушедших на фронт, нечего есть, и поэтому у бойцов нет желания воевать против Гитлера»¹⁶⁰. В Бугульме О.Ф. Чурина заявила знакомым женщинам, что «в Германии кормят хлебом, а у нас хлеба нет, война разгорается, сейчас появились афиши, что долой Советскую власть, да здравствует Гитлер. В селении Малая Бугульма отрезали телефонные провода, убивают советских людей». Имели место высказывания, что якобы «Гитлер несет культурную жизнь всему человечеству, в крайнем случае, хуже жить не будем, а лучше. Сейчас хорошо живут только отдельные, а большинство народа бедствует». В Акташском районе С.С. Кузьмин на предложение вступить добровольно в РККА, заявил: «Я бы добровольцем в армию пошел, но только не в Красную Армию»¹⁶¹. 23.06.1941 г. работница Жиркомбинате имени Вахитова Лежнина заявила: «Через 2 месяца будет хорошо, Сталина не будет». В Тетюшском районе некто Никифоров сказал жене призванного в РККА: «Что ты горюешь, скоро придет к

¹⁵⁷ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 107–109.

¹⁵⁸ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 11, 13.

¹⁵⁹ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 47об.

¹⁶⁰ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 143. Л. 107–109.

¹⁶¹ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17.

нам Гитлер и жить будет лучше, а ты найдешь себе другого мужа». В Бауманском районе Казани была задержана домохозяйка Андреева, распространявшая слухи, что якобы в сентябре немцы придут в Казань, уничтожат всех коммунистов, останутся только верующие, и будут работать церкви»¹⁶².

Еще одним явлением, характеризующим настроения отдельной части городского населения, являются факты уклонения от мобилизации и дезертирства. С сожалением следует отметить, что патриотический порыв охватил не всех. Всего в республике с 20 июля по 10 августа 1941 г. было возбуждено 75 уголовных дел по мобилизационным мероприятиям, в том числе 46 дел – за уклонение от мобилизации¹⁶³. За 3 месяца (с июля по сентябрь) военной прокуратурой по Татарии было привлечено к уголовной ответственности за уклонение от призыва по мобилизации 49 человек, за дезертирство – 27 человек, за членовредительство – 3 человека. Среди привлеченных к ответственности были и коммунисты¹⁶⁴. 10 сентября Чистопольский райком сообщал: «Следует отметить, что отдельные коммунисты, подлежащие мобилизации, проявили малодушие, трусость и стремление уклониться от мобилизации: член партии Чурбанов И.Ф. директор лесозавода, не явился по повестке в военкомат, а уехал в г. Казань, где скрывался несколько дней у брата; член партии старший политрук Старцев, имея повестку, 23 августа инсценировал хулиганство, стремясь быть осужденным и избежать мобилизации¹⁶⁵. Члены ВКП(б) Махмутов и Шевченко из Казани перед явкой по мобилизации умышленно утерали свои партийные билеты¹⁶⁶.

Анализ общественных настроений в городской среде показывает наличие противоречивых тенденций. Во многом эта противоречивость была обусловлена недостатком информации из официальных источников. Ведущей тенденцией массовых настроений был патриотический порыв, объединивший все слои горожан, вне зависимости от социального положения, пола и возраста. Другой тенденцией развития общественных настроений были пораженческие, антисовет-

¹⁶² ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 44–45, 58.

¹⁶³ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12–17, 40–41, 51.

¹⁶⁴ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 129. Л. 119–121.

¹⁶⁵ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 138. Л. 33–35.

¹⁶⁶ ЦГА ИПД РТ Ф.15. Оп. 5. Д. 129. Л. 137.

ские и даже прогерманские настроения отдельных лиц, причем лица, выражавшие такие взгляды, могли принадлежать к любой социальной группе. Наличие диаметрально противоположных тенденций массовых настроений свидетельствует об определенном расколе в советском обществе в первые месяцы войны. Причем раскол в советском обществе проявлялся не только в наличии недовольных, но и в имевшей место в начальный период войны «чистке» так называемых «социально чуждых элементов» на предприятиях и в учреждениях. Говоря о причинах появления разного рода противоречащих официальной идеологии настроений, нужно отметить, в первую очередь, недоработку партийных органов. Растерянность первых дней войны сменилась значительной активностью партийных органов в деле руководства перестройкой народного хозяйства на военный лад, организацией приема и размещения эвакуированных. За всем этим партийные органы на какое-то время упустили из вида политико-воспитательную работу с населением. В условиях недостатка официальной информации горожане находили альтернативные источники информации в виде разного рода слухов, обывательских разговоров и просто домыслов отдельных лиц.

Сакаев В.Т.

**Методы работы партийно-советских органов при
проведении кампаний помощи фронту в Татарской АССР
в годы Великой Отечественной войны**

Общеизвестно, что огромную роль в победе советского народа в Великой Отечественной войне сыграла всенародная помощь тыла фронту. Сборы теплых вещей и подарков воинам Красной Армии, денежных средств и материальных ценностей на производство вооружения охватили все население Советского Союза и Татарской республики в том числе. В советской историографии сформулировано, в целом, верное представление о всенародной помощи – как о патриотической инициативе трудящихся. В то же время о роли партийно-государственных структур в развертывании этой помощи советские историки старались особо не упоминать. В немалой степени это было обусловлено тем фактом, что информация документов ВКП(б) не всегда укладывалась в созданную историческую схему.

Поэтому методы работы с населением при организации и проведении кампаний помощи во многом остались за гранью внимания историков войны.

Наиболее крупным по своим масштабам мероприятием помощи фронту являлся сбор теплых вещей и белья для Красной Армии, который начался в Татарии 9 сентября 1941 г. и продолжался до конца 1942 г. С самого начала кампания представлялась Татарским обкомом ВКП(б) как развернутая по инициативе трудящихся¹⁶⁷. Однако состав созданных комиссий по сбору (секретарь местной партийной организации, заместитель руководителя местного органа власти, военный комиссар города или района, руководители местных отделений крупнейших общественных организаций) напрямую указывал, что он будет носить обязательный для населения характер. Впрочем, в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г. об этом говорилось прямо¹⁶⁸. В развертывании кампании партийные структуры участвовали не только через комиссию, но и напрямую. Например, в Буинском районе организация сбора проходила так: после получения телеграммы бюро райкома создало районную комиссию по сбору теплых вещей, затем провело инструктивное совещание секретарей партийных организаций и председателей колхозов и сельсоветов, на котором директивно создало местные комиссии, в каждую из которых был командирован член районного актива. Местные комиссии и первичные партийные организации затем повсеместно организовали собрания трудовых коллективов с вопросом – дать Красной Армии теплые вещи¹⁶⁹.

Кампания сопровождалась мощной массово-политической работой, призванной сформировать в обществе патриотическое отношение к проводимому мероприятию. Уже 9 сентября состоялись митинги на ряде предприятий и в колхозах, которые в свою очередь обратились с призывом к населению Татарии поддержать кампанию. Обращения участников митингов были немедленно напечатаны в

¹⁶⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 123. Л. 83.

¹⁶⁸ «...ЦК ВКП(б) обращает внимание обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, что вся работа по проведению сбора теплых вещей для Красной Армии должна проводиться не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело, обеспечив этой работе должный размах и внимание». См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 123. Л. 83–83об.

¹⁶⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 298. Л. 104–105.

республиканских газетах, а райкомам партии была дана установка довести их до сознания масс¹⁷⁰. Проводимые митинги были призваны поддержать тезис, выдвинутый ЦК ВКП(б), о широких слоях населения, выступивших инициаторами проведения кампании. Были ли эти обращения намеренно организованы партийными структурами, достоверно сказать трудно, хотя многое говорит в пользу этой версии, так, например, инициатор кампании в Татарии – коллектив завода имени Ленина – к концу сентября сдал всего 1544 вещи и оказался отстающим среди предприятий Кировского района Казани¹⁷¹. Эти обращения появились вовремя и, как нельзя лучше, подходили для организации агитационной работы, поскольку являлись поводом для проведения ответного митинга. Выполняя установку обкома, районные комиссии развернули в ответ массовые митинги по всей республике. Так, только в Актанышском районе было проведено более 200 митингов и собраний, посвященных сбору теплых вещей¹⁷². В секретных же директивах для узкого круга руководителей районов Татарский обком партии неоднократно характеризовал кампанию как важнейшее государственное мероприятие, не имеющее ничего общего с благотворительностью¹⁷³. Действительно, это была не благотворительная акция, а грандиозное государственное мероприятие, для осуществления которого был задействован весь ресурс власти.

По районам республики было установлено строго обязательное количество теплых вещей, подлежащих сбору. Ставилась задача райкомам, первичным парторганизациям и районным комиссиям проводить эту работу так, чтобы «не было ни одной семьи, ни одного рабочего, служащего и домохозяйки, не участвовавших в сборе»¹⁷⁴. При проведении кампании местные органы власти оказались в достаточно щекотливом положении: с одной стороны, спущенный сверху план должен, безусловно, выполняться, а для этого необходимо придать ему обязательный характер, с другой, кампания представлялась пропагандой как добровольная помощь населения фронту и поэтому не должна была принимать характер поголовного обложения. Для

¹⁷⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 123. Л. 82об.; Д. 129. Л. 125–126.

¹⁷¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 210. Л. 97–97об.; Д. 328. Л. 7–7об.

¹⁷² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 125–126.

¹⁷³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 123. Л. 84.

¹⁷⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 123. Л. 86; Д. 328. Л. 7–8об.

разрешения этого противоречия, сбору теплых вещей был придан завуалированный вид, скрывавший его обязательный характер. Телеграфируя каждому району намеченное количество сбора и указывая, что «районная комиссия должна развернуть работу исходя из этих цифр», республиканская комиссия давала четкое предупреждение: «...ориентировочные цифры предприятиям, учреждениям, колхозам и совхозам или какую-либо раскладку среди населения не устанавливайте»¹⁷⁵. Обком партии очень пристально следил за исполнением этого пункта и сурово наказывал нарушителей¹⁷⁶. Благодаря этому сбор теплых вещей в глазах общества не выглядел фискальной мерой или натуральным чрезвычайным налогом. Запрет производить раскладку плана сбора на конкретных людей в некоторой степени также гарантировал то, что собирать будут только с тех, кто действительно имеет возможность дать. Все это позволяло представить обязательное мероприятие как добровольную кампанию народной помощи.

На начальном этапе кампания встретила определенные трудности, фактически к середине октября 1941 г. речь шла о срыве плана сбора¹⁷⁷. Для активизации кампании в двадцатых числа октября 1941 г. по решению бюро Казанского горкома ВКП(б) началась массовая проверка сбора теплых вещей на предприятиях Казани. По коммунистам и комсомольцам составлялись списки не участвующих в сдаче теплых вещей для принятия к ним санкций. Был установлен особый контроль за сдачей теплых вещей руководящими работниками предприятий, причем сдача отдельных вещей считалась недостаточной – от них требовали сдачи нескольких вещей каждым с учетом размера зарплаты¹⁷⁸.

---

¹⁷⁵ 17 сентября 1941 г. С.А. Мухаметов еще раз строго указал председателям районных комиссий «никаких контрольных цифр или заданий по колхозам, предприятиям или учреждениям или раскладку среди населения устанавливать не следует». См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 123. Л. 82об., 86–86об.

¹⁷⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 328. Л. 77–77об.

¹⁷⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 130–131.

¹⁷⁸ Так, в середине октября 1941 г. были составлены списки руководящих работников заводов №124, №27, №387 и треста №14 с указанием кто, что и в каком количестве сдал теплых вещей на 09.10.1942 г. См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 210. Л. 71–75, 83–84; Д. 328. Л. 79–82.

В январе 1942 г., когда ЦК партии указал продолжить кампанию по сбору теплых вещей, обком стал изыскивать новые подходы к работе с населением. Требовалась восстановить темпы сбора, упавшие в конце декабря 1941 г. практически до нуля¹⁷⁹. 13 января 1942 г. обком указал заслушать отчеты районных и городских комиссий по сбору теплых вещей на собраниях рабочих, служащих, колхозников и домохозяек. Заслушивание отчета должно было сопровождаться обсуждением и взятием населением на себя конкретных обязательств по обеспечению бойцов Красной Армии теплыми вещами в 1942 г.¹⁸⁰ В августе 1942 г., в целях активизации темпов сбора, Татарский обком ВКП(б) указал провести на всех предприятиях, в учреждениях и колхозах, на собраниях домохозяек в жилых домах и общежитиях беседы агитаторов с выступлениями военнослужащих, выписавшихся из госпиталей¹⁸¹. Таким образом, при проведении кампании власти активно использовали широкий набор методов формирования патриотического настроения общественного мнения в отношении сбора теплых вещей.

Интерес представляют и методы организации другого важного мероприятия помощи фронту: сбора подарков для бойцов Красной Армии. За данный период они проводились несколько раз. Так, в апреле 1942 г. началась кампания по сбору первомайских подарков для Красной Армии. Как и предыдущие кампании, она носила добровольно-принудительный характер. 7 апреля 1942 г. был установлен план по республике, который затем был разверстан по районам с указанием сроков и объемов мясомолочной продукции, которую необходимо подготовить за 15 дней. Начались массовые принудительные сборы с колхозов и колхозников скота, молока, яиц и т.д.¹⁸² В сентябре 1942 г. началась кампания сбора подарков для бойцов Красной Армии на 25-летие Октябрьской революции. Как и другие кампании, она началась с создания специальных комиссий,

---

¹⁷⁹ По данным финансово-хозяйственного сектора обкома за две последние декады декабря было собрано всего 2,25% от плана, то есть в последние две декады декабря собирали по 1,15% от плана, тогда как в предшествующие 10 декад выполнялось в среднем по 6,8% плана за декаду. См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 329.

¹⁸⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 444. Л. 1–4.

¹⁸¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 444. Л. 61.

¹⁸² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 444. Л. 22, 25–25об.

затем публикации обращения коллектива N-ского завода в номере газете «Красная Татария» от 16 сентября 1942 г., на основе которого райкомам и райисполкомам указывалось развернуть массово-разъяснительную работу. В качестве метода работы с населением предлагалось использовать публичное заслушивание информации о размерах ранее собранных подарков и оглашение писем с фронта с выражением благодарности за полученные первомайские подарки. Ответная благодарность от фронтовиков должна была стимулировать патриотический настрой населения. Ставилось задание получить на организуемых митингах, собраниях, беседах письменное обязательство населения района поставить к 15 октября сверх установленных государственных планов в счет подарков такое-то количество мяса, молока, меда, яиц, денежных средств. Вновь выдвигалось требование «организовать эту работу таким образом, чтобы ни одного коллективного и индивидуального хозяйства, ни одного трудящегося в районе не осталось безучастным к организации сбора подарков»¹⁸³. К директиве прилагался план сбора октябрьских подарков по каждому из 63 районов с указанием конкретных цифр мяса, молока, яиц, меда и денег, на сбор которых население должно было взять письменное обязательство¹⁸⁴.

Третьим важным мероприятием в этот период стала организация военных займов. Определенные представления о методах и механизмах их проведения дает справка о ходе реализации военного займа 1942 г. в Казани. Справка датирована 18 часами 14 апреля 1942 г. и является своего рода «срезом» хода подписки. Механизм проведения подписки был тщательно спланирован горкомом партии. Практически за каждым предприятием был закреплен куратор из числа работников райкомов и горкома. 13 апреля был опубликован правительственный закон о выпуске военного займа 1942 г. В этот день на

¹⁸³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 444, Л.70–71.

¹⁸⁴ Например, Челнинский район должен был собрать 2 т мяса, 4 т молока, 30 тыс. яиц, 700 кг меда и 80 тыс. рублей, Елабужский – 2,5 т мяса, 3,5 т молока, 25 тыс. яиц, 900 кг меда, 90 тыс. рублей, Сармановский 2 т мяса, 3,5 т молока, 30 тыс. яиц, 450 кг меда, 91 тыс. рублей, Заинский – 2,5 т мяса, 3,5 т молока, 30 тыс. яиц, 1450 кг меда, 100 тыс. рублей и т.д. Всего по 63 сельским районам предполагалось собрать 135 т мяса, 205 т молока, 1600 тыс. яиц, 42,5 тыс. кг меда, 6 млн. рублей. См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 444. Л. 72–75.

многих предприятиях рабочих и служащих намеренно задержали после работы под предлогом производственного совещания, а на самом деле для организации массового прослушивания радиосообщения правительства о проведении военного займа. После радиосообщения начались митинги по вопросу подписки на военный заем, причем на большинстве из них выступали специально подготовленные люди из трудовых коллективов. Специально подготовленные выступающие говорили о важности займа, о необходимости показать единство советского общества, делались призывы подписываться на заем в размере, превышающем размер месячной зарплаты. По каждому цеху, предприятию заранее был произведен подсчет среднемесячной заработной платы, причем учитывалась и оплата за сверхурочную работу. Ориентируясь на эту цифру, начали производить подписку. В итоге, с 17 часов 13 апреля до 18 часов 14 апреля по 5 районам Казани реализовано было билетов на сумму, составляющую 87,2% от месячного фонда заработной платы всех работающих горожан. То есть призыв подписываться в размере, превышающем размер месячной зарплаты, не был полностью выполнен, к тому же в подписке участвовали и не входившие в план домохозяйки и учащиеся. На некоторых предприятиях имели место отказы от подписки, мотивированные тяжелым материальным положением. С такими работниками тут же руководителем партбюро проводились отдельные беседы. Например, одна из медсестер КГМУ согласилась подписаться только на 50 рублей, имея оклад в 250 рублей. После проведенной с ней индивидуальной беседы она подписалась на всю месячную зарплату, сказав при этом: «Вот вам и добровольный заем». Даже если человек подписывался на 50–75% месячного заработка, это представлялось как негативное явление. Общественное мнение уже было сформировано так, что людей, отказывающихся подписаться на заем в размере месячной зарплаты, но согласных подписаться на меньшую сумму, подвергали обструкции, угрожали исключением из коллектива, называли «пособниками Гитлера»¹⁸⁵.

Перечисленными выше мероприятиями кампании помощи не ограничивались, однако методы работы партийно-советских органов при сборе в Фонд «Победы», хлебный фонд Красной Армии, на постройку танков и самолетов и т.д., были аналогичными.

¹⁸⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 502. Л. 21–30.

Изучение методов организации и проведения кампаний всенародной помощи фронту показывает, что это был далеко не такой однозначный процесс, каким его представляла советская историография. Кампании не являлись благотворительной акцией, для их проведения были задействованы значительные властные ресурсы, вследствие чего, они во многом приобретали добровольно-принудительный характер. Хотя кампании и сопровождалась огромным патриотическим порывом масс, все же инициатором и организатором их следует считать не широкие слои трудящихся, а партийно-советские органы, которые с помощью большого арсенала агитационно-пропагандистских методов умело манипулировали массовым сознанием. Наиболее активно при проведении кампаний использовались методы отзыва на опубликованное обращение, заслушивание отчетов о проделанной работе, проведение встреч с фронтовиками, установление обязательных плановых заданий, привлечение к партийной ответственности и т.д. Необходимо отдать должное населению Татарской АССР, которое, осознавая важность проводимых мероприятий для приближения Победы и воспринимая войну как действительно Отечественную, всенародную, закрывало глаза на все эти издержки и перегибы, допускаясь со стороны партийно-советских органов власти.

Славко М.А.

Советская молодежь в годы Великой Отечественной войны: формы и методы патриотического воспитания

Великая Отечественная война была серьезным испытанием для Советского Союза и его граждан. Немаловажное значение в это время играли вопросы патриотического настроения людей, особенно молодежи. В условиях, когда большая часть мужского населения ушла на фронт, женщины и подростки оказались заняты в промышленности и сельском хозяйстве, именно на них ложилась тяжелая ноша по обеспечению фронта и тыла всем необходимым. Как было написано в газете «Московский большевик», «Пусть наши воины спокойно идут на фронт. В тылу их заменит армия женщин и девушек, которые возьмут в руки инструмент, станут за станок, сядут за руль автомобиля»¹⁸⁶.

¹⁸⁶ Московский большевик. 1941. 15 июля.

Происходила перестройка деятельности партийных организаций в области патриотического воспитания молодежи. Сокращение численности партийного аппарата компенсировалось массовым притоком женщин и молодежи.

Советские власти понимали, что важнейшим залогом победы является изменение всей идейно-политической работы для мобилизации народа на отпор врагу. В журнале «Большевик», органе ЦК ВКП(б), говорилось: «Главное для партийных организаций сейчас – политически обеспечить работу тыла»¹⁸⁷. Было крайне важно сформировать у населения представление о политических целях войны, сути мероприятий и политики партии, лживости вражеской пропаганды. Подчеркивалась роль каждого человека в будущей победе, его личный вклад, разъяснялись обязанности гражданина в условиях войны, всячески укреплялась вера народа в победу. Все это касалось не только взрослого населения, но и особенно молодежи.

Важнейшими средствами политической мобилизации граждан являлись агитация, пропаганда и политико-массовая работа партии и комсомола среди широких слоев населения. Особое внимание уделялось вопросам организации агитмассовой работы. 17 июля в «Правде» была напечатана статья «Агитацию на службу Отечественной войне». Она очертила основные задачи по развертыванию политической деятельности среди трудящихся: «Ни в одном районе, пусть самом отдаленном, не должно быть ни одного уголка, куда бы не проникало слово большевистской правды, где бы не звучало страстное слово наших агитаторов»¹⁸⁸. При районных партийных комитетах были созданы агитпункты, которые обобщали и распространяли опыт агитационной работы, обеспечивали агитколлективы материалами. При каждом районном агитпункте создавались группа докладчиков и бригада художественной самодеятельности¹⁸⁹.

Велась активная лекционно-пропагандистская работа с молодежью. В воспитании патриотизма в условиях войны имела важное значение пропаганда преимуществ социалистического строя перед капиталистическим, разъяснение роли партии в советском обществе, показ огромных побед, достигнутых страной. Немалую роль играло

¹⁸⁷ Большевик. 1941. № 14. С. 3.

¹⁸⁸ Правда. 1941. 4 декабря.

¹⁸⁹ Гильманов З.И. Татария в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Казань, 1977. С. 30.

воспитание у подрастающего поколения любви к Родине, осознание огромного вклада народов СССР в мировую культуру и науку, славных революционных и боевых традиций. Затрагивались темы военных побед прошлого: Ледового побоища 1242 г. (подчеркивалось, что это – первая победа России над Германией), Отечественной войны 1812 г., поражения Антанты. Проводились тематические беседы с молодежью: «Молодые герои Отечественной войны», «Молодежь в партизанских отрядах», «Девушки в Отечественной войне», «Фашизм – злейший враг советской молодежи». Большое внимание уделялось «зверствам немецких оккупантов над советскими людьми». Эта тема должна была избавить молодежь от благодушного и беспечного отношения к врагу, воспитать священную ненависть к захватчикам. Одним из инструментов по формированию негативно-го образа врага являлось публичное чтение газет на собраниях, митингах, коллективам предприятий и колхозов. Именно газеты несли информацию о преступлениях, совершавшихся на оккупированных территориях, что способствовало развенчанию мифов о лояльном отношении немецких войск к советскому мирному населению¹⁹⁰.

Одним из эффективных механизмов по патриотическому воспитанию явилась работа комсомола. Военная обстановка потребовала перестройки деятельности комсомольской организации. 22 июня 1941 г. вышло постановление ЦК ВЛКСМ «О мероприятиях по военной работе в комсомоле». Этот документ стал основополагающим правовым актом для реорганизации работы ВЛКСМ. В нем говорилось: «В связи с вероломным, разбойничьим нападением германских фашистов на нашу страну, ЦК ВЛКСМ требует от всех комсомольских организаций удесятенной бдительности, сплоченности, дисциплины, организованности. ЦК ВЛКСМ требует, чтобы каждый комсомолец на своем посту работал так, как достойно советского патриота, помогал бы обеспечить нашу Красную армию, Военно-Морской флот всем необходимым для победы над врагом, до полного его уничтожения. ЦК ВЛКСМ требует, чтобы каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против напавшего зазнавшегося врага за Родину, за честь, за Свободу»¹⁹¹.

¹⁹⁰ О работе комсомола на селе. Режим доступа: <http://vault.exmachina.ru>.

¹⁹¹ Михайлов Н.А. Отчетный доклад на XI съезде комсомола о работе ЦК ВЛКСМ. М., 1949. С. 5.

ВКП(б) делегировала комсомолу полномочия по активной работе с населением, особенно с молодежью. Комсомольские организации должны были повседневно воспитывать у молодежи чувство ответственности перед фронтом, приучать ее к сознательной трудовой дисциплине, заниматься агитационной деятельностью, стахановским движением и т.д.¹⁹² С ноября 1942 г. прием в комсомол начал осуществляться с 14 лет, что значительно повысило его влияние на подрастающее поколение. За годы войны в ряды ВЛКСМ вступило около 12 млн. юношей и девушек¹⁹³, при том, что в начале 1939 г. он объединял свыше 5 млн. человек¹⁹⁴.

Патриотические начинания очень часто исходили снизу от первичных коллективов, патриотически настроенной молодежи и отдельных граждан. Комсомол в этом случае являлся руководящим органом.

Молодежные инициативы стали возникать в первые дни войны. Уже на второй день, 23 июня, Бюро ЦК ВКСМ поддержало инициативу молодых женщин Московского автозавода, выступивших с предложением об овладении новыми рабочими специальностями в свободное от работы время. Данная инициатива была названа «замечательным патриотическим почином советской молодежи, направленным на укрепление военной мощи Родины»¹⁹⁵. Она была предназначена для замены уходящих на фронт мужчин. Сразу же Бюро ЦК ВКСМ обязало комсомольские организации широко распространить этот почин среди молодежи.

Комсомол активно подключился к процессу поддержки различных инициатив и внедрению их в жизнь. Например, постановление ЦК ВЛКС «О работе комсомольских организаций железнодорожного транспорта по обучению женской молодежи массовым профессиям». В этом постановлении была одобрена инициатива комсомольцев Лихоборского узла Московской окружной железной дороги и предложение комсомольского сектора Политуправления НКПС об обучении массовым железнодорожным профессиям 50 тыс. девушек¹⁹⁶.

Рабочие-подростки с энтузиазмом воспринимали свой труд на благо Родины и во имя победы народа в войне. Они брали на себя

¹⁹² О работе комсомола на селе. Режим доступа: <http://vault.exmachina.ru>.

¹⁹³ Большая Советская Энциклопедия. ВЛКСМ. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>.

¹⁹⁴ История Второй Мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1973. С. 162.

¹⁹⁵ Документы трудовой славы москвичей 1919–1965. М., 1967. С. 185.

¹⁹⁶ Товарищ комсомол. Т. 2. М., 1969. С. 5.

повышенные обязательства, отказывались от положенных им льгот – 8-часового рабочего дня и отпусков. Уже с 10–11 лет дети выполняли сложные работы на селе: доставляли сено на фермы, отвозили зерно от комбайнов, косили сено, работали в мастерских.

Дети наравне со взрослыми участвовали в митингах и других агитмероприятиях. Например, в газете «Омская правда» от 5 июля 1941 г. была помещена заметка о том, как учащиеся одной из местных школ после митинга, где зачитывалась речь И.В. Сталина, были настолько впечатлены услышанным, что сразу же направились на прополку сорняков в своем подшефном колхозе: «Обсуждая это историческое выступление, юные патриоты решили ответить на нее организованным походом на прополку сорняков. Эта мысль здесь же была приведена в исполнение»¹⁹⁷.

Особую роль дети и подростки сыграли в работе самодеятельности и других видов моральной помощи фронтовикам. Бригадами, состоящими из детей и подростков, устраивались детские шефские концерты в госпиталях. Школьники вязали варежки, собирали посылки, писали письма фронтовикам. Это способствовало поднятию боевого духа советских воинов.

Особую роль играла военно-физкультурная подготовка молодежи. 18 сентября 1941 г. было опубликовано постановление Государственного Комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». В нем указывалось: «Вести с 1 октября 1941 г. обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет»¹⁹⁸. Параллельно с физическими занятиями проводились различные агитационные мероприятия. Всеобщее обучение наравне с мужчинами проходили и девушки.

Таким образом, патриотическое воспитание молодежи занимало немаловажное значение в государственной политике Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Однако следует отметить, что помимо работы партийных органов значительную роль играл патриотический настрой рядовых граждан, их вера в победу и готовность жертвовать собой ради нее. Все это отражалось и на настроении молодого населения, которое в полной мере приняло на себя все тяготы военного времени.

---

¹⁹⁷ Омская правда. 1941. 5 июля.

¹⁹⁸ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: сборник документов: 1917–1958 гг. М., 1958. С. 362–163.

Секция «Дискуссионные вопросы»

с С

Малышева О.Л.

Великая Отечественная война: на острие дискуссий

Годы отделяют нас от Великой Отечественной войны, но дискуссии вокруг основных ее событий только набирают оборот. В нашей стране акцент делается на трагедии 1941 г. При этом предыстория и начальный период Великой Отечественной войны дают нам так много разноречивых фактов и сведений, что они становятся доказательной базой для многообразных, часто взаимоисключающих, версий. Сегодня наиболее растиражированными являются следующие версии:

Версия 1 – Сталин сам готовил войну против Германии, и Гитлер просто опередил его. Этот миф был впервые изложен в ноте министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 г. Почти 50 лет он был не востребован, но в постсоветское время его реанимировал Владимир Резун, пишущий под псевдонимом Виктора Суворова и ставший автором нашумевших книг «Ледокол», «День-М», «Последняя республика». Версия о превентивной войне была подхвачена М.И. Мельтюховым, М. Солониным, А. Шубиным, В. Даниловым, В. Невежиным. В незначительных деталях перечисленные авторы могут быть не согласны с Резуном-Суворовым, но общий знаменатель один – превентивная война СССР. Так, М. Солонин настаивает на наступательной направленности стратегического развертывания Красной Армии, которое должно было завершиться «не к 22 июня, а к другой дате. К одному из дней июля 1941года...»¹. В доказательство своей версии Солонин приводит расширенное заседание 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина, на котором присутствовало все высшее командование РККА. Встречи такого формата не проводи-

---

¹ Солонин М. Фальшивая история Великой войны. М., 2008. С. 69.

лись вплоть до начала войны, и это позволяет сделать Солонину вывод: «С очень большой долей достоверности можно предположить, что на этом, явно неординарном совещании утвержденный Сталиным план войны был доведен до сведения командования западных округов»². «Абсолютная завеса секретности, которой окутана тайна этого совещания»³, едва ли может служить достаточным доказательством гипотезы Солонина, но именно на нее автор и ссылается. Впрочем, приводятся и другие аргументы. Это сосредоточение пяти мехкорпусов и тяжелой артиллерии в районе Львовского и Белостокского выступов, откуда прямая дорога на Краков и Варшаву, «отсутствие приказа на введение в действие плана прикрытия», реализация которого мешала «нанести внезапный сокрушительный удар по немецким войскам»⁴. Однако даже сторонники превентивного удара вынуждены считаться с тем, что «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г., как и другие документы военного планирования, говорят о наступательных намерениях противника. А значит, «советский удар нельзя нанести просто так, без учета угрозы нападения врага. И это – проблема для «наступателей», – пишет А. Шубин⁵. Впрочем, вслед за М. Солониным, А. Шубин видит в стратегическом планировании ключ к разгадке трагедии 1941 г. По его мнению, Сталин ждал сосредоточения у границ с СССР наступательной группировки немецких войск, находящихся в стадии развертывания, чтобы нанести по ним сокрушительный удар. «Сталин стремился к тому, чтобы дождаться сосредоточения врага. Но если дождаться не выйдет – придется бить самим. Но это было уже не так выгодно Сталину, как рассчитанный контрудар... Сталин, вероятнее всего, имел и предельный срок, к которому Красная армия должна была ударить в любом случае, чтобы успеть до зимы. Например, 1 августа... или, скажем, 1 сентября, к началу осени (чтобы завершить кампанию к зиме)», – пишет А. Шубин⁶. Однако Гитлер, недооценив

² Солонин М. Фальшивая история Великой войны. М., 2008. С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Шубин А. Клещи Сталина // Трагедия 1941. Причины катастрофы: сборник. М., 2008. С. 232.

⁶ Шубин А. Клещи Сталина // Трагедия 1941. Причины катастрофы: сборник. М., 2008. С. 242.

военную мощь СССР, сосредоточил для наступления слишком мало сил, и Сталин не считал наступательную группировку немцев настолько опасной, чтобы ударить по ней. К тому же Сталин не верил, что Гитлер решится на блицкриг. Вновь вероятностный характер рассуждений автора, при котором под логическую схему подбираются одни факты при игнорировании других.

С критикой версии превентивного удара выступили А.В. Исаев⁷, С. Кремлев⁸, В. Литвиненко⁹, О.В. Вишлев¹⁰, доказывая передергивание и подтасовку фактов, на которых строятся умозаключения «наступателей». При этом приводятся следующие аргументы:

– Доказательством отсутствия намерения Гитлера нападать на СССР Суворов считает то, что Гитлер не заготовливал для армии бараньи тулупы и не перевел ее боевую технику на использование морозостойких смазок. В действительности отсутствие зимнего обмундирования и морозостойких смазок в гитлеровской армии имело совсем другую причину – план «Барбаросса» предусматривал «блицкриг», и Гитлер вовсе не собирался воевать зимой. Гудериан вспоминал: «Предполагалось, что военная мощь России будет уничтожена еще до наступления осенней распутицы... По этой причине запасы зимнего обмундирования ограничивались из расчета, что на каждые пять человек потребуется только один комплект»¹¹.

– Об агрессивных намерениях СССР, по мнению сторонников превентивного удара, говорит расформирование Днепровской военной флотилии в 1940г. и создании на ее базе Дунайской и Пинской флотилий с целью подготовки к походу на Румынию – «нефтяное сердце» Германии. Эти флотилии якобы нельзя было использовать для обороны, значит они – орудие агрессии. Но факты говорят о другом: Пинская военная флотилия приняла активное участие в боевых действиях в Полесье, под Бобруйском, Гомелем, в обороне Киева. Большинство кораблей погибло, заметим, в оборонительных боях.

---

⁷ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. М., 2009. С. 5–31.

⁸ Кремлев С. 10 мифов о 1941 году. М., 2009.

⁹ Литвиненко В. Правда сталинской эпохи. М., 2008.

¹⁰ Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001.

¹¹ Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 117.

– Важным аргументом «наступателей» является численный рост Советской Армии. Но он был обеспечен введением всеобщей воинской повинности уже 1 сентября 1939 г. Реформа позволяла в зависимости от ситуации то наращивать, то уменьшать размеры армии. В.Суворов считает, что реформа 1939 г. означала не что иное, как скрытую мобилизацию – армия выросла до 5 млн. Это потому, что Сталин уже в августе 1939 г. задумал напасть на Германию. Если на Германию не напасть, то «небывалый призыв 1939 г. предстоит отпустить по домам»¹².

Однако призыв 1939 г. распустили по домам уже после Польской кампании. По завершении советско-польской войны армия была сокращена с 528400 человек до 3273400 человек. А потом снова выросла во время советско-финской войны. Таким образом с 1939 г. армия неоднократно сокращалась. При этом в случае войны по завершении полной мобилизации Вооруженные силы СССР должны были составить 8,9 млн. человек¹³.

– Практически все «наступатели» утверждают, что советские войска выстраивались именно в наступательную группировку, причем масштаб перемещений войск был таков, что развернуть эту машину в обратном направлении было практически невозможно.

Однако ситуация была иной. Советские войска были рассредоточены по всей границе тонкой ниткой. Более того, ни один из мехкорпусов не находился в первом эшелоне. Все они были в тылу и удалены от границы зачастую на сотню километров. Мехкорпуса не были объединены в ударные группировки, напротив, каждой армии прикрытия подчинено по мехкорпусу. Очевидно, их предназначение – контрудар и ликвидация возможного прорыва противника. Подобным образом войска располагаются в обороне. А. Исаев реконструирует плановый сценарий вступления СССР в войну с Германией: в период нарастания политической напряженности в отношениях с соседом войска приграничных округов постепенно усиливаются. В определенный момент, когда сохранять приготовления в тайне становится невозможным, нажимают «красную кнопку» и открыто

---

¹² Суворов В. День-М. Когда началась Вторая мировая война? М., 1994. С. 150.

¹³ Шубин А. «Клещи» Сталина // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. М., 2009. С. 688.

объявляют мобилизацию. При этом обе стороны еще находятся в состоянии, когда ударные группировки у границы с соседом не сформированы. В приложении к реальным событиям 1941 г. это означает объявление мобилизации примерно 10 июня. Соответственно, до завершения сбора сил у границы стороны будут подвозить войска к границе, обмениваться авиаударами и совершать мелкие вылазки на территорию противника. Кто первым закончит формирование ударных группировок, тот первым перейдет в наступление.

Наряд сил на первую операцию состоял из трех групп:

- армии и подчиненные им соединения, постоянно находившиеся у границы;
- стрелковые корпуса, постоянно дислоцированные в глубине территории особого (приграничного) округа;
- армии внутренних округов¹⁴.

Немецкую армию встретили войска, дислоцированные у границы. При этом нацисты обладали одной, но плотной линией войск против трех тонких советских, разделенных сотней и более километров. Наконец, едва ли следует игнорировать свидетельства и с той стороны. После войны побежденные немецкие фельдмаршалы и генералы принялись за мемуары, в которых старались обелить свои действия, но никто из них даже не пытался оправдать нападение на СССР его агрессивностью в 1941 г. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал полковник Гот, бывший начальник разведывательного управления генерального штаба германских сухопутных сил генерал пехоты Курт фон Типпельскирх писали о невероятности стремления СССР к вооруженному конфликту с Германией по политическим и военным соображениям, отмечали, что советские войска были так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении были готовы только для ведения обороны.

Ну а что касается красной кнопки, то для того, чтобы нажать ее вовремя, требовались весомые основания. «Нажатие «красной кнопки» в мае 1941 г. таило угрозу попадания в щекотливую ситуацию: войска собраны, армия мобилизована, а противник не нападает. Что здесь прикажете делать? Нападать первыми? Возвращать армию в места постоянной дислокации? Последний вариант опасен тем, что

---

¹⁴ Исаев А. Прimitивная сложность катастрофы // 1941. Великая отечественная катастрофа. М., 2009. С. 12.

противник, во-первых, может-таки напасть согласно собственным планам, а во-вторых, может запустить ответный процесс и также оказаться у границ с развернутой и мобилизованной армией»¹⁵ Сталин в 1941 г. находился в сложной ситуации. С одной стороны, опасность оказаться с неотмобилизованной и недоразвернутой армией вынуждала реагировать на любые изменения в обстановке. С другой стороны, проведение мобилизации и масштабных мероприятий по созданию на Западе группировки сил для первой операции могло привести к вступлению в войну без весомых на то оснований.

– Особое внимание Резун – Суворов уделяет техническим аргументам, которые специалисты в области истории военной техники подвергли обструкции за их легковесность. Он то и дело принимает за чисто наступательное оружие технику двойного назначения. Это касается, например, танка БТ, который имел съемные гусеницы. На германских автострадах они должны были скинуть гусеницы и автомобильным порядком двигаться до Берлина. Однако СССР от германских автострад отделяла Польша, которая хорошими дорогами похвастаться не могла.

Такая же ситуация сложилась у Суворова с другими образцами «оружия победы». Самолет СУ-2, танки Т-34 и КВ были не чисто наступательным оружием и уж совсем не лишними в обороне.

Версия 2 была предложена А.Н. Осокиным. Ее суть: «Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. – превентивный удар Германии не по противнику, готовившемуся напасть, а по союзнику, вместе с которым, координируя свои действия, готовились к удару по третьей стране – Англии. Причем по союзнику, практически безоружному – не имеющему в частях боеприпасов и горючего, разоружившему (навверняка тоже в соответствии с договоренностью) укрепрайоны на старой границе»¹⁶. В силу договоренностей с Гитлером, Сталин был спокоен и уверен в том, что Гитлер по СССР не ударит. Концентрация советских войск на границе объясняется Осокиным тем, что они вскоре в эшелонах должны направиться через Европу к Ла-Маншу, чтобы участвовать в совместной десантной

¹⁵ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая отечественная катастрофа. М., 2009. С. 15.

¹⁶ Осокин А. 22 июня 1941 года: новая версия // Трагедия 1941. Причины катастрофы. М., 2008. С. 124.

операции в Англии. Но Гитлер обманул Сталина, решив вначале покончить с Россией, а затем с Англией. Как и в предыдущих версиях, ссылок на источники нет, но это объясняется автором просто: договоренности секретные, какие уж здесь документы.

А. Осокин также прибегает к сравнению технических характеристик. Он пишет о «плавающих» легких разведывательных танкетках Т-37 и Т-38, которые, с его точки зрения, должны были легко преодолеть Ла-Манш (морской пролив шириной 35–150 км), об истребителях МиГ-3, имевшие статический потолок 7 км. А ведь «на такой высоте летали не немецкие, а английские бомбардировщики». Но это не совсем так, или, правильнее, совсем не так. Английские бомбардировщики «Веллингтон» и «Стирлинг» были маловысотными. Их статический потолок соответственно 5500 и 5200 метров. К тому же для перехвата бомбардировщика вполне хватило бы потолка любого истребителя.

Гипотеза А. Осокина, как и сторонников превентивного удара, является яркой и красиво скроенной, но бездоказательной. Между тем они также выводят нашу страну из числа Победителей в Великой Отечественной Войне и приводят в стан агрессоров – ведь сами наступать собирались, просто не успели либо были обмануты коварным «соратником» в лице Гитлера.

Версия 3. Игнорирование разведывательных данных Сталиным, что и привело к трагедии 1941 г. Версия эта, появившись во времена Хрущева, и сегодня находит сторонников. Так, Г. Городецкий пишет: «В распоряжении Сталина находились точные разведывательные данные о развертывании и намерениях немецких войск, полученные из различных источников»¹⁷. В книге «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз» Г. Городецкий формулирует целый список претензий к Сталину: «Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин не решил военным приступить к осуществлению планов обороны... Сталин оставался глух к просьбам Жукова приступить к осуществлению планов развертывания... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением... Сталин, по видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу

---

¹⁷ Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1995. С. 17.

и был практически парализован»¹⁸. Ему вторит А. Бугаев, задавая вопрос: «Как же это всевидящий и непогрешимый друг всего прогрессивного на земле, культ личности которого якобы всего лишь «повлек за собой нарушения социалистической законности», прозевал сосредоточение у границ своего государства ударной группировки кровавого маньяка? И где же были остальные, олицетворявшие собой ум, честь и совесть нашей эпохи? Ответа нет».¹⁹ Впрочем, у Сталина в наше время появились «адвокаты» в лице сторонников превентивного удара. Так, М. Солонин пишет, что Сталин был абсолютно логичен в своей оценке сил противника, который не имел превосходства «в численности, в огневой мощи, в танках и авиации... У них не было даже минимального численного превосходства. Более того – наступающие (немцы) в разы уступали в численности обороняющимся»²⁰. Логика и здравый расчет, по мнению Солонина, и подвели Сталина, который «не смог предугадать, предусмотреть, поверить в то, что его огромная, оснащенная лучшим в мире вооружением армия – это всего лишь вооруженная толпа будущих дезертиров и военнопленных»²¹. Близка позиция и А. Шубина, который, констатируя неполноту и противоречивость разведывательных данных, говорит о переоценке Сталиным сил противника и сожалеет, что «Сталин допустил трагическую ошибку с датой удара. Если бы он не промедлил, а ударил за десять дней до нападения Гитлера, то вермахт попал бы под такой же сокрушительный удар, как Красная армия в реальности десять дней спустя»²².

Действительно, разведывательные данные были неточными и неполными, зачастую перемежались с дезинформацией, что не мешает некоторым исследователям вытаскивать из них цитаты в доказательство недалекости Сталина. При этом игнорируется весь документ в целом, который сводит на нет версии, возлагающие всю ответственность за трагедию 1941 г. на Сталина. Примером может служить сюжет с сообщением источника в штабе германской авиа-

¹⁸ Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 340.

¹⁹ Бугаев А. День «N» – Неправда Виктора Суворова. М., 2007. С. 24.

²⁰ Солонин М. Фальшивая история Великой войны. М., 2008. С. 65.

²¹ Там же. С. 67.

²² Шубин А. «Клещи» Сталина // Трагедия 1941-го. Причины катастрофы: сборник. М., 2008. С. 241.

ции – Корсикаца. На донесении Сталин наложил нецензурную резолюцию, которую с удовольствием подхватила постсоветская историография. При этом документ полностью чаще всего историками не цитируется. А зря. Стала бы понятна резкость суждений Сталина, который усомнился, что «авторемонтные мастерские в Москве» и электростанция в Карелии («Свирь-3») могут стать объектами первого удара люфтваффе. Во-первых, это были второразрядные объекты; во-вторых – их удаленность от аэродромов немецкой бомбардировочной авиации до Москвы составляла более тысячи километров. А это значит, что немецкие бомбардировщики без истребительного прикрытия и с минимальным количеством бомб должны были пролететь над территорией страны с действующей системой ПВО целых шесть часов. Пример это не единичный. При этом следует учитывать, что Гитлер не раз неожиданно даже для окружения менял сроки реализации собственных приказов. Сроки наступления на Западном фронте в 1940 г. изменялись Гитлером более 20 раз.

Весьма интересна и правдоподобна точка зрения С. Кремлева²³, который отстаивает версию многоступенчатого зондажа, который провел Сталин накануне войны. В свете этого зондажа в истинном свете выглядит и заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. о соблюдении СССР и Германией пакта о ненападении. Сталин заявлением ТАСС от 14 июня как бы предварял все последующие свои шаги. 18 июня 1941 г. он обращается к Гитлеру о срочном направлении в Берлин Молотова для взаимных консультаций, на что Гитлер ответил отказом, что означало одно – близость войны. Третьей фазой стала срочная воздушная разведка приграничной зоны с немецкой стороны, проведенная полковником Захаровым, который командовал 43-й истребительной авиадивизией Западного Особого военного округа. С. Кремлев приходит к выводу, что Сталин был уверен в ближайшем начале войны уже 18 июня 1941 г., так как провел личный стратегический зондаж намерений Гитлера и перепроверил его результаты информацией полковника Захарова.

Версия 4. Сталин бросил страну на произвол судьбы и отсиживался на даче в Кунцево. Родоначальником этой лжи был Хрущев, написавший в своих «Воспоминаниях», что, когда Сталину «стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск, тут-

²³ Кремлев С. 10 мифов о 1941 годе. М., 2009.

то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, – его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным... Уехал к себе на дачу, а потом некоторое время никого не принимал»²⁴. Это свидетельство, легко опровергаемое, и сегодня многими воспринимается как аксиома. И это при том, что сегодня, пусть и мизерным тиражом опубликован «Журнал посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете». Анализ этого документа показывает, что 22 июня 1941 г. он принимал людей одиннадцать часов подряд, почти сутки он находился на рабочем месте 23 июня, 5 часов 10 мин. – 24 июня, целые сутки – 25 июня. В первый же день войны на приеме у Сталина побывали Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков, Микоян, Каганович, Ворошилов, Шапошников, Ватутин и другие, впрочем, не опровергнувшие ставшую расхожей с легкой руки Хрущева ложь.

Во всех вышеназванных версиях видится настойчивое желание внедрить идеи-вирусы (выражение С. Кара-Мурзы), которые способны поколебать безусловное восприятие Победы как достижения страны и советского народа. Накануне юбилейной даты 65-летия Победы вновь актуальными являются слова В.В. Путина о порочности переписывания истории в угоду политической конъюнктуре: «Историческое полотно – это не дешевая репродукция, которую можно халтурно подретушировать. По желанию заказчика – убрать то, что не нравится или изменить тон, добавив светлых или темных красок. К сожалению, с подобными примерами перелицовки прошлого нередко приходится сталкиваться в наши дни»²⁵.

Тузиков А.Р., Малышева О.Л.

Великая Победа: бои продолжаются

65 лет отделяют нас от Победы в самой кровопролитной войне за всю историю человечества, но бои за нее на идеологическом поле идут до сих пор. И в Западной Европе, и в странах ближнего зарубежья (Прибалтика, Украина) предпринимаются попытки дать иную,

---

²⁴ Хрущев Н.С. Воспоминания. С. 239–240.

²⁵ www.premier.gov.ru.

антироссийскую интерпретацию событий 1941–1945 гг. в контексте следующих тезисов:

Тезис 1: Решающий вклад в разгром Гитлера внесли западные союзники, которые якобы и воевали эффективнее (с меньшими потерями), и с мирным населением обращались гуманнее, и несли освобождаемым народам свободу и демократию, а не тоталитарный коммунизм. Здесь уместно вспомнить с какой бессмысленностью и беспощадной жестокостью совершались англо-американскими ВВС тотальные бомбардировки Германии и Японии. Дрезден подвергся массированной бомбардировке союзной авиации в самом конце войны, в марте 1945 г. Его бомбило более трех тысяч английских и американских тяжелых бомбардировщиков. Здесь не было ни воинских частей, ни каких-либо стратегических объектов. Бомбардировка Дрездена не принесла никакой пользы союзникам с военной точки зрения, поскольку важнейший стратегический объект в городе – железнодорожный вокзал почти не пострадал, и движение было восстановлено менее чем через двое суток. В результате варварской бомбежки в Дрездене погибли 135 тысяч человек. В качестве объектов для атомных бомбардировок в Японии были выбраны Хиросима и Нагасаки. Эти два города специально не подвергались обычным бомбардировкам, чтобы получить картину ядерного взрыва в «чистом виде». В Хиросиме результатом этого варварского эксперимента стала смерть семидесяти одной тысячи человек, в Нагасаки – восьмидесяти четырех тысяч.

Тезис 2: Вторая мировая война в Европе была не только войной нацизма и коммунизма («концепция двух тоталитаризмов»), но и освободительной войной народов СССР за свою свободу и независимость. Отсюда и стремление превратить в национальных героев воевавших против советских войск бойцов Украинской повстанческой армии (УПА), Организации украинских националистов (ОУН) и всех ее структур – спецбатальйонов гитлеровского абвера, «Полесской сечи» Тараса Бульбы-Боровца, дивизии СС «Галичина» на Украине, эсесовские формирования стран Прибалтики. Вопрос об их реабилитации стал ставиться с завидным постоянством в Украине и Прибалтике сразу же после обретения ими независимости в рамках так называемого «нового концептуального видения» истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Благодаря поддержке властей, она стала господствующей в научной и учебной литературе,

в средствах массовой информации этих стран. Только в Украине по истории ОУН и УПА за последние 10 лет издано свыше 30 монографий, в которых их деятельность характеризуется самым позитивным образом. То, что члены этих организаций добровольно служили нацистскому режиму, получая за это финансовое и материальное обеспечение, в расчет не берется. Шухевич Р., Гриньох И., как и другие деятели ОУН – будущие руководители УПА, имели офицерские звания СС и были награждены фашистскими «Железными Крестами». В арсенале оуновцев – создание спецбатальонов «Нахтигаль» и «Роланд», «походных групп» ОУН, многочисленных полицейско-батальонов. ОУН участвовала в установлении и осуществлении на Украине, в Белоруссии, России, Молдове, Польше оккупационного режима с его геноцидом народов, массовыми смертными казнями мирного населения. Только во Львове в первые дни оккупации было убито более четырех тысяч человек: «У стен домов были сложены изуродованные трупы, главным образом женщин. На первом месте этой ужасающей «выставки» был положен труп женщины, к которой штыком был пригвожден ее ребенок»²⁶. На оуновцах лежит наибольшая вина за гибель во время той войны 5,5 млн. мирных жителей Украины и за отправку на фашистскую каторгу 2,5 млн. остарбайтеров.

После захвата Прибалтики на службу рейху встали уже действующие националистические организации, как «Фронт литовских активистов», а также вновь созданные. Так, в Литве были сформированы 24 стрелковых батальона самообороны, численностью 500–600 человек каждый. Впоследствии они были переведены в разряд «Шуцманшафтбатальонов» – «Шумы». Численность литовских полицейских батальонов достигала 13 тысяч. Командующим литовской вспомогательной полицией номинально являлся офицер литовской армии А.Шпокевичюст (А.Спокевичус). В феврале 1944 г. была создана эстонская дивизия Ваффен-СС. Как и в других формированиях, комплектование производилось на добровольной основе. Батальоны принимали активное участие в карательных акциях на территории Прибалтики, Белоруссии и Украины. Уже к 11 июля, согласно отчетам СД, в Каунасе было уничтожено в общей сложности 7800 евреев. В Риге в течение 2–3 недель было уничтожено около 12000

²⁶ Дюков А. За что сражались советские люди. М., 2007. С. 28.

евреев и примерно столько же русских²⁷. Всего только в Литве было уничтожено около 500 тыс. человек гражданского населения и около 200 тыс. военнопленных, вывезено на каторжные работы в Германию 40 тыс. человек²⁸.

Вот такие повстанческие движения и пытаются реабилитировать западные историки и политическая элита Украины и прибалтийских государств.

Тезис 3: Нацизм и советский строй – одинаковое зло, а советский строй и Победа – только случайные соседи. Так, главный редактор книжной серии «Советская и постсоветская политика и общество» Андреас Умланд пишет: «Убежден, что россияне, украинцы и другие народы, сражавшиеся в Красной Армии против Гитлера, победили бы Третий Рейх – и не будь советского строя. Они ведь и в 1812 при царизме победили до того непобедимого Наполеона»²⁹. Вслед за Андреасом Умландом, идеологическим приемом холодной войны – разделить народ и власть – воспользовались и некоторые российские историки. Так, А.Бугаев в книге «День «N» – Неправда Виктора Суворова» восклицает: «Надо отдать ему должное, Сталину. Он быстро сумел оправиться, и когда дело пошло о его собственной судьбе, куда только девались показательные неторопливость и благодушие. Но не он вытянул войну, и даже не его чудовищный организационно-репрессивный аппарат. Народ, осознавший, что речь идет не о территориальных потерях и даже не о национальном уничтожении, а о самом праве на существование, словно бы встряхнулся, и не было четвертьвекового кошмара, и, отбросив все, как казалось до поры, сумел постоять за Отечество»³⁰.

Идеологическим противостоянием армии и народа в целом Сталину объясняется и трагедия 1941 г. В постсоветской России она впервые была озвучена в книге И.Бунича «Операция «Гроза». Ошибка Сталина». Ее суть в изложении И.Бунича: «на тысячекилометровом фронте миллионы офицеров и солдат преподнесли предметный урок преступному режиму, начав с открытием военных действий

²⁷ Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. С. 44.

²⁸ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2006. №24. Режим доступа: <http://budgetrf.ru>.

²⁹ www.lenta.ru.

³⁰ Бугаев А. «День «N» – Неправда Виктора Суворова». М., 2007. С. 24.

массовый переход на сторону противника... Полтора миллиона человек перешли к немцам с оружием в руках. Некоторые целыми соединениями, под звуки дивизионных оркестров. Два миллиона человек сдались в плен, бросив оружие. 500 тысяч человек были захвачены в плен при различных обстоятельствах. 1 миллион человек откровенно дезертировали (из них 657354 человека было выловлено, 10 200 расстреляно, остальные исчезли без следа). 800 тысяч человек были убиты и ранены».³¹ И далее вывод: «События лета 1941 г. можно без всяких преувеличений назвать стихийным восстанием армии против сталинской деспотии»³².

Довольно близка к версии И.Бунича версия М.Солонина, изложенная в книге «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?», объясняющая разгром Красной Армии в первые дни войны эффектом «бочки, с которой сбили обручи». Солонин поет почти дуэтом с Буничем: страх перед сталинским режимом «затерялся среди грохота десятков тысяч орудий, среди лязга десятков тысяч танков»³³.

Потери были действительно очень большими, имели место и паника, и неразбериха. С 22 июня до конца сентября на каждого убитого советского военнослужащего приходилось почти 4 пропавших без вести или плененных, но в последние три месяца 1941 г. это соотношение уменьшилось до 1 к 1,7³⁴. Вермахт продвигался вперед не без проблем. Уже первая неделя боев против СССР обошлась германским войскам в 22 тыс. убитыми и 900 пропавшими без вести, что превышает их потери за всю польскую кампанию. Для примера – разгром Польши стоил немцам 16 343 убитых и 320 пропавших без вести³⁵. Обычно для оценки стойкости армий в войне используется соотношение числа погибших воинов к числу сдавшихся в плен. Польша в боях против немцев в сентябре 1939 г. потеряла убиты-

---

³¹ Бунич И.Л. Пятисотлетняя война в России. Книга третья. СПб., 1997. С. 567.

³² Там же. С. 567.

³³ Солонин М.С. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2006. С. 479.

³⁴ Там же.

³⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2003. С. 182.

ми 66,3 тысячи человек, Франция в мае – июне 1940 г. – 92 тысячи, Красная Армия в 1941 г. – 802,2 тысячи человек³⁶.

Это заставило начальника оперативного отдела Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии генерал-полковника А.Йодля констатировать: «Окруженные русские армии оказывали фанатическое сопротивление, несмотря на то, что последние 8–10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы и попали в плен уже в таком истощении, когда едва ли были в состоянии передвигаться».³⁷ Свидетельства о том, что «русские всюду сражаются до последнего», оставили начальник Генерального штаба немецкой армии генерал-полковник Ф. Гальдер, начальник штаба наступавшей на Минск 4-й немецкой армии генерал Блюментрит и многие другие.

Кстати, в Польше в ходе боевых действий против германских войск на каждого убитого польского военнослужащего приходилось 6,3 попавших в немецкий плен. Не лучше обстояло дело и с Францией. На одного убитого французского военнослужащего приходилось свыше 18 сдавшихся в плен.

А.Минкин пошел дальше своих коллег. В статье «Чья победа?» он утверждал, что, победив, мы проиграли. Логика проста: в 1945-м погибла не Германия, а нацизм. Так что если бы мы проиграли войну, то погибла бы не Россия, а сталинский режим, и в этом случае Советский Союз не потерял бы миллионы жизней. Развивая пораженческие утопии, А. Минкин умалчивает, что Гитлер и не собирался «освободить» народы СССР от Сталина и сталинизма, а вел войну на уничтожение. Следует вспомнить хотя бы о плане «Ост», который, помимо прочих мер, предусматривал уничтожение 50–60 % русских в европейской части Советского Союза, еще 15–25 % подлежали депортации за Урал, уничтожение 25 % украинцев и белорусов, еще 30–50 % украинцев и белорусов подлежали использованию в качестве рабочей силы. Исполнение плана должно было гарантировать, что завоеванные территории приобрели бы безвозвратно немецкий

³⁶ Литвиненко В. Правда сталинской эпохи. М., 2008. С. 120.

³⁷ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 456.

характер.³⁸ Для справки: в течение Великой Отечественной войны в фашистский плен попало, по разным оценкам, от 4,6 до 5,7 миллиона советских солдат, из них погибло 68% – 3 миллиона человек. Красная Армия в годы войны пленила около 3,6 миллиона немецких солдат, из которых умерло чуть больше 440 тысяч человек, то есть 12%. Особенно много погибло советских военнопленных в начальный период войны. Для умерщвления советских военнопленных применялись различные способы, но, как отмечалось на Нюрнбергском процессе, самым распространенным способом был голод³⁹.

Но это для «пораженческого дискурса» неважно, главное – во всем обвинить режим и его творца и убедить по возможности больше молодежи, что все, что связано с периодом СССР – плохо и война (ни о какой Победе и речи быть не должно) не может быть исключением.

Тезис 4: Если фашизм и сталинизм были одинаковым злом и главными душителями европейской свободы, логично ставить вопрос о степени легитимности итоговых документов Войны. Прежде всего, это касается стремления возложить на СССР вину и ответственность за ущерб, нанесенный Восточноевропейским странам реализацией ялтинских соглашений о послевоенных границах. Таким образом, Россия практически выводится из числа победителей и пострадавших во Второй Мировой Войне и превращается в одного из виновников этой войны. Ей предлагается пересмотреть прошлое на новых «демократических» началах, а именно, отказаться от прежних оценок Второй мировой войны и покаяться за одержанную Победу, а не героизировать поколение победителей. Это покаяние и готовность осудить свое прошлое, по мнению идеологов «с той стороны», и будет окончательным примирением, а Россия докажет свою принадлежность к миру «свободы и демократии».

Обращает внимание настойчивое желание внедрить идеи-вирусы (выражение С.Кара-Мурзы), которые способны поколебать безусловное восприятие Победы как достижения страны и советского народа. Главной мишенью идеологических атак выступает молодежь России. Студенчество в настоящий момент времени – основная социальная категория российской молодежи. Численность студентов вузов на 10 000 населения как никогда высокая и по разным оценкам

³⁸ wikipedia.org/wiki/generalplan.

³⁹ Литваиненко В.В. Правда сталинской эпохи. М., 2008. С. 125.

достигает от 460 до 510 студентов на 10 000 населения. В Татарстане при численности населения 3 762 809 человек молодежь в возрасте от 18 до 21 года (основной студенческий возраст) составляет 276 329 человек (7,34%). Число студентов вузов в 2009 г. составило 223 739 человек (в том числе и заочники)⁴⁰. Именно поэтому в качестве объекта исследования мы выбрали студенчество как базовую на сегодняшний день социально-демографическую и социально-профессиональную группу российской молодежи. При расчете выборочной совокупности использовался метод случайной бесповторной выборки, так как в данном случае нас не интересовали различия по специальностям, возрасту, семейному положению и другим дифференцирующим признакам, требующим квотирования. Объем выборки составил 1000 человек, что является, безусловно, статистически значимым. За основу расчета выборочной совокупности при уровне надежности в 95% мы руководствовались формулой В.И. Паниотто, которую признает надежной и один из опытейших специалистов отечественной социологии Г.И. Батыгин⁴¹. Согласно расчетам В.И. Паниотто, при уровне надежности в 95% достаточно обследовать 400 единиц при генеральной совокупности более 100 тысяч⁴². При условии необходимости проводить сравнительную частоту распределений ответов при указанной надежности выборка составила 1000 человек и является статистически значимой и репрезентативной в рамках указанных исследовательских задач. Исследование проводилось методом структурированного интервью в вузах городов Казани, Набережных Челнов, Бугульмы, Альметьевска и Нижнекамска. В основу интервью были положены вопросы относительно во-первых, знания фактов о Второй Мировой войне, во-вторых, относительно особенностей оценок этих фактов, исторических личностей и тех проблем, которые сегодня в обществе вызывают резонансные дискуссии (вливают на публичный дискурс). Нас интересовало, как сказывается на мнениях студенчества «пораженческие» и «евродемократические» интерпретации Войны и Победы. Результаты показали, что новое по-

---

⁴⁰ Здесь и далее данные Татстата.

⁴¹ Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. 2-е изд. М., 2008. С. 239–240.

⁴² Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев, 1986. С. 82.

коление не всегда удовлетворительно владеет фактами относительно союзников и противников СССР в Войне. Так, например, Япония, по мнению 17% опрошенных, была союзником нашей страны (28% затруднились с ответом), США, как считают 11%, были противниками СССР (16% затруднились с ответом). 27% отнесли Венгрию к нашим союзникам (38% затруднились с ответом), для 18% Италия являлась союзником в той войне (28% затруднились с ответом), Испания (!) с позиций 28% также была нашим союзником, а 19% затруднились с определением, кем же была для СССР Англия – союзником или противником? Приведенные данные говорят о том, что Война воспринимается, прежде всего, как Война с Германией. Новое поколение уже путается относительно наших союзников и противников, что, конечно же, требует большего педагогического контроля. В оценках вклада союзников в Победу наблюдается, на наш взгляд, понятные (влияние публичных дискурсов и качества подготовки) aberrации. Так, уже 35% опрошенных студентов считают, что решающий вклад в разгром фашизма внесла Англия, 29% США, 18% Франция. И хотя подавляющее большинство 86% считает, что решающую роль в разгроме фашизма сыграл СССР, 6% усомнились в этом, а 8% затруднились оценить роль СССР в разгроме фашизма. Для уточнения знаний и особенностей оценок в данном вопросе студентам было предложено оценить тезис о том, что СССР бы ни за что не победил Германию без помощи союзников. И что весьма настораживает, 29% согласились с таким утверждением.

Учитывая тональность дебатов с участием «евродемократического дискурса», со студентами обсуждался вопрос, который был сформулирован в виде необходимости выбора между альтернативными оценками: Сегодня высказываются два противоположных мнения. Первое, что советские войска должны были после освобождения территории СССР в 1944 г. «добить врага в его логове» и освободить народы Европы от фашизма. Второе, что советские войска после освобождения территории СССР в 1944 г. должны были остановиться и предоставить союзникам право освобождать Европу. А с каким мнением согласны лично Вы?

17,3% опрошенных сомневаются в необходимости похода в Европу с целью «добить Гитлера», 17,9% – затрудняются с ответом. Что это? Просто слабое знание истории или уже влияние «евродемократических» интерпретаций? Мы решили проверить степень влия-

тельности таких интерпретаций, предложив студентам высказаться относительно смысла Победы СССР в оценках «евродемократов».

Результаты не могут не настораживать. 36% с этим согласных против 46,4% несогласных при 17,5% не определившихся с ответом. Как говорится, есть над чем задуматься и над чем работать нашим кафедрам истории в вузах. Ведь именно занятия по истории в учебных заведениях студенты отмечают как основной источник их знаний о войне (83,1%). Причем, на наш взгляд, именно в вузах необходимо делать акцент на научных интерпретациях информации (ТВ, фильмы, книги, пресса, Интернет), не забывая ту роль, которую Идеология Победы играет сегодня в процессах идентификации и консолидации социума.

Таким образом, проведенное исследование показало, что, хотя в целом большинство современного студенчества Татарстана разделяют мнение, что СССР одержал трудную, но Победу и что эта Победа имеет к ним прямое отношение, все же идеологические дискурсы «евродемократов» и «пораженцев» сказываются на мнениях и оценках студенческой молодежи. С одной стороны, речь идет о наличии в молодежной среде людей, разделяющих их положения, а с другой – о заметной группе «затрудняющихся с ответом», а по сути колеблющихся.

Наибольшим влиянием пользуются «антироссийские» по своей идеологической направленности тезисы о «победе СССР как победе сталинского режима, который установился по всей Восточной Европе» (36% согласных с этим утверждением»), и утверждение, что «СССР сам готовился к нападению на Германию, но Гитлер нанес удар первым». С этим выразили согласие 23,8% опрошенных. И хотя, как уже отмечалось выше, тут есть нюансы, именно данные идеологические конструкции обладают «вирусной» опасностью для подрыва интерпретаций событий Второй мировой, соответствующих целям консолидации и обеспечения безопасности нашего общества.

Статьи участников заочной секции

С С

Байдильдина С.Х.

**ВПК Казахстана в период Великой Отечественной войны:
Алма-Атинский машиностроительный завод
Народного комиссариата тяжелого машиностроения СССР**

Авторитетный российский исследователь проблемы Г.А. Куманев абсолютно точно заметил: «Беспримерной в мировой истории, поистине героической и драматической эпопеей явилось массовое перемещение в первый период Великой Отечественной войны из угрожаемых районов СССР на Восток населения, промышленных предприятий, имущества МТС, колхозов и совхозов, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ценностей. Осуществленная в Советском Союзе эвакуация по своим масштабам и срокам была уникальной производственной операцией»¹.

С вышесказанным трудно не согласиться. Между тем анализ историографии Второй мировой, Великой Отечественной войн показывает, что данный аспект принадлежит к числу весьма слабо раскрытых в научном плане. Вполне очевидно, данное обстоятельство имеет свое логическое объяснение. И главное, что к ряду причин такого положения можно отнести то, что многие важные документы, материалы, непосредственно связанные с этой проблематикой, были закрыты для исследователей.

Цель настоящей статьи – на основе рассекреченных документов, извлеченных из архивных фондов Архива Президента Республики Казахстан, представить общую картину становления эвакуированного оборонного завода в Казахстане.

В Казахстане в 1941–1942 гг. нашли кров и работу 532,5 тыс. эвакуированных из западных районов, в их числе прибыли 50

---

¹ Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=72437>.

тыс. кадровых рабочих и инженерно-технических работников и около 970 тыс. репатриированных поляков и немцев, которые в основном были расселены в аулах и селах. В Алма-Ате было развернуто 8 эвакогоспиталей, размещено 15 вузов и техникумов, около 20 научно-исследовательских институтов, свыше 20 культурно-просветительских учреждений².

С первых дней войны Казахстан становится одним из крупнейших поставщиков военной продукции фронту. За период с июля 1941-го по 1 марта 1942 г. из прифронтовой полосы прибыло 22 предприятия оборонной промышленности³. Многие из них сразу же были пущены в эксплуатацию.

16 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) утвержден «Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». В соответствии с ним была поставлена задача в максимально сжатые сроки развернуть в восточных районах страны основную военно-промышленную базу: организовать массовое производство танков, танковой брони, самолетов, авиамоторов, всех видов артиллерии, минометов и боеприпасов.

В выполнении заказов Народного Комиссариата Оборона и НКВМФ в части военной продукции принимал активное участие и наркомат тяжелого машиностроения СССР. По плану работы отдела Оборонной промышленности ЦК КП(б) Казахстана на март–апрель месяцы 1942 г. 6 заводов были размещены в г. Алма-Ате. В их числе был и Алма-Атинский машиностроительный завод НКТМ СССР. Завод НКТМ являлся частью цеха боеприпасов эвакуированного Ворошиловградского завода «Октябрьская революция». 17 ноября 1941 г. на новом месте создан новый самостоятельный завод со значительно расширенной номенклатурой изделий. Из приложения № 1 к постановлению Совнаркома СССР № 1433-707с (26 августа 1942 г.) следовали первоочередные мероприятия по Алма-Атинскому заводу⁴:

---

² Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.) // Новый исторический вестник. 2006. №1(14). Режим досупа: http://nivistnik.ru/2006_1/6.shtml.

³ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 611. Л. 23.

⁴ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1717. Л. 36.

«...94. Для организации производства оборудования черной и цветной металлургии на Алма-Атинском заводе обязать Наркомтяжмаш (т. Казакова) достроить главный корпус завода площадью 12 000 кв. метров, кузнечный цех 2 000 кв. м., построить литейный цех 2 000 кв. метров и сдать их в эксплуатацию к 1 апреля 1943 г.

95. Обязать Главное управление Трудовых Резервов (т. Москатова) направить Наркомтяжмашу для строительства и производства Алма-Атинского завода НКТМ в III – IV кварталах 1942 г. 300 чел. рабочих из заканчивающих ремесленные училища и школы ФЗО.

96. Обязать Председателя СНК КазССР т. Ундасынова направить в Алма-Атинский машиностроительный завод, за счет мобилизации местного населения до 15 сентября 1942 г. 350 чел., в IV квартале 1942 г. – 300 чел. и в I квартале 1943 г. – 200 чел.

97. Обязать Госплан СССР выделить, а Наркомату Станкостроения (т. Ефремова) поставить Алма-Атинскому заводу Наркомтяжмаша в IV квартале 1942 г. 60 станков и в I квартале 1943 г. 35 станков по спецификации Наркомтяжмаша.

98. Обязать Госплан СССР (т. Сабурова) предусмотреть в планах распределения поставку Алма-Атинскому заводу Наркомтяжмаша необходимых строительных материалов и оборудования в IV квартале 1942 г., а также средства в сумме 4,5 млн. рублей на строительство по расширению завода.

99. Распространить на Алма-Атинский машиностроительный завод Наркомтяжмаша постановление ГОКО № 1596сс от 13.04.1942 г. о восстановлении Ново-Краматорского завода имени Сталина в гор. Электросталь.

100. Обязать секретаря ЦК КП(б) Казахстана т. Скворцова и Председателя СНК КазССР т. Ундасынова оказывать Наркомтяжмашу всемерную помощь по организации на Алма-Атинском заводе производства оборудования для черной и цветной металлургии, укомплектованию этого завода кадрами, обеспечению рабочих ИТР жильем, выделением местных стройматериалов, организацией питания рабочих и ИТР, а также установить систематический контроль за выполнением настоящего постановления».

Первым начальником строительства и директором завода был Макеев. По ориентировочным сводкам Макеева, для строительства объектов завода, согласно правительственному постановлению от 26 августа 1942 г., потребовалось 1 250 человек, из них квалифициро-

ванных рабочих – 855, неквалифицированных рабочих – 395 человек. Строительство было рассчитано на 3,5 месяца или 88 рабочих дней⁵.

Строительство завода осуществлялось неравномерно. Из-за неоднозначного отношения правительственных и местных структур было много проблем с выделением капитальных вложений, снабжением строительными материалами и техникой, обеспечением стройки инженерно-техническими и рабочими кадрами. Об этом свидетельствуют следующие факты.

В докладной записке «О работе Алма-Атинского машиностроительного завода (секретно)», направленной 21 апреля 1942 г. секретарю ЦК КП(б)К Н.А. Скворцову директором Алма-Атинского машиностроительного завода Макеевым, отмечалось, что завод производит исключительно боеприпасы малых и больших калибров. Он должен был бы обеспечиваться бензином по выделенным нарядам в первую очередь, однако практически это не так, и в каждом отдельном случае приходится получать бензин только после обращений к секретарю Обкома партии т. Кулитову, к секретарю КП(б)К т. Койшегулову и заместителю председателя СНК т. Заговельеву и их длительных переговоров с управлением Главнефтебьита⁶.

В переписке заместителя директора завода НКТМ СССР Бекмухаметова от 2 августа 1942 г. с Секретарем ЦК КП(б)К Койшегуловым также говорится, что для выполнения оборонных заказов фронту по постановлению ГКО заводу на август месяц выделено 2,5 тонны авиабензина, которые обязана отоварить Республиканская Контора Главнефтебьита.

Несмотря на неоднократные обращения к т. Шарову, последний в отпуске авиабензина категорически отказал. И в целях обеспечения выполнения постановления ГКО по выпуску продукции оборонной промышленности завод просит содействия в немедленном отпуске авиабензина⁷.

Одной из сложнейших задач, которую пришлось решать, начиная с первых недель войны, была проблема мобилизации трудовых ресурсов. Необходимость противопоставления агрессору достаточно многочисленной армии привела к резкому уменьшению численно-

⁵ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1717. Л. 1.

⁶ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 632. Л. 273; Д. 1737. Л. 107.

⁷ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1717. Л. 5.

сти рабочих в тылу. Положение осложнялось тем, что оккупация западных областей СССР значительно сократила общую численность его населения. Особую остроту приобрели вопросы обеспечения кадрами предприятий восточных районов страны, на которые легла тяжесть военного производства.

С самого начала войны миллионы людей из числа колхозников, служащих, ранее не работавших и занятых в большинстве в личном подсобном хозяйстве, в основном женщины, подростки, пенсионеры, добровольно поступали на производство взамен ушедших на фронт квалифицированных рабочих. Но проблемы с обеспечением кадров оставались. «По решению СНК СССР, СНК КазССР 15 сентября должен был отобилизовать для строительных работ на заводе 350 чел. До сих пор мы не получили ни одного человека. В том случае, если мы даже и получили эти 350 чел. и в последующие сроки все количество людей будут исключительно чернорабочие, без прослойки квалифицированных рабочих. Использовать рационально эту рабочую силу, обучить ее нужным нам квалификациям мы не будем в состоянии без наличия лиц, имеющих строительную специальность...»⁸.

Составной частью военной экономики была и вся система Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР, где наряду с большим числом преступников, уголовников пребывала целая армия ни в чем не повинных людей, объявленных «врагами народа».

Масштабы и сложности работы с данным «контингентом» следуют из рассекреченных документов. Так, в справке «О работе Алма-Атинского машиностроительного завода» (22 сентября 1942 г.) Секретарю ЦК КП(б)К Н.А.Скворцову директор завода Макеев сообщает:

«... 1. До сих пор все строительные работы на заводе проводились колонией УИТК НКВД. В последнее время я требовал от начальника УИТК НКВД – тов. Бернера, вместо 400 чел. по договору, довести количество рабочих до 600 чел., однако это количество не только увеличивается, но, наоборот, с каждым днем уменьшается и уменьшается главным образом за счет квалифицированной рабочей силы. В сентябре месяце среднесписочное количество выходов на

⁸ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 631. Л. 33.

работу заключенных составляет 270 чел., при резком понижении качества. Так, например, из общего количества 210 чел. составляют чернорабочие. Плотников ранее работало 15 чел., сейчас только 7 чел. Совершенно отсутствуют арматурщики, каменщики и др. нужные заводу квалификации...»⁹.

Несмотря на то, что местные органы власти прилагали максимум усилий, чтобы в условиях войны обеспечить продовольствием всех трудящихся тыла, особенно работающих на военных заводах, проблемы оставались. Документы показывают крайне тяжелое состояние эвакуированных с Ворошиловградского завода. По архивным данным, на январь 1942 г. из 270 прибывших с заводом рабочих и ИТР, 59 чел. были размещены в 6 комнатах общей площадью 60 кв. метров. Из-за отсутствия коек, топчанов рабочие и ИТР спали на полу. Общих кухонь не было. В административном корпусе бывшего авторемонтного завода разместили 100 чел. на площади около 200 метров. Нарушены были самые элементарные правила санитарии. Из столовой завода семьям на дом обеда не отпускались, а приготовить обеда самим не представлялись возможным, так как не было кухонной плиты¹⁰.

В условиях и трудностях военного времени государство применяло систему экономических и административных мер, направленных на решение главной задачи – обеспечения фронта всем необходимым. Указанное проявлялось в пресечении любых нарушений (хищение подарков для бойцов из вагонов, пьянство, самовольный уход с работы, дезертирство и т.д.) на рабочих местах.

Анализ рассекреченных архивных документов свидетельствует, насколько были суровы эти наказания-приговоры¹¹:

«Копия

Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военный трибунал Войск НКВД Алма-Атинской области в Алма-Ате в помещении цеха № 2 завода АЗТМ 29 августа 1944 г., в составе: Председательствующего подполковника юстиции Сулова и нарзаседателей Силь и Покапаевой при секретаре мл. лейтенанта адм. служ-

⁹ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 631. Л. 34.

¹⁰ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 631. Л. 25.

¹¹ АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1747. Л. 62. Оп. 6/2. Св. коробка 10. Л. 78.

бы Туймебаева с участием представителя гособвинения Военного прокурора подполковника юстиции Пономарева, адвоката Юсова, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению гр. Сытого Петра Филипповича, 1926 г. рожд., уроженца села Дубровка Кальчанского района, Сумской области УССР, украинца, холостого, имеющего образование 7 кл. б/п, дважды судимого н/судом 8-го участка г. Алма-Ата за прогулы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.40 г. в общей сложности на 12 м-цев исправ. работ, меру наказания отбыл только 3 м-ца, обвиняется по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.41 г. Данными материалами предварительного судебного следствия Военный Трибунал

Установил:

Подсудимый Сытый с 7 октября 1942 г. работал на заводе АЗТМ в качестве токаря, а 18 июля 1944 г., самовольно оставил работу на заводе и дезертировал, 16 июля 1944 года был задержан и арестован. На основании изложенного, признавая Сытого виновным по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года, Военный Трибунал, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК.

Приговорил:

Сытого Петра Филипповича на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941г. подвергнуть тюремному заключению сроком на шесть (6) лет без поражения в правах, не отбытую меру наказания по приговорам Н/суда на основании ст. 49 УК поглотить настоящим приговором.

Пред., полковник юстиции   Суслев
Секретарь, Мл. лейтенант а/с   Туймебаев».

В начале 1942 г. перед коллективом строителей и производственников правительство ставило задачу пуска завода на полную мощность. В начале производства (март 1942 г.) ассортимент изделий составлял 203-мм бетоно-бойные снаряды и бетоно-бойные авиабомбы. В течение года ассортимент изделий увеличился до 6 наименований. В это время уже четко вырисовывались основные производственные направления комбината. Крупнейший в республике строящийся завод боеприпасов имел в своем составе целый ряд производств: 203-мм бетоно-бойные снаряды, бетоно-бойные авиабомбы, 82-мм мины, ЗАБ-2,5, ФАБ-50 и 90.

Отчет о работе завода за 1942 г. показывает, что несмотря на все трудности и проблемы, план по всей номенклатуре был перевыполнен.

**Выполнение плана Алма-Атинским
машиностроительным заводом за 1942 г.***

Наименование изделий	План	Выполнение	
	шт.	шт.	в % к плану
203-мм бетоно-бойные снаряды	3000	7105	236,8
бетоно-бойные авиабомбы	–	792	–
82-мм мины	6000	84780	141,3
ЗАБ-2,5	100 000	124 440	124,4
ФАБ-50 и 90	2250	3300	146,7
Товарный выпуск (в неизменных ценах)	8100	16 675,3	205,9
Валовой выпуск (в неизменных ценах)	10000,0	18690,0	186,9

* Составлено по: АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 612. Л. 15–16.

Из данных таблицы видно, что выполнение плана составляло по товарному выпуску 205,9%, т.е. в два раза, а по валовому выпуску 186,9%.

В 1942 г. также внедрено 17 различных усовершенствований, дававшие условный экономический эффект в 400 тыс. рублей.

Таким образом, в первые годы войны в столице республики началось строительство одного из крупнейших предприятий оборонной промышленности НКТМ СССР – Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения.

В сложных условиях начавшейся Великой Отечественной войны удалось не только эвакуировать, сохранить завод и людей, но и организовать выпуск военной продукции, столь необходимой фронту. И в этом состоит простой подвиг людей в те суровые годы. Это были первые шаги к нашей Великой Победе.

Бухарина Н.Д.

**Советская энергетика в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

Особым периодом в развитии советской теплотехники явились годы Великой Отечественной войны, когда все силы страны были направлены на разгром фашизма¹².

К началу войны установленная мощность электрических станций превышала 11 млн. кВт и годовая выработка электрической энергии возросла до 50 млрд. кВт·ч. Одновременно возросла и мощность теплоэлектростанций, достигшая к концу 1939 г. 1,7 млн. кВт при отпуске тепла в количестве 25 Мкал/год. Увеличению мощности станции и выработки электроэнергии сопутствовало повышение экономичности работы. За 1940 г. удельный расход условного топлива составил 0,596 кг/кВтч и 190 кг на 1 млн. ккал отпущенного тепла.

Советская энергетика к этому времени почти полностью освободилась от иностранной зависимости в производстве от основного энергетического оборудования.

Например, в США и Германии отпуск тепловой энергии в 1940 г. составлял соответственно только 8 и 1,5 Мкал/год, причем отпускалась она в основном в виде свежего пара, а не отбираемого из турбин, т.е. в этих странах почти совсем не использовались преимущества комбинированной выработки электроэнергии и тепла, широко применявшейся в это время в СССР и дававшей ежегодно народному хозяйству несколько миллионов тонн экономии топлива¹³.

В 1940 г. на всех электростанциях, в районах электрических сетей начали строить убежища и укрытия для сменного персонала. На предприятиях из состава ремонтных бригад создали команды МПВО, оснастили их инструментом, средствами индивидуальной защиты. На занятиях, проводившихся по специальным программам, отрабатывались приемы и последовательность действий каждого работника Мосэнерго.

---

¹² История энергетической техники СССР. В 3-х т. Т. 1. М.–Л., 1957. С. 158.

¹³ Там же. С. 335.

К началу лета 1941 г. неизбежность войны с Германией стала очевидной. Об этом свидетельствуют многие рассекреченные ныне документы. Вот один из них, отпечатанный в единственном экземпляре с грифом «Совершенно секретно» и адресованный руководством Наркомата управляющему Мосэнерго И.М. Клочкову: «Во исполнение Постановления СНК СССР от 05.06.1941 г. по строительству подземного диспетчерского пункта для Мосэнерго и ввода его в эксплуатацию в январе 1942 г.:

а) немедленно заключить с Метростроем НКПС договор на выполнение строительных работ по диспетчерскому пункту со сроком окончания их в ноябре 1941 г.;

б) силами Мосэнерго выполнить монтажные работы по оборудованию диспетчерского пункта, обеспечить их материалами, аппаратурой и кабельной продукцией из наличных средств Мосэнерго.

Постановлением СНК СССР предложено Промбанку СССР финансировать работы без утвержденных проектов и смет».

В процессе подготовки к войне был разработан комплекс оперативных мероприятий на случай захвата столицы фашистскими войсками. Планировался вывод из строя центрального управления Мосэнерго, находившегося, как и в настоящее время, на Раушской набережной, напротив гостиницы «Россия», крупнейших ТЭЦ, электро- и теплокоммуникаций. Москву предполагалось оставить без тепла и света. Кроме того, под видом энергетиков в городе оставались специально сформированные из сотрудников НКВД подпольные диверсионные группы по 3–6 человек – так называемые «ремонтно-эксплуатационные бригады». В случае привлечения их к наладочно-восстановительным работам «бригады» по специально разработанному плану должны были совершать террористические акты в отношении расквартированных в Москве войск и оккупационной администрации.

К войне готовились и другие энергетические системы. Наибольшее внимание уделялось объектам, находившимся на юго-западе, западе и северо-западе Европейской части страны. Основные мероприятия по их защите от нападения с воздуха, увеличению надежности работы оборудования, обеспечению бесперебойного снабжения потребителей электрической и тепловой энергией и др. проводились вплоть до момента начала войны. Главными направлениями работы были: защита электростанций и подстанций от бомбардировок

путем их камуфлирования, возведение на видных местах ложных объектов для дезориентации воздушной разведки противника, срезка высоких частей дымовых труб, затемнение и прикрытие наиболее уязвимых частей зданий и агрегатов, формирование аварийного резерва оборудования и запасных частей, организация автономного энергоснабжения от независимых генерирующих источников и прокладка дополнительных цепей питания, создание условий безопасности работы эксплуатационного персонала путем строительства убежищ и санитарно-медицинских пунктов¹⁴.

Вероломное нападение на СССР немецко-фашистских захватчиков и оккупация значительной европейской части Союза нанесла советской энергетике тяжелый удар¹⁵.

Активная подготовка отрасли к войне смягчила удар, нанесенный фашистской Германией 22 июня 1941 г. Но не все удалось сделать: не хватило сил и времени. Уже в первые месяцы войны многотысячный отряд советских энергетиков сполна испытал огромные трудности борьбы с агрессором¹⁶.

Во второй половине 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О военно-хозяйственном плане обороны страны», в соответствии с которым был разработан такой план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В постановлении намечалась широкая программа энергетического строительства: ввод мощностей на электростанциях должен был составить в IV квартале 1941 г. 298 тыс. кВт, а в 1942 г. – 1 088 тыс. кВт. В целях быстрее наращивания мощностей был осуществлен ряд мероприятий, первым из которых стал переход на скоростные методы работы. Это достигалось за счет проведения монтажа оборудования по мере частичной готовности строительных сооружений и первоочередного сооружения фундаментов под оборудование при проведении строительных работ. Вторым мероприятием стал переход на монтаж оборудования крупными блоками. По ранее действовавшей технологии монтаж производился подетально, на месте установки агрегатов. При

¹⁴ Электронный ресурс: <http://www.portal-slovo.ru/>.

¹⁵ История энергетической техники СССР. В 3-х т. Т. 1. М.–Л., 1957. С. 163.

¹⁶ Электронный ресурс: <http://www.portal-slovo.ru/>.

блочной схеме монтажных работ на специально организованных сборочных площадках производилось предварительное укрупнение частей оборудования до веса, соответствовавшего грузоподъемности монтажных механизмов. Третьим мероприятием являлось применение блочной схемы в производстве строительных работ. По ней заранее собирались каркасы фундаментов или частей здания, а также фундаментов оборудования, затем устанавливались на постоянное место и заливались бетоном. Четвертым мероприятием была малая механизация. Монтажные организации наладили производство малых подъемных механизмов – кранов-укосин, кран-балок, лебедок с механическим и электрическим приводом, талей, полиспастов и т.д.

Наибольший эффект от этих мер был получен на теплоэлектростанциях, где монтировалось крупное оборудование с большим количеством деталей. Так, на Челябинской ТЭЦ срок монтажа котлов сократился со 190 до 65–75, турбин – с 40–90 (в зависимости от мощности) до 25–40 календарных дней.

С целью ускорения проектирования ведущие проектные организации – Теплоэлектропроект и Гидроэнергопроект – организовали на всех крупных стройках комплексные проектные бригады. Они вели проектирование параллельно с ходом строительно-монтажных работ.

В первые же месяцы войны началось расширение Челябинской, Закамской, Красногорской, Среднеуральской, Кизеловской и других ТЭС. Были ускорены работы по строительству мелких и средних ГЭС на реках Урала. В результате установленная мощность электростанций к концу 1941 г. увеличилась по сравнению с июнем на 10%. К началу 1943 г. она возросла на 36,8%. И, тем не менее, мощности по-прежнему не хватало. В 1943 г. вводятся в строй первые агрегаты на новых ТЭЦ – Челябинской, Пермской № 6 и Челябинского металлургического завода. Расширяются Красногорская, Богословская, Среднеуральская и Закамская станции. В итоге мощность Уральской энергосистемы за 1943 г. возросла на 72% по отношению к предыдущему году. К концу 1944 г. установленные мощности и вырабатываемая электроэнергия удвоились по сравнению с довоенным периодом.

В соответствии с программой энергетического строительства, на Урале в период войны развернулись работы по сооружению Широковской и Камской гидроэлектростанций, было начато строительство таких крупных теплоэлектростанций, как Нижне-Туринская,

Пермская, Серовская и др. В конце 1942 г. были образованы три новых энергоуправления: Свердловэнерго, Пермьэнерго и Челябинэнерго. Для координации работы энергосистем и диспетчерского руководства электростанциями Урала было создано Главуралэнерго с объединенным диспетчерским управлением. В итоге Уральская энергосистема за период войны превратилась в наиболее мощную энергосистему Советского Союза. Развитие уральской энергетики было обеспечено как максимальными усилиями Государственного комитета обороны, так и трудом проектных, строительных, эксплуатационных и ремонтных предприятий отрасли.

В годы войны интенсивно развивались энергосистемы Средней Азии и Казахстана. В Предуралье и в Сибири в течение 1941–1943 гг. были образованы новые энергосистемы: Уфимская (позже Башкирэнерго), Омская, Томская, Красноярская, Барнаульская и Оренбургская. Значительно увеличилась мощность созданных в предвоенные годы Кузбасской и Новосибирской энергосистем. В результате удельный вес выработки электроэнергии в общесоюзном балансе за период 1940–1945 гг. возрос для Урала с 12,8 до 28,3%, для Сибири и Дальнего Востока с 6,6 до 14,2 %, для Средней Азии с 2,8 до 6,0%¹⁷.

Особенный героизм проявил персонал ленинградской электростанции, который в условиях блокады, под прицельным артиллерийским огнем снабжал город электроэнергией.

25 января 1942 года – самый тяжелый день энергетики Ленинграда: во всей энергетической системе работала только ГЭС-1. Топлива оставалось на несколько дней. Электроэнергию получали только хлебозавод, госпиталь и Смольный.

Но энергетика не сдавалась. В декабре 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта и Государственный Комитет Обороны приняли решение о восстановлении Волховской ГЭС для осуществления передачи электроэнергии со станции в осажденный город. В феврале 1942 года в Волхов прибыли эшелоны с Урала и Средней Азии, возвращающие эвакуированное оборудование станции. Для передачи энергии нужно было восстановить и частично реконструировать Волховские линии электропередач и, главное, собрать и проложить к Ленинграду кабель. Собирали его вручную на заводе «Севкабель» женщины и дети осажденного города. Он получил название «кабель

---

¹⁷ Электронный ресурс: <http://www.portal-slovo.ru/>.

жизни». Сооружение всех объектов электропередачи Волховская ГЭС – Ленинград (Ладожской), включающей три подстанции, более 200 км воздушных линий, 5 ниток подводного кабеля, было выполнено за 45 дней вместо 56, определенных Военным Советом Ленинградского фронта¹⁸.

На востоке страны, где находились важнейшие оборонные предприятия, персонал электростанции в содружестве с ОРГРЭС провел быстрый и высококачественный ввод в эксплуатацию новых электростанций и отдельных агрегатов, реконструкцию существующего оборудования и этим обеспечил бесперебойную и экономическую работу основной базы энергоснабжения.

В результате комплексных мероприятий и особенно работ по наладке, ремонту и реконструкции котельного оборудования были ликвидированы узкие места на Березниковской ТЭЦ.

На Кизеловской ГРЭС была проделана работа по повышению производительности пылеприготовления и ликвидации неполадок в турбинном цехе. В результате мощность ГРЭС выросла почти на 15%, увеличилась ее экономичность и надежность ряда агрегатов.

Была пущена и освоена Челябинская ТЭЦ.

Освобождение временно оккупированных районов потребовало широкого и быстрого развертывания восстановительных работ в энергетических установках.

Для повышения производительности, надежности и экономичности работы некоторых котлов была проведена частичная их реконструкция. Грануляторы были заменены холодными воронками, установлены новые пылеугольные горелки в топках и зажигательные пояса упрощенной конструкции; реконструированы системы парохладителей, расширено внедрение двух- и трехступенчатого испарения, повышена температура питательной воды путем установки дополнительных регенеративных подогревателей, существующие дымососы заменены более экономичными и износоустойчивыми.

Особенную трудность представляло восстановление поврежденных барабанов котлов. В связи с этим реконструкция котельных агрегатов сопровождалась уменьшением числа барабанов, причем и такая реконструкция часто путем рационального перераспределения

---

¹⁸ Электронный ресурс: <http://www.eprussia.ru/news/base/2006/11844.htm>.

поверхностей нагрева приводила к повышению паропроизводительности агрегатов.

ОРГРЭС и производственный персонал электростанции изыскали и во многих случаях внедрили заменители остродефицитных материалов.

В период восстановления разрушенных станций и пуска первых агрегатов в связи с острым недостатком рабочих ведущих профессий и инженерно-технических работников была проведена работа по подготовке коллективов восстановителей-монтажников из числа молодых рабочих, пришедших на производство впервые.

В условиях военного времени коллективы работников энергомашиностроительных заводов, научно-исследовательских институтов (ЦКТИ, ВТИ, ЭНИН АН СССР и др.) и проектных организаций (ТЭП), наряду с текущей работой по энергостроительству, вели напряженную и плодотворную работу по подготовке перевода теплоэнергетики на высокие параметры (100 ата и 510°C у котлов, 90 ата и 480–500°C у турбин). Разрабатывались как конструкции котлов и турбин, так и тепловые схемы станций; велись исследования для установления экономичной температуры регенеративного подогрева питательной воды при высоких начальных параметрах пара и температуры уходящих газов котельных установок; разрабатывались также новые системы водоподготовки. Возможность повышения начальных параметров пара была обеспечена успехами в области отечественной металлургии.

В 1943 г. постановлением Совета Народных Комиссаров был создан Технический совет Наркомата электростанций, который, начиная с 1944 г., оказывал и продолжает в настоящее время оказывать влияние на техническое развитие электростанций.

Все конструкции нового энергетического оборудования, выбор новых параметров пара, создание правил Котлонадзора, положений по проектированию электростанций, типовые проекты электростанций, нормы теплового расчета котельных агрегатов и т.п. получали окончательное оформление только после рассмотрения и утверждения их Техническим советом¹⁹.

---

¹⁹ История энергетической техники СССР. В 3-х т. Т. 1. М.–Л., 1957. С. 355.

В годы Великой Отечественной войны энергетика сыграла огромную роль в укреплении и развитии военно-промышленного могущества страны и, как следствие, победе над фашистской Германией. Это стало возможным благодаря мощному потенциалу отрасли, ее высокому научно-техническому уровню.

Бухарина Ю.Д.

Историческое значение стандартизации в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Высокий уровень стандартизации в промышленности, достигнутый за предвоенные годы, во многом обусловил ее подготовленность к работе в условиях войны. Стандартизация была призвана способствовать выполнению военной промышленностью сложнейших задач в новых, экстремальных условиях. В июле 1941 г. появляется особая группа стандартов – стандарты военного времени, обозначаемые ГОСТ В. В целом для них были характерны²⁰:

- более рациональное использование сырьевых ресурсов, особенно стратегических;
- сокращение удельных норм расхода материалов;
- расширение опыта внедрения менее дефицитных материалов;
- сокращение типов машин, приборов и инструментов;
- установление более широкой взаимозаменяемости деталей и узлов;
- установление более совершенных и сравнительно простых методов контроля изготавливаемой продукции.

Необходимо было в невиданно короткие сроки создать по существу новый военно-промышленный потенциал страны, который обеспечил бы тыл необходимыми вооружением и боеприпасами, сырьем, материалами и оборудованием для ускоренного развития производительных сил.

В этих условиях Всесоюзный комитет стандартов должен был всю свою деятельность подчинить задачам развития военной экономики,

---

²⁰ Коровкин И.А., Шильдин В.В., Петросян Е.Р. Роль стандартизации в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Стандарты и качество. 2000. № 3. С. 6 – 9.

удовлетворению нужд фронта и тыла во всем необходимом. Нужно было, используя средства стандартизации, изыскать возможности для быстрого увеличения объемов производства вооружения и боеприпасов, танков и самолетов, подвижного состава и транспортных средств, топлива и электроэнергии, сырья и материалов, снаряжения, оборудования и продовольствия для армии и тыла. Необходимо было в кратчайший срок создать государственную нормативно-техническую документацию, на основе которой промышленность могла бы гармонично сочетать быстрый рост объемов производства продукции с одновременным обеспечением требуемого качества и надежности в эксплуатации. Решение этой задачи крайне затруднялось временной потерей в начале войны важнейших сырьевых и промышленных районов страны, нарушением связи по кооперированию, необходимостью освоения новых источников сырья, изменившимся составом рабочих и инженерно-технических кадров.

Эти условия выдвинули в качестве главных направлений деятельности по стандартизации максимальную экономию материальных ресурсов, энергии, топлива, изыскание и использование заменителей остродефицитного (особенно стратегического) сырья и материалов, резкое сокращение удельных норм расхода, пересмотр конструкций, в первую очередь, оборонных изделий с целью приобщения к их производству мелких предприятий, не располагающих специальным оборудованием и квалифицированной рабочей силой, унификацию деталей и узлов машин и механизмов, что в конечном счете должно было резко поднять производительность труда в промышленности и строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве.

В связи с тем, что источники добычи некоторых дефицитных видов сырья оказались на оккупированных территориях, были внедрены стандарты на вторичные сплавы (например, ГОСТ 613-41, ГОСТ 483-41, ГОСТ 1131-41), которые научно и технически обоснованно предусматривали уменьшение содержания ряда дефицитных элементов в сплавах, что позволило обеспечить значительную экономию.

Стандартизация лесной и деревообрабатывающей промышленности способствовала обеспечению Красной Армии самыми разнообразными видами необходимых изделий. Были разработаны новые стандарты на дельта-древесину (заменитель дюралюминия) и балинит (слоистый древесный материал из березового шпона). С

внедрением стандартов на оружейные ложи (ГОСТ 2367-43) и болванки для ложи (ГОСТ 778-43) сократилась потребность в березовой древесине, увеличилась производительность труда и снизилась себестоимость продукции²¹.

Важным направлением в работе по стандартизации было установление в государственных стандартах на «гражданскую» продукцию таких требований, чтобы она, в случае необходимости, без существенных изменений могла быть использована в военных целях. Решение такой задачи имело целью создать наилучшие условия для маневренности и оперативности в обеспечении нужд фронта и тыла боевыми и материально-техническими средствами. Нужно было пересмотреть государственные стандарты, установленные в условиях мирного времени, и включить в них новые требования, рассчитанные на максимальное удовлетворение нужд армии и населения с учетом резко изменившихся условий работы промышленности.

Осуществляя эту работу, наши ведущие ученые и специалисты изыскивали дополнительные резервы для наращивания объемов производства продукции, в частности, за счет установления оптимальных качественных требований к изделиям, не предназначенным для длительного хранения, отказа, где это было возможно, от излишне тщательной отделки продукции, максимального сокращения сортности и ассортимента многих видов сырья, материалов и изделий, предназначенных для текущих нужд и т.п. Это высвобождало значительные контингенты рабочей силы и материально-технические средства, столь необходимые для ускоренного наращивания объемов вырабатываемой продукции.

Уже с первых дней войны стало ясно, что главное внимание необходимо уделить проблемам стандартизации, связанным с воспроизводством энергетических ресурсов страны. Это было продиктовано потерей важнейших территорий с развитой энергетикой.

Фашистские захватчики в ходе войны разрушили свыше 60 крупных, вывели из строя сотни средних и небольших электростанций, уничтожили около 10 тыс. км магистральных, высоковольтных линий электропередач, огромное количество самого разнообразного энергооборудования. В связи с этим развернулась титаническая ра-

---

²¹ Куфман М.И., Чернягова В.Н. 60 лет стандартизации в СССР (1925–1985). Основные события и факты. М., 1985. С. 45.

бота по энергетическому строительству, включавшая также восстановление энергетических промышленных предприятий в освобожденных районах страны²².

Работа по стандартизации в эти годы была подчинена решению этой важнейшей военно-хозяйственной проблемы. Были, в частности, установлены государственные стандарты на номинальные напряжения электрических сетей, приемников электрической энергии, генераторов и трансформаторов, обеспечивающие максимальную унификацию всего электрооборудования по признаку номинальных напряжений и их сочетаний, резко сократившие количество трансформаций электрической энергии с места ее производства до места потребления.

Были разработаны и внедрены государственные стандарты на электрооборудование, необходимое для комплектации самолетов, танков, автобронемашин. Была проведена большая работа по стандартизации автотранспортного электрооборудования, в частности, генераторов, свинцовых стартерных аккумуляторных батарей для колесных и гусеничных транспортных машин и др. Внедрение новых стандартов обеспечило массовость изготовления этого оборудования, снижение трудозатрат при сборке, монтаже и ремонте устройств, в состав которых они входили. Эти и многие другие работы аналогичного характера позволили электротехнической промышленности ценой громадных усилий обеспечить нужды военного времени электроэнергией и электротехническими изделиями, предназначенными непосредственно для военной техники.

Важные работы проводились в области государственной стандартизации сырья, материалов и их заменителей. Это, прежде всего, касается тех видов сырья, которые были необходимы для производства вооружения и боеприпасов, транспортных средств и т.п.

Были разработаны и внедрены в действие новые стандарты на черные и цветные металлы, нефть и нефтепродукты, уголь и лесные материалы. Этими стандартами устанавливались требования к качеству и ассортименту, учитывающие специфику новых источников сырья и изменившиеся условия его переработки в промышленности.

---

²² Все для фронта, все для победы (стандартизация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) // Стандарты и качество. 1975. № 5. С. 3.

Стандартизация в металлургии изыскивала пути для использования заменителей ценных и дефицитных компонентов, таких, например, как никель, марганец, источники добычи которых оказались на оккупированных территориях. Были установлены временные (для военного времени) стандарты на марки стали – заменители конструкционных и инструментальных углеродистых и легированных сталей, что позволило применить ряд заменителей при выполнении важнейших и срочных оборонных заказов.

Работа по стандартизации в нефтяной промышленности проводилась в направлении наиболее эффективного использования сырых нефтей при производстве нефтепродуктов. Эта задача решалась путем увеличения отбора наиболее ценных фракций, подбора оптимального ассортимента и качества нефтепродуктов с целью увеличения срока службы двигателей и экономии в расходовании топлива, а также ускорения транспортирования его к местам потребления.

Главным направлением в работе по стандартизации в угольной промышленности было повышение качества углей, более рациональное использование их, расширение производственных возможностей угольной промышленности и увеличение ресурсов углей для коксования. В первые годы войны, в связи с перебазированием промышленности на Восток, были утверждены государственные стандарты на угли восточных районов. Качество углей повысилось вследствие снижения зольности. Так, по Кузбассу зольность была снижена на 1,5%, что означало, помимо повышения качества углей, сокращение перевозок значительного количества породы и высвобождение в связи с этим большого количества железнодорожного подвижного состава.

Техническая политика в области стандартизации продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности заключалась в том, чтобы при резко сократившихся возможностях заготовки и переработки лесоматериалов, вызванных войной, обеспечить нужды обороны в лесоматериалах, деревянных пластиках и фанере для самолетостроения, судостроения, вагоно- и автостроения, в шпалах для железных дорог, в крепежном лесе для угольной и горнорудной промышленности, в древесине для изготовления пластмасс, целлюлозы, деревянных элементов стрелкового оружия (приклады, накладки для автоматов, винтовок, пулеметов различных систем), специальной укупорки для боеприпасов и многих других нужд.

Были впервые установлены государственные стандарты на новые виды материалов – дельта-древесину (замнитель дюралюминия) и балинит (слоистый древесный материал из березового шпона), пересмотрены стандарты на авиационную фанеру и авиационный шпон, авиазаготовки и авиапиломатериалы, применявшиеся в качестве конструкционных материалов в самолетостроении. Установленные этими стандартами технические характеристики позволили при максимальном использовании наличных ресурсов лесного сырья обеспечить достаточную прочность и эксплуатационную надежность важнейших силовых элементов боевых самолетов. Актуальное значение этой работы, ее роль в выдающихся победах авиации на фронтах Великой Отечественной войны были высоко оценены Советским правительством, наградившим в 1945 г. орденами и медалями СССР специалистов-стандартизаторов, отличившихся в создании этих важнейших государственных документов²³.

В период Великой Отечественной войны были утверждены стандарты на запасные части автомобилей, газогенераторные установки и устройства для пуска двигателей, работающих на тяжелом топливе. Эти стандарты обеспечивали использование менее дефицитных сортов и марок материалов и сырья.

Срок службы тормозных колодок подвижного состава железных дорог, изготавливаемых по стандарту военного времени, был увеличен в 2–3 раза по сравнению со сроком службы ранее изготавливавшихся колодок²⁴.

Разрабатывались новые и вносились изменения в действующие стандарты на деревянные элементы стрелкового оружия. Этими документами впервые допускалось применение прикладов и других деталей из клеенной древесины, что дало возможность решить труднейшую проблему использования для этих целей березовой древесины малых диаметров, так как ресурсы толстомерной березы не обеспечивали быстро увеличивающейся потребности. В стандартах военного времени на лыжи при сохранении довоенных показателей прочности изымались излишние во время войны требования к их эстетическому оформлению. Это позволило приобщить к производ-

---

²³ Белобрагин, В.В. Этапы развития стандартизации: 1925–1963 гг. // Стандарты и качество. 2005. № 7. С. 25.

²⁴ Стандартизация в СССР. 1925–1975 / под ред. В.В. Бойцова. М., 1975. С. 24.

ству лыж, помимо крупных механизированных предприятий, многочисленные мелкие фабрики и цехи кустарного и полукустарного типа и обеспечить лыжами не только армию, но и население.

Работа по стандартизации не ограничивалась объектами оборонного значения. Роль каждого создаваемого стандарта в различных отраслях народного хозяйства определялась с точки зрения обороны и перспектив применения в дальнейшем при восстановлении народного хозяйства.

Важнейший вклад в развитие военной стандартизации в период Великой Отечественной войны внесли ученые и специалисты-стандартизаторы в области строительства, машиностроения, химической, легкой и пищевой промышленности. Были, в частности, разработаны и утверждены противовоздушные и противопожарные нормы на укрытия, землянки МПВО, стандарты на световые и светомаскировочные указатели, печи малой теплоемкости для временных зданий (барачного типа) в основном для временного обслуживания эвакуированных, двери и окна для облегченного и временного жилищного строительства; трубы отопительные; введены нормы проектирования бань, прачечных временного типа, изоляционно-пропускных и карантинных пунктов упрощенного типа, кирпичные заводы временного типа, временные требования к различным видам строительных материалов, в частности, цементу. Внедрение этих стандартов и норм оказало большую помощь в удовлетворении неотложных нужд населения, особенно в период его временной эвакуации в новые безопасные районы страны, равно как и для населения городов и сел, расположенных вблизи от театра военных действий.

Были установлены и внедрены новые государственные стандарты на продовольственные товары, в которых, наряду с требованиями к высокой калорийности и хорошим вкусовым свойствам разнообразных продуктов питания, предусматривалось более рациональное использование сельскохозяйственного сырья для их производства, применение полноценных заменителей остро дефицитных видов сырья, упрощение и удешевление упаковки. В частности, были разработаны и внедрены стандарты на новые концентраты, копчености, мясные консервы, солонину, чай, витаминные препараты и др.

Были пересмотрены действующие и разработаны новые государственные стандарты, в которых, в частности, устранялись излишества в требованиях к внешнему виду одежды, допускались

изменения состава сырья с тем, чтобы одежда могла одновременно удовлетворять требованиям как гражданского населения, так и военных. Это, в первую очередь, касалось наиболее массовых шерстяных и хлопчатобумажных тканей, искусственного меха для шапок, валяной обуви и др.

За первые пять лет деятельности Комитета стандартов, четыре из которых пришлись на годы войны, стандарты были обновлены более чем на 40%. Всего же за годы войны Комитетом стандартов было утверждено более 2200 новых государственных стандартов и изменено 1270 действующих²⁵.

Стандарты, разрабатываемые и утверждаемые в эти годы, отвечали условиям военного времени. Они предусматривали сокращение типов, марок, видов и размеров изделий, машин, приборов и инструментов, что являлось предпосылкой для специализации предприятий и ускоренного выпуска необходимой фронту продукции; устанавливали показатели взаимозаменяемости узлов и деталей. Многие стандарты военного времени были направлены на рациональное и полное использование сырьевых ресурсов, на снижение удельных норм их расхода, на внедрение менее дефицитных материалов и различных заменителей. Важность каждого вновь создаваемого стандарта определялась не только его оборонным значением, но и возможностью его применения после войны, при восстановлении народного хозяйства.

Вакурова О.А.

**Роль художников в массово-политической агитации
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
(источниковедческий аспект)**

В годы Великой Отечественной войны борьба за свободу и независимость Родины стала главным содержанием жизни советских людей. Эта борьба требовала от них предельного напряжения духовных и физических сил. И именно мобилизация духовных сил советского народа в годы Великой Отечественной войны была главной задачей

---

²⁵ Шухгальтер Л.Я. Исторический очерк развития стандартизации СССР (1925–1975 гг.) // Стандарты и качество. 1975. № 1. С. 46.

нашей литературы и нашего искусства, которые стали могучим средством патриотической агитации.

Война потребовала перестройки работы художников, всех творческих организаций и объединений, всех учреждений искусства для решения одной задачи, поставленной партией, – «Все для фронта, все для победы!». Необходимо было немедленно широко и мощно развернуть на фронте и в тылу наглядную агитацию и пропаганду и, следовательно, развить и активизировать все виды агитационного искусства – плакат, газетно-журнальную графику, агитокна, нужно было организовать эффективную деятельность художников на фронтах, в подразделениях армии и флота, найти наиболее действенные формы работы художников во время войны²⁶.

Одним из важнейших видов изобразительного искусства в годы Великой Отечественной войны стал плакат. Крупнейшими центрами массового издания плакатов в 1941–1945 гг. были Московское и Ленинградское отделения государственного издательства «Искусство». Печатались плакаты и в крупных городах Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Средней Азии, Закавказья, издавались политорганами РККА и ВМФ, редакциями газет. Также часто плакаты изготавливались от руки и по трафарету, что ускоряло их выпуск, но делало невозможным распространение в тысячах экземпляров²⁷.

В жанре плакатного искусства в годы Великой Отечественной войны работали многие художники, которые ни до войны, ни после войны не занимались плакатом.

Художники-плакатисты оперативно откликнулись на события первых дней войны. В течение недели массовыми тиражами было выпущено пять плакатных листов, а в издательствах готовились к печати еще свыше пятидесяти. Уже к вечеру 22 июня 1941 г. Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов) создали эскиз плаката «Беспощадно разгромим и уничтожим врага». Позже первый плакат Великой Отечественной войны не раз воспроизводился в печати, издавался в Англии, Америке Китае, Иране, Мексике и других странах²⁸.

---

²⁶ Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания. М., 2006. С. 22.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Московские художники в дни Великой Отечественной войны. Воспоминания. Письма. Статьи / отв. ред. П.К. Суздаев. М., 1981. С. 7.

В первоначальном варианте штык красноармейца пронзал руку Гитлера, поэтому плакат звучал скорее как предупреждение. Но распечатан он был уже с другим сюжетом. Штык вонзился прямо в голову Гитлера, что вполне отвечало конечной цели разворачивавшихся событий. Духу времени соответствовали и удачное сочетание в сюжете плаката героического и сатирического образов. Подобное сочетание часто использовалось Кукрыниксами и другими художниками.

Следует заметить, что воин Советской Армии расположен в правой части плаката, а Гитлер в левой. Интересно, что на многих советских военных плакатах противостоящие силы изображаются аналогичным образом. Результаты психологических опытов свидетельствуют о том, что зритель, взглянув на картину, газетную страницу или плакат, в первый момент замечает правый верхний квадрат, и уже отсюда его взгляд переходит на остальные части изображения. Таким образом, правый верхний квадрат и вообще правая сторона картины или плаката с точки зрения психологии зрительного восприятия занимает особое место. На многих военных плакатах именно на этом месте изображаются бойцы Красной армии, устремляющиеся в атаку на фашистов, фигуры которых помещаются на левой стороне плаката, в нижней части.

С 22 по 29 июня 1941 г. из печати также вышли плакаты Н. Долгорукова «Так было... Так будет!», «Сметем с лица земли фашистских варваров», Кукрыниксов «Наполеон потерпел поражение, то же будет и с зазнавшимся Гитлером», А. Кокорекина «Смерть фашистской гадине!». Найдена удачная эмблематическая характеристика фашизма. Враг показан в виде мерзкого гада в форме свастики, которого пронзает штыком воин Красной Армии. Эта работа выполнена своеобразным художественным приемом без фона с использованием только черного и красного цветов. Фигура воина представляет красный плоский силуэт. Такой прием, безусловно, в какой-то мере был продиктован необходимостью. Время военное, сроки сжатые. Для быстрого воспроизведения в печати палитра красок должна была быть ограниченной. Другой известный плакат А. Кокорекина «Бей фашистского гада!» – варьирует описанный выше, но нарисован он более объемно, конкретно, всего же за годы войны художник выполнил не менее 35 плакатных листов. Среди первых военных плакатов – работа Н. Долгорукова «Врагу не будет пощады!». Это плакат из тех, где изображение человека играет подчиненную роль. Здесь важ-

ны правильный отбор деталей, остроумие сюжета, динамика движения, цветовое решение. Накануне Великой Отечественной войны художник-постановщик киностудии «Мосфильм» В. Иванов создал плакатный лист, посвященный Красной Армии. На нем были изображены поднявшиеся в атаку бойцы, наступающие танки, проносящиеся по небу самолеты. Над всем этим могучим целеустремленным движением развевалось Красное Знамя. Судьба этого последнего предвоенного плаката получила необычное продолжение. Плакат «догнал» автора на пути к фронту. На одной из железнодорожных станций В. Иванов увидел свой рисунок, но текст на нем был уже другим: «За Родину, За Честь, За Свободу!».

Спустя неделю после начала войны появился один из самых известных плакатов военных лет – «Родина Мать зовет» (И. Тоидзе). Он был издан миллионными тиражами на всех языках народов СССР. Художник талантливо представил исполненный романтики обобщенный образ Отчизны. Основная сила воздействия этого плаката заключена в психологическом содержании самого образа – в выражении взволнованного лица простой русской женщины, в ее призывающем жесте. В первые месяцы войны сюжеты героических плакатов были насыщены сценами атак и единоборства советского воина с фашистом, причем основное внимание, как правило, обращалось на передачу движения яростного устремления на врага. Таковы плакаты: «Вперед за нашу победу» С. Бондарева, «Наше дело правое. Враг будет разбит!» Р. Гершаника, «Фашисты не пройдут!» Д. Шмаринова, «Вперед, Буденовцы!» А. Полянского, «Стальной лавиной раздавим врага» В. Одинцова, «Руби ГАДОВ!» М. Авилова, «Покажем презренным фашистским убийцам, как драться умеет советский моряк!» А. Кокорекина. Многофигурность композиции этих плакатов должна была подчеркнуть мысль о всенародном характере сопротивления врагу. Остановить нашествие любой ценой призывал плакат А. Кокоша «Боец, оказавшийся в окружении. Борись до последней капли крови!».

Художники-плакатисты не оставили без внимания и тему партизанского движения. К числу наиболее известных плакатов относятся: «Партизаны! Бейте врага без пощады!» В. Корецкого и В. Гицевич, «От народной мести не уйти врагу!» И. Рабичева, «Разжигайте партизанскую войну в фашистском тылу!» А. Кокорекина. Удачным опытом глубокого психологического решения патриотической темы

в плакате явилась работа В. Корецкого «Будь героем!», «Народ и Армия непобедимы!», «Вставайте в ряды фронтовых подруг. Дружинница бойцу помощник и друг!».

С первых дней войны и в Костроме были созданы группы художников, которым поручалось оформить наглядную агитацию на мобилизационных пунктах, вокзале и объектах подготовки бойцов всеобщего военного обучения.

23 июня художник А. И. Рябиков принес в редакцию газеты «Северная правда» плакат «Фашизм не пройдет!». На нашу Родину, обозначенную на карте красным цветом, ступает огромный черный сапог с фашистской свастикой. Десятки красных штыков пронзили его толстую подошву. Рисунок проникнут мыслью: мы, советские люди, не позволим топтать гитлеровцам нашу светлую землю! В первом плакате у мастера-станковиста еще не хватало опыта художественной графики. Но этот рисунок во многом перекликался с известным плакатом Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага», опубликованным в первые дни войны в газете «Правда»²⁹.

С первых месяцев войны сюжеты героических плакатов были насыщены сценами атак и единоборства советского воина с фашистом, причем основное внимание, как правило, обращалось на передачу движения яростного устремления на врага.

Суровые испытания выпали на долю защитников Москвы осенью 1941 г., когда враг вплотную приблизился к столице. В эти дни был создан графический лист, ставший бесспорным шедевром, – плакат Н. Жукова и В. Климашина «Отстоим Москву!». Авторы пошли по пути художественного обобщения и придали воину черты народного героя, находящегося на высочайшем эмоциональном подъеме и призывающего отстоять у врага не только столицу, но и свободу всей страны.

Сатирический плакат во время войны был очень популярен. Он соединил в себе традиции плаката гражданской войны с достижением политической газетно-журнальной карикатуры 30-х гг. Художники умело использовали язык метафоры, сатирические иносказания, плоскость белого листа, на котором четко вырисовывался силуэт фигур и хорошо читался лозунг. Популярны были сюжеты противостояния сил: злой агрессивной и справедливой защищающейся. Сре-

---

²⁹ Бузин А.И. Костромские художники-ветераны войны и труда. Кострома, 1995. С. 6.

ди плакатов этого жанра можно отметить следующие: Кукрыниксы «Людоед-вегетарианец, или две стороны одной медали», «Не так страшен черт, как его малюют»; Б. Ефимов, Н. Долгоруков «Выступали – веселились, отступали – прослезились» и др.

В годы войны отчеканился художественный стиль советского плакатного искусства. Наш плакат всегда был лаконичным и выразительным. Лучшие плакаты отличались четкостью силуэта центральной группы, применяемые цвета были яркие и в своем сочетании усиливали выразительность изображения.

В двадцатом веке политическому плакату нигде в мире не придавалось такого большого значения, как в СССР. Плакат требовала ситуация: революция, гражданская война, колоссальное строительство, война против фашизма. Власть ставила перед народом великие задачи. Необходимость непосредственной и быстрой коммуникации – все это послужило основой для развития советского плаката. Он обращался к миллионам, часто решая с ними проблемы жизни и смерти.

В годы Великой Отечественной войны ощущался высокий национальный подъем, единство народов СССР. Во всех отраслях экономики и культуры, а также военной промышленности были достигнуты высокие результаты, общество мобилизовалось и работало для победы.

Плакат в годы Великой Отечественной войны добился больших успехов. Этот период по масштабам сделанного сопоставим с развитием плакатного искусства времен Октябрьской революции и гражданской войны, но создано плакатных листов было в сотни раз больше, многие плакаты стали классикой советского искусства. По своему духу, по способности мобильного отклика на события дня плакат оказался одним из самых эффективных средств для выражения чувств всего населения, для призыва к действию, к защите родины, для оповещения срочных новостей фронта и тыла. Наиболее важную информацию необходимо было передать при помощи самых простых и действенных средств и при этом в короткие сроки.

У каждого периода войны были свои задачи, все они требовали безотлагательного решения. Плакат служил средством передачи информации в те районы, в которых не было линий связи, которые были оккупированы, но где действовали советские партизаны. Плакаты приобрели необычайную популярность. Их содержание пересказывалось из уст в уста, оставалось народной молвой.

Советский плакат шагал в ногу со временем. Он создавал образы наших предков, совершающих трудовые подвиги, разоблачал поджигателей войны и сражался за мир во всем мире.

Плакаты военного времени являются не только оригинальными художественными произведениями, но и подлинно историческими документами.

Варфоломеева М.И.

Политика оккупационного режима на примере Ивнянского и Прохоровского районов Курской области

История Великой Отечественной войны остается одной из главных тем военно-исторической науки в России. Ее задачей является не только фундаментальная разработка проблем минувшей войны, но и их популярное изложение, доступное широким слоям населения, в первую очередь, молодежи, что позволяет эффективно содействовать формированию исторической памяти, предотвращать фальсификации истории Великой Отечественной войны, отстаивать национальные интересы Российской Федерации. В нашей стране накоплен огромный опыт по изучению событий военных лет, в том числе и касающихся проблем оккупационного режима на советской территории. Ставшие доступными в последние годы архивные материалы позволяют по-новому взглянуть на различные события периода Великой Отечественной войны и в частности на политику немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях. Оккупация как режим чрезвычайной власти отразила наиболее существенные проблемы войны, ее цели и характер. Освещение темы оккупационного режима на советской территории необходимо для реконструкции полной картины истории Великой Отечественной войны. Режим, установленный на территории СССР, которая была временно занята войсками фашистской Германии и ее сателлитов в ходе Великой Отечественной войны, отличался исключительной жестокостью и зверствами по отношению к населению – массовыми репрессиями и уничтожением граждан, разрушением и разграблением народного хозяйства, культурных ценностей.

Официальные документы, подготовленные гитлеровской кликой еще до нападения на СССР и хранившиеся до поры и времени в глубочайшей тайне, а затем переданные во все армии как руководство к действию, свидетельствуют о намерениях фашистов: истребить физически десятки миллионов белорусов, украинцев, русских и советских людей иных национальностей; после ликвидации Советского государства оставить на гигантских просторах нашей Родины только такое количество населения, которое потребовалось бы фашистским колонистам в качестве рабов.

Повседневность и регулярность зверств немецких оккупантов обосновывалась для них теми идеологическими установками, которые являлись для немецких солдат руководством к действию. В «Памятке немецкому солдату» говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивая всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навек».

Известно, что значительная часть людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне – это потери гражданского населения, мирных граждан – тех, кто оказался на оккупированной территории, превращенной в гигантский лагерь смерти. Люди гибли от налетов, авиации, от каторжного труда, репрессий, болезней и голода. Эти потери являлись следствием политики уничтожения советских граждан, проводимой гитлеровским руководством. Все это коснулось и двух районов Курской области – Ивнянского и Прохоровского, которые были оккупированы с конца 1941 г., а летом 1943 г. именно на их территории развернулось одно из величайших сражений Великой Отечественной войны – Курская битва.

Повсеместным явлением было преследование и репрессии со стороны германского командования советских партийных работников и государственных служащих. Так, в Ивнянском районе после долгих пыток были повешены председатель райисполкома Н.В. Башмаков и уполномоченный наркомата заготовок Наумов. Жесточайшим пыткам и казни был подвергнут председатель Новеньковского сельсовета Ивнянского района.

Не только партийные и советские работники, но простые жители оккупированных территорий могли ежесекундно стать жертвой оккупантов. Поводов для этого гитлеровцы находили множество: от подозрения в содействии партизанам и неповиновении германским властям до сбора колосьев хлеба на полях и невыход на работу. При этом каратели не взирали на пол и возраст своих жертв. Приведем несколько примеров. Воспоминания жительницы с. Ивня Курской области (ныне п. Ивня Белгородской области) Потрненко Е.Г.: «В январе 1941 немцы ворвались в Ивню. 13-летнюю девочку Зиборова и ее брата немцы расстреляли в избе. Отец и сын Ерохины были казнены за сочувствие партизанам, а также рабочие Совхоза за отказ работать. Немцы ходили по дворам, хатам, забирали хлеб, лучшую одежду, обувь. Лес Красенький был местом казни. Жители не имели хлеба, питались бурачными семенами, колосками, картошкой. Мой муж был партизаном, ушел в лес, а мы с детьми остались в селе. Меня несколько раз водили на допрос к коменданту в дом кулака Иванова, били. Однажды муж пришел на задание, после решил переночевать дома. Его выдал предатель Логвинов, и на следующее утро немцы окружили дом, ворвались в хату, в сених они сбили меня с ног, мужа стали избивать, а детей выкинули через окно в снег, они там лежали, как слепые котята, меня к ним не пускали... Даже огромная лужа крови не остановила фашистов, они продолжали избивать мужа, после чего они облили его водой, вывели на улицу. Хату спалили. На следующий день мужа казнили, шесть дней его тело висело на площади, немцы не разрешали его снимать. Староста немцев гонял меня на работу. Босая, в тридцатиградусный мороз я месила глину, мазала сараи. Если плохо работала, меня били, таскали за волосы...». В селе Кочетовка Ивнянского района «... немцы за одну ночь сбрасывали бомбы на хаты, громили, жгли, убивали, издевались над девушками и женщинами, в результате чего сгорело 240 хат, 14 человек было расстреляно. Люди выбегали из хат, хотели спрятаться в щелях, немцы их расстреливали – так убили двух братьев 10 и 12 лет...».

Следует отметить, что методы устрашения, карательные акции, ограбления и насилия над мирным гражданским населением, практикуемые оккупационными властями, применялись в основном в тех районах, где широко было распространено партизанское движение.

В эту зону входила и исследуемая территория. Так, по воспоминаниям Н. Ореховой из с. Сафоновка Ивнянского района Курской области (ныне – Белгородская область), «... в страхе и неволе мы прожили под немецким игом. Каждый день приносил новое горе: не было семьи, у которой бы не было несчастья: то расстреляли колхозника, то убили женщину за неподчинение немецким властям. Подчиняться никто не хотел, на работу к немцам не шли, скрывались куда-нибудь. Жену дяди, а потом и самого дядю А. Долгинцева расстреляли как старшего партизан. Забрали корову, птицу, хлеб. А потом и меня посадили в подвал, пытали, чтобы я выдала партизан на селе. Ненависть и злоба моя к фашистам была велика – я плюнула в рожу немецкому офицеру, назвала его паразитом, меня высекли розгами, стали опять пытаться, приговорили к расстрелу, а пока опять посадили в подвал, где я просидела голодная почти две недели, мне чудом удалось освободиться...». Другое архивное свидетельство жительницы х. Студенек Ивнянского района Курской области Плоких Н.П., помогавшей партизанам: «... ее дом – место, где встречались партизаны, свозились продовольствие и снаряжение. Она пекла хлеб, варила и относила пищу партизанам. Ходила в разведку и приносила ценную информацию партизанам, которые скрывались в ближайших лесах. Ее внук Боря караулил дом, пока бабушка была с партизанами внутри. Однажды он увидел немецкие подводы, предупредил бабушку, партизаны залегли около дороги, началась перестрелка, в ходе которой было убито шесть немцев. Наталье Петровне пришлось скрываться, но ее выдали. Немцы повели ее пешком в соседнюю деревню, выломали руки, отрубили пальцы, начали стрелять... Двенадцать выстрелов по очереди, после каждого выстрела фашисты поднимали ее и заставляли говорить, где невестка и внук. Она молчала. После казни фашисты долго не разрешали хоронить партизанку...».

Однако, и в районах, где партизан почти не было, также осуществлялись расправы над советскими гражданами. Т.е. режим террора и ограбления, установленный гитлеровским командованием, не был чем-то необычным, а представлял собой явление повседневное, касающееся большинства жителей оккупированных территорий.

Гитлеровцы пытались превратить советских граждан в немецких рабов. Часть людей была насильно отправлена на каторжные работы в Германию, оставшиеся в оккупированных должны были

работать на «новую власть». Малейшее нарушение режима оккупационных властей – опоздание, невыход на работу или «несвоевременный» уход с работы – влекло за собой расстрел и виселицу³⁰. Так, в Ивнянском районе на сахарном заводе им. Карла Либкнехта за самовольный уход с работы немцы подвесили к столбу на 7 часов 16-летних подростков – Дичанского Геннадия и Рыжкова Михаила³¹. Количество уведённых в плен, погибших и замученных от рук гитлеровцев в Прохоровском районе Курской области, по архивным данным, составляет 548 человек (в основном – женщины и подростки), из которых уведено на каторжные работы – 246 человек, убито во время бомбежек и репрессий – 237³². Самым ужасающим фактом фашистских зверств на территории Прохоровского района является сожжение заживо в здании Гусь-Погореловской школы 460 (!) русских военнопленных.

Ключевой принцип экономической политики на советских территориях излагался в «Зеленой папке» следующим образом: «Совершенно неуместна точка зрения, будто оккупированные области должны быть как можно скорее приведены в порядок, а экономика их — восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть дифференцированным. Развитие хозяйства и поддержание порядка следует проводить только в тех областях, где мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти. А в остальных частях страны, которые не могут прокормить себя сами... экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов».

Планировалось при помощи дешевой себестоимости продукции, при сохранении низкого жизненного уровня местного населения, достичь наиболее высокого выпуска продукции для снабжения Рейха и других европейских стран. Таким путем, наряду с возможно более широким покрытием европейских потребностей в продовольствии и сырье, будут одновременно открыты источники прибылей для Рейха, которые позволят в течение нескольких десятилетий покрыть суще-

---

³⁰ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Т. 1. Курск, 1960. С. 128.

³¹ КОПА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. Л. 85; ГАБО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

³² ГАБО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 29. Л. 68.

ственную часть расходов, сделанных при финансировании войны, щадя при этом как можно больше немецких налогоплательщиков.

Для этого предлагались следующие меры: ликвидация обрабатывающей промышленности и превращение страны в сырьевой придаток; искусственное сдерживание уровня зарплаты; недопущение повышения жизненного уровня населения. Деятельность местных учреждений была направлена на исполнение приказов и распоряжений немецкого командования, осуществление политики и планов Гитлера в отношении оккупированного населения.

Для обеспечения армии продовольствием оккупанты создали «новый порядок землепользования», в соответствии с которым колхозы были ликвидированы, вместо совхозов образованы «госхозы» — государственные хозяйства немецкой власти. Так, на территории Прохоровского района «населению земля наделялась из расчета 1 га на двоих, советские передовики, колхозные активисты наделов лишались. Полицаям, активно боровшимися с партизанами, давалась усадьба в 3 га, а земельный участок — 5–10 га, в совхозы Прохоровского района были присланы немецкие фермеры. Землю немецкие активисты получали на выбор. Порядок землепользования был индивидуальный». Населению предписывалось беспрекословно выполнять установленные немцами грабительские нормы поставок мяса, молока, зерна и фуража и т.п. для германской армии. Немецкие солдаты грабили и уничтожали государственное и общественное имущество, выгоняли мирных жителей из их домов. Люди были вынуждены проживать в непригодных помещениях, землянках, у них отбирали теплые вещи, продукты, скот. «Налоговая политика при оккупационных властях была следующая: 600 литров молока с 1 коровы, 30 шт. яиц с каждой курицы, мясо — за счет коров советского актива, а с 1943 г. — с каждого хозяйства — до 80 кг. Денежный налог — 30 руб. С имеющейся лошади хозяйствам — налог 500 руб., за убитый скот граждане штрафовались старшиной и полицией в сумме немецких 500 руб., при повторном убое скота — от 10000 до 20000 руб. Хлебом население облагалось от 100 до 200 кг на душу. Немецкими властями во время оккупации проведена следующая работа: полное уничтожение колхозного строя, строительство индивидуальных хозяйств».

Таким образом, создавалась иллюзия существования «нового государства» со своей налоговой политикой, органами местного

самоуправления, новым землепользованием. Это свидетельствует о том, что оккупационные власти стремились закрепиться на захваченной территории с целью максимального использования людских, продовольственных и иных ресурсов.

Немаловажным аспектом повседневной жизни крестьянства на оккупированных врагом территориях являлась деятельность полиции. Полиция в сельской местности формировалась из местных жителей и подчинялась волостному начальнику полиции. Сотрудничество советских граждан с оккупантами развивалось в различных формах: военной, политической, хозяйственной, административной. Местное население работало полицаями, старостами, секретарями в различных немецких управах, сторожами и др. Причины, толкнувшие их на этот шаг, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. Кроме того, немцы активно вели пропагандистскую работу среди оккупированного сельского населения. В прокламациях и газетах утверждалось, что немцы выступают не против русского народа, а против большевистской власти, колхозного строя, за единоличное хозяйство и освобождение от налогов. В некоторых случаях такая живая пропаганда давала свои результаты и склоняла к сотрудничеству с оккупантами некоторых представителей крестьянства из числа репрессированных кулаков, тех, кто надеялся получить все то, что обещали немцы.

Известно, что частью оккупационной политики являлось истребление евреев. Так, на территории Ивнянского района известны случаи преследования и уничтожения еврейского населения. По воспоминаниям жительницы х. Круглик Ивнянского района М. Садковой: «... в здании сельской школы прятались евреи – беженцы из Харькова. Как ни таились – все же кто-то донес на них, и в село приехали фашисты, в нашей деревне их не было. В тот день была страшная вьюга, но, несмотря на непогоду, евреев полураздетых повели на местное кладбище. Согнали и всех жителей села посмотреть на расстрел. Приговоренных евреев было семь человек: четыре женщины и трое детей... После казни фашисты разъехались, староста велел расходиться по домам. В ту же ночь в хатку, стоявшую недалеко от кладбища, постучалась чудом уцелевшая еврейка Вера. Староста переправил ее в телеге с соломой к дальним родственникам. Так Вере

удалось выжить...». Из воспоминания жительницы Ивни Барановой П.А «Несколько семей евреев прибыли в Ивню, следуя за отступавшими действующими войсками. Измученные и голодные, попав в окружение, евреи поселились в недостроенном здании – Доме крестьянина. Фашисты всюду хозяйничали в Ивне. Запугивая жителей, строили виселицы на базарной площади. Узнав, что среди русских есть евреи – 37 человек, они, собрав их всех вместе, повели на расстрел в лес за старой больницей, где евреи были расстреляны, а их тела скинуты в обрыв. Но двум девушкам – Соне Левиной и Лиде Гуревич – чудом удалось выжить. Они под покровом ночи стучали в ближайшие дома, но никто им не открывал. Девушки постучали ко мне, я их впустила, а своим дочкам-подросткам я строго-настроено приказала молчать об этом. На следующий день немцы, не досчитавшись 2 трупов евреев, устроили облаву, рыская по дорогам. Уходя на работу, замыкала их на замок и приказывала молчать, не привлекать к себе внимания. Так девушки жили неделю, а потом ушли к родственникам в другое село по безопасному пути».

Масштабы разрушений и уничтожения жителей оккупированных территорий Курской области были значительны. Анализируя оккупационный режим на примере Ивнянского и Прохоровского районов, видно, что практически не было села или деревни, где бы от рук оккупантов не погиб кто-либо из мирных жителей. Со зверскими убийствами, насилием, грабежами и поджогами со стороны гитлеровцев мирному населению приходилось сталкиваться в течение всего периода немецкой оккупации. Так, после освобождения 11 сельсоветов Ивнянского района немцами было сожжено 79,4% жилого фонда этих сельсоветов, а жертвами репрессий, издевательств и угона в плен стало 418 человек. В Прохоровском районе эта цифра составляет 548 человек. Практически, грабежи и насилия во время оккупации стали явлением повседневным. На зверства немцев население отвечало ненавистью, саботажем, вступлением в партизанские отряды, которые формировались в каждом районе.

Фашистам не удалось подчинить население оккупированных территорий своей воле, превратить их в бессловесных рабов.

Волкова Е.Ю.

Историческая память – гарантия безопасности страны

Великую Победу одержал советский народ в 1945 г. Чем дальше уходят от нас героические и трагические события Великой Отечественной войны, тем ярче, рельефнее высветливается подвиг советских людей, о чем все больше пишут не только отечественные, но и зарубежные историки³³. В частности, Р. Овери подчеркивает: «Стоимость войны для России просто затмевает страдания других стран. Не может быть спора о том, что советское население перенесло такие страдания, которые просто не совместимы с потерями союзников СССР»³⁴.

Действительно, основная масса простых людей на Западе искренне встречала советских воинов как освободителей от фашизма. В конце войны и сразу после нее советские делегации были самыми желанными гостями различных национальных конгрессов в странах Европы. Известен такой эпизод: 17 июня 1945 г. делегация советских женщин опоздала на женский конгресс в Югославии, но, когда она вошла в зал, все 1300 делегатов от Югославии, Болгарии, Венгрии, Албании, Италии во главе с И.Б. Тито встали, чтобы поприветствовать ее. 29 июня наша делегация присутствовала на специально организованном в честь нее приеме правительства Хорватии. Один из членов правительства, крестьянин преклонного возраста, сказал тост: «Я никогда не хожу на банкеты, но как узнал, что приехали советские женщины, не мог не пойти... Мы благодарны Советскому Союзу, его Красной Армии за освобождение. Сколько мы ждали наших русских братьев, и сегодня русские сестры с нами!». И старик заплакал от радости.

Однако, к сожалению, за 65 послевоенных лет продолжают появляться различные трактовки, казалось бы, уже известных событий войны. Радует, что 15 мая 2009 года Президент Российской Федерации Д.А.Медведев издал Указ «О комиссии при Президенте РФ

---

³³ См.: Craig W. Enemy at the Gates. The Battle for Stalingrad. London, 2000; Clark A. Barbarossa. The Russian–German Conflict 1941–1945. London, 1995 etc.

³⁴ Overy R. Russia's War. London, 1998. P. 287.

по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Фактически здесь речь идет о безопасности страны. Очень важный и нужный Указ. Одна проблема: как узнать, где настоящая, объективная правда. Вот, например, в 2000 году вышла энциклопедия для школьников «Великая Отечественная война»³⁵. Из 447 страниц энциклопедии статья «Тыл – фронту» занимает лишь с. 133–136, где приводятся правдивые цифры, факты, но это совершенно необъективная правда. Получается, что с раннего возраста ребенок на сознательном или подсознательном уровне будет считать, что тыл в Великой Отечественной войне практически не играл никакой роли, поскольку и писать-то о нем нечего. Но всем хорошо известно, что, какой бы ни был храбрый солдат или маршал, голый он не сможет победить даже слабого врага. Все для него дает тыл: обмундирование, оружие, питание, а главное – моральную поддержку, т.е. фактически смысл, за что он идет сознательно на смерть. Например, наказ трудящихся Челябинской области бойцам, командирам и политработникам особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени Сталина подписали 1 млн. 257 тыс. Это, по сути, крик души женщин и стариков, оставшихся в тылу. Они пишут: «Идите в святую битву, товарищи! И на непроницаемой уральской стальной броне, в жерлах пушек и пулеметов несите проклятому немцу нашу лютую ненависть... И пусть ваше сердце не знает покоя, и пусть ваша рука не знает усталости, пока хоть один захватчик стоит своей поганой ногой на нашей советской земле... Пусть в ваших сердцах не будет жалости к палачам. Они залили кровью нашу землю. Они обездолили миллионы матерей и жен. Они пьют кровь наших детей. Они принесли смерть и страшные муки советским людям. Не люди гитлеровцы – дикие звери... Мы благословляем вас всей нашей горячей любовью к нашей Родине!»³⁶.

Каждый солдат и офицер знал, за что он воюет. Когда началась война, моей маме было 6 лет. Она вместе со своей матерью, женой начальника санитарной службы 57-й армии была эвакуирована в с. Верхние Ключи Катайского района Курганской области. 6-летняя девочка связала маленький голубой шарфик, а ее мать, написав письмо

³⁵ Великая Отечественная война: 1941–1945: энциклопедия для школьников / сост. И.А. Дамаскин, П.А. Кошель. М., 2000.

³⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 195. Л. 40.

мужу на фронт, вложила в него и этот шарфик, обратившись к цензору: «Уважаемый цензор, не изымайте, пожалуйста, этот шарфик. Его связала дочка для отца». В итоге мой дед всю войну носил этот шарфик в нагрудном кармане. Он знал, за что терпит лишения, выживает после ранений. И таких эпизодов можно привести тысячи.

Но подобные факты в статистику не вставишь. Так где же правда? А правда – это комплексный анализ происходившего, сбор информации у тысяч людей и из тысяч архивных документов. Только тогда мы получим объективную правду и выполним Указ Президента. И тогда не будет выводов, подобных тем, что в книге Е.С.Сенявской «Психология войны в XX веке», где она выделяет только три категории женщин, исходя из причин их участия в боевых действиях: «первой руководят факторы духовного порядка – патриотизм, романтизм, определенные идеалы», вторая – «феномен мамыши Кураж» и третья – «явная психологическая патология». Не появится, например, статей М.А.Вылцана с названием «Крестьянство в годы большой войны. Пиррова Победа» или Б.В.Соколова «Победа, что была страшнее многих поражений»³⁷ и др.

К сожалению, 9 мая война для нас не закончилась. Мы одержали победу в последней попытке Запада захватить нашу страну в открытой горячей войне. Проиграв ее, Запад начал, а вернее продолжил, более изощренную холодную, или информационную войну. В ней определить, где враг, намного сложнее, но цель у нее та же – уничтожить наше государство и население. В директиве ЦРУ США (известная как доктрина Алена Даллеса – директора ЦРУ, 1945 г.) и директиве 20/1 Совета национальной безопасности США «Цели США в отношении России» 1948 года нам по существу была объявлена невидимая война. Позднее положение этих директив были детализированы в материалах так называемого «Гарвардского проекта». Некоторые из методов осуществления информационной войны красноречиво раскрываются в этих документах. Среди них дезинформация, дезориентация, ложь, клевета, подкуп, запугивание,

---

³⁷ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С.160–171; Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны. 1941–1945. Пиррова Победа. М., 1995; Соколов Б.В. Победа, что была страшнее многих поражений // Знание – сила. 2000. №5/6. С.13–25.

развращение, пропаганда фальшивых ценностей и аморальности, утрата национально-культурных корней, забвение основополагающих интересов и целей народа и страны, побуждение к принятию ложных выводов и подмене целей.

О существовании таких планов свидетельствуют откровенные признания их исполнителей как в США, так и в Европе, сделанных ими в конце 90-х годов прошлого века. Например, Государственного секретаря США Дж. Бейкера: «Мы истратили триллионы долларов за 40 лет, чтобы оформить победу в холодной войне против России». Или директора Центра политики и безопасности Ф. Гафнея: «Победа США в холодной войне была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегией США, направленной на сокрушение Советского Союза». Или премьер-министра Великобритании Дж. Мейджера: «... задача России после проигрыша холодной войны – обеспечить ресурсами благополучие страны. Но для этого им нужно всего 50–60 млн. человек».

Но это ложь, что мы проиграли холодную войну. Мы проиграли лишь одно из сражений в ней. Одной из наиболее страшных по своим последствиям особенностей информационной войны является то, что ее проведение осуществляется зачастую незаметно для большинства народа, у которого отсутствует конкретное понимание того, как именно ведется эта война, кем ведется и каким оружием.

В развязанной против нашей страны информационной войне основной упор делается на дезинформацию противника. Например, известно, что в год в России погибает от последствий алкоголя 700 тысяч и от последствий курения – 300 тысяч человек. Несмотря на убеждения наших врагов о существующих якобы безвредных дозах алкоголя, мы приходим к важному выводу, что таковых нет в принципе. Восстановление обратимых последствий от применения бутылочки пива (500 г), праздничного фужера шампанского (200–250 г), водки (100 г) может наступить при благоприятных обстоятельствах в течение 2–3 лет!

Современному поколению России предстоит повторить подвиг поколения победителей и одержать еще одну победу. Каждому из россиян должно быть понятно, что поставлено на карту в начале третьего тысячелетия. Верная стратегия борьбы должна опираться на глубокое понимание истории, на точное определение места России в мире, на детальный анализ причин нашего нынешнего неурядиства.

Исследования показывают, что историческая память населения России и особенно молодежи о Великой Отечественной войне становится все более безликой. В мае 2009 г. опросили 94 москвича в возрасте от 16 до 25 лет. Из них лишь 38 человек смогли назвать точную дату начала Великой Отечественной войны. О подвиге А. Матросова помнили лишь 29. Всего 18 человек смогли назвать продолжительность блокады Ленинграда и первое стратегическое контрнаступление Красной Армии под Москвой. Многие признавались, что Г.К.Жуков – это единственный маршал, о котором они когда-либо слышали. В сентябре 2009 г. мы на своей кафедре отечественной истории провели опрос только что поступивших в наш университет студентов 1-го курса. К нашей радости, все-таки многие знают годы Великой Отечественной войны, но были и такие варианты: август или сентябрь 1941–1945, 1940–1945, 1942–1945, июнь 1939–1945 и даже 1914–1927, 1812–1845 или просто 20-й век. Это – крайне нехороший симптом.

Основы исторической памяти закладываются в учебных заведениях, где учащиеся и студенческая молодежь должны получать систематизированные знания по отечественной истории в целом и истории Великой Отечественной войны в частности. По значимости в качестве источника знаний представители разных поколений ставят учебные заведения на первое место. В начале XXI века, к сожалению, нельзя утверждать, что система образования дает необходимый минимум знаний по истории войны. Одной из главных причин этого является сокращение времени, которое уделяется истории в школе и в вузе. А почти 90% опрошенных представителей трех поколений россиян самыми распространенными источниками знаний о войне назвали художественные фильмы и информационные программы телевидения, содержание которых, мягко говоря, желает лучшего.

Поэтому важно, чтобы историческое образование давало объективные знания, а не мифы и фальсификации. На это должны работать учебные программы, преподаватели, широкая постановка внеклассной и внеаудиторной работы, учебники и учебная литература по истории. В целом нужна разумная, объективная, отражающая национально-государственные интересы программа преподавания исторических дисциплин для разных уровней обучения, включая вузовское образование, поскольку уважение к собственной стране,

ее истории без всякого преувеличения относится к важнейшим составляющим национальной безопасности.

У себя в вузе мы стараемся восполнить этот пробел, проводя большую воспитательную работу со студентами. Они участвуют в клубе «Поиск», работают в архивах, музеях, выступают на конференциях.

К 65-летию мною опубликована с помощью нашего университета (к сожалению, обращение к администрации, политическим партиям за материальной помощью не дало результата) книга «Маленькие участники большой войны»³⁸. В ней проанализированы воспоминания более 100 ветеранов, чье детство выпало на годы войны. Воспоминания собраны автором, поскольку войной занимаюсь 30 лет, но что более важно – 70 студентами нашего университета. В итоге прежде всего для молодежи эта книга имеет познавательное, воспитательное и патриотическое значение.

К сожалению, взрослых участников остается крайне мало, а день 9 мая – единственный на сегодня общегосударственный праздник, который объединяет все слои населения. Несмотря на колебания в официальной политике власти в 90-е годы и разнообразные попытки пересмотреть историю Великой Победы, все-таки большинство россиян интересуются историей Великой Отечественной войны и гордятся этим событием. Поэтому я предлагаю объединить наши усилия и собрать воспоминания маленьких участников Великой Отечественной войны. У нас осталось совсем немного времени. Ведь тому, кто родился в 1941 г., сегодня уже практически 70 лет. Пройдет совсем немного времени, и не останется в живых ни одного участника Великой Отечественной войны.

Пусть же всегда 9 мая будет для нас священным днем, днем, овеянным не только славой русского оружия, но и высоким моральным духом народа, силой веры в святыни Отечества. Этот праздник – дань памяти всем погибшим, напоминание ныне живущим о том, что мы должны доделать их дела, дожить их жизни. Этот праздник – священный символ единства нашего народа без различия национальностей, веры, политических убеждений. Без ее жертв не было бы современного мира с его идеалами свободы и демократии.

---

³⁸ Волкова Е.Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Кострома, 2010.

Галимуллина Н.М.

Основные формы пропагандистского воздействия на гражданское население ТАССР в 1941–1945 гг.

Только единство фронта и тыла, общая борьба с врагом и вера в победу могли спасти государство в той жесточайшей схватке с Германией и ее сателлитами. Это объясняет важность роли, отводимой пропаганде в тылу – люди должны были знать, что, как и во имя чего должны делать. Разъяснением всех этих вопросов занимались пропагандисты на местах, в этих целях работали деятели культуры, искусства, науки, система СМИ и т.д.

Говоря об особенностях пропаганды в тылу, нельзя не остановиться на изменении системы СМИ в годы войны. ЦК ВКП(б) публикует письмо, в котором указаны следующие задачи прессы: «...воспитывать в трудящихся ненависть к немецко-фашистским мерзавцам, посягающим на жизнь и свободу нашей Родины, вдохновлять наш народ на Великую Отечественную освободительную войну, мобилизовать трудящихся на выполнение конкретных задач в деле активной поддержки фронта»³⁹. Учитывая популярность и доступность районных газет у сельского населения, их редакции обязывались экономить газетную площадь, добиваться более плотной верстки, больше помещать публикаций о помощи трудящихся фронту, рассказывать читателям о подвигах своих земляков в боях с немецко-фашистскими захватчиками, печатать письма бойцов и командиров своим родным и письма родных воинам армии и флота⁴⁰. В письме Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 3 марта 1942 г. «О работе районных газет» были конкретные указания в каждом номере газеты иметь передовую статью, основанную на местном материале, отводить основную газетную площадь освещению военных действий, сообщать о помощи фронту, показывать вдохновляющую роль партии... С начала войны на страницах

---

³⁹ Лымарев А.Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 60.

⁴⁰ Волковский Н.Л. История информационных войн. Ч. 2. Спб., 2003. С. 366.

республиканских газет появились новые рубрики: «Все для фронта, все для защиты Отечества», «Каждый рабочий, колхозник, ученый, служащий – боец Великой Отечественной войны», «Бои трудовые на каждом шагу, труды боевые – удар по врагу», «Работать быстро, по-военному», «Обучение граждан военному делу», «Сообщения Совинформбюро» и др.⁴¹ Автор диссертационного исследования по проблематике функционирования прессы Южного Урала в годы войны А.Н. Лымарев делает вывод, что основными задачами газет в годы войны были⁴²: 1. Проведение мобилизационных кампаний (отчеты с митингов, письма добровольцев); 2. сплочение и мобилизация сил для достижения победы (включая тыл); 3. пропаганда идей советского патриотизма; 4. нейтрализация конкурирующей идеологии; 5. повышение бдительности. О прессе ТАССР можно сделать схожий вывод: значительное место отводилось материалам о ходе военных действий, включая официальные сообщения ТАСС и Совинформбюро, о международном положении, о положении населения на временно оккупированных территориях с привлечением документальных свидетельств, о создании фонда обороны, о заботе о семьях фронтовиков, о трудоустройстве иждивенцев войны, сборе теплой одежды для бойцов Красной Армии, братской помощи освобожденным районам. Учитывая аграрный характер республики, весомое место на страницах газет занимали статьи на сельскохозяйственную тематику, о передаче трудового опыта⁴³. Например, на страницах газеты «Знамя Ленина» Мензелинского района за первый год войны было помещено 63 материала об агитационной работе, переписка с фронтовиками – 31, массовые партийные темы – 60, ход выполнения сельскохозяйственных работ и опыта передовиков – 930 и др.⁴⁴

В военные годы все большую распространенность приобретает радио как средство коммуникации. Широко было развито местное ра-

---

⁴¹ Хайрутдинова С.К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 40.

⁴² Лымарев А.Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 61.

⁴³ Например, в номере за 24 сентября 1942 г. целая полоса «Красной Татарии» повествует о ратных подвигах земляков.

⁴⁴ Хайрутдинова С.К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 58.

диовещание, созданное в 126 республиканских, краевых, областных центрах, более чем в 2000 районов. Например, в брошюре «Работа политико-просветительских учреждений в условиях военного времени» (Москва, 1944 г.) указывается на необходимость организации коллективных радиослушаний⁴⁵, в директивных указаниях Наркомпроса ТАССР по полит-просветительской работе отмечают: «Нужно добиться, чтобы колхозники могли систематически слушать последние известия по радио в каждой избе-читальне, колхозном клубе»⁴⁶. После этого предполагалось проводить краткие беседы. Часто на радио можно было услышать и материалы местных авторов, так, например, рассказ Ф. Карима «Волжский парень» – 2 октября 1944 г., 8 октября – стихи Бруно Зернита⁴⁷. За первый квартал 1943 г. было проведено 24 выступления у микрофона, в числе которых выступления партизан, участников боев под Сталинградом⁴⁸. На радио достаточно часто поднимались вопросы дружбы народов СССР, например, 4 апр. 1944 г. на татарском радио звучал цикл передач о казахах с исполнением национальной музыки, 6 мая внимание было уделено узбекской и азербайджанской культуре, 12 мая – башкирскому народу⁴⁹. В то же время отмечалось, что недостаточно выступлений руководителей различного уровня на татарском языке, что есть «недооценка»⁵⁰.

Особой сферой пропагандистской работы были лекционная и устная агитация докладчиков-политинформаторов, которой были охвачены практически все целевые аудитории. О состоянии лекционной пропаганды в советском тылу можно судить по материалам, хранящимся в архивах⁵¹. Газета «Правда» в 1941 г. писала: «Слово агитатора должно звучать как набатный призыв к защите Родины, к уничтожению врага». В тылу необходимо было разъяснить ключевые вопросы: каков характер войны для СССР и Германии, перспективы Советского Союза в этой войне, причины поражений на первоначальном этапе и т.д. Этим видом работы охватывались как

⁴⁵ НА РТ. Ф. Р-5892. Оп. 1. Д. 185. Л. 41.

⁴⁶ НА РТ. Ф. 3682. Оп. 1. Д. 2753. Л. 38об.

⁴⁷ НА РТ Р-4493. Оп. 1. Д. 73. Л. 14–36.

⁴⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

⁴⁹ НА РТ. Ф. Р-4493. Оп. 1. Д. 71. Л. 9–10.

⁵⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.

⁵¹ См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 131. Л. 6–8; ЦГАИПД. Ф. 15. Оп. 5. Д. 876.

жители городов и районов, так и контингент в госпиталях: Например, в госпиталях ТАССР с начала войны до октября 1941 г. было проведено 350 лекций и докладов на различные темы⁵², а за октябрь 1941 г. – 238⁵³. В госпитале № 1311 Сталинского района г. Казани лекции проводились семь раз в месяц⁵⁴. Кроме того, ежедневно проводились политинформации для больных и персонала госпиталя, с некоторыми беседовали индивидуально.

Согласно справке о состоянии партийной пропаганды, в республике на 1 мая 1943 г. – 509 лекторов и 479 докладчиков, из 2594 лекций, изложенных в 20 районах республики во втором полугодии 1942 г., 181 составляли лекции и доклады по вопросам международного положения, 919 – по вопросам текущего момента, 548 – по военно-политическим вопросам, 501 – по литературным и вопросам культуры и быта, 384 – на исторические темы, 73 – сельскохозяйственные, 58 – медицинские, 3 – естественно-научные⁵⁵. Так, во втором квартале 1943 г. в ТАССР среди тем докладов, организованных лекционным бюро, большее место занимали выступления о художественной литературе (96; 31,3%), на общественно-политические (60; 20,7%), на экономические (40; 13,8%), исторические темы (38; 13%)⁵⁶, причем примерно половина докладов была сделана в Казани, а 50% в сельских районах республики⁵⁷. Во втором полугодии 1943 г. в 54 районах республики работало 694 политкружка, 165 – в Казани и Зеленодольске⁵⁸.

Важно отметить плановость, организованность не только лекционной пропаганды, осуществляемой учеными, но и устную агитацию профессиональных и непрофессиональных агитаторов, политинформаторов, школ и т.д. Постоянно проходил обмен опытом, например, 9 марта 1943 г. состоялся семинар лекторов при управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)⁵⁹. В 1943 г. состоялось совещание лучших избачей ТАССР⁶⁰, для них проводились также

⁵² ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 122.

⁵³ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 141.

⁵⁴ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 212а. Л. 74.

⁵⁵ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 881. Л. 13.

⁵⁶ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2976. Л. 2.

⁵⁷ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2976. Л. 3.

⁵⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 881. Л. 19.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 131. Л. 44.

⁶⁰ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2975. Л. 11.

семинары о Великой Отечественной войне, где, помимо прочих, рассматривались вопросы по работе с газетой и книгой, кружковой работе, как организовать доклад, лекцию, художественную самодеятельность⁶¹. Более того проводилась оценка деятельности тех или иных агитаторов, организаций. Так сохранился такой отзыв: «что особенно ценно, это то, что парткабинет строит лекционную работу дифференцированно. Особо учитываются запросы женщин, молодежи, интеллигенции. Например, лекции специально для молодежи о произведении Н. Островского «Как закалялась сталь», лекция для интеллигенции «Писатели-фронтовики»⁶². Создавались и распространялись вспомогательные материалы, например «Материалы для докладов и бесед»⁶³. Разбирались возможные вопросы и выдвигались возможные варианты ответов на них: Например, в докладной записке от 22 августа 1942 г. «О содержании вопросов, задаваемых докладчикам по теме «Текущий момент Великой Отечественной войны», указывается на то, что Управление агитации и пропаганды приняло меры к разъяснению указанных вопросов как в устной, так и в печатной пропаганде⁶⁴, что и было сделано – см. Тезисы доклада о текущем моменте (на совещании председателей колхозов) 24 ноября 1942 г.⁶⁵ Среди недостатков этого вида коммуникационного воздействия можно назвать, основываясь на данные по республике, недостаточный учет этнического фактора. Так, за пять месяцев 1943 г. (с мая по сентябрь) в Зеленодольске было прочитано 35 лекций, из них четыре – на татарском языке⁶⁶.

Важным каналом пропагандистской коммуникации в тылу являлась графическая информация: плакаты, лозунги⁶⁷, которые привлекали внимание и из-за сжатости изложения были доступны и понят-

⁶¹ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2975. Л. 21.

⁶² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 881. Л. 5.

⁶³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–12.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 82. Л. 15.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 82. Л. 43–74.

⁶⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 881. Л. 74.

⁶⁷ Например, лозунги ЦК ВКП(б) к 25 годовщине Красной Армии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 184. Л. 29–34), среди которых «Всеобщее военное обучение граждан и гражданок СССР укрепляет нашу оборону. Советские патриоты и патриотки. Изучайте военное дело. Будьте умелыми защитниками Родины!».

ны каждому, хотя в то же время имели своего конкретного адресата. В Таткнигоиздательстве были выполнены такие лозунги-плакаты, как «Наполеон и Гитлер», «Вороны в павлиньих перьях», «Новый порядок» в Европе», «Гитлеровская виселица», «Вступайте в ряды Красного Креста», «Все силы народа на разгром врага», «Колхозники и колхозницы, вступайте в ряды Красного Креста», «Советские патриотки»⁶⁸. Если говорить о живописи как средстве пропаганды и проявлении культуры советского народа, нужно отметить такие художественные работы на военную тематику, созданные в ТАССР, как «Отомстим», «Сталинские соколы», «Разведчики» Б.М. Альменова, «Сдача теплых вещей для Красной Армии», «На зов Родины» М.М. Васильевой, «Грабь-армия», «Партизаны» И.П. Гурьева, «Проводы на фронт из аула», «Вести с фронта», «Там, где прошли немцы» Г.В. Житкова, «В дозоре», «Враг не пройдет», «По следам врага» И.Я. Максимова, «Девушки уходят на фронт» А. Топельберга, «Подарок папе на фронт» Смиренской и другие⁶⁹.

Таткнигоиздатом в I квартале 1941 г. было выпущено 20 наименований военно-оборонной литературы, для сравнения работ классиков марксизма-ленинизма – 16⁷⁰, в 1942 г. – политической и военной литературы – 311, отдельно выпускалась литература санитарно-оборонной тематики 40 названий⁷¹, в 1943 г. – 119, а на I квартал 1944 г. запланировано было издание 18 наименований изданий оборонной тематики⁷². В первый месяц войны союз писателей Татарии подготовил сборник «За Отечество» из произведений 14 авторов и сборник эстрадного репертуара (одноактных пьес). Создавалось множество литературных произведений патриотической направленности: «На границе» Г. Насыри, «За честь родной страны», «Азбука отечественной войны» Бендецкого, «Бессмертие» М. Бубенного, «Партизан Иван», «Случай в госпитале» М. Амира, «В бой за дело правое» Б. Зернита, «В атаку» К. Наджми, «Патриотка» Файзуллина⁷³ и т.д., многие из которых вошли в специальный сборник «Татарская совет-

⁶⁸ НА РТ. Ф. Р-273. Оп. 4. Д. 141. Л. 15, 35.

⁶⁹ НА РТ. Ф. Р-7064. Оп. 1. Д. 3. Л.6; НА РТ. Ф. Р-7064. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁷⁰ НА РТ. Ф. Р-273. Оп. 4. Д. 134. Л. 34.

⁷¹ НА РТ. Ф. Р-273. Оп. 4. Д. 141. Л. 2.

⁷² НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 133. Л. 42–43.

⁷³ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 149. Л. 19.

ская литература»⁷⁴. Например, в период 1941–1945 гг. были написаны произведения «Язгы тендя» («Весенней ночью»), «Разведчик» Фатыха Карима, «Ватан улы» («Сын Отечества»), «Улемнэн кочлеряк» («Сильнее смерти»), «Хайбулла солдат» Габдрахмана Абсальямова, «Рубеж» Фатыха Хосни. Часть творений писателей была направлена на разоблачение фашизма, как Зла, которое способно уничтожить Прекрасное, Творчество: «Рассам» («Художник»), Адель Кутуя, «Кышкы кичтя» («Зимним вечером»), «Дошман лагеренда» («В лагере врага») Ризы Ишмората. Особый психологизм чувствуется в работах татарских писателей «Бала» («Ребенок»), «Бер геня сагатьяк» («На один лишь только час»), «Мак чычяге» («Цветок мака»), «Ана хям кыз» («Мать и дочь»), «Ялгыз каз» («Одинокий гусь») Амирхана Еники, «Без сталинградчылар» («Мы сталинградцы») Аделя Кутуя, которые, описывая жизнь отдельных семей, людей, их переживания и потери, бьют в набат о всеобщей беде. Детская литература того периода также проникнута общей мыслью необходимости борьбы и победы над врагом несмотря ни на что («Кызыл ромашкалар» («Красные ромашки») М. Джалиль, «Дошманга каршы» («Против врагов») Абдулла Алиш).

Нельзя забывать о пропагандистской роли искусства, например, музыкального творчества. Оно призывало сражаться и побеждать. В годы Великой Отечественной войны татарские композиторы наряду с авторами других республик посвятили свои песни патриотизму народа, героике борьбы с захватчиками. Даже музыкальное искусство в тот период приобрело черты публицистичности, агитационной призывности и т.д. В начале войны создавались в основном мобилизационные песни – бодрые марши. Например, «Поход жыры» (Походная песня) М. Муззафарова (сл.: А. Исхак), «Алга» (Вперед) В. Виноградова (сл.: А. Исхак). Затем появляются повествовательные песни балладного характера, по примеру революционных «Замучен тяжелой неволей», «Вы жертвою пали» и «Баллады о Матросове» В. Соловьева-Седого. Ярким примером может послужить песня Н.Жиганова «Дустым каберендэ». (У могилы друга). Военная тематика неразрывно связана с лирикой. Лирические песни о расставании («Сугышчылар жыры» (Дж. Файзи / А. Исхак), «Сау булгыз, дуслар!») (М. Муззафаров / А. Ерикеев), «Искэ алу» (сл., муз. З. Хаби-

⁷⁴ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

буллин), «Син еракта» (Н. Жиганов / Ф. Карим), «Сугышчан егеткэ» (З. Хабибуллин / сл. народные) помогали как в тылу, так и на фронте вспомнить о покинутом, но столь дорогом, ради которого стоит бороться, чтобы разлука не стала вечной. В этот же период началось распространение танго (например, «Огонек», «Темная ночь»), т.к. «эти танцы ассоциировались с теми образами мирного быта...как воспоминание о довоенной жизни»⁷⁵. «Кетэм сине» С. Садыковой (на сл. А. Ерикеева) – образец татарского военного танго.

Изучение архивных материалов позволяет выделить одну отличительную черту в работе с людьми при использовании киноискусства. С самого начала использования кино как средства советской пропаганды партийные работники не только организовывали демонстрацию кинофильмов, но и проводили вокруг них с помощью партийного и комсомольского актива определенную работу. «В начале сеанса перед присутствующими выступал кто-то из ветеранов минувших боев. Он рассказывал об исторической обстановке сюжета, обращал внимание на различные нюансы в кинофильме и т.д.»⁷⁶. В годы войны также старались придерживаться этого порядка. После просмотра фильма организовывалось обсуждение содержания картины (оно помогало правильному восприятию содержания фильма), которое нередко переходило в споры и диспуты, нередко в тылу принимались новые социалистические трудовые обязательства, на фронте давались воинские клятвы. О массовости и распространенности применения данного средства пропаганды свидетельствует тот факт, что в госпиталях ТАССР с начала войны до октября 1941 г. было проведено 500 киносеансов⁷⁷, а за октябрь 1941 г. – 560 киносеансов⁷⁸. При этом строго регламентировался репертуар кинотеатров. Например, в Национальном архиве РТ содержатся документы-запросы в Москву для разрешения показа фильмов «Приключения Корзинкина», «Шампанский вальс»⁷⁹.

⁷⁵ Сохор А. Путь советской песни. М., 1968. С. 327.

⁷⁶ Моисеев В.И. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к защите Отечества в 1921–1941 гг. На материалах Петрограда, Ленинграда и Ленинградской области: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2002. С. 38.

⁷⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 122.

⁷⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 129. Л. 141.

⁷⁹ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3571. Л. 223.

Труженики тыла, в свою очередь, также являлись действенными агитаторами, т.к. с помощью своих писем, обращений, подарков придавали сил Красной Армии в целом, а также действовали адресно, обращаясь к отдельным бойцам и командирам, своим коллегам и т.д. Не случайно много позднее теоретик Н.Д. Фомичева отмечала, что «широкие массы, выступающие в системе массовой информации и пропаганды, прежде всего как аудитория – потребитель информации, действуют и как ее создатель (что проявляется в форме писем в редакцию, материалов, подготовленных по собственной инициативе)»⁸⁰. Например, в татарских фронтовых газетах существовала специальная рубрика «В Татарстане»⁸¹. В директивах Президиума Верховного Совета ТАССР говорится о посылке писем «для обсуждения их в коллективах, предприятиях, колхозах, МТС Вашего района. Обсуждение этих писем с фронта трудящимися Татарской АССР должно послужить взятием на себя новых обязательств по поднятию производительности труда и укреплению трудовой государственной дисциплины...»⁸². В военные годы пропагандисты расценивали письма фронтовиков как «важный материал, воспитывающий патриотизм и чувство ответственности...»⁸³.

Обращения-наказы представителям своего народа, сражающимся на фронтах, сыграли значительную роль как в воздействии на Красную Армию, так и на тыл. Сам факт написания обращения к воинам-землякам являлся пропагандистским актом, т.к. начинал воздействовать еще не будучи переданным на фронт – подобные наказания в то же время можно назвать пропагандистским материалом, направленным не только на военнослужащих-татар, марийцев, чувашей и т.д., но и на население соответствующих республик, представителей конкретных этносов. Письма вызвали прилив гордости за народ, патриотический подъем. «Они дерутся, как львы», – отзывается о татарских джигитах командование Красной Армии. Далее приводятся фамилии героев-татар⁸⁴. В своих письмах трудящиеся многонацио-

⁸⁰ Фомичева Н.Д. Журналистика и аудитория. М., 1976. С. 15.

⁸¹ Айнутдинов А.К. Летопись подвига (исторический очерк по страницам татарских фронтовых газет). Казань, 1989. С. 14.

⁸² НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 292. Л. 25.

⁸³ Хайрутдинова С.К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 120.

⁸⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 892. Л. 5.

нальных республик заверяли воинов, что своим героически трудом будут оказывать фронту всестороннюю помощь, беря на себя соответствующие обязательства. «Как Великая Волга мощным потоком несет свои воды вперед, к Каспию, – говорится в письме чувашского народа, – так и наш народ бесперебойно снабжает фронт хлебом, мясом, маслом, а промышленность – сырьем. Никогда не иссушатся волжские воды, не иссякнет сила нашего народа»⁸⁵.

Тексты писем-наказов, как правило, повсюду обсуждались на митингах и собраниях. Таким образом, такая форма пропагандистского воздействия, как письмо-обращение народа к своим бойцам на фронт, имела большой резонанс. Так, в докладе на бюро Татобкома ВКП(б) отмечается, что «Письмо татарского народа»... стало всенародным, как бы священным талисманом, огромное значение которого трудно даже представить»⁸⁶.

Гербылева Н.П.

Ученые-политехники – победе

Надвигавшаяся в конце 1930-х гг. военная угроза остро поставила вопрос об укреплении обороноспособности страны, создании новой военной техники. И многие из политехников работали над этой проблемой.

Неоценим вклад в Победу выдающихся конструкторов боевого оружия и техники – создателей танков «Т-34», «КВ-1», «ИС», «КВ-1С», «КВ» и самоходных установок, самолетов «И-16», «И-153», «ПО-2», гидросамолетов «БЕ-4» и «МБР-2», боевых десантных планеров «А-7» и «БДП», «летающего крейсера», подводной лодки «Щука», минных заградителей, боевых кораблей, артиллерийского оружия и др.⁸⁷

---

⁸⁵ Бузяков З.С. Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам марийской, татарской, чувашской автономных республик): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1987. С. 74.

⁸⁶ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 39. Л. 15.

⁸⁷ Васильев Ю.С. Ученые-политехники – делу Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 1995. № 1.

Их имена сейчас известны всему миру. Это выпускники и ученые Ленинградского политехнического института Н.Н. Поликарпов, Антонов, А.Н. Асафов, Б.М. Малинин, В.А. Никитин, А.И. Маслов, Г.М. Бериев, М.И. Кошкин, Ж.Я. Котин, Н.Л. Духов, И.В. Курчатов, Д.Ф. Устинов и многие-многие др.⁸⁸

В годы Великой Отечественной войны политехниками было сделано много предложений, изобретений и теоретических расчетов в области вооружения и средств защиты. Работы велись по разным направлениям.

Для Военно-Морского Флота разработаны система противоминной защиты кораблей, приборы по обнаружению и уничтожению акустических мин и другое⁸⁹.

Для авиации созданы схема безгироскопной авиационной вертикали для слепого полета и автоматического пилотирования, средства борьбы с воспламенением самолетов от зажигательно-разрывных пуль, устройство для защиты летчика от вредного воздействия перегрузок, приборы ночного видения, сконструированы и выпускались газосветные лампы для аэродромов и др.

В области бронетранспортной техники институт принял участие в выполнении кооперированного заказа «К» в общей системе Кировского завода. Разработан способ экранирования танков, созданы сплавы для высококачественной танковой брони и снарядов и др.

В области радиосвязи спроектированы и введены в строй сверхмощный радиопередатчик (1 тысяча 200 кВт) и сверхмощная радиостанция.

Особое место в жизни нашего города заняли исследования, в результате которых по льду Ладожского озера была проложена «Дорога жизни», по дну озера – знаменитые линии электропередач⁹⁰.

Политехниками⁹¹ были разработаны взрыватели для мин, способ точной наводки по движущимся в воздухе целям, способ стерилиза-

---

⁸⁸ Гербылева Н.П., Горюнов Ю.П. 10 десятилетий Политехнического // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 2002. № 2. С. 10–139.

⁸⁹ Васильев Ю.С. СПбГПУ (ЛПИ) – отечественному военному флоту // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 1996. № 2.

⁹⁰ Мильштейн Е.Л. Ленинградский политехнический институт в годы Великой Отечественной войны. Л., 1990.

⁹¹ Политехнический институт в годы блокады и эвакуации / отв. ред. В.Г. Манчинский. СПб., 1997.

ции перевязочных материалов токами высокой частоты, найдены заменители огнеупорных материалов, освоен режим выплавки чугуна на торфе. В лабораториях института отливались бронебойные снаряды и корпуса гранат, создан новый метод получения жидкого кислорода, налажено производство эскапона, марли и бязи и другое.

Несмотря на все сложности военного времени, продолжались научные исследования. Была опубликована работа И.В. Курчатова «Деление тяжелых ядер», в которой всесторонне проанализированы пути к практическому осуществлению цепной реакции. Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон и И.И. Гуревич оценили критическую массу урана-235 в цепной реакции на быстрых нейтронах. П.Л. Капица наблюдал температурный скачок на границе «твердое тело – жидкий гелий» (температурный скачок Капицы). А.И. Шальников доказал двухфазную природу промежуточного состояния сверхпроводников. Н.Д. Папалекси закончил обширный цикл работ по радиоинтерференционным исследованиям фазовой структуры и скорости радиоволн, распространяющихся вдоль земной поверхности, а также по практическим применениям радиоинтерферометрии (радиогодезия, радионавигация). Д.А. Рожанский и другие разработали принципы и создали устройства для импульсной радиолокации движущихся целей⁹².

В 1942 г. Президиумом АН СССР была организована Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам (председатель А.Ф. Иоффе, ученый секретарь И.В. Курчатов). И.В. Курчатов, В.М. Тучкевич, А.П. Александров, Б.А. Гаев, В.Р. Регель и П.Г. Степанов разработали принципы и методику защиты кораблей от магнитных мин⁹³.

---

⁹² Наука и техника СССР. 1917–1987. Хроника. М., 1988.

⁹³ Из истории Ленинградского ордена Ленина политехнического института. 1899–1989 / отв. ред. Ю.С. Васильев. Л., 1989.

Демидова Е.И.

Чтобы помнили

Все дальше и дальше в прошлое уходят героические события Великой Отечественной войны. Все меньше остается живых свидетелей и участников великой и страшной войны, людей, выживших несмотря ни на что. Цена Победы слишком высока, чтобы историческая память о ней притупилась или ослабла. 27 миллионов погибших на фронтах, в госпиталях, от ран, голода, холода, замученных в фашистских лагерях, 25 миллионов человек остались без крыши над головой, миллионы людей потеряли своих родных и близких, отцов, матерей и детей, лежали в руинах Сталинград, Ленинград, Одесса, Минск, Киев, Смоленск, Курск ... Эта страшная цена была заплачена лишь за одно – за Великую Победу, за свободу и независимость Отечества. Народ поднялся на защиту своей Родины, на борьбу с фашизмом и победил, сделал все возможное и невозможное для Победы в этой страшной войне.

Как сегодня сохранить историческую память, правду о Великой Отечественной войне? Как добиться, чтобы эта память «работала», воспитывала у молодежи уважение к «великим тем годам»? Эти вопросы сегодня задают как ученые, так и политики. В преддверии 65-летия Победы проводится много научных конференций и различных круглых столов, торжественных заседаний. Но всегда ли они наряду с научными дают реальные практические результаты?

Думается, что тема Великой Отечественной войны, проблема вклада каждого региона, каждого человека в победу важна и актуальна именно сегодня как никогда. Новые знания не являются простым приращением к уже имеющимся, они позволяют познать детали, расширить исследовательские горизонты, выявить новые уровни изучения. Необходимо искать и поддерживать новые направления и формы исследований, создавать условия для реализации социальной инициативы молодежи. В школьном музее МОУ «Гимназия № 1» г. Саратова хранятся материалы, связанные с историей военного эвакуационного госпиталя № 3931 (позже – ортопедического госпиталя для инвалидов Великой Отечественной войны), который располагался в здании гимназии с сентября 1941 по 1947 г. Подобных госпиталей в Саратове было множество.

В первые месяцы войны в связи с приближением фронта военных действий к Москве и Донбассу на территории Саратовского Поволжья развернулась сеть госпиталей. При Саратовском облздравотделе был создан госпитальный отдел, главным хирургом которого стал профессор медицинского института С.Р.Миротворцев⁹⁴. Этот отдел регулировал поступление и эвакуацию раненых, а также организацию лечения и использование медицинского персонала. Под госпитали передавались лучшие здания в Саратове и Энгельсе, многие школы городов и райцентров.

В зависимости от источника финансирования госпитали подразделялись на военные (полевые и гарнизонные), наркомздравовские и госпитали ВЦСПС, которые обычно развертывались на базе санаторно-курортных учреждений. Эвакогоспитали Саратова и Саратовской области, являвшиеся ближайшей прифронтовой госпитальной базой Сталинградского фронта, были развернуты в крупных больницах, санаториях, домах отдыха, школах, гостиницах и других зданиях различных учреждений. В совместном постановлении бюро Саратовского обкома ВКП(б) и исполкома Саратовского областного Совета депутатов трудящихся от 5 декабря 1941 г. говорится: «Помещение 16-й средней школы⁹⁵ в 3-х дневной срок освободить и передать в распоряжение горно»⁹⁶.

Впервые затронул проблему истории военного госпиталя, располагавшегося в здании гимназии, руководитель школьного музея подполковник в отставке Дуреев Николай Иванович. Но в его распоряжении были лишь неофициальные сведения, в основном словесные воспоминания очевидцев – бывших учителей средней школы №19. Под руководством Н.И. Дуреева и учителя истории Г.В. Еременко

---

⁹⁴ Профессор С.Р. Миротворцев в годы Великой Отечественной войны отдавал делу весь запас своей неистощимой энергии, умственных и моральных сил. Имя С.Р. Миротворцева было весьма популярным. Его знали, уважали и любили люди. Несмотря на преклонный возраст и болезнь, Сергей Романович ежедневно оперировал, проводил обходы, консультировал, принимал участие в конференциях, воспитывал и обучал врачей, руководил их научной работой, обобщал опыт работы хирургических госпиталей.

⁹⁵ Ныне в этом здании находится МОУ «Гимназия № 1» г. Саратова.

⁹⁶ Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Архивные документы. Саратов, 2005. С.72.

начался трудный, но захватывающий поиск исторической правды о небольшом сюжете Великой Отечественной войны.

Первым официальным документом была архивная справка, присланная в 1990 г. Военно-медицинским музеем Министерства Обороны СССР в ответ на запрос члена Совета школьного музея (в то время Комнаты Боевой и Трудовой Славы) Алексея Георгиевича Пенькевича, бывшего учителя русского языка и литературы. В ней говорилось, что в здании бывшей 16-й средней школы г. Саратова с 16 сентября 1941 г. был развернут эвакуогоспиталь № 3931 на 600–700 коек с профилями: общехирургический, травматический, грудной, лор и терапевтический. Начальником госпиталя был назначен военврач 2-го ранга Славутский Моисей Павлович. 7 июля 1943 г. ему было присвоено воинское звание «полковник медицинской службы».

В октябре 2007 г. удалось открыть еще одно имя: Анна Никанорвна Есипова. Она родилась в г. Старый Оскол Белгородской области в 1912 г. Окончила Саратовский медицинский институт в 1936 г. В 1941 г. в первые дни войны была мобилизована в ряды Красной Армии. Всю войну, до декабря 1945 г., работала начальником медицинского отделения эвакуогоспиталя, расположенного в здании бывшей 16-й, затем школы № 19 (ныне гимназия № 1). Войну закончила в звании капитана медицинской службы.

Учащиеся гимназии собрали и систематизировали воспоминания учителей средней школы №19, которые были очевидцами военных событий. Среди них учитель истории Елена Леопольдовна Ягелло и учитель химии Ольга Алексеевна Соболева, учитель географии Рассказова Нина Михайловна, которая награждена медалью «За оборону Сталинграда». Уход за ранеными и забота о них с первых же дней войны приобрели в городе Саратове поистине общенародный характер, выразившийся прежде всего в шефстве над госпиталями. Шефствовать хотели все: предприятия и учреждения, школы и комсомольские организации, пионеры и домохозяйки. Над госпиталем № 3931 взял шефство Саратовский авиатехникум, который летом 1941 г. перебазировался в здание бывшей Мариинской гимназии на улице Горького. «...Фронт продвигался к Сталинграду, начали поступать эшелоны с ранеными. Техникум взял шефство над госпиталем, который размещался в здании 19-й средней школы. Ежедневно девушки I–II курсов уходили в госпиталь на дежурство,

выступали с концертами художественной самодеятельности перед ранеными бойцами»⁹⁷.

С приближением линии фронта к Саратову, в связи с передислокацией госпиталей из других областей, в городе и области количество госпиталей и число коек в них увеличивалось. Максимальное количество госпиталей и раненых в них, находившихся на территории области, относится к самым критическим дням Сталинградской битвы. Пиковые числа падали на октябрь – декабрь 1942 г. В те суровые дни наполнение госпиталей ранеными вдвое превышало оптимальные расчеты. Бывало так, что на одного врача приходилось по 100 и даже по 200 раненых и больных. Защитники Сталинграда в большом количестве прошли через эвакогоспитали города Саратова и области.

Об интенсивности притока раненых в разгар Сталинградской битвы можно судить по следующим фактам. «В ноябре 1942 г. В госпитали Саратова и области поступило 19 санитарных летучек, каждая по 1800 человек, то есть более 24 тыс. раненых. А военно-санитарных поездов отсюда в глубокий тыл страны ушло только 16, по 500 раненных и тяжелобольных в каждом. Следовательно, число раненых возросло на 16 тыс.»⁹⁸.

Саратов служил своеобразной лечебной крепостью против инфекций и целого ряда осложнений, характерных для свежих ранений, первичных и вторичных кровотечений, необработанных ранений грудной клетки, осложненных ранений головы. В эвакогоспиталях, расположенных в Саратове, использовались высококвалифицированные медицинские силы Саратовского медицинского института. Почти каждый госпиталь имел у себя квалифицированных специалистов различных медицинских профилей. В годы войны одним из самых известных хирургов в городе был Сергей Христофорович Архангельский, который дал свыше 3500 консультаций и сделал около 3000 операций. Его внук – Сергей Михайлович Архангельский – в 1968 г. окончил среднюю школу № 19. Ныне он доктор медицинских наук, заслуженный врач России, руководитель Саратовского перинатального центра.

---

⁹⁷ Спиридонов В.И. Очерки истории авиационного колледжа. Саратов, 2005. С.9–12.

⁹⁸ Ванчинов Д.П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исторический очерк. Саратов, 1976. С. 194–195.

Но поиски, а иногда и просто неожиданные встречи и находки продолжаютя. Интересную «страничку» из истории эвакуогоспиталя раскрыла учащимся Вера Григорьевна Южилина, родная сестра Александра Григорьевича Южилина – летчика, Героя Советского Союза, бывшего выпускника 16-й школы 2-й ступени. Вера Григорьевна подарила музею две уникальные фотографии. На них ее мать, Мария Максимовна Южилина, которая с 1941 г. работала сестрой-хозяйкой в эвакуогоспитале № 3931, а затем в госпитале для инвалидов Великой Отечественной войны, сфотографирована в кругу сотрудников госпиталя, причем рядом с ней на фото начальник госпиталя А.Г. Поляков. Также Вера Григорьевна подарила отдельное фото Марии Максимовны и ее Почетную грамоту. Мария Максимовна была награждена медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Некоторые бывшие сотрудники госпиталя и после его перевода в город Волгоград так или иначе остались связаны как между собой, так и с красивым зданием, где в разные годы располагались 16-я и 19-я школы города Саратова. В 19-й средней школе учились Миша и Таня Славутские, дети бывшего начальника госпиталя № 3931, сын Николая Гордеевича Кирсанова – Владимир. Он окончил Саратовский государственный университет, защитил диссертацию кандидата физико-математических наук.

В 2006 г. музей посетила Валентина Федоровна Игнатова – бывшая выпускница 16-й средней школы, ныне научный сотрудник одного из институтов РАН, кандидат геолого-минералогических наук. Она рассказала, что ее брат Борис Федорович Игнатов, который в течение 18 лет возглавлял геологический факультет Саратовского государственного университета, перед войной также учился в 16-й средней школе. Не закончив 10-й класс, он, призванный в 1941 г. в Вооруженные Силы, участвовал в боях против фашистских войск, был ранен, но что самое интересное – Борис Федорович на излечении по ранению оказался в эвакуогоспитале № 3931, в родном городе и в родной школе. В этом же эвакуогоспитале № 3931 находился на излечении после ранения отец учительницы изобразительного искусства гимназии Евгении Борисовны Илларионовой – Борис Александрович Мешковский, офицер, участник обороны Ленинграда. Его личные вещи и письма, адресованные любимым жене и маленькому сыну, бережно хранятся в музее.

Эти истории отдельных людей являются мельчайшими фрагментами истории Великой Отечественной войны. Но найдены они юными гражданами России с исключительно благородной целью восстановления подлинной судьбы эвакогоспиталя №3931. К сожалению, мало сохранилось документов, уходят из жизни свидетели событий. Но работа, которая проводится учащимися, педагогическим коллективом гимназии лишний раз убеждает нас в необходимости и государственной важности дела – поисково-исследовательской работы в школьном музее. Подобные музеи сегодня есть практически во всех учебных заведениях страны, они играют огромную роль в патриотическом воспитании молодежи, в изучении региональных аспектов истории Великой Отечественной войны.

Безусловно, государство и общество должны способствовать формированию патриотизма у граждан, но нельзя уповать на формальные мероприятия. Чувство патриотизма и соответствующие поступки человека вырабатываются индивидуально в контексте социальной жизни и состояния общества. Справедливо считается, что патриотическое воспитание является неотъемлемой частью всей жизнедеятельности российского общества, его социальных и государственных институтов. А еще точнее можно сказать так: патриотизм формируется всей жизнью общества.

В недалеком прошлом патриотизм сводился к военно-патриотической тематике. Эта тенденция (а может и традиция) во многом сохраняется, о чем свидетельствуют различные программы патриотического воспитания граждан. Сегодня необходим перенос акцентов с военно-патриотического воспитания на общепатриотическое, нужно быть патриотичным в условиях повседневной жизни, общемировой интеграции.

Коренные преобразования в стране конца XX – начала XXI веков, определившие крутой поворот в новейшей истории России, сопровождаются изменениями в социально-экономической, политической и духовной сферах общества и сознании ее граждан. Необходимо формирование у молодежи устойчивой потребности знать историю Отечества, ее героические страницы. Здесь необходим неформальный, «человеческий» подход. Чтобы помнили!

Ермаков Ф.И., Васильев А.А.

Великая Отечественная война: попытки фальсификации ее истории и предыстории

Необходимость противодействия попыткам фальсификации истории и предыстории Великой Отечественной войны становится сегодня все более очевидной. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в статье «Россия вперед!» подчеркнул, что «необходима защита исторического наследия от искажения и политических спекуляций»⁹⁹.

На первом заседании президентской «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» ее председатель, руководитель Администрации Президента Сергей Нарышкин говорил: «Упор в так называемом новом историческом подходе ревизионистами делается на современную историю России, события, связанные со Второй мировой войной... Ревизия истории войны имеет цель пересмотреть геополитические итоги войны... России как историческому наследнику Советского Союза провокационно навязывается вина за события, трагедии тех лет, тем самым делается база для предъявления претензий нашей стране – политических, финансовых, территориальных»¹⁰⁰.

Попытки фальсификации истории и предыстории Великой Отечественной войны предпринимались и предпринимаются в различных формах путем искажения одних фактов и замалчивания других, в виде прямого вымысла или с использованием этих форм в их сочетании.

В связи с 70-летием начала Второй мировой войны Парламентская Ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «О воссоединении разделенной Европы», в которой вина за развязывание этой войны возлагается в равной мере на Германию и СССР, советское участие в ней объявляется страшной трагедией для европейских народов, а Российской Федерации предлагается отказаться от прославления Великой Победы и парадов в ее честь. Парламентская Ассамблея ОБСЕ присоединилась к решению Европарламента ежегодно 23 августа – в

⁹⁹ Цит. по: Саратовские вести. 2009. 30 сентября. С. 2.

¹⁰⁰ Цит. по: Советская Россия. 2009. 3 сентября. С. 2.

день заключения советско-германского договора 1939 г. о ненападении – отмечать «Общеввропейский «День памяти жертв сталинизма и нацизма»¹⁰¹. Этот договор, называемый также пактом Молотова – Риббентропа, стал предлогом для нападков на Россию всех тех, кто недоволен результатами Второй мировой войны.

Сторонники пересмотра итогов этой войны умалчивают о Мюнхенских соглашениях 1938 г. Англии и Франции с Германией и Италией, по которым Чехословакия была отдана на растерзание гитлеровскому рейху в качестве оплаты за будущую агрессию против СССР. Умалчивают они и об отказе западных демократий от предложения СССР создать систему коллективной безопасности, а также о том, что Советский Союз последним из европейских государств подписал с Германией пакт о ненападении.

Непредвзято оценивали предвоенную внешнюю политику СССР другие основные участники антигитлеровской коалиции устами своих лидеров того времени. Так, У. Черчилль, премьер-министр Англии в 1940–1945 гг., впоследствии отмечал: «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут... Надвигавшаяся буря была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе». Черчилль охарактеризовал предвоенную внешнюю политику СССР как «холодно расчетливую и в высшей степени реалистичную»¹⁰².

Мало кому известно, что Сталин на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) *в мае 1941 г.* говорил: «Обстановка обостряется с каждым днем. Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии... От таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии...»¹⁰³.

¹⁰¹ См.: Завтра. 2009. № 28 (816), июль. С. 1.

¹⁰² Цит. по: Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира. М., 2007. С. 178–179.

¹⁰³ Цит. по: Григорьев И. Стратегия Великой Победы // Правда. 2009. 4–7 декабря. С. 3.

В январе 1945 г. лидер английских лейбористов К. Этли, ставший в июле того же года премьер-министром, верно отметил, что если бы Великобритания и Франция приняли предложение Советского Союза о создании системы коллективной безопасности, то «можно было бы избежать Второй мировой войны»¹⁰⁴. К тому же союзница Англии и Франции Польша со времен Мюнхенского сговора отвергала идею пропуска через свою территорию советских войск на помощь любой жертве гитлеровской агрессии.

Когда определенные круги Запада пытаются ныне свалить на СССР вину за войну, то это не вызывает удивления. Но вызывает сожаление, когда эти попытки стали получать поддержку в нашей стране, начиная со времен горбачевского «нового политического мышления» с признанием приоритета «общечеловеческих ценностей» над национальными интересами, и особенно в постперестроенный период.

В 1989 г. на II съезде народных депутатов СССР Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении под председательством идеолога «перестройки» А.Н. Яковлева ввела в официальный обиход «Секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов Германии и СССР от 23 августа 1939 года», согласно которому в сферу интересов Советского Союза включались Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика, Бессарабия и Финляндия, входившие в Российскую империю. В принятом по докладу Комиссии постановлении съезда «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года» отмечалось, что «подлинники секретного протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако... экспертизы копий, карт и других документов, соответствующие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования»¹⁰⁵. Съезд признал советско-германский договор о ненападении и секретный протокол к нему «юридически несостоятельным с момента их подписания» и сделал вывод, что «решение об их подписании было по существу и

---

¹⁰⁴ Цит. по: Маколов В.В. Август 1939-го // Советская Россия. 2009. 20 августа. С. 6.

¹⁰⁵ Второй съезд народных депутатов СССР 12–14 декабря 1989 г. Стенографический отчет. Т. IV. М., 1990. С. 612–614.

по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор»¹⁰⁶.

Что касается «секретного дополнительного протокола» к советско-германскому пакту о ненападении, то его подлинник до сих пор никто не видел. В «Особой папке» архива Политбюро ЦК КПСС, хранящейся теперь в Президентском архиве, содержится неподписанная копия «Секретного дополнительного протокола о границе сфер интересов СССР и Германии от 23 августа» с напечатанным в его конце текстом: «По уполномочию Правительства СССР: В. Молотов. За Правительство Германии: И. фон Риббентроп», но без собственноручных подписей Молотова и Риббентропа. Эту неподписанную копию относят и к советско-германскому договору о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г.

Однако Международный военный трибунал стран-победительниц в Нюрнберге на судебном процессе над германскими военными преступниками отклонил как недействительные фотокопии неподписанного Молотовым и Риббентропом «Секретного дополнительного протокола» к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. и договору о дружбе и границе между Германией и СССР от 28 сентября 1939 г. из германских архивов, представленные адвокатом Гессе (бывшего заместителя «фюрера») Зейдлем¹⁰⁷.

Поскольку Международный военный трибунал с участием СССР отклонил как недействительные фотокопии «Секретного дополнительного протокола», а существование подписанных подлинников этого протокола не доказано, то становится очевидной, на наш взгляд, ошибочность вывода II съезда народных депутатов СССР о его «юридической несостоятельности с момента подписания».

По нашему мнению, необоснованной является негативная оценка этим съездом и самого договора о ненападении между СССР и Германией, принятая под давлением «вождей» перестройки, положивших начало развалу исторической России.

Когда правительство СССР рассматривало предложение Германии о заключении пакта о ненападении на 10 лет, а 23 августа Молотов и Риббентроп подписывали его, в союзной нам соседней Монголии у реки Халхин-Гол шли тяжелые бои советско-монгольских войск с

¹⁰⁶ Цит. по: 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 496–497.

¹⁰⁷ См.: Международная жизнь. 1989. № 9. С. 124–137.

вторгшейся сюда 6-й японской армией, имевшей целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России. И только 31 августа 1939 г. японские захватчики были полностью отброшены с территории МНР¹⁰⁸. Вместе с тем оставалась опасность полномасштабной войны СССР с Японией – главной союзницей Германии. Однако Япония, утратив в связи с пактом Молотова – Риббентропа надежду на поддержку Германии и потерпев поражение на Халхин-Голе, вынуждена была установить мирные отношения с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. Следовательно, договор с Германией о ненападении избавил нашу страну от угрозы войны на два фронта, обеспечил нам мир на Востоке.

Заключение советско-германского пакта о ненападении позволило выиграть стратегическую паузу – почти два мирных года для укрепления военно-экономического потенциала СССР, его оборонноспособности. Так, было поставлено на конвейер производство лучших в мире танков Т-34, знаменитых ракетных артиллерийских установок «Катюша», самолетов-штурмовиков Ил-2 и другой боевой техники высшего класса. По советско-германскому договору о ненападении Советский Союз, экспортируя в Германию кормовые хлеба, хлопок, марганцевую руду и некоторое другое сырье, взамен получал от нее новейшие технологии, оборудование и документацию для производства высокопрочной стали, элементов радиоэлектроники, синтетических и сверхчистых материалов. Многие из полученных технологий были успешно использованы нашей страной в период и после Великой Отечественной войны¹⁰⁹.

Таким образом, заключение советско-германского договора о ненападении было для СССР шагом, которому в тех конкретно-исторических условиях не было альтернативы и который отвечал жизненным интересам страны.

В пятом номере журнала «Российская история» за 2009 г. опубликована статья С.З. Случа «Политика Германии и СССР в отно-

---

¹⁰⁸ См.: Бушуева Т.С. Халхин-Гол: взгляд через 70. Малоизвестные страницы предыстории Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 5. С. 47.

¹⁰⁹ См.: Галин В. Политэкономика войны. Заговор Европы (М., Алгоритм, 2007) // Завтра. 2007. № 23 (707), июнь. С. 7.

шении Польши (октябрь 1938 – август 1939 г.)», где говорится: «Политические и военные цели национал-социализма и советского руководства в отношении Польши совпадали»¹¹⁰. В том же духе на радио «Россия» 23 августа 2009 г. в связи с 70-летием подписания советско-германского пакта о ненападении в программе Михаила Веллера состоялась его беседа с авторами 5 книг по этой теме Марком Солониным, в которой оба убеждали радиослушателей, будто Советский Союз – главный виновник Второй мировой войны, захвативший в сговоре с гитлеровской Германией большую часть Польши в 1939 г. и прибалтийские страны в 1940 г.

Приведенные утверждения господ Случа, Веллера и Солонина не соответствуют исторической правде.

Лондон и Париж в июле – августе 1939 г. вели переговоры с Москвой не только без намерения завершить их созданием системы коллективной безопасности, но одновременно втайне от нее пытались разыграть новый вариант «Мюнхена» «сдать» Германии Польшу при условии, если рейх пойдет на агрессию против СССР. Сталин располагал достоверными сведениями об этом¹¹¹.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, и это стало началом Второй мировой войны. Союзники Польши – Англия и Франция ограничились лишь объявлением войны Германии, не оказав реальной помощи жертве агрессии. А Советский Союз взял под защиту единокровных братьев – 17 сентября ввел войска в Западную Украину и Западную Белоруссию, где их встречали цветами и объятиями. Так были возвращены исконные земли исторической Руси, отторгнутые Польшей в 1920 г., а тем самым отодвинута государственная граница на 300 км от жизненно важных центров СССР.

Бывший премьер-министр Великобритании (1916–1922 гг.), один из лидеров ее Либеральной партии Ллойд Джордж 28 сентября 1939 г. заявил польскому послу в Лондоне: «Русские армии вышли на территории, которые были аннексированы Польшей после Первой мировой войны. Различие между двумя событиями (между германским нападением на Польшу и вводом советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину) становится все более очевидным для британского и французского общественного мнения... Было бы

¹¹⁰ Российская история. 2009. № 5. С. 81.

¹¹¹ См.: Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке. М., 2002. С. 228.

преступным безумием ставить их на одну доску»¹¹². И еще: именно И.В. Сталин на Ялтинской и Потсдамской конференциях держав-победительниц настоял на передаче Германией Польше Силезии, Данцига (Гданьска), изрядной части Восточной Пруссии.

Нынешние антироссийские силы в Литве, Латвии и Эстонии особенно громко твердят о том, что «пакт Молотова-Риббентропа» был сделкой о разделе их территорий «двумя тоталитарными режимами» – сталинским и гитлеровским, а поэтому требуют от России признания этого пакта преступным и заплатить немалую компенсацию названным странам как его жертвам за тяжелые последствия «незаконной советской оккупации».

Однако договоры о взаимной помощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой, подписанные соответственно 28 сентября, 5 и 10 октября 1939 г. в связи с начавшейся Второй мировой войной, не затрагивали суверенных прав этих прибалтийских республик и были официально признаны Лигой Наций. С целью обеспечения безопасности от возможной агрессии они предусматривали размещение ограниченных контингентов советских войск на территории прибалтийских государств. В октябре 1939 г. были подписаны также соглашения о торговле между СССР и этими государствами.

На состоявшихся в июле 1940 г. выборах в Народные сеймы Литвы и Латвии и в Государственную думу Эстонии одержали победу «союзы трудового народа», руководимые коммунистами. Избранные в том же месяце парламенты провозгласили восстановление Советской власти в Прибалтике и обратились в Верховный Совет СССР с просьбами о приеме Латвии, Литвы и Эстонии в состав Союза ССР, которые и были удовлетворены.

Авторитетная английская газета – лондонская «Таймс» 26 июня 1940 г. правдиво писала: Единодушное решение прибалтийских республик о присоединении к Советской России «отражает... не давление со стороны Москвы, а искреннее признание того, что такой выход является лучшей альтернативой, чем включение в новую *нацистскую*»¹¹³ Европу»¹¹⁴.

¹¹² Военно-исторический журнал. 1990. № 10. («Захват» или воссоединение?») (зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.).

¹¹³ Здесь и далее по тексту выделено авторами статьи.

¹¹⁴ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 113.

Интерпретация истории Великой Отечественной войны в советской литературе отнюдь не исключала ее искажений под влиянием политической конъюнктуры.

При Сталине в учебных и научных изданиях умалчивалось о предвоенном просчете советского руководства по вопросу *о времени* нападения Германии на СССР, хотя неизбежность его признавалась и предвиделась. После известного доклада Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС этот просчет «списали» только на Сталина, но, по справедливому замечанию маршала Г.К. Жукова, виновато в том было и ближайшее окружение Сталина¹¹⁵. Так, член Политбюро ЦК ВКП(б) и нарком иностранных дел В.М. Молотов после своей поездки в Берлин в ноябре 1940 г. утверждал, что Гитлер *не нападет* на нас в данной обстановке¹¹⁶. А член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком НКВД Л.П. Берия, курировавший и внешнюю разведку, 21 июня 1941 г. представил Сталину свою докладную записку со следующим текстом: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» (дезинформацией. – Ф.Е., А.В.) о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра» (т.е. 22 июня 1941 г. – Ф.Е., А.В.)¹¹⁷.

Еще будучи Президентом РФ, В.В. Путин в мае 2008 г. подписал указ о подготовке новой многотомной истории Великой Отечественной войны и образовании редакционной комиссии нового издания¹¹⁸. Дай Бог, чтобы эта проблема была решена на современном научном уровне, исключая фальсификацию.

---

¹¹⁵ См.: Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 96–97.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Известия. 2005. 11 мая. С. 10. (См. «Соль на раны»).

¹¹⁸ См.: Завтра. 2010. № 1 (842), январь. С. 4.

Загыртдинов Р.Б.

**Поисковое движение как форма
военно-патриотического воспитания молодежи
на примере истории Великой Отечественной войны**

Все меньше времени остается до знаменательной даты – 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Данное событие является значимым не только для россиян, но и в всего человечества в целом. Увы, но некоторые политики и историки пытаются подвергнуть сомнению значимость вклада советского народа в победу во Второй мировой войне. Под лозунгами переосмысления тех исторических событий некоторые авторы доходят до откровенной фальсификации.

Выступая против таких попыток, не стоит забывать, что многие трагические страницы Второй мировой войны, и Великой Отечественной войны в частности, нуждаются в дальнейшем изучении и творческом осмыслении. И одна из таких страниц – это судьба сотен тысяч советских солдат, которые получили статус без вести пропавших. Официальная идеология советского времени внушала нам: «Никто не забыт, ничто не забыто», «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». В стране строились мемориальные комплексы, зажигался вечный огонь, и в то же время в полях и лесах останки советских солдат и офицеров оставались незахороненными. Одно из таких трагических мест – так называемая «Долина Смерти» в Новгородской области, где погибли в окружении воины 2-й Ударной армии, которые незаслуженно были обвинены в предательстве, и только потому, что командующий этой армии сдался в плен. Режим не нашел ничего лучшего, как посадить в местах самых интенсивных боев еловые посадки прямо на солдатских костях.

Увы, но таких «Долин Смерти» в нашей стране очень много: в Мурманской области и на Смоленщине, на Кавказе и в Карелии, в Ленинградской области. Благодаря деятельности поисковых отрядов останки солдат предаются земле в братских могилах, а благодаря найденным медальонам и именованным вещам в некоторых случаях удается найти родственников погибших солдат.

Вряд ли кто будет спорить, насколько важна и необходима деятельность по розыску и захоронению погибших и пропавших без вести солдат ВОВ. Однако, такая деятельность в нашей стране, вплоть до недавнего времени, наткнулась на множество трудностей идеологического, организационного, правового характера. Принятие в РФ за последнее время целого ряда законодательных актов, направленных на регулирование поисковой работы, свидетельствует о положительной воле органов государственной власти в центре и в регионах решать целый ряд проблем, связанных с увековечиванием памяти погибших и пропавших без вести. В первую очередь, это закон «Об увековечении памяти погибших при защите отечества», принятый 14 января 1993 г. Именно в этом законе чуть ли не в первый раз за послевоенный период в статье 1 «Увековечение памяти погибших при защите Отечества» определялся перечень лиц, подлежащих увековечению: без вести пропавшие солдаты; погибшие, умершие в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утратившие своей чести и достоинства, не изменившие Родине. В этом же законе определялся порядок организации и проведения поисковой работы. Достаточно важным являлось также перечисление органов государственной власти, ответственных за военно-мемориальную деятельность с указанием функций и полномочий каждого из них.

12 августа 1994 г. было принято специальное Постановление Правительства РФ № 910 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». Однако последующие годы показали недостатки данных законодательных актов. Именно этим объясняется, что спустя время, в январе 2006 г. был подписан специальный указ 37 Президента РФ Д.А. Медведева, который, как известно, является верховным главнокомандующим. Согласно данному указу, забота о погибших защитниках Отечества в государстве полностью передавалась Министерству обороны России и лично начальнику Тыла ВС РФ генералу армии Владимиру Исакову.

В рамках реализации данных законодательных актов было сделано много; это и создание специального поискового батальона в структуре Министерства Обороны, и создание электронной Объединенной Базы Данных «Мемориал» и др.

Однако этого все же мало, ведь долгие годы государство в минимальной степени занималось решением данных проблем.

В частности, в своем выступлении на заседании Российского организационного комитета «Победа» Президент РФ Д.А. Медведев сказал буквально следующее: « Особое значение имеет и военно-мемориальная работа. Прямая ответственность здесь лежит на органах региональной власти и органах местного самоуправления. Эффективная поисковая работа и забота о захоронениях, о мемориалах – это ваша задача, это ваша ответственность. Правительство должно принять дополнительные меры и обеспечить координацию деятельности регионов по этому вопросу».

О масштабности и сложности обозначенных проблем свидетельствуют и цифры, озвученные президентом, согласно которым в нашей стране более 2,4 миллиона человек считаются пропавшими без вести, неизвестными остаются имена шести миллионов человек из 9,5 миллиона воинов, которые захоронены в братских могилах. Всего же на территории России и за рубежом насчитывается более 47 тысяч воинских захоронений.

Говоря о реализации военно-мемориальной политики государства, следует подчеркнуть, что органы государственной власти должны использовать положительный опыт многочисленных общественных организаций, так или иначе причастных к поисковой работе. За последние годы, на мой взгляд, наметились позитивные тенденции в организации поисковой работы, например, в деятельности таких организаций, как объединение «Отечество» РТ, региональный фонд поисковых отрядов РБ, Объединение «Долина» Новгородской области, Смоленский областной центр «Долг».

В частности, в Республике Башкортостан создан региональный фонд поисковых отрядов, возглавляемый подполковником Бикбаевым И.З. Данный фонд активно сотрудничает с органами власти, например, с министерством по молодежной политике, спорту и туризму РБ. Благодаря деятельности данного фонда были организованы поисковые экспедиции в Новгородскую, Ленинградскую области, экспедиции на территории Кавказа.

Проблема духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи на сегодняшний день является актуальной как никогда. Процессы воспитания и образования взаимосвязаны и взаимообусловлены, при этом в педагогической литературе не раз подчеркивалось,

что воспитание должно быть приоритетным или, по крайней мере, равноценным образованию. Воспитание представляет собой процесс организованного и целенаправленного воздействия на личность, ее поведение.

Воспитание начинается с определения целей. Главная цель воспитания – формирование и развитие человека как личности, обладающей теми полезными качествами, которые ей необходимы для жизни в обществе.

В переломные, кризисные периоды истории цели воспитания становятся менее определенными. На мой взгляд, это и произошло в современной России, где переоценка ценностей привела к тому, что многое положительное, что было накоплено в советский период, было отброшено в сторону, либо игнорировалось. И сама задача идеологического воспитания молодежи подверглась сомнению. Самое интересное, что место идеологии заняли различные сомнительные науки, тоталитарные секты. Конечно, некоторые методы воспитания необходимо менять, исходя из реалий времени, искать новые организационные формы.

Одной из задач воспитания студенческой молодежи является формирование преемственности, связи поколений. Одной из возможных форм решения этой задачи является проведение бесед со студентами на военно-патриотическую тему с использованием примеров из истории Великой Отечественной войны. Мне кажется, что победа в этой войне – это то, что объединяет всех россиян, является средством построения общенациональной идентичности, и поэтому такое внимание придается сейчас празднованию 65-летия этого исторического события руководством нашей страны.

Надо сказать, что, по сути, именно благодаря поисковому движению многие страницы военной истории получили свое новое, правдивое освещение. Это касается и многих операций начального периода ВОВ, и отдельных военных подразделений. В качестве примера можно привести судьбу 2-й Ударной армии, которая вместе с 52-й и 59-й армиями в январе–июне 1942 г. должна была соединиться с частями Ленинградского фронта и тем самым прорвать блокаду Ленинграда. Увы, этого сделать не удалось в силу многих причин. Но, тем не менее, 2-я Ударная оттянула на себя значительное число немецких подразделений, и тем самым предотвратила захват Ленинграда. Солдаты и офицеры воевали героически, в условиях заболоченной

местности, холода и голода и задачу свою выполнили. Оказавшись во вражеском кольце, солдаты и офицеры бились до последнего, не сдаваясь врагу. Однако, после того как командующий 2-й Ударной армии генерал-лейтенант Власов сдался в плен, вся армия негласно получила статус предателей. История 2-й ударной армии – яркий, но не единственный пример освещения в официальной идеологии и истории событий Великой Отечественной войны.

Изучая боевой путь легендарного татарского поэта Мусы Джалиля, члены поисковой группы «Снежный десант» Казанского университета в 1980-е гг. стали выезжать в Новгородскую область, п. Мясной Бор. Ими двигало не просто любопытство, а желание узнать истину, понять, как случилось, что сотни тысяч солдат остались на полях боев в непосредственной близости от населенных пунктов и оживленной автомобильной трассы. Благодаря деятельности поисковых отрядов, первым публикациям в прессе отношение к тем событиям стало меняться. Поисковое движение интересно тем, что изучение истории происходит вживую, непосредственно на местах боев, и такое изучение, на мой взгляд, многого стоит. Например, в Новгородской области нам достаточно редко попадались стеклянные фляжки советских солдат, в отличие от Смоленской области. Самое интересное, что население, а иногда даже и музейные работники не верили, что фляжки были стеклянными, ведь это неудобно и непрактично. Когда в августе 1996 г. нашей поисковой группой была найдена печать полевой кассы, мы впервые всерьез задумались о том, что в годы Великой Отечественной войны в условиях боев осуществлялась финансовая деятельность, что для нас было малознакомым. И уже после экспедиции, разговаривая с ветеранами, изучая архивные источники, мы, по сути, для себя сделали небольшое открытие, поскольку знали об этом очень и очень мало. Каждая находка на местах боев при внимательном, бережном отношении является началом дальнейшего, более серьезного изучения. Более двадцати лет я занимаюсь поисковой работой, участвовал в поисковых экспедициях в Новгородской, Смоленской областях, в Белоруссии.

И тогда, в 1990-е гг., и сейчас поисковиков часто спрашивают, в чем заключаются смысл и цели поискового движения. Ведь с момента окончания войны прошло так много времени, да и леса и болота стали для наших солдат большой братской могилой.

Я отвечаю на данный вопрос следующим образом.

Во-первых, леса и болота не стали для многих наших солдат братской могилой. Поскольку их покой тревожат мародеры, «черные копатели», а иногда просто добытчики цветного металла и различного рода военных трофеев. И мы частенько идем по их следам.

А во-вторых, сыновья, внуки и внучки солдат по-прежнему надеются узнать место гибели своих родственников, погибших и оставшихся захороненными, многие из которых до сих пор числятся без вести пропавшими. И иногда поисковикам удается вернуть погибших из небытия.

Так случилось и в ходе осенней «Вахты Памяти» 2007 г. в Глинковском районе Смоленской области, когда в первый же день работы нами были найдены останки солдата, по медальону которого удалось прочитать данные Панова Алексея Сергеевича, а уже через два дня удалось связаться с родственниками солдата.

Вот так и восстанавливается прерванная связь времен: солдат, ушедший на фронт летом 1941 г., с сентября того же года числился без вести пропавшим, и только спустя 66 лет удалось обнаружить и перезахоронить останки одного из участников тяжелых боев августа–сентября 1941 г., в ходе которых решалась судьба городов Ельни, Смоленска, Москвы, да и страны в целом. Для нашей небольшой поисковой группы это был настоящий момент истины, ради которого мы, наверное, и занимаемся поисковой деятельностью.

Ведь ответ на вопрос о необходимости и целях поискового движения каждый дает сам. Мне кажется, что все мы, живущие здесь и сейчас, в неоплатном долгу перед ними, солдатами той страшной войны.

И в этом смысле поисковая деятельность – это маленькая толика того, что мы можем сделать.

Иванов М.А.

**Книга «Память» Республики Татарстан:
поиск длиною в двадцать лет**

Создание книги «Память» нельзя рассматривать вне поискового движения. Именно молодежь, поддержанная ветеранами войны, стала генератором этой идеи. Прошло более полувека, и многие из современников погибших – их родные, близкие, однополчане – ушли из

жизни. Откладывать это дело было уже нельзя. Мысль о создании поименной Книги Памяти зародилась в гуще народной, и с каждой годовщиной Победы она вызревала все более четко. Так постепенно приходили к мысли об издании Книги Памяти. Окончательно определилась она в год подготовки к 45-летию Победы. Главный ее смысл – это память о павших, ее сохранение в истории страны.

Первым документом, послужившим началом работ по увековечению памяти погибших в стране, было постановление ЦК КПСС от 17 января 1989 г. о подготовке и изданию к 50-летию Победы Всесоюзной Книги Памяти.

Учредителями Книги стали Министерство обороны СССР, Министерство Внутренних дел СССР, Комитет государственной безопасности СССР, Госкомиздат СССР, Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Правление советского Фонда культуры, Советский фонд мира, Исполком союза обществ Красного креста и Красного полумесяца, институты всеобщей истории и истории СССР, Академия наук СССР.

На государственном уровне решение о создании Книги Памяти было принято впервые в 1989 г. Новый импульс в этой работе был дан постановлением Правительства РФ от 22 декабря 1992 г. и Законом РФ от 14 января 1993 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»¹¹⁹.

Подготовка издания татарстанской Книги Памяти началась в 1989 году. 18 мая 1993 года было принято Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан «О подготовке и издании Книги Памяти Республики Татарстан». В нем было сказано: «Считать подготовку и издание Книги Памяти РТ составной частью государственной программы социального культурно-национального развития Республики Татарстан».

Предписывалось:

- Министерству финансов обеспечить стабильное финансирование книги;
- Комитету государственной безопасности РТ оказать содействие в поиске погибших и пропавших без вести воинов;

---

¹¹⁹ Всероссийская Книга Памяти 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 1995. С. 6–7.

– Военным комиссариатам оказывать всяческое содействие в организации маршей памяти по районам республики и в поисковой работе;

– Министерству печати и информации обеспечить выпуск книги в порядке государственного заказа, в рамках целевой программы, за счет республиканского бюджета;

Главам администраций городов и районов предписывалось оказывать помощь редакции Книги Памяти при издании поименных томов, посвященных погибшим защитникам Родины, проживающим в данных районах и городах;

Редакции вменялось осуществить в течение 1993–1997 гг. весь объем поисковых и исследовательских работ по всем районам республики. Разработать необходимые документы и пособия по подготовке Книги Памяти РТ с занесением в нее защитников Отечества, погибших в военных конфликтах и при помощи интернациональной помощи в довоенные и послевоенные годы¹²⁰.

11 октября 1993 г. был опубликован Указ № У11-562 Президента РТ «О подготовке и проведении празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., большой вклад народов Татарстана в дело разгрома фашизма и в связи с празднованием 50-летия Победы «...Кабинету Министров, совместно с Татарским республиканским Советом ветеранов войны и труда, Вооруженных Сил принять меры для завершения создания республиканской книги «Память»».

В соответствии с Указом Президента РТ от 16 мая 1994 г. № 206 Кабинет Министров РТ принял постановление «О подготовке празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. В плане мероприятий Кабинета Министров первым пунктом подтверждена необходимость продолжения работы по созданию и выпуску республиканской Книги Памяти.

Законодательные акты государственных и исполнительных органов власти России легли в основу деятельности редакции Книги Памяти. В республике они были подкреплены рядом постановлений правительства и Указом Президента РТ. Таким образом, была создана законодательная база для этой работы.

---

¹²⁰ Текущий архив редакции Книги Памяти РТ. Постановление Кабинета Министров РТ № 287 от 18 мая 1993 г. «О подготовке и издании Книги Памяти Республики Татарстан».

Никто в то время не представлял объема работы, которую предстояло проделать. Была попытка найти литературу, где бы обобщался опыт создания подобных книг. Оказалось, что никто в стране такого опыта не имел, хотя списки публиковались и ранее.

В России первое такое издание – «Военная галерея» – было посвящено павшим в Отечественной войне 1812 г. В 20-х годах XX века был опубликован именной список убитых, раненных и без вести пропавших в первой мировой войне¹²¹. Были попытки издания подобных книг в Белоруссии и Польше¹²². Методических разработок и рекомендаций не существовало.

В связи с таким положением в Татарстане была создана своя система организационных структур, занимающихся подготовительной работой. В каждом районе были образованы редакционные комиссии, куда вошли представители органов власти, военных комиссариатов, ветеранских и поисковых организаций. Им нужно было указать пути поиска, сформулировать практические рекомендации. Такой документ был опубликован во всех районных и городских газетах на русском, татарском и чувашском языках. Были рекомендованы направления поиска:

- изучение документов военных комиссариатов, местных архивов, музеев всех уровней;
- изучение периодической печати военного времени;
- анализ документов, собранных краеведами, содержащих сведения об уроженцах республики, захороненных на местах боевых действий и при лечении в тыловых госпиталях;
- изучение документов советов ветеранов воинских частей и соединений, сформированных в Татарской АССР;
- использование документов «Снежных десантов», других поисковых отрядов молодежи, отдельных активистов, ведущих самостоятельный поиск;
- использование свидетельств очевидцев-однополчан и др.¹²³

Указывалось также, что основными источниками первоначальных списков будут:

---

¹²¹ Всероссийская Книга Памяти. М., 1995. С. 5.

¹²² Научный Татарстан. 1995. № 2. С. 70.

¹²³ Иванов А.А. Боевые потери Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Казань, 1998. С. 68.

- карточки учета призванных на действительную военную службу военкоматами;
- алфавитные книги военных комиссариатов по учету погибших военнослужащих;
- документы о назначении семьям погибших, книги захоронений;
- дворовые книги учета населения сельских и поселковых Советов народных депутатов, карточки учета граждан, проживавших в домах, которые составлялись домоуправлениями.

Постоянно велась разъяснительная работа в средствах массовой информации. Полученная населением информация обернулась потоком писем от родных и близких погибших. Писем было много, а сведений в них было мало. Лейтмотивом всех писем была просьба выяснить судьбу родного человека. Однако это небольшое явилось ценным материалом, необходимым для накопительного этапа работы. Рекомендации и разъяснения помогли редакционным комиссиям провести в районах и городах работу по составлению списков погибших.

Редакционная коллегия координировала деятельность районных комиссий, занималась решением вопросов подготовки издания Книги Памяти.

Научно-организационное и методическое руководство всей работой осуществляли Редколлегия Всесоюзной, а затем Всероссийской Книги Памяти под председательством члена-корреспондента РАН Е.М. Чехарина и методический центр при редколлегии под руководством генерал-лейтенанта в отставке Н.А. Неелова.

В 1991–1993 гг. при активном участии Генштаба ВС РФ и органов власти на местах были проведены в Челябинске, Вологде, Волгограде, Воронеже, Туле, Хабаровске, Новосибирске, Иркутске, Ростове-на-Дону и Чебоксарах 10 зональных совещаний. На этих совещаниях была выработана концепция будущих поименных Книг Памяти.

Большую помощь в составлении списков оказывал Центральный архив Министерства обороны СССР. Была создана структура, которая сосредоточила в своих руках около 19 миллионов сведений о погибших и пропавших без вести в годы войны. Этой структурой стал Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), который обрабатывал и рассылал распечатки (сведения) о погибших в соответствии с местом

призыва или рождения. Сведения имели массу ошибок, но ошибки на месте исправлялись.

Данные ВНИИДАД в значительной степени пополнили банк данных редакции. Обработкой и уточнением поступавшей информации занималась рабочая группа редакции и добровольные помощники из поисковых групп. Источниками получения информации стали государственные архивы¹²⁴. Использованы также данные, полученные в сети Интернет, в частности, <http://www.soldat.ru>, <http://www.obd-memorial.ru>, собранные членами поисковых экспедиций в местах сражений, а также в военкоматах и местных архивах республик Содружества. Часть сведений о погибших в плену, похороненных на территории Германии получена их архива УФСБ РФ по Республике Татарстан и от немецких поисковых организаций через Управление по розыску Красного Креста. Вся собранная информация обработана в редакции Книги Памяти.

Для составления более полных списков требовалось изучить не только архивы сельсоветов, но и провести подворный, поквартальный опрос населения. В этом деле неоценимую помощь оказали поисковики – студенты и старшие школьники.

На многие вопросы приходилось отвечать впервые. Например, не было однозначного ответа, как заносить в книгу без вести пропавших. В рекомендациях Кабинета Министров Республики Татарстан по этому поводу было записано следующее: «... заносить в Книгу Памяти всех без вести пропавших советских граждан и уравнивать в правах с участниками войны всех бывших военнопленных за исключением лиц, в отношении которых имеются убедительные доказательства их сотрудничества с противником»¹²⁵.

Возникали и другие не менее важные вопросы. Например, каким образом заносить солдата в книгу, по месту рождения или по месту призыва? Решено было таким образом. Если уроженец одного района был мобилизован военкоматом соседнего или другой об-

---

¹²⁴ Центральный государственный архив Советской Армии, Центральный государственный архив военно-морского флота, Центральный архив внутренних войск МВД, Центральный архив КГБ СССР, Центральный архив Министерства гражданской авиации, архив путей сообщения, архивы областей, на территории которых шли боевые действия и др.

¹²⁵ Текущий архив редакции Книги Памяти РТ. Постановление Кабинета Министров РТ №287 от 18.05.1993 г.

ласти, целесообразно его оставлять в списках по месту рождения. Сбор сведений из органов местного самоуправления, которые неоднократно переходили из одного района в другой, производится тем военкоматом, к территории которого они сегодня относятся

Составной частью поисковой работы являлся опрос ветеранов войны. Полученные от очевидцев свидетельства гибели однополчан тщательно проверялись на достоверность.

Изучались и анализировались все Книги Памяти, выходящие в областях и республиках России и СНГ. Оттуда выбирались все имена, имеющие отношение к Республике Татарстан и заносились в базу данных соответствующего района или города.

На первом этапе в ходе исследовательской и поисковой работы наиболее полно были изучены документы военных комиссариатов республики. В этой связи следует отметить следующее. К моменту начала работы не возникало сомнений в тех цифрах погибших, которые были известны и в течение 50 лет назывались в различных официальных источниках. Областной военный комиссариат называл 85 018¹²⁶ погибших, в книге профессора З.И. Гильманова называлась цифра 87 тысяч¹²⁷. Оставляя открытым вопрос о возможности изменения данных по Республике Татарстан в ходе исследований, необходимо заметить, что процесс уточнения погибших татарстанцев оказался трудным, долгим, а результаты неожиданными. Опровергнуть известные ранее результаты заставил быстро нарастающий поток информации.

После полутора лет поисковой и исследовательской работы в электронном банке данных редакции числилось 200 тысяч погибших, и список продолжал расти. На десяти произвольно взятых районах мы показываем процесс нарастания информации (см. таблицу).

Анализ данных о погибших с использованием новых источников и методик стал одной из главных задач в процессе создания Книги Памяти.

В первой графе показаны цифры, подсчитанные исходя из документов, которыми располагали военные комиссариаты республики

---

¹²⁶ Текущий архив редакции Книги Памяти РТ. Справка военного комиссариата 1990 г.

¹²⁷ Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977. С. 287.

**Рост информации о погибших в годы войны
в 10 районах Татарстана в редакции Книги Памяти**

Районы	Январь 1990	Ноябрь 1992	Август 1994	Январь 1996	Декабрь 1997
Агрызский	1859	8229	8078	8250	8537
Актанышский	2091	9370	9995	10184	10469
Балтасинский	1367	6580	6902	6780	7593
Высокогорский	3371	10780	9841	1011	10614
Зеленодольский	2969	7021	9590	11505	10374
Лаишевский	2718	1416	9379	9226	9395
Мамадышский	2918	9609	7936	7715	11394
Мензелинский	1832	4236	4161	5739	6111
Спасский	1424	4400	4379	8115	8307
Чистопольский	2734	3363	6877	8645	9593

Составлено по: Текущий архив редакции Книги Памяти РТ. Динамика поиска погибших по годам.

на момент начала работ. Затем началась работа по пополнению списка из разных видов источников. Колебания количества погибших по годам в одних и тех же районах говорят о том, что одни и те же фамилии, полученные из разных источников, заносились в банк данных по несколько раз. При удалении неоднократно повторяющихся одних и тех же фамилий количество уменьшалось, затем вновь росло за счет вновь обнаруженных сведений и т.д.

Издание Книги Памяти – результат кропотливой поисковой и научно-организационной работы коллектива редакции. Приступая к работе, редакция не обладала до конца отработанной технологией поиска. Только через два года постепенно выстроилась научная методика исследования. Полученные из различных видов источников сведения заносились в компьютерную память в виде электронной картотеки. Карточка имела следующую информацию: фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения, военкомат призыва, номер воинской части, воинское звание, признак причины выбытия, место захоронения, номера описи, дела, листа, номер госпиталя или медсанбата в ЦАМО или другом архиве¹²⁸.

¹²⁸ Память. Казань, 1993. С. 7.

Списки погибших постоянно пополнялись за счет связей с регионами страны, данными поисковых отрядов и собственных редакционных исследований. Когда первые тома дошли до читателей, началась обратная связь. Оказалось, что многие родственники не обнаружили в книгах районов своих родных. Счет шел на тысячи и встал вопрос об издании дополнительных томов. На сегодняшний день, кроме 23 основных томов, издано 5 дополнительных – из них 2 по военнопленным.

Подводя итог сказанному, надо отметить, что благодаря изданию Книги Памяти в Татарстане узнали истинную трагедию, постигшую ее народы. До издания Книги считалось, что из 560 тысяч ушедших на фронт погибло 87 тысяч. Именно столько числилось по документам военных комиссариатов. Когда же был открыт доступ к архивам, то оказалось, что с территории Татарской АССР было призвано около 700 тысяч человек, около 350 тысяч не вернулось. Погибшие составили 11,5% от довоенного населения республики. Таким образом, редакции удалось дополнительно к ранее известным прибавить более 250 тысяч имен солдат и офицеров, павших на фронтах Великой Отечественной войны, и увековечить их память¹²⁹.

Выход в свет Книги Памяти Республики Татарстан, уникального и монументального издания, относится к числу важнейших общественно-политических и духовно-нравственных событий в культурной жизни республики. Книга Памяти – это итог многолетней научно-исследовательской и поисковой работы, проделанной специалистами и энтузиастами по выявлению и увековечению всех тех, кто отдал свои жизни за Родину.

Взгляд на Книгу Памяти как на поименный памятник погибшим не исчерпывает всех сторон этого издания. Работая над ее содержанием, приходим к мысли о том, что это настоящий документ истории. По нему можно проследить боевой путь земляков, которые участвовали во всех крупнейших сражениях, вошедших в историю Великой Отечественной войны. Исходя из аналитического исследования редакции Книги Памяти РТ, выходит, что около 22 тысяч татарстанцев погибло в Сталинградской битве, около 40 тысяч осталось у стен

---

¹²⁹ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2008. С. 392.

Ленинграда, более 3,5 тысяч полегло в Ржевско-Вяземской операции¹³⁰ и т.д.

Материалы книги Памяти открывают большие перспективы для научно-исследовательской, учебно-преподавательской деятельности в вузах, специальных учебных заведениях в школах, в организации и проведении различных вечеров, встреч с ветеранами войны и других форм патриотического воспитания молодежи.

В полном составе Всероссийская Книга Памяти из 77 регионов страны находится в специальном зале памяти Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной Горе в Москве. Торжественная церемония передачи Книги Памяти Республики Татарстан в мемориальный зал состоялась 25 апреля 1995 г. с участием делегации из Республики Татарстан.

Историография Великой Отечественной войны пополнилась новым источником. Создана 28 томная Книга Памяти, в которой увековечено около 350 тысяч земляков, это 11,5 процентов от довоенного населения республики. Каждый второй из 700 тысяч ушедших на фронт остались на полях сражений¹³¹. Книга стала драгоценной семейной реликвией. Это документ, по которому можно проследить боевой путь татарстанцев, их вклад в Победу.

Таким образом, в ходе работы по созданию Книги Памяти Республики Татарстан получены научные результаты, достоверность которых подтверждена новыми документами. Поименные списки погибших за Родину имеют значение государственных архивных документов. В результате огромной поисковой и исследовательской работы удалось опровергнуть существовавшую статистику не соответствующую исторической истине о количестве погибших татарстанцев, ввести в научный оборот и сделать ее официальной в Республике Татарстан.

---

¹³⁰ Текущий архив редакции Книги Памяти РТ. Аналитическая справка. 2009 г.

¹³¹ Научный Татарстан. Гуманитарные науки. История, филология, 2010. С. 33.

Корнилова Е.А.

**Казанский русский Большой драматический театр
в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

Великая Отечественная война оказала большое влияние на жизнь Казанского Большого драматического театра. Гастроли, планируемые дирекцией с 15 января по 20 июля 1941 г. с их продолжением до октября 1941 г. в Ленинграде, закончились намного раньше: 22 июня началась война, а 27 июня коллектив театра небольшими группами начал выезжать в Казань¹³². За время гастролей театр не успел получить ожидаемой прибыли¹³³, однако начал работу над новыми пьесами – «Испанский священник», «Дворянское гнездо», «Фельдмаршал Кутузов» и др. При экстренном отъезде из Ялты театр не смог взять с собой большую часть декораций к спектаклям, потому что для их перевозки требовалось 18 вагонов¹³⁴. Труппа отказывается от очередного отпуска и, собравшись к 22 июля в Казани, играет первый спектакль «Кремлевские куранты» 16 августа и начинает работу над первым спектаклем на антифашистскую тему – «Мой сын» Гергеля и Литовского (премьера – 24 августа)¹³⁵. Далее идут премьеры: «В степях Украины» Корнейчука – 6 сентября, «Фельдмаршал Кутузов» Соловьева – 22 октября¹³⁶, «Батальон идет на запад» Мдивани – 3 декабря. Из 8 планируемых премьер на 1941 г. театр поставил лишь 4. Кроме премьер, на сцене театра шли 2 советские («Кремлевские куранты», «Сады цветут») и 4 классические пьесы («Царь Федор Иоаннович», «Маскарад», «Дама-невидимка», «Дядя Ваня»). Всего на сцене КБДТ за год показано 10 наименований спектаклей, их посмотрело 104374 зрителя, а сбор от них составил 650234 рубля¹³⁷. Спектакли шли утром и вечером, ставились специальные спектакли в выходные для театра дни (понедельник), сбор от которых посту-

¹³² НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 48. Л. 33–34; Д. 49, запись от 22.07.41.

¹³³ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2, Д. 53. Л. 28.

¹³⁴ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 47. Л. 87–88.

¹³⁵ Дельга. «Мой сын» // Красная Татария. 1941. 14 сентября. С. 4.

¹³⁶ Козлова Н. Патриотический спектакль // Красная Татария. 1941. 27 октября. С. 4.

¹³⁷ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 62. Л. 1–6.

пал в фонды на различные цели. С 29 октября 1941-го по 13 января 1942 г. в одном помещении с КБДТ работает Татарский Академический театр¹³⁸. Оба театра ставят в месяц не менее 44 спектаклей. В помещениях КБДТ также располагались некоторые организации оперного театра, а оркестр последнего обслуживал спектакли русского и татарского театров. Кроме того, в КБДТ разместились Управление по делам искусств при СНК ТАССР, Всероссийское театральное общество и обком РАБИС¹³⁹.

Коллектив КБДТ не остался в стороне от военных нужд страны: им были собраны средства на строительство эскадрильи «Советский театр», сданы в фонд обороны ценные вещи, даны шефские спектакли и концерты в госпиталях и спектакли в выходные дни для получения средств на покупку теплых вещей бойцам и т.д.¹⁴⁰ Несколько актеров КБДТ в декабре 1941 г. отправляются в составе республиканской сборной бригады на фронт для культурного обслуживания Красной Армии. Однако сам театр вынужден работать в условиях дефицита материальной базы и хороших пьес на актуальную тему войны, что тормозило выпуск премьер. В шефской работе участвовали далеко не все актеры, а в основном те, кто занимался ею до войны. Организация шефских выступлений в целом по республике была не на высоком уровне: много накладок и неувязок случилось не по вине артистов¹⁴¹. Из всего этого можно сделать вывод, что в самом начале войны были созданы предпосылки для перестройки деятельности театра на военный лад.

Первой премьерой 1942 г., 12 февраля, стала классическая комедия – «Испанский священник» Д.Флетчера. Далее следуют другие премьеры: «Партизаны в степях Украины» А.Корнейчука – 24 февраля, «Полк ДД» Водопьянова и Лаптева – 16 апреля, «Тот, кого искали» Раскина и Слободского – 30 апреля, «Слуга двух господ» К.Гольдони – 21 июля, «Русские люди» К.Симонова – 20 августа,

¹³⁸ Красная Татария. 1941. 23 октября. С. 4; 1942. 3 января. С. 2.

¹³⁹ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 47. Л. 106.

¹⁴⁰ Октябрьские вечера и концерты // Красная Татария. 1941. 6 ноября. С.4; Построим эскадрилью «Советский театр» // Там же. 26 декабря. С.2; НАРТ. Ф. Р-280. Оп.2. Д. 47. Л.69.

¹⁴¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 6. Л. 104–105.

«Беспокойная старость» – 16 октября, «Фронт» – 13 ноября¹⁴². За 1942 г. на сцене КБДТ прошло 17 наименований спектаклей общим количеством 388, которые просмотрело 360276 зрителей, а сумма сбора составила 3479400 рублей. Чистая прибыль 1942 г. составила 1470 тыс. рублей¹⁴³. Театр в это время оставался финансово самостоятельным и приносил определенный доход.

Еще 7 премьер вышло в 1943 г.: 23 января – «Маскарад», 20 февраля – «Нашествие», 23 апреля – «Горячее сердце», 11 мая – «Жди меня», 3 июля – «Свадьба Кречинского», 21 августа – «Давным-давно», 12 ноября – «Лодочница». В первой половине 1944 г. театр выпустил еще 4 премьеры: 13 января – «Ревизор», 4 февраля – «Дворянское гнездо», 18 марта – «Вынужденная посадка», 17 июня – «Правда – хорошо, а счастье лучше». Многие спектакли получили высокую оценку в прессе. Характерно, что в данный период театр уже имеет достаточное количество крупных произведений на тему войны – «Жди меня», «Вынужденная посадка», «Фронт», «Полк ДД», «Партизаны в степях Украины» и др. Однако план постановок постоянно срывался и не выполнялся в силу разных причин: отставание технических цехов, затягивание режиссерами постановок и т.д. Также своевременное осуществление новых постановок не может реализовывать и контролировать художественный руководитель театра Е.Г.Гаккель. Это неоднократно отмечает как коллектив театра, так и различные вышестоящие организации, однако от его замены на режиссера Н.А.Медведева директор театра отказывается.

В 1942–1944 гг. театр отправляет на фронт наибольшее количество бригад. Первая бригада под руководством заслуженного артиста ТАССР А.Д.Гусева работала на Карельском фронте с августа по октябрь 1942 г.¹⁴⁴ В этом же году театр отправил на фронт режиссера Б.Э. Ниренбурга для инструктажа красноармейской самодеятельности. Следующей бригадой театра руководил А.В.Люлюкин (декабрь

¹⁴² Гаккель Е., Ниренбург Б. «Партизаны в степях Украины» в большом театре // Красная Татария. 1942. 20 февраля. С. 4; Войтинская З. «Полк ДД» // Там же. 23 апреля. С. 2; Козлова Н. «Фронт» // Там же. 18 ноября. С. 2; НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 56. Л. 2.

¹⁴³ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 62. Л. 1–6.

¹⁴⁴ Мазитова Г.В. Учреждения и деятели искусств Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990. С. 215–238.

1942 – март 1943 гг.), на Северо-Западном фронте побывала бригада Л.Н.Шаронова (сентябрь – октябрь 1943 г.), на 3-м Белорусском – бригада И.И.Злобина (апрель – июль 1944 г.)¹⁴⁵. В сумме театр отправил на фронт 4 актерские и 1 режиссерскую бригады. Сколачивались они наспех, сразу после получения телеграммы из Москвы¹⁴⁶. Бригады испытывали сложности с репертуаром и с его практической подготовкой, ведь это делалось в свободное от основной работы, шефства и решения бытовых проблем время. Тем не менее, бригады БДТ на фронте оказывались востребованными и получали благодарности от воинских частей.

С начала войны до апреля 1942 г. артисты КБДТ осуществили в госпиталях 929 выступлений¹⁴⁷. В июле 1942 г. КБДТ организовал бригаду и отправил ее на обслуживание уборочной кампании в колхозы и совхозы республики в прилегающих к Казани районах¹⁴⁸. У театра был собственный участок в 20 га, где выращивался картофель и другие овощи для нужд работников и для обеспечения столовой, появившейся в 1942 г. Организовали и выращивание свиней на мясо. Большинство актеров жили в общежитии театра¹⁴⁹. Для укрепления безопасности в 1942 г. работники выкопали около театра щель для укрытия. Театр продолжает ставить спектакли в свои выходные дни и отправлять прибыль в различные фонды, он участвует в военных госзаймах, берет на воспитание детей, оставшихся без родителей¹⁵⁰, оказывает помощь семьям фронтовиков.

Работа театра не осталась незамеченной. В 1942 г. актрисе КБДТ М.Н.Преображенской было присвоено звание Заслуженной артистки РСФСР. В декабре 1943 г. на открывшемся смотре русской классики театр хорошо себя показал, выделившись спектаклями «Ревизор», «Маскарад» и «Горячее сердце». Ряд актеров и режиссер Е.Г.Гаккель награждены премиями. Далее следует передача театра из областного в республиканское ведение, а 21 июня 1943 г. театр получил статус государственного. В том же 1943 г. при театре открывается студия для подготовки молодых кадров актеров, которая в 1944 г. проводит

¹⁴⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 8. Л. 15, 48–49; Д. 9. Л. 33–34.

¹⁴⁶ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 62. Л. 1–6.

¹⁴⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–19.

¹⁴⁸ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 54. Л. 34.

¹⁴⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 7. Л. 43–44.

¹⁵⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 8. Л. 38–40.

второй набор студентов и выпускает два курса в 1946–1947 гг.¹⁵¹ Таким образом, театр перестроился в соответствии с новыми требованиями и показывал успехи, несмотря ни на какие бытовые трудности в осуществлении профессиональной деятельности.

Что касается репертуара театра второй половины 1944 – мая 1945 гг., то для него характерно появление двух спектаклей-премьер советских авторов после полугодового классического репертуара: 4 ноября – «Офицер флота», 24 ноября – «Встреча в темноте». В это же время поставлена давно ожидаемая сказка для учащихся, а почти готовый «Сирано де Бержерак» из-за болезни постановщика пришлось срочно менять на «Отелло», которым открылся новый сезон 1944 г. В 1944 г. театр отыграл 323 спектакля, которые посмотрели 282057 зрителей, получил 2668000 рублей дохода¹⁵². Репертуар 1945 г. был изначально задуман как оптимистический. До 9 мая 1945 г. театр осуществил 3 новые постановки: «Горе от ума» – 15 января, «Собака на сене» – 17 февраля, «Так и будет» – 8 марта.

9 мая 1945 г. театр отметил спектаклем «Так и будет», шефским концертом для воинских частей, заметкой в «Красной Татарии» Ф.В.Григорьева¹⁵³. 3 сентября 1945 г. также шел этот же спектакль.

Общественная жизнь театра в этот период выразилась в отмечаении «смертных» дат – 40-летие со дня смерти писателя А.П.Чехова и 100-летие со дня смерти баснописца И.А.Крылова, участии в мероприятиях ВТО и Дома актера и слушании лекций для интеллигенции города на политические темы.

Продолжалось шефство над промышленными и сельскохозяйственными учреждениями. В октябре 1944 г. проведен месячник в помощь семьям фронтовиков. В период весеннего сева 1945 г. актеры КГБДТ и Татгосфилармонии были в составе бригад, культурно обслуживающих МТС и совхозы. В совокупности за годы войны сборы со спектаклей, организованных театром на различные нужды обороны, составили 805499 рублей¹⁵⁴.

В период второй половины 1944 – мая 1945 гг. театр отправлял на фронт бригаду под руководством актера КГБДТ В.А. Гранат. Всего за время войны театр отправил на фронт 7 бригад.

¹⁵¹ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 64. Л. 2–5.

¹⁵² НАРТ. Ф.Р-280. Оп. 2, Д. 73. Л. 6.

¹⁵³ Григорьев Ф. Благородная цель // Красная Татария. 1945. 9 мая. С. 3.

¹⁵⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 10. Л. 46–47.

В этот же период продолжалась работа студии при КГБДТ. В мае 1945 г. срок обучения в ней был увеличен до 3 лет, одновременно Управление по делам искусств при СНК РСФСР запретило прием студентов на новый учебный год¹⁵⁵. Поэтому выпусков студийцев было всего два – в 1946 и 1947 гг. В июле 1944 г. в студию второй раз набрали студентов. Студенты первого набора по итогам экзаменационных испытаний по разным дисциплинам 22 июля 1944 г. были переведены на второй курс, отправлены на каникулы, а с 1 сентября 1944 г. у них начались занятия. Первокурсники же начали заниматься с 15 сентября. В мае 1945 г. к празднованию 25-летия ТАССР студийцы готовили показательный вечер. В следующем учебном году занятия начались с 1 сентября 1945 г. при 11 учащихся на 3 курсе и 14 на 2-м. Однако почти все студийцы были заняты в постановке к октябрьским праздникам спектакля «Иван Грозный», поэтому занятия вначале шли нерегулярно. В связи с поездкой на долгожданные гастроли в Сочи и Кисловодск первый выпуск студии при КГБДТ состоялся не в июле, как планировалось, а в апреле. В итоге в апреле 1946 г. состоялся первый выпуск студии в составе 11 человек: Алексагин, Малышев, Вершков, Овечкин, Симановский, Воронцова, Гурова, Кузнецова, Шошенкова, Щербик. Студия подготовила 2 выпуска актеров разных амплуа, которые затем направлялись на работу в разные театры.

Театр долгие годы, с начала войны до конца апреля 1946 г., не выезжал на гастроли. По ряду причин в его коллективе назревали усталость от трудностей военного быта и перегруженности работой, желания у некоторых актеров с окончанием войны уехать из Казани в другой театр, чтобы попробовать себя там. Энтузиазм первых лет войны к ее концу прошел. К тому же, в этот период исход войны был очевиден, и люди справедливо хотели улучшения качества жизни и труда.

За весь период войны КГБДТ поставил 20 наименований советских пьес в количестве 657 спектаклей, которые посмотрело 580766 зрителей. Из спектаклей 11 – на тему Великой Отечественной войны, 6 – мирных, 1 – исторический, 1 – антифашистский, 1 – сказка для детей. За тот же период было поставлено 12 классических пьес в количестве 439 спектаклей, которые посмотрело 387849 зрителей. 15 января 1945 г. выпущена еще одна классическая пьеса – «Горе

---

¹⁵⁵ НАРТ. Ф. Р-280. Оп. 2. Д. 79. Л. 31–36.

от ума» Грибоедова, вторая классическая пьеса «Собака на сене» – 17 февраля, советская пьеса на тему войны «Так и будет» – 8 марта. Итого к концу войны театр поставил 21 советскую пьесу (на тему Великой Отечественной – 12) и 14 классических. Отношение классики к советскому репертуару 2:3, причем основная масса советских спектаклей на тему идущей войны (12 – военных, 10 – мирных).

Во второй половине 1945 г. начался новый этап развития театра: снова сменилась идеология, содержание репертуара, формы шефской работы и общественной деятельности коллектива театра. Театр всеми силами стал способствовать скорейшему восстановлению мирной жизни и труда.

Королева Л.А., Королев А.А.

Вклад Русской Православной Церкви в великую победу (по материалам Пензенского региона)

«Пограничная ситуация» Великой Отечественной войны заставила советские власти фактически «амнистировать» религию. Произошло значительное сближение режима с Русской Православной Церковью, тесно связанной с национальной историей. В значительной степени это сближение было обусловлено патриотической позицией, занятой РПЦ в годы войны, ее роль в победе была значительной: «Хорошо известна ее деятельность по мобилизации духовных и нравственных сил людей на борьбу с фашизмом... Слово духовенства в защиту Родины имело определяющее значение для миллионов и миллионов людей. Значителен был и материальный вклад церкви»¹⁵⁶. Митрополит Сергей в военный период более 23 раз обращался с патриотическими призывами к верующим¹⁵⁷. Общая сумма денежных средств РПЦ правительству СССР составила к весне 1945 г. свыше 300 млн. руб.¹⁵⁸ Активная международная деятельность Московской патриархии способствовала укреплению

¹⁵⁶ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 181.

¹⁵⁷ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 334.

¹⁵⁸ Шкаровский М.В. Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М., 1997. С. 332.

авторитета страны. Советские власти разрешают восстановление патриархии, создается Совет по делам РПЦ (1943 г.), облегчается открытие церквей и молитвенных домов, церкви получили право на приобретение зданий и предметов культа, возрождается колокольный звон, снижается налогообложение монастырей и т.д. Совнарком позволил открыть в Москве богословский институт и пастырские курсы. На местах начавшийся диалог «власть – церковь» получил быструю реализацию.

Исходя из национального состава населения Пензенской области, основной религией региона было православие, распространенное, главным образом, среди русских (86,2% всего населения области), мордвы (5,7%), украинцев (1,0%), белорусов и других национальностей, проживавших в Пензенском крае (всего около 96% общей численности населения)¹⁵⁹.

До Великой Отечественной войны в Пензенской области функционировало 2 церкви (Митрофановская кладбищенская в Пензе и Казанская кладбищенская в Кузнецке). С 5 ноября 1941-го по 19 января 1942 г. Митрофановский храм был закрыт. Всего же, согласно учетным данным, в области к середине 1944 г. насчитывалось 506 православных храмов, из которых 476 использовались под хозяйственные и культурно-просветительские нужды, 28 стояли пустыми. В 1945 г. в результате изменения государственной церковной политики в Пензенском крае было открыто 16 церквей и 2 молельных дома (Пенза, с. Аблязово, Вадинск, Варезжа, Ершово, Калиновка, Козлятское, Колесовка, Лопатино, Малая Ижмора, Нижние Печуры – молитвенный дом, Николо-Пестровка, Поим, Салтыково, Сущевка – молитвенный дом, Тешнярь, Хованщино, Юлово); в 1946 г. – 10 церквей (г. Беднодемьяновск, Сердобск, с. Аришка, Большой Мичкас, Липовка, Мокшан, Русская Норка, Плетневка, Соловцовка, Усть-Вазерки); в 1947 г. – 2 церкви и 1 молельный дом (Кузнецк, Белинск – молитвенный дом, с. Лермонтово). Из 25 районов области, в которых функционировали церкви, в Пензе, Белинском, Кузнецком, Мокшанском, Нижне-Ломовском, Поимском районах имелось по две действующие церкви¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 50; Д. 21. Л. 16.

¹⁶⁰ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.

В период Великой Отечественной войны первым архиереем, назначенным на Пензенскую кафедру, был епископ Кирилл (Леонид Николаевич Поспелов). Указ о назначении его епископом Пензенским и Саранским был подписан 27 марта 1944 г. Но уже в июле того же года он был перемещен на Ташкентскую кафедру, его место занял епископ Михаил (Михаил Степанович Постников). Епископ Михаил имел богословское, медицинское, историко-филологическое и юридическое образование, окончил консерваторию, владел греческим, латинским, немецким, французским, литовским, польским и другими языками. 26 января 1947 г. епископ Михаил был переведен на Ивановскую кафедру, и на его место вновь был назначен епископ Кирилл.

Пензенская епархия находилась в Пензе по адресу – ул. Гоголя, д. 29. Церкви, относившиеся к Пензенской епархии, входили в 6 благочинных округов, 4 из которых располагались в Пензенской области:

- городской благочинный округ;
- 1-й благочинный округ – Беднодемьяновск, с. Вадинск, с. Козлятское, с. Большой Мичкасс, с. Головинская Ваоежка, п. Мокшан, с. Новые Пичуры, с. Аришка, с. Николо-Пестровка, с. Соловцовка;
- 2-й благочинный округ – Кузнецк, с. Нижне-Аблязово, с. Тешнярь, г. Сердобск, с. Русская Норка, с. Хованщина, с. Сущевка;
- 3-й благочинный округ – Белинский, с. Поим, с. Ершовка, п. Башмаково, с. Липовка, с. Калиновка, с. Малая Ижмора, с. Салтыково¹⁶¹.

Православное духовенство, обслуживавшее церкви Пензенского региона, в 1944 г. включало в себя 6 священников, 3 дьякона; в 1945 г. – 1 епископа, 12 священников, 3 дьякона, 2 псаломщика; по мере открытия церквей в области увеличивалось количество священнослужителей, причем, более половины из них были осуждены, главным образом, по ст. 58¹⁰ 162. Часто судимость священников служила поводом к отказу в их регистрации. В Пензенской области, как и в целом по стране, «ситуацию ... для РПЦ можно охарактеризовать как кризисную. Многие священники были уничтожены или репрессированы, производить же кадровые пополнения в этой сфере по понятным причинам долгие годы не представлялось возможным»¹⁶³.

¹⁶¹ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 52. Л. 231–235; Д. 3. Л. 25.

¹⁶² ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 25; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

¹⁶³ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 186; ГАПО Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

По возрасту преобладали священники преклонных лет – старше 55 лет; по национальному составу пензенское духовенство было представлено, в основном, русскими и мордвой. У пензенского городского духовенства был более высокий образовательный уровень, нежели у сельского. Епископ Кирилл подчеркивал, что «очень многие из его духовенства слабо подготовлены к пастырской деятельности, не только не могут говорить проповедей, но есть и такие, которые даже не умеют правильно читать по-славянски»¹⁶⁴. В свою очередь, сельские священнослужители были активнее городских.

Местное пензенское духовенство активно поддерживало все начинания церковного руководства. В 1945 г. проповеди пензенского епископа вызвали, по сообщению уполномоченного Совета по делам РПЦ по Пензенской области Лысманкина Н.И., значительный патриотический подъем у верующих, что выразилось в сборе средств в различные фонды. Об этом епископом Постниковым на имя Сталина И.В. была даже направлена телеграмма: «В своих проповедях и беседах духовенство ставит своей задачей развить у верующих горячую любовь к Родине, к нашему Правительству и гениальному Вождю и полководцу товарищу И.В. Сталину»¹⁶⁵. Проповеди священников городов области – Пензы, Кузнецка и других отличались большей интеллектуальностью, социальной направленностью и актуальностью, приближением к проблемам сегодняшнего дня, по сравнению с сельской местностью, что объяснялось, по-видимому, уровнем аудитории, на которую рассчитаны проповеди, и священнослужителей, более молодых и профессионально подготовленных.

Еще до назначения в Пензу архиерея единственная действовавшая в городе Митрофановская церковь начала перечислять средства на различные патриотические цели: в 1943 г. – 735000 руб., за первую половину 1944 г. – 195000 руб., теплых вещей – на сумму 52000 руб., позже дополнительно еще перечислила 10000 руб. на эвакуогоспитали. Казанская церковь за первых три квартала 1944 г. перечислила 1265000 руб. Взносы православных церквей Пензенского края на патриотические цели только за один квартал 1945 г. составили 2072000 руб., из них в «Фонд детям и семьям военнослужащих» – 142000, «Фонд инвалидов Отечественной войны» – 45000, на 4-й

¹⁶⁴ ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 61–69.

¹⁶⁵ ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Д. 27. Л. 24.

военный заем – 3299000, по облигациям «Фонда детям военнослужащих» – 500000. Всего за период Великой Отечественной войны прихожанами и духовенством пензенских церквей в помощь фронту было собрано более 8 млн. рублей, из которых основная часть приходилась на три церкви – Митрофановскую и Мироносицкую в Пензе и Казанскую в Кузнецке¹⁶⁶.

Особенно отличился настоятель Казанской церкви Кузнецка протоиерей Авраамий Петрович Михайлов, получивший за время войны три благодарности Сталина И.В. за оказанную фронту денежную помощь: 30 декабря 1943 г. – за пожертвование на боевые авиаэскадрильи 150000 руб. и на теплые вещи бойцам: от церковного совета – 100000 руб. и от него лично – 115000 руб.; 2 ноября 1944 г. – за пожертвование в Фонд помощи семьям военнослужащих 230 тысяч рублей (по 115000 руб. от церковного совета и от него лично); за пожертвование на танковую колонну им. Димитрия Донского – 50000 руб. от церковного совета Казанской церкви и 25000 руб. от него.

Материальная помощь государству со стороны православных церквей продолжалась и в послевоенный период. Так, на восстановление народного хозяйства в 1946 г. было собрано взносов на сумму 3157449 руб., из них личные средства священников – 292825 руб.¹⁶⁷

Региональные православные священнослужители в стремлении сохранить хрупкое равновесие в отношениях с властью иногда «перебарщивали» с демонстрацией своей лояльности, вызывая отторжение у верующих. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Пензенской области Лысманкин Н.И. отмечал: «Духовенством сельских храмов ... патриотическая работа проводилась с большим вниманием, так в некоторых населенных пунктах появились злостные слухи о том, что в настоящее время церковь – новая, и служители ее – обновленцы. Для опровержения этих слухов духовенству пришлось разъяснять верующим об управлении русской церковью, .. доброжелательном и внимательном отношении к церкви со стороны советского правительства вообще и в частности со стороны великого и мудрого вождя Генералиссимуса И.В. Сталина»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 27. Л. 128.

¹⁶⁷ Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Кн. I. Исторический очерк. Пенза, 1999. С. 346.

¹⁶⁸ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 27. Л. 128.

В 1944–1946 гг. регистрировалась стабильно поступательная динамика подачи ходатайств об открытии церквей, затем – явный спад в результате очередного «закручивания гаек» в отношении конфессий со стороны государства: в 1944 г. было подано 55 заявлений, 1945 г. – 168, 1946 г. – 192, 1947 г. – 67, 1948 г. – 35. Всего с 1944 г. по 1949 г. от православных верующих Пензенского края в различные государственные инстанции было подано около 600 заявлений из 177 населенных пунктов области с прошениями об открытии церквей. Из всех поданных прошений 1944–1947 гг. было удовлетворено 89 из 31 населенного пункта области – 17,2% к общему количеству ходатайств¹⁶⁹. Мотивами для отказа служили различные причины – неудовлетворительное состояние церковных зданий, использование их под культурно-хозяйственные цели, отказ подписавшихся под заявлениями от своих подписей, т.е. их якобы подделали и т.д. Процедура рассмотрения заявлений состояла в проверке ходатайств на местах – в райисполкомах, куда они должны были отправляться уполномоченным. Но даже в феврале 1945 г., хотя государственно-конфессиональные отношения явно «потеплели», Совет по делам РПЦ следующим образом оценил работу уполномоченного по Пензенской области Лысманкина Н.И.: «За весь 1944 год т. Лысманкиным не рассмотрено ни одного заявления верующих об открытии церквей и молитвенных домов, и облисполкомом не принято ни одного решения об отклонении ходатайств верующих и не дано ни одного заключения об удовлетворении ходатайств, при наличии 56 первичных и 8 повторных заявлений и при полном отсутствии действующих церквей в сельских местностях области», т.е. «ряд заявлений верующих ... месяцами задерживаются с ответами о результатах их проверки, тем самым затягивается окончательное разрешение вопросов, связанных с открытием церквей, следствием чего порождаются нарекания верующих...»¹⁷⁰.

В военный период РПЦ организационно окрепла, что не совпало с намерениями советского государственно-партийного руководства. Религия, вопреки мощным усилиям властей, представляла весьма значимую компоненту в жизни советских людей. Хотя в социалистическом обществе должно было господствовать научно-

¹⁶⁹ ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

¹⁷⁰ ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.

материалистическое мировоззрение, «опиум для народа» не сдавал своих позиций. Советское руководство, осознавая всю опасность данного положения, стремилось держать под контролем ситуацию и всеми силами «освободить советских людей из плена религиозных предрассудков», особо распространившихся в годы войны.

Костякова Ю.Б.

**«Окна сатиры» в газете «Советская Хакасия»:
над чем смеялись в войну**

С началом Великой Отечественной войны облик и содержание центральных и местных газет начали меняться. Этот процесс растянулся почти на два месяца, его результаты стали заметны в августе – сентябре 1941 г., когда по Решению ЦК ВКП(б) от 20 августа 1941 г. «Об областных и районных газетах» значительно уменьшился тираж, объем и периодичность местных изданий. Стиль и тематика материалов также изменились в связи с тем, что «шапкозакидательские» настроения и ожидание скорого и победоносного окончания войны были разрушены неутешительными сообщениями с полей сражений.

Областная газета «Советская Хакасия», как и другие издания, размещала на своих страницах обязательства по выполнению и перевыполнению планов, призывы собирать теплые вещи или средства в фонд обороны страны, заметки о передовиках производства, сообщения о новых трудовых починах и инициативах. Поэтому мы не согласимся с утверждением некоторых ученых, что публикации военных лет «помогают понять социально-психологическое состояние людей, работающих в экстремальных условиях»¹⁷¹, поскольку считаем, что задачей таких материалов являлось не отражение реальной действительности, а формирование представлений о трудовом героизме, как о жертвенности, когда человек отдавал свои силы, здоровье, время, жизнь, не требуя ничего взамен. Но в то же время анализ содержания отдельных рубрик, в частности, сатирических, позволяет выявить

---

¹⁷¹ Важова Н.М., Клинников В.В. Газета «Советская Хакасия» – важнейший источник изучения трудовой инициативы трудящихся Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Хакасия в годы Великой Отечественной: боевой и трудовой подвиг. Абакан, 1995. С. 62–64.

психологические средства воздействия на людей и определить специфику использования жанров, приемов изображения действительности, раскрытия определенных тем в военный период.

Особенностью пропаганды на начальном этапе Великой Отечественной войны, как считает Е.И. Головченко, «являлось доминирование пропагандистских стереотипов в восприятии противника, использование пропагандистских штампов предвоенного периода»¹⁷². В условиях реальной войны прежние приемы высмеивания врага оказались неэффективными. Из-за этого, как мы считаем, политические плакаты, где враг изображался уничижительно-карикатурно, исчезли со страниц рассматриваемого издания к концу осени 1941 г.

Но потребность в эмоционально-психологической разгрузке, которую мог дать смех, у населения была высока. С началом Великой Отечественной войны люди пережили шок, вызванный не только самой войной, но и резким изменением условий жизни, работы, досуга. Население даже таких далеких от мест сражений регионов, как Хакасская автономная область, испытывало серьезный социальный, моральный и физический стресс. На физическое и психическое состояние людей оказывали негативное влияние различные факторы: отмена отпусков, увеличение продолжительности работы за счет добровольно-принудительных сверхурочных и субботников, сокращение доходов и, как следствие, снижение уровня потребления товаров и услуг, оскудение рациона питания, повышение ответственности за результаты труда, а также за жизнь и здоровье оставшихся на попечении стариков и детей, беспокойство за воюющих близких. В этой ситуации своеобразной «отдушиной», средством снятия стресса являлись юмористические и сатирические материалы, которые позволяли не просто посмеяться, но и уменьшить страхи, настроиться на позитивный лад и с большим оптимизмом смотреть в будущее.

Поэтому в ноябре 1941 г. в «Советской Хакасии» наряду с новыми рубриками «Письма на фронт и с фронта», «Все для фронта, все для победы!» и другими были созданы «Окна сатиры». По своему содержанию и оформлению они представляли собой агитационно-пропагандистские материалы сатирического характера, подобные

---

¹⁷² Головченко Е.И. Пропагандистское воздействие на советское население в начале Великой Отечественной войны. Режим доступа: <http://pish.ru/blog/195> (18 марта 2010 г.).

тем, что размещались в специальных газетных витринах. Всего в течение 1941–1943 гг. вышли 22 «Окна», содержавшие изобразительные (карикатуры) и текстовые (фельетоны, басни, пародии, сатирические словари, анекдоты, частушки) материалы.

Наиболее эффективным изобразительным сатирическим жанром являлась карикатура. В отличие от пропагандистских плакатов, в таких рисунках враг представлялся в комичном, неприглядном виде, вызывавшем больше насмешку, чем отвращение. Автор карикатуры имел больше возможностей для создания образов, быстрее реагировал на события, точнее подмечал реальные черты героев и антигероев. В отличие от плакатов, карикатуры на фашистских солдат и лидеров Германии в «Советской Хакасии» создавались местными художниками. В конце 1942 г. редакция объявила конкурс под лозунгом «Бей врага карикатурой, плакатом, рисунком!». Но из 100 работ, представленных 82 авторами, собственно карикатурами условно можно назвать только две. Это косвенно подтверждает мнение, что карикатура является сложным жанром. Рисунки конкурсантов и других непрофессиональных карикатуристов (Р. Руйг, В. Шоев) схематичны, не оригинальны по сюжету.

Резкий контраст с ними составляют работы Б.Н. Соколова – московского художника, оказавшегося в Хакасии в эвакуации. Практически все его карикатуры были опубликованы в рубрике «Окна сатиры» в период с 23 ноября 1941 по 13 июля 1943 г. Рисунки выполнялись тушью на бумаге и после публикации на страницах газеты выставлялись для всеобщего обозрения в витринах и окнах домов. Многие карикатуры создавались «на злобу дня», являлись откликами на сообщения Совинформбюро или ответами на письма в редакцию. Некоторые представляют собой самостоятельные работы, построенные по принципу противопоставления: фашистские офицеры с железными крестами на груди – они же в могилах под крестами деревянными. Другие являлись иллюстрациями к стихотворным пародиям, созданным, в частности, известными местными поэтами И. Ерошиным и А. Фейгельманом. Согласимся с мнением искусствоведа М. Чебодаевой, изучавшей творчество Б.Н. Соколова, что его рисунки «поднимали моральный и боевой дух, были проникнуты оптимизмом, верой в победу над врагом»¹⁷³.

¹⁷³ Чебодаева М. «Окна сатиры» смотрят в мир // Хакасия. 2008. 15 июля. С. 5.

Этими же качествами в значительной мере обладали и помещаемые в «Окнах» стихотворные произведения. Жанр басни был использован автором – Я. Хвойным лишь однажды¹⁷⁴ и, на наш взгляд, неуместно. Традиционная форма изложения и сравнения («Наполеон похож на льва, а Гитлер на котенка») не соответствовали настроениям в обществе, когда требовалось резкое обличение и унижение врага, а не сопоставление поступков и характеров двух агрессоров.

Более актуальными и востребованными оказались пародии. В них за основу или в качестве «информационного повода» брались цитаты из военных сводок или писем в редакцию. Авторы наиболее часто использовали методы гиперболы, гротеска, литоты, едкой иронии. Это позволяло представлять врагов в преувеличенно-неприглядном виде, преуменьшая при этом значение и, главное, опасность их деяний. Высокая точность в повторении нюансов, копирование стиля цитаты, авторская стихотворная трактовка отдельного факта или события усиливали иронию и сатирический эффект. Особой популярностью пользовались цитаты из писем немецких солдат, на которые наиболее яркие пародии удалось создать И. Ершину («Письмо к Пфулю», «Письмо к Берте»).

Жанр «сатирического словаря», популярный в отечественной журналистике с XVIII века, получил свое новое рождение в годы войны. В этот период в лексикон входят новые слова, термины, имена, названия, обыгрывание которых позволяло дать не только сатирическую трактовку их значения, но и оценку. Примером могут служить такие «расшифровки»: «Ариец – человек, павший так низко, что возомнил себя выше всех» или «Бред – идеи Гитлера о мировом господстве»¹⁷⁵.

Также на страницах областного издания в исследуемый период стали публиковаться анекдоты, в том числе и политические. Большая часть из них представлена в виде диалогов, например, между Гитлером и немецким солдатом, командиром и рядовым. В таких материалах отсутствуют герои или факты местной действительности, поэтому мы сделали вывод, что все они являются перепечатками из центральных, краевых и фронтовых газет.

---

¹⁷⁴ Хвойный Я. Лев и котенок // Советская Хакасия. 1941. 16 ноября. С. 4.

¹⁷⁵ Наш словарь // Советская Хакасия. 1941. 23 ноября. С. 4.

Творчество местных авторов широко представлено частушками, в которых, кроме подшучивания над собой, также присутствовало обязательное едкое высмеивание врага:

Вы, фашисты, не рычите,
На нас зубы не точите.
Хоть и остро точите
Все равно отскочите¹⁷⁶.

Подобные частушки, опубликованные в газете, по своему строению, рифме, лексике являлись традиционными для такого жанра устного народного поэтического-песенного творчества. Особенностью их в военное время было наличие новых персонажей (Гитлер, Геббельс, собирательный образ немецкого солдата – Фриц), ярко выраженный патриотизм и оптимизм.

Геббельс мечется и бьется,
по ночам не может спать.
Скоро Геббельсу придется
миру на два фронта врать¹⁷⁷.

Анализ содержания областной газеты военных лет показал, что такой популярный в предвоенные годы сатирический жанр, как фельетон, в 1941–1942 гг. практически не встречался на страницах исследуемого издания. По нашему мнению, это было вызвано двумя причинами: во-первых, наиболее опытные журналисты, способные работать в таком жанре, были призваны на фронт, во-вторых, в традиционном «довоенном» фельетоне критике подвергались отдельные личности, их недостатки и явления мирного времени, которые с началом войны отошли на второй план.

Однако в 1943 г., после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, в «Окнах сатиры» появляется фельетон в стихах, имеющий исключительно «бытовой» характер. Предметом осмеяния становятся не политические фигуры фашистской Германии и солдаты вражеской армии, а отдельные факты действительности, персонажи мирной жизни (чиновники, разгильдяи, хулиганы), чьи поступки на работе и в быту, личные недостатки подвергаются критике. Иным становится и повод написания такого сатирического

---

¹⁷⁶ Кириченко. Боевые частушки // Советская Хакасия, 1941. 16 ноября. С. 4.

¹⁷⁷ Стуков А. Частушки // Советская Хакасия, 1942. 16 августа. С. 4.

материала: вместо цитат из газет и агитационных материалов авторы используют письма внештатных корреспондентов с указанием названий населенного пункта, совхоза или организации, где имеются недостатки в работе, и фамилии «героев». Наиболее яркими примерами здесь являются стихотворные фельетоны А. Фейгельмана: «Сорняки», «Пугало», «Кросс»¹⁷⁸.

Периодичность рубрики была нерегулярной – иногда выпуски появлялись на страницах газеты раз в неделю, иногда их подготовка затягивалась на несколько месяцев. Отметим, что практически каждое «Окно сатиры» представляло не случайный набор различных по жанрам сатирических произведений, а цельный по композиции и тематике выпуск. Поэтому можно предположить, что для авторов главным являлось не количество, а качество самих произведений, эффективность воздействия их на читателей, и это заставляло очень скрупулезно относиться к созданию каждого материала и выпуска.

Об особом значении рубрики для газеты и читателей могут свидетельствовать следующие факты. В самый трудный период войны (конец 1941 – 1942 гг.) в условиях режима жесткой экономии «Советская Хакасия» была вынуждена уменьшить кегль используемого шрифта и практически полностью отказаться от иллюстраций. При этом «Окна сатиры» набирались прежним «довоенным» кеглем и содержали объемные рисунки, резко контрастируя за счет этого с содержанием и оформлением полосы и номера в целом. Выпуски с сатирической рубрикой ценились особо и даже использовались для обмена материалами с фронтовыми газетами. Так, в 1942 г. делегация представителей Карельского фронта, побывав в Хакасии, привезла с собой свои фронтовые издания. Одно из них – сатирический журнал «Сквозняк» – «Советская Хакасия» перепечатала полностью, отправив на фронт свои «Окна сатиры», «чтобы познакомить бойцов, как смеется советский тыл»¹⁷⁹.

Во второй половине 1943 г. выпуск «Окон сатиры» прекращается, в частности, из-за того, что эвакуированные в Хакасию во время войны художники и поэты стали возвращаться на родину. Но, на наш взгляд, главной причиной было изменение общего настроения и тональ-

---

¹⁷⁸ Фейгельман А. Сорняки // Советская Хакасия. 1943. 9 мая. С. 4; Он же. Пугало // Там же. 6 июня. С. 4; Он же. Кросс // Там же. 13 июля. С. 4.

¹⁷⁹ Сквозняк // Советская Хакасия. 1942. 13 декабря. С. 4.

ности газетных публикаций. Сатирическая рубрика была создана в тот период, когда требовалось быстро и эффективно сформировать такой «образ» врага, который даже в контексте сообщений об отступлении советских войск воспринимался бы комично, вызывая у читателя чувство превосходства и пренебрежительную насмешку. Такой смех позволял людям защищаться от невзгод, вызванных войной, внушал оптимизм и веру в победу добра над злом. С этой задачей «Окна сатиры» успешно справлялись в течение почти двух лет.

Изменение ситуации на фронте влияло на настроения в тылу, вселяло стойкую уверенность в успешное окончание войны, вызывало к жизни «мирные» мысли и планы, заставляло обращать больше внимания на бытовые проблемы. В этой ситуации лидирующим среди сатирических жанров становился фельетон. Накопленный в довоенный период опыт создания таких материалов, использования приемов и методов комического изображения действительности вновь сделал этот жанр не только популярным у авторов, но и востребованным у читателей. В такой ситуации «Окна» с их резкой сатирой и едкой иронией оказались как бы на втором плане и постепенно ушли с газетных полос.

Таким образом, в военные годы «Советская Хакасия» активно применяла средства, позволявшие дать людям определенную эмоциональную разрядку, притупить или устранить чувство страха перед реальной или мнимой опасностью. Наиболее активно для этого использовались разнообразные сатирические материалы, опубликованные, в том числе, под рубрикой «Окна сатиры» и выполненные как в текстовой, так и в изобразительной формах.

В период 1941–1942 гг. на страницах газеты практически отсутствовала сатира, направленная на быт, нравы, культурные навыки и обычаи, отдельные недостатки людей и явления действительности. На смену ей пришло высмеивание врага – как в целом, так и персонафицировано (Гитлер, Геббельс и др.). Поэтому наиболее используемым авторами являлся такой жанр, как стихотворная пародия. Бытовая сатира, представленная в «Окнах» в жанре стихотворного фельетона, стала вновь популярной и востребованной в 1943 г. после перелома в ходе войны, когда изменились не только настроения в обществе, но и содержание пропаганды, в частности, произошло значительное снижение степени агрессивности и нагнетания страхов перед фашистской угрозой.

Особенностью содержания «Окон сатиры» в газете «Советская Хакасия» можно считать то, что многие из сатирических материалов (пародии, стихотворные фельетоны, карикатуры) появились на свет благодаря сотрудничеству с редакцией эвакуированных художников и поэтов. Это позволило расширить жанровую палитру сатиры, создать оригинальные по содержанию материалы, основанные, в том числе, на местном материале. Профессиональные журналисты и поэты, знакомые с жанровой спецификой, осознанно применяли различные литературные приемы для повышения сатирического эффекта своих произведений. В отличие от них непрофессиональные авторы использовали подобные приемы неосознанно, действуя интуитивно, по имевшемуся образцу или в соответствии с традициями устного народного творчества.

Главным достоинством «Окон сатиры» являлось то, что многие из сатирических материалов, опубликованных в годы войны в «Советской Хакасии» под этой рубрикой, вызывали смех. Смех же помогал людям бороться со стрессом и являлся не только средством пропаганды, но и психотерапевтическим средством, облегчающим жизнь в трудные годы Великой Отечественной.

Краснов П.П.

Политика Ватикана по отношению к фашизму в Германии

Представляется возможным провести параллели между отношениями Ватикана к фашизму в Италии и нацистской Германии. Политику Ватикана в Германии 1917–1929 гг. осуществлял кардинал Эудженио Пачелли (будущий Папа Римский Пий XII), он был нунцием в Мюнхене, затем в Берлине, а позднее стал Государственным секретарем Святого Престола. Одной из целей его деятельности было заключение имперского конкордата (соглашения) с Германией¹⁸⁰. Но достичь желаемого Пачелли смог лишь после прихода к руководству в стране нацистов.

А. Гитлер пришел к власти 30 января 1933 г. и сразу же предложил Папе заключить конкордат. Во многом, этому способ-

¹⁸⁰ Манхэттен А. История Ватикана. Власть и Римская курия. М., 2002. С. 167.

ствовала католическая церковь Германии. Одно время епископат католической церкви запрещал верующим вступать в ряды национал-социалистической рабочей партии, но в 1931 г. этот запрет был отменен церковным руководством в связи с усилением позиций левых политических сил.

В это время в Германии духовенство католической церкви усматривало большую опасность в атеистическом большевизме, чем в языческом нацизме. Предложение Гитлера было позитивно воспринято римской курией. Ватикан считал, что нацисты являются лишь противниками большевизма, в то время как ничего не имеют против католичества¹⁸¹.

20 июня 1933 г. вице-канцлер Германии фон Папен и кардинал Пачелли подписали имперский конкордат¹⁸². Это был первый международный документ, который был заключен Гитлером. Тем самым, Святой Престол – первое в мире государство, признавшее нацистский режим в Германии.

Предварительным условием со стороны Гитлера для заключения конкордата был роспуск католических общественных и политических организаций¹⁸³. И так же, как в Италии Папа Пий XI выполнял требования Б. Муссолини, так и здесь Римский Первосвященник согласился с условиями немецкого диктатора, и в обмен на добровольное подчинение нацистской власти католической церкви пообещали полную религиозную свободу.

Необходимо отметить, что нацистская дипломатия переиграла дипломатию Ватикана¹⁸⁴. Справедливо заметил Ене Гергей в своей работе «История папства»: Конкордат явился большим успехом Гитлера в области внутренней и внешней политики, но в то же время и трагическим заблуждением Пия XI и его государственного секретаря [Э. Пачелли]!»¹⁸⁵.

С помощью конкордата Гитлер сломил сопротивление католиков внутри страны, а за пределами страны представил новый режим

---

¹⁸¹ Лебек Эр. Тайная история дипломатии Ватикана. М., 2004. С. 81.

¹⁸² Archivio Vaticano 1938–1939. Roma. 1999. P. 25.

¹⁸³ Smith S. Eastern Politics of the Vatican 1917–1979. Ohio, 1981. P. 264.

¹⁸⁴ См.: Dalin G. David. The Myth of Hitler's Pope: Pope Pius XII and His Secret. London, 2005. P. 110.

¹⁸⁵ Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 403.

в пристойном виде. Немецкие католики с помощью папы стали «лояльными подданными Гитлера»¹⁸⁶.

После подписания соглашения с нацистским режимом Ватикан тщетно требовал выполнения условий договора. А после того как нацисты начали ликвидировать католические школы, печать и организации религиозно-нравственного характера, Пий XI выступил с протестом. 14 марта 1937 г. была опубликована энциклика на немецком языке *Mit brennender Sorge*¹⁸⁷. В энциклике Папа осудил систематические нарушения германскими властями заключенного конкордата.

Вместе с тем, Папа не осуждает идеологию нацизма и призывал правительство Третьего Рейха к дальнейшему сотрудничеству¹⁸⁸. Тем не менее, многие верующие католики, сторонники антифашистского Народного фронта, «позитивно восприняли послание, осуждавшее фашизм»¹⁸⁹.

19 марта 1937 г. выходит энциклика *Divini redemptoris*¹⁹⁰, в которой вновь содержится принципиальное осуждение неверующих коммунистов. Многие рядовые католики позитивно рассматривали возможность сотрудничества с левыми политическими силами в борьбе с фашизмом. Но именно против них и была направлена папская энциклика: «Будьте осторожны, Достопочтимые Братья, чтобы верующие не оказались обманутыми. Семена коммунизма плохие. Ни в каких сферах с ним нельзя сотрудничать, если мы хотим спасти христианскую культуру»¹⁹¹. Таким образом, Папа делал все возможное для того, чтобы не допустить совместного участия верующих и неверующих в борьбе против фашизма. Как мы видим, на словах осуждая как коммунизм, так и фашизм, на деле Ватикан способствовал укреплению именно фашистских режимов. И хотя в 1938 г. Папа создал богословскую комиссию для разработки проекта новой энциклики, «осуждающую расовую дискриминацию и антисемитизм»¹⁹², но было уже поздно.

¹⁸⁶ Godman P. *Hitler and The Vatican: inside the secret archives that reveal the new story of the Nazis and the Church*. London, 2004. P. 86.

¹⁸⁷ Со жгучей заботой (лат. яз.).

¹⁸⁸ Шейнман М.М. Ватикан во второй мировой войне. М., 1951. С. 290.

¹⁸⁹ Smith S. *Eastern Politics of the Vatican 1917–1979*. Ohio, 1981. P. 281.

¹⁹⁰ Божественное искупление (лат. яз.).

¹⁹¹ Chinigo M. *The Pope Speaks*. Pantheon, 1957. P. 160.

¹⁹² Manhattan Avro. *The Vatican's Holocaust*. New York, 1986. P. 199.

За спиной у Папы было одобрение вероломной агрессии фашистской Италии против беззащитной Эфиопии (Абиссинии) в 1935 г. (в августе 1928 г. между ними был подписан пакт о ненападении), совместной итало-германской фашистской агрессии в Испании в 1936 г. и нацистского аншлюса Австрии в марте 1938 г.

Скончался Пий XI 10 февраля 1939 г., когда фашистские войска начинали свое победное шествие по Европе.

2 марта 1939 г., в день своего рождения, новым Папой стал уже знакомый нам сторонник заключения конкордата с нацистской Германией, государственный секретарь, кардинал Эудженио Пачелли, принявший имя Пия XII (1939–1958 гг.). 12-летнее пребывание на посту нунция (посла) в Германии (с апреля 1917 г. по декабрь 1929 г.) не прошло даром для Папы. Будучи убежденным германофилом, он и в Риме окружил себя сотрудниками-немцами, за что и получил прозвище «немецкого Папы»¹⁹³.

До прихода Гитлера к власти в Германии наиболее сильной политической партией была так называемая «Партия центра». Она состояла из католиков и «находилась под влиянием Ватикана»¹⁹⁴. Лидерами этой партии в то время были священник Каас, католики Брюнинг, Папени.

23 марта 1933 г. Гитлер в своей декларации заявил о своем желании заключить с Пием XI конкордат. Тогда Каас, Брюнинг, Папен выступили в рейхстаге за предоставление чрезвычайных полномочий Гитлеру, а 5 июля 1933 г. партия центра объявила себя распущенной¹⁹⁵. Все это было проделано при прямом участии Ватикана, куда Каас ездил для обсуждения условий будущего конкордата. Гитлер не остался в долгу пред Ватиканом за его сотрудничество с германским фашизмом, и 20 июля 1933 г. был заключен конкордат между Гитлером и Пием XI.

После заключения конкордата сотрудничество римской курии с Гитлером начало проявляться в совершенно открытой и «крикливой»¹⁹⁶

¹⁹³ Шейнман М.М. Ватикан во второй мировой войне. М., 1951. С. 251.

¹⁹⁴ Rhodes A. The Vatican in the age of the dictators 1922–1945. London, 1973. P. 277.

¹⁹⁵ Cornwell John. Hitler's Pope Secret History Pius XII John Cornwell. London, 2000. P. 178.

¹⁹⁶ Godman P. Hitler The Vatican: inside the secret archives that reveal the new story of the Nazis and the Church. London, 2004. P. 109.

форме. Германские высшие иерархи в своих посланиях восхваляли Гитлера и убеждали верующих католиков поддерживать режим. Например, 6 ноября 1933 г. германский кардинал Бертрам прямо заявил, что «католики должны поддержать фашизм»¹⁹⁷. Баварские епископы называли политику Гитлера миролюбивой и требовали, чтобы католики отдавали свои голоса фашистам. Католические газеты писали агитационные статьи о фашизме. Они «призывали католиков поддерживать Гитлера»¹⁹⁸. Ватикан и целый ряд немецких архиепископов запретили своим газетам критиковать и те меры Гитлера, которые были прямо направлены против католической церкви.

В 1935 г. гитлеровцы предприняли меры к присоединению Саара к Германии. Преобладающим населением здесь являются католики. Поэтому «Папа вместе с германскими и саарскими епископами принял все меры к тому, чтобы население голосовало за присоединение к Германии»¹⁹⁹. В результате – во время голосования, происходившего в обстановке фашистского террора, большинство населения высказалось за присоединение к Германии.

Итак, это основные факты политического подчинения Пия XI перед Гитлером, за которые он отблагодарил Папу конкордатом. Последний для римской курии оказался выгодным, но для Римско-католической церкви он, кроме оскорблений и унижений, ничего не принес. Весь мир с гневом и ненавистью относится к злодеяниям Гитлера. Гитлеризм принес человечеству неисчислимые бедствия. Нужно ли говорить, что Ватикан скомпрометировал себя перед всем христианским миром, заключив конкордат с Гитлером.

Сотрудничество с гитлеризмом не принесло Римско-католической церкви существенных и долгосрочных выгод. Государство получило право отводить кандидатов в немецкие епископы, выдвигаемых Ватиканом»²⁰⁰. Все епископы обязаны были приносить присягу гитлеровскому правительству, которое зачастую нарушало свои обещания и бесцеремонно третировало интересы Римско-католической церкви. Австрийский кардинал Инницер в интервью представителям

¹⁹⁷ Manhattan Avro. The Vatican's Holocaust. New York, 1986. P. 21.

¹⁹⁸ Лебек Эр. Тайная история дипломатии Ватикана. М., 2004. С. 138.

¹⁹⁹ Smith S. Eastern Politics of the Vatican 1917–1979. Ohio, 1981. P. 16

²⁰⁰ Шейнман М.М. Идеология и политика Ватикана на службе империализма. М., 1950. С. 79–80.

печати в Риме 26 февраля 1946 г. рассказывал: «Гитлер предоставил мне право иметь школы. Но затем Гитлер стал действовать открыто, забрал все школы и закрыл частные католические училища»²⁰¹. Кардинал воскликнул: «Все обещания Гитлера оказались ложью»²⁰².

Но политическое сотрудничество Ватикана с фашизмом особенно резко бросается в глаза при понтификате Пия XII. Смена верховного правителя католической Церкви не повлияла на политику Ватикана в отношении фашизма. Новый Папа руководил высшей политикой Ватикана на протяжении предыдущих десятилетий и приветствовал приход Гитлера к власти, будучи хорошо знаком с канцлером. Пачелли всегда находился в согласии с Пием XI, и единственное различие между этими двумя Папами заключалось в том, что Пий XII был более тонким дипломатом, чем его предшественник²⁰³. Поэтому неудивительно, что политика Пия XII до известной степени является повторением деятельности Пия XI. В этом можно убедиться из отношений Ватикана к Италии в годы второй империалистической войны, когда по распоряжению Пия XII повсеместно служились молебны. Миланский архиепископ Шустер в казармах воодушевлял солдат²⁰⁴. В конце июня 1940 г. епископы Италии обратились к Муссолини с письмом, призывая освободить от власти англичан Гроб Господень.

В период с 1940 г. и до падения Муссолини Пий XII неоднократно принимал разные организации и благословлял членов их на войну в защиту фашизма. Но когда католики Америки и Англии узнали, что Папа благословлял немецких католиков на войну, то это вызвало массу протестов с их стороны.

Католические писатели пытаются доказать, что Пий XII, якобы, был против участия Италии в войне. Но он ни разу не выступил против войны, не осудил захвата Албании, а когда в 1943 г. увидел, что Италия проиграла войну, он стал высказываться за «справедливый и почетный мир»²⁰⁵ для Италии.

---

²⁰¹ Rhodes A. The Vatican in the age of the dictators 1922–1945. London, 1973. P. 265.

²⁰² Мэнхэттен А. Ватикан. Католическая церковь – оплот мировой реакции. М., 1948. С. 194.

²⁰³ Там же. С. 129.

²⁰⁴ Manhattan Avro. The Vatican's Holocaust. New York, 1986. P. 52.

²⁰⁵ Минаев В. Тайное становится явным: ватиканская дипломатия. Киев, 1978. С. 104.

Пий XII держался очень осторожно, но все же ни разу не протестовал против преступлений немецких фашистов и их союзников в Европе. После падения Франции в 1940 г. Пий XII определенно перешел на сторону Гитлера. В феврале 1941 г. Папа принял в Ватикане «сто солдат и двадцать офицеров немецкой армии и выразил свою радость по поводу их посещения»²⁰⁶.

В июне 1942 г. в беседе с министром иностранных дел Испании Суньером Пий XII сказал, что ему «очень больно, что в Германии его не считают другом германского народа. Он все же надеется, что примирение возможно, он был бы счастлив, если бы ему когда-либо удалось придти к соглашению с Германией»²⁰⁷. Миллионы католиков и не католиков Польши, Бельгии, Франции, Голландии и других стран были замучены гитлеровцами, но в папских речах об этом нет ни слова. А между тем Пий XII отлично знал, что происходит в оккупированных немцами государствах. Но он молчал.

Иную поведенческую линию Пий XII выбрал после разгрома гитлеровских войск. В своих посланиях он взывал о милосердии по отношению к фашистам. Епископ Челмсфордский (Англиканской Церкви) писал: «В выступлениях Папы трудно найти хотя бы одно слово, осуждавшее нацистов в то время, когда они разрушали Лондон. Несомненно, политика Ватикана антидемократична»²⁰⁸. Английский писатель Герберт писал, что он искал и «не нашел в выступлениях Папы осуждения вторжения немцев в Польшу, Россию, Францию, Голландию, Бельгию, Норвегию, Грецию и т.д., осуждения систематических убийств и истязаний поляков и евреев»²⁰⁹.

Папа боялся, что гнев народа обрушится на тех, кто принес столько страданий человечеству, и просил о милосердии к злодеям, стремился спасти режим Гитлера²¹⁰.

Таким образом, мы видим, что политическое служение Пия XII пред итало-германским фашизмом носит активный характер. Без

²⁰⁶ Там же. С. 107.

²⁰⁷ Лебек Эр. Тайная история дипломатии Ватикана. М., 2004. С. 166.

²⁰⁸ Мессори В. Черные страницы истории Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.allk.ru/books/316.html> (дата обращения: 10.01.09).

²⁰⁹ Rhodes A. The Vatican in the age of the dictators 1922–1945. London, 1973. P. 348–349.

²¹⁰ Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 363.

всякого преувеличения можно сказать, что деятельность Пия XII сводится к осуществлению фашизма посредством церковно-административного аппарата. А так как между фашизмом и христианством нет ничего общего, то, следовательно, деятельность Пия XII можно назвать антихристианской. Любопытно, что после разгрома Гитлера кардинал Фаульгабер заявил 12 мая 1945 г. американским корреспондентам: «Нацизм был против христианства и католицизма», а Пий XII во время краткой проповеди заявил, что «уничтожение сатанинского нацизма было благодеянием»²¹¹. Крайне скромная оценка Великой Победы.

Кузнецова Ю.В.

Привлечение сельской интеллигенции Южного Урала к культурно-просветительной работе клубов и изб-читален

Надежной опорой на селе в годы войны являлись учреждения культуры. Изба-читальня, клуб, библиотека, превращенные райкомами партии и райисполкомами в центры массово-политической работы на селе, были призваны «организовать, упорядочить, оформить» патриотический подъем населения.

С первых дней борьбы с врагом ЦК партии потребовал от этих учреждений повышения действенности работы, усиления их роли в организации всенародной помощи фронту. Газета «Правда» в передовой статье «Агитацию на службу Отечественной войне» писала: «Интересам фронта, задачам организации отпора врагу должна быть подчинена вся партийно-политическая, культурно-воспитательная, агитационно-пропагандистская работа»²¹².

Но было много трудностей, связанных с войной: использование помещений для размещения воинских частей, госпиталей, эвакуированных учреждений, нехватка высококвалифицированных библиотечных кадров. Многие работники культурно-просветительных учреждений были призваны в ряды Красной армии, добровольно вступили в народное ополчение или ушли в санитарные военные

²¹¹ Мэнхэттен А. Ватикан. Католическая церковь – оплот мировой реакции. М., 1948. С. 213–214.

²¹² Правда. 1941. 17 июля. С. 2.

учреждения, на фабрики и заводы, участвовали в военно-оборонных работах.

Так, к февралю 1942 г. из 345 районных изб-читален Чкаловской области были закрыты 132, из 18 ДК – закрыты 6. Колхозные клубы, как правило, почти не работали. Особенно такое положение наблюдалось в Ивановском, Ак-Булакском, Зиянчуринском, Кувандыкском, Домбаровском, Переволоцком районах²¹³.

За два первых военных месяца из одного только Саткинского района Челябинской области на фронт было отправлено 11 культпросветработников²¹⁴, в 84-х колхозах Чкаловской области в 1942 году отсутствовали кадры, поэтому не работало 197 изб-читален²¹⁵.

Для улучшения культурно-просветительной деятельности в селах Южного Урала уже с первых дней войны привлекались широкие круги интеллигенции к работе изб-читален, библиотек, домов культуры. На совещаниях в наркоматах в 1941–1942 гг. подчеркивалось: «Каждый учитель, каждый сельский интеллигент может и должен стать агитатором, лектором, беседчиком, организатором художественной самодеятельности. Учитель, агроном, врач – первые советчики колхозников по всем интересующим вопросам»²¹⁶. Во всех республиках, областях и районах страны осенью 1941 – весной 1942 гг. прошли инструктивные совещания политпросветработников с участием широких масс сельской интеллигенции.

В октябре 1942 г. Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) направляет инструктивное письмо всем обкомам партии, где указывает на необходимость подобрать кадры избачей за счет привлечения сельской интеллигенции к этой работе по совместительству²¹⁷.

24 февраля 1942 г. исполком Облсовета Чкаловской области предложил исполкомам райсоветов и заврайоно восстановить сеть политпросветучреждений, освободить здания изб-читален и клубов от зерна и других материалов, укомплектовать их кадрами, широ-

²¹³ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 257. Л. 7.

²¹⁴ Хайруллина Л.Л. В едином строю // Война. Культура. Победа: материалы Уральского научного форума. В 2 ч. Ч.1. Челябинск, 2005. С. 89.

²¹⁵ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 257. Л. 29.

²¹⁶ Учительская газета. 1942. 19 марта. С. 3.

²¹⁷ Майн В.И. Сельская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (очерк партийной и советской работы). Воронеж, 1985. С. 104–105.

ко привлекая к этой работе учителей²¹⁸. В 42 районах заведующие РОНО пересмотрели кадры работников – зав.избами-читальнями. Многих из них освободили от работы как не обеспечивающих проведение политико-массовой работы на селе и заменили лучшими учителями по совместительству. Например, на 15.09.1942 г. 178 учителей области были заведующими избами-читальнями²¹⁹. Например, заведующий школой Переволоцкого района – Байтемиров работал и избачем. За период уборки урожая выпустил 36 боевых листов, стенную газету. Организовал учащихся в группу по сбору колосьев, отражал на досках социалистическое соревнование, проводил вечера художественной самодеятельности²²⁰.

В 1944 г. на конезаводе № 25 Соль-Илецкого района Чкаловской области избачами работало 10 учителей, библиотекарями – 3²²¹. Врачи и сельские специалисты стали избачами и в Челябинской области²²².

При читальне Чинеевского сельсовета Юргамышского района Курганской области в 1942 г. действовал актив в составе 18 человек из молодежи и интеллигенции. Силами этого актива до колхозников ежедневно, в устной и письменной форме, доводились сводки Совинформбюро, организовывались беседы о событиях на фронтах, о международном положении, коллективные чтения художественной литературы²²³.

Таким образом, выдвижение сельской интеллигенции на работу в избы-читальни, клубы и библиотеки позволило значительно укрепить кадры культпросветработников.

Сельскую интеллигенцию ввели и в состав постоянно действующих советов изб-читален, клубов и библиотек. В Чкаловской области эти советы утверждались на бюро райкомов партии и райкомов комсомола. Задачами этих советов были составление календарного плана работы, создание временных красных уголков – места культурного

²¹⁸ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 257. Л. 31.

²¹⁹ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 257. Л. 31.

²²⁰ ЦДННОО. Ф. 1138. Оп. 1. Д. 121. Л. 18.

²²¹ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 626. Л. 3.

²²² Маин В.И. Сельская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (очерк партийной и советской работы). Воронеж, 1985. С. 105.

²²³ Там же. С. 106.

отдыха колхозников во время посевной, организация социалистического соревнования за лучшее и быстрее выполнение производственных заданий, организация «досок» «Как идет весенний сев» с ежедневным наглядным освещением хода работы, ежедневная политинформация путем громких читок, выпуск 2 раза в неделю стенгазет или боевых листов в бригадах и Красных уголках, громкие читки сельскохозяйственных брошюр и газет, статей по агрозоотехнике на темы производственных работ, организация культурного досуга (неполные игры, массовые игры, вечера самодеятельности, танцы)²²⁴.

Таким образом, широкое использование сельской интеллигенцией разнообразных форм и методов культурно-массовой работы, постоянная опора на колхозный актив повысили насыщенность и интенсивность культурно-просветительной работы клубов и изб-читален военного времени, усилили их мобилизующее воздействие на труженников колхозной деревни.

Советы депутатов трудящихся решили использовать опыт лучших политико-просветительных учреждений для повсеместного налаживания эффективной работы. В Челябинской области распространился опыт Житниковской избы-читальни Чашинского района, где избач Т.Никитина ежедневно проводила политинформацию о положении на фронте, организовала коллективное прослушивание радио дважды в день, установила и оборудовала в колхозах района доски «Последних известий»²²⁵.

Тысячи музыкальных, театральных, танцевальных кружков были организованы в клубах и избах-читальнях за время проведенного зимой 1943/44 гг. Всесоюзного смотра сельской художественной самодеятельности.

В Грачевском районе Чкаловской области в 1943 году выделялась изба-читальня Ключевского сельсовета, при которой действовали агротехнический, хоровой и драматический кружки. Здесь прослушали доклады и лекции о текущем моменте, о международном положении, о происхождении человека, о громах и молнии, о происхождении Христа и др. Докладчиками и лекторами выступали

²²⁴ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 257. Л. 7.

²²⁵ Корнилов Г.Е. Культурное развитие уральского села в годы Великой Отечественной войны // Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.): сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 69.

руководящие советские и партийные работники, учителя неполных средних школ²²⁶.

Совершенствованию многих сторон деятельности сельских учреждений культуры содействовали проведенные в октябре 1944 – январе 1945 гг. краевые и областные смотры. С помощью учителей, агрономов, врачей, вошедших в общественные комиссии, райкомы партии, местные Советы усилили внимание коллективов школ, больниц, колхозов и совхозов, МТС к нуждам и задачам работы культпросветучреждений. Ценный опыт работы этого направления освещался под специальными рубриками в местной печати и радиопередачах. Так, газета «Челябинский рабочий» в одной из подборок материалов сообщила: «Избач А.В. Кукушкина превратила избу-читальню в центр массово-воспитательной работы. Здесь организовали агрономический кружок, которым руководил председатель колхоза, проводились беседы о текущем моменте, коллективные прослушивания последних известий, книжные выставки и витрины. В избе-читальне постоянно подбиралась литература и оформлялись выставки по программе военного обучения. Актив избы-читальни оборудовал тракторные вагончики, где вывешивались плакаты: «Тракторист, выходи в поле, как гвардеец – танкист в бой», «Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится», «Каков тракторист, таков и трактор», «Где нет порядка, там не будет достатка» и другие.

Здесь же сделали витрины газетных иллюстраций на тему: «Замечательные победы наших войск», «Герои Советского Союза».

За время сева 1944 г. было выпущено 5 номеров стенной газеты, 35 «боевых листков» и 10 бюллетеней «Последние известия». Все это принесло большую пользу. Колхоз провел сев в лучшие сроки и на высоком агротехническом уровне²²⁷.

В библиотеках, Домах культуры были организованы систематические выступления сельских специалистов с лекциями и докладами по полеводству и животноводству.

---

²²⁶ Федорова А.В. В тылу как на фронте (Оренбургская деревня в годы Великой Отечественной войны) // Великая Отечественная и Южный Урал 1941–1945 гг.: сб. статей и материалов / под ред. А.В. Федоровой. Оренбург, 1995. С. 21.

²²⁷ Пирожкова А. «Изба-читальня в с. Дуванкуль // Челябинский рабочий. 1944. 20 декабря. С. 2.

Таким образом, большинство учреждений культуры на селе стали постоянно действующими агитпунктами. Накопив большой опыт работы с людьми, пользуясь высоким авторитетом у сельских тружеников, интеллигенция превратила клубы и избы-читальни в центры культурно-просветительной работы с колхозными и совхозными кадрами.

Сельские учреждения культуры успешно выполнили в дни войны задачи патриотического воспитания широких колхозных масс.

Кузьмина В.М.

**Деятельность творческой интеллигенции в годы
Великой Отечественной войны по мобилизации
населения на военные и трудовые подвиги
(на примере регионов Центрального Черноземья)**

Наступила Великая Отечественная война. Весь народ был мобилизован на войну, и каждый день люди совершали и военный, и трудовой подвиг. Творческая интеллигенция всеми средствами воодушевляла народ, стараясь мобилизовать его на совершение данного подвига. Не только советское правительство, но и руководство Германии отдавало себе отчет в действенности мероприятий, проводимых творческой интеллигенцией, в действенности – агитации и пропаганды литераторов, драматургов, художников, композиторов, поэтому еще весной 1941 г. Главное управление имперской безопасности разослало всем спецслужбам «Третьего рейха» розыскные листы с надписью «Совершенно секретно! СССР. Список № 1» с указанием о немедленном розыске и аресте с началом войны «особо опасных лиц». С немецкой педантичностью, под порядковыми номерами, с указанием даты и места рождения, национальности и должности перечислялось 5 256 граждан СССР, подлежащих уничтожению в первую очередь. Это были руководящие партийные и советские работники, сотрудники органов НКВД и госбезопасности, дипломаты, военачальники, полководцы, ученые, деятели культуры, стоявшие достаточно высоко в своеобразной «иерархии смерти»: № 2 – диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан, № 21 – публицист Илья Эренбург, № 46 – кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, № 93 –

писатель Алексей Толстой, № 113 – музыкант Эмиль Гилельс, № 337 – драматург Александр Корнейчук и т.д.²²⁸

Писателю А.А. Фадееву принадлежат слова, ставшие лейтмотивом всей деятельности творческой интеллигенции в годы войны: «Мы, единственная страна в мире, где под грохот пушек не только не смолкли музы – они активно выступили против врага в едином строю воинов!»²²⁹. Сами деятели культуры в первые дни войны осознали возросшее значение литературы и искусства в общественно-политической жизни страны. «Дни войны с особой остротой поставили вопрос о роли работников культуры... Мы боремся за самые святые в истории человечества идеалы», – говорил композитор Д.Д. Шостакович²³⁰. А режиссер В.И. Немирович-Данченко в это время писал: «Я твердо знаю, что советский театр сделает все, чтобы его работа была полезной в деле защиты Родины, всемерной помощи Красной Армии»²³¹.

Минувшая война была не только столкновением крупнейших армий мира, вермахта и РККА, не только состязанием капиталистической и социалистической экономик, но и противостоянием двух разных философий, двух громоздких пропагандистских машин, которые особенно в начале войны решали многое. «Есть более глубокая стратегия – война интеллектуальным, психологическим оружием», – говорил в июне 1941 г. Гитлер²³², признавая тем самым особую роль морального фактора в войне. Поэтому не случайно первый период войны предопределил агитационно-пропагандистский характер произведений литературы и искусства, всей профессиональной деятельности художественной интеллигенции. В это время в творчестве деятелей культуры преобладали так называемые малые формы: антифашистские прологи, интермедии – у театральных работников; стихи, басни, «оборонные частушки», очерки, публицистические

²²⁸ Голуб Ю.Г., Баринов Д.Б. Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима. М., 2005. С. 62.

²²⁹ Фадеев А.А. За тридцать лет. Избранные статьи, речи, письма о литературе и искусстве. М., 1959. С. 281.

²³⁰ Шостакович Д.Д. Посвященная ленинградцам // Когда пушки гремели. М., 1973. С. 186.

²³¹ Правда. 1941. 27 июля.

²³² Цит. по: Раш К. Армия и культура // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 3.

статьи, рассказы, корреспонденции, одно- и двухактные пьесы – у писателей, поэтов, журналистов; «Окна ТАСС», агитплакаты.

К декабрю 1941 г. на фронте уже находилось 800 известных литераторов (25% численности Союза советских писателей). Одними из первых «мобилизованными и призванными» в РККА стали Н. Тихонов, Е. Петров, В. Саянов, А. Безыменский, А. Твардовский, М. Светлов, С. Михалков, В. Гроссман, А. Прокофьев, В. Ставский, А. Гайдар, К. Симонов, А. Сурков, Е. Долматовский, В. Кожевников и многие др.²³³

Писатели Центрального Черноземья также отправились на фронт, многим из них не удалось дойти конца войны, а те, кто уцелел, отразили тяготы войны и концлагерей в своем творчестве. Среди них тамбовские поэты и писатели П.А. Дорошин, В.А. Журавлев, И.С. Кучин (из 9-го класса добровольцем ушел на фронт, его хорошо знали сотрудники «Комсомольского знамени» и «Тамбовской правды»). Первые стихи молодого поэта появились в 1942 г. во фронтовой газете), А.В. Стрыгин, С.И. Голованов и др. Воронежские и курские поэты и писатели также уходили добровольцами на фронт: Анатолий Абрамов, Юрий Гончаров, Евгений Носов, К.Воробьев, Федор Волохов, Николай Коноплин, Владимир Кораблинов, Константин Гусев, Гавриил Троепольский, Константин Локотков, Виктор Попов, Иван Сидельников, Владимир Евтушенко и др. Уцелели на войне также писатели, пережившие войну в подростковом возрасте: Алексей Прасолов, Анатолий Жигулин, Владимир Гордейчев, Геннадий Лутков.

Несмотря на то, что тематика произведений литераторов в этот период была предопределена самой военно-политической обстановкой и сводилась к таким естественным сюжетам, как ход боевых действий на фронте, все же агитация за мобилизацию населения на труд в тылу продолжалась. «Все для фронта, все для победы!» – этот лозунг, объединявший всех советских людей, стал основой творческого труда художников. Ведущее место в годы войны заняли различные виды агитационно-массового искусства – в первую очередь, политический плакат и карикатура.

Импульс развитию творчества художников Центрального Черноземья постоянно давали работы столичных мастеров, как например, плакаты «Убрать вовремя урожай – наш боевой долг!» А. Каневского,

²³³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 563. Л. 3 об.

«Ребята, заменим отцов и братьев!» А. Пахомова, отражающие основные задачи труженников тыла в военный период. В годы Великой Отечественной войны тамбовские художники П.И. Дмитриев, Н.И. Фрейман, Т.А. Лебедева, Н.Д. Петров, Н.А. Андреев, К.М. Стаховский (эвакуирован из Воронежа, в годы войны исполнял обязанности гл. художника Тамбовского драматического театра), В.Н.Кожухов, А.Н.Нестеров, Т.Н.Емельянова входили в состав творческой группы местного отделения Союза художников. Работать художникам приходилось в трудных условиях. В конце 1941 г. Политуправление Юго-Западного фронта прислало письмо, в котором выражалась благодарность коллективу воронежских художников. Из работников искусств был создан истребительный батальон, который нес службу по охране стратегических объектов города, в него входили воронежские художники В.Ф. Буримов, Ю.Ю. Венцовекий, Н.Г. Ильюшин и др.

Несмотря на большую загруженность, многие художники Центрального Черноземья продолжали работать над созданием пейзажей, тематических полотен, отражающих не только фронтовой, но и трудовой подвиг населения. В городах Тамбове, Воронеже проходят художественные выставки. Станковая живопись также нашла свое место в боевом строю. Стремление показать советского человека на войне, раскрыть его душевные качества определило характер батальных картин, сочетающих широкую панорамную композицию с характерными эпизодами боя на первых планах. В рукопашной схватке с врагами яростно дерутся севастьяпольские моряки. Такими их изобразил А. Дейнека в картине «Оборона Севастополя» (1942).

По решению Комитета по делам искусств при СНК СССР в 1942 г. были организованы всесоюзная и пять региональных передвижных выставок, в которых приняли участие практически все профессиональные художники страны. В этот период тамбовские художники сформировали небольшие передвижные выставки, которые показывались в госпиталях и воинских частях гарнизона. Первая выставка военных лет, посвященная обороне СССР, открылась в Тамбове осенью 1941 г. Следующая выставка «Тамбов в дни Отечественной войны» состоялась в 1943 г. Двенадцать участников экспонировали на ней более 60 живописных и графических работ. В выставке принимали участие художники: Н.А. Отнякин («На северной окраине Тамбова», 1942), А.Н. Нестеров («Установка надолб на улицах Тамбова» – не сохранилась, «Воздушная тревога», 1943 – соб-

ственность семьи), В.Г. Белоцветов («На стройке узкоколейки» – не сохранилась), А.И. Левшин («Подвозка торфа для школ» – ТОКМ), Т.Н. Емельянова («Рытье противотанкового рва вокруг Тамбова» – ТОКМ). Таисия Николаевна Емельянова была среди тех, кто не жалея своих сил трудился в тылу. В произведениях, посвященных теме Отечественной войны («Бронепоезд «Тамбовский рабочий» – ТОКГ, «Подарок фронту», 1947 – ТОКМ) запечатлен трудовой подвиг жителей родного города, собравших для создания бронепоезда нужные деньги. Именно сопричастность художницы к событиям военных лет делает работу редким документом военной поры²³⁴. В целом, произведения тамбовских художников военного времени, отличающиеся искренностью, правдиво отражают события, происходящие в тылу, создают яркие картины жизни нашего города в это суровое, непростое время.

В 1943 г., с момента освобождения Курска от фашистских оккупантов, начинается активная деятельность Союза художников и Товарищества. С 1943 г. Союз ежегодно устраивает творческие отчеты перед трудящимися города. В произведениях живописи, скульптуры и графики послевоенного периода художники рассказывают о героической борьбе советских воинов и курских партизан за освобождение Родины от врагов, о трудовых подвигах народа, занятого восстановлением своего города, о лучших людях промышленности и сельского хозяйства.

В 1944 г. открылась творческая выставка, приуроченная к первой годовщине освобождения Орла от фашистских оккупантов. На ней были представлены произведения на волнующие патриотические темы: «Гражданский подвиг учительницы Ляшковой» (1944) К.С. Андросова, «Возвращение» (1944) В.А. Дудченко, «Партизаны у костра» (1944) Н.Н. Моревского, графическая серия «Лицо врага» (1943) В.П. Третьякова и др. Большое количество работ было посвящено восстановлению разрушенного города²³⁵.

Артисты драматических театров и филармонии также внесли свой вклад в мобилизацию народа как для противостояния немецким оккупантам, так и для трудового подвига в тылу. Уже на третий день

---

²³⁴ Круглый И.А. Художники Воронежа, Курска, Орла. Л., 1960. С. 15–21.

²³⁵ Там же. С. 42–43.

войны артисты Курской областной филармонии составили две бригады для облуживания воинов, отправляющихся на фронт. В основном артисты обслуживали воинские части, но случались концерты прямо на железнодорожных станциях во время остановок эшелонов с бойцами, направляющимися на фронт через Курск. Также был организован театр миниатюр, где ставились одноактные пьесы, скетчи и анекдоты на сцене. Не было транспорта, выступать приходилось в самых отделенных клубах, не отапливаемых, часто без электричества. Давали практически по 30 концертов в месяц²³⁶.

Например, летом 1941 г. Орловский театр драмы был на гастролях в Чернигове. Когда началась война, артисты вернулись домой, нужно было перестраивать жизнь на военный лад. Несколько артистов театра ушли добровольцами на фронт и принимали участие в боях за освобождение Орла. В театре из тех, кто остался, формировались фронтовые концертные бригады. Артисты давали представления в воинских частях, госпиталях, в цехах заводов, где не было даже сценических площадок. Работали там, где была хоть какая-то возможность: есть пространство – значит, будет концерт. Понимали, как важно было в то время поддержать в народе силу духа и уверенность в скорой победе, ведь тогда, в начале войны, наверное, никому и в голову не приходило, что она окажется такой длительной и кровопролитной.

В середине сентября Совнарком СССР принял решение от 15 сентября 1941 года эвакуировать орловский драматический театр на Урал, в город Златоуст Челябинской области, где работал мощный металлургический завод. Спустя месяц орловские артисты приступили к работе. Оказавшись в тылу, театр ощутил себя востребованным. Актеры работали в клубе металлургического завода. Работали над новыми спектаклями и концертными программами, восстанавливали и корректировали все, что привезли с собой. Репертуар был высокого уровня: поставленные до войны горьковские «Мещане», «Ревизор» Гоголя, комедия Грибоедова «Горе от ума», «Любовь Яровая» Тренева, «Таня» Арбузова приобретали новые акценты, новые краски. Зритель, по 18 часов стоявший у станка, работавший для фронта, отдыхал душой на спектаклях театра, отвлекался от груст-

---

²³⁶ Курский край: культура и культурно-историческое наследие. Т. 15. Курск, 2002. С. 189.

ных дум, набирался оптимизма, весело смеялся и радовался. Уже за первые месяцы работы артисты стали в городе своими, их узнавали и не жалели аплодисментов. Настоящим триумфом стал творческий отчет коллектива, проходивший с 27 сентября по 4 октября 1942 г. в Челябинске. Спектакли «Русские люди» по пьесе К. Симонова в постановке директора театра В.Н. Аксенова и «Как закалялась сталь» Н. Островского в постановке художественного руководителя М.М. Лященко получили высокую оценку зрителей.

С сентября 1942 по июнь 1943 г. орловские артисты дали около двух тысяч шефских концертов и спектаклей для бойцов и командиров Красной Армии, а сценической площадкой артистов нередко бывали передовая, землянки или окопы, концерты часто переходили в митинги. За октябрь 1941 – февраль 1944 гг. артисты дали около двух тысяч шефских концертов. За большую военно-шефскую работу коллектив Орловского драматического театра был награжден переходящим Красным знаменем, «отвоеванным» у Московского академического Малого театра. Артисты вручили Красное знамя подшефному гвардейскому полку, сформированному в Златоусте, с которым гвардейцы громили фашистов под Ленинградом.

Вклад артистов в индустриальную модернизацию страны на этапе ведения боевых действий заключался в перечислении денежных средств. Так, артисты Орловского драмтеатра, испытывая массу неудобств, неустроенность, нехватку продовольствия и другие лишения, тем не менее, умудрялись вносить свой вклад в фонд обороны страны, ежемесячно перечисляя свой однодневный заработок. С октября 1941 по декабрь 1942 г. они передали на постройку танковой колонны «Челябинский колхозник» 7060 рублей, на строительство эскадрильи «Советский артист» – 22826 рублей, эскадрильи «Челябинский артист» – 38539 рублей. А в январе 1943 г. коллектив театра внес 25 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Орловский партизан». Артисты отправляли посылки на фронт, собирали подарки детям погибших.

Аналогичную работу проводили театры Воронежа, Курска, Белгорода. Так, государственный Воронежский академический театр драмы имени А. Кольцова показывал пьесы следующей тематики: «Полководец Суворов» Бахтерева и Разумовского (1941), «Гамлет» (1941). Курский государственный драматический театр имени А.С. Пушкина в период Великой Отечественной войны находился

в эвакуации, продолжая играть спектакли на сценах других театров в Средней Азии, Калуге и Моршанске. Уже в 1943 г. театр вернулся в освобожденный Курск и продолжил свою работу. Белгородский драмтеатр с началом войны был на гастролях. Осенью коллективу предложили отпуск, но актеры отказались – они продолжали ставить спектакли и представлять их частям Красной армии, в том числе и в Курске. После освобождения Белгорода театральный коллектив вернулся в родной город.

Война унесла 27 млн. жизней. Многие отрасли промышленности были фактически уничтожены. Сельское хозяйство испытывало острый дефицит рабочих рук, техники и посевных материалов. Материальные потери СССР в ходе войны оцениваются в 2,5 трлн. рублей, в том числе прямой ущерб, нанесенный противником, — в 679 млрд. рублей. Это составило около 30% всего национального достояния Советского Союза. Разорению подверглись наиболее плотно населенные и лучше всего развитые в промышленном отношении области СССР, на территории которых до войны производилось 45% валового национального продукта и находилось 47% используемых сельскохозяйственных земель. Наиболее развитые в СССР отрасли народного хозяйства оказались отброшены в своем развитии на 10–15 лет назад.

Но, тем не менее, победу в Великой Отечественной войне обеспечили рядовые люди, миллионы скромных тружеников на фронте и в тылу. Каждый советский человек пережил много горя, лишений, проявив высокие качества своего характера. Из горнила испытаний он вышел закаленным и обогащенным духовно, в том числе и благодаря активной деятельности творческой интеллигенции.

Кулагин О.И.

**Особенности военного быта партизан
Карельского фронта в начальный период
Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)**

Трудности партизанской борьбы в Карелии и Мурманской области, обозначенные совокупным воздействием физико-географического (суровый климат, сложные условия местности), демографического (фактическая безлюдность оккупированной территории), экономического (отсутствие должного количества и качества объ-

ектов индустрии и транспортных коммуникаций, которые могли бы стать объектом диверсий со стороны партизан) и военного (противоборство с особенным противником – финнами, а не немцами) факторов, выдвигали на первый план не только некоторые особенности тактики партизанской войны в тылу противника, но и специфику партизанского быта. К этой важной составляющей партизанской деятельности можно отнести степень обеспеченности партизан продовольствием, одеждой, вооружением, а также уровень медицинского обслуживания и наличие необходимого количества технических средств радиосвязи. Решение вопросов обеспечения партизанских отрядов напрямую зависело от руководящих органов партизанского движения на Карельском фронте, которые в течение войны несколько раз сменяли друг друга.

Начальный этап деятельности партизанских отрядов в Карелии со всей очевидностью обозначил проблему обеспеченности партизан всем необходимым для их нормальной деятельности. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» задачи обеспечения партизанских отрядов оружием, боеприпасами, деньгами, ценностями и продовольственными базами возлагались на районные партийные организации и лично на первых секретарей райкомов²³⁷.

Такая практика в условиях решения местными райкомами КП(б) в Карелии вопросов скорейшей эвакуации населения, имущества, различного рода ценностей, укрепления обороноспособности и т.п. приводила к ситуации, когда вопросы обеспечения формируемых местных партизанских отрядов решались не всегда успешно и в указанные сроки. К тому же в первое время активного наступления войск противника многие партизанские отряды использовались в оборонительных боях и в разведке, попадая невольно в подчинение тех армейских командиров, на позициях которых они действовали²³⁸. Возникла некоторая двойственность в подчинении партизанских отрядов как партийным органам, так и военному командованию, которая, в свою очередь, негативно сказывалась на подотчетности и материально-техническом снабжении партизанских формирований. Сложность

---

²³⁷ Об организации борьбы в тылу германских войск: Постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. // Известия КПСС. 1990. № 7. С. 218.

²³⁸ Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1979. С. 19–20.

заклучалась также и в том, что у первых партизанских отрядов в Карелии не было четко зафиксированного статуса, который мог бы закрепить за ними постоянные источники их продовольственного и технического обеспечения. Формально партизанские отряды не входили в состав регулярных вооруженных сил страны и, следовательно, на них не распространялись обязательные атрибуты армейской экипировки и продовольственные пайки. Чаще всего на сборные пункты партизаны приходили в своей одежде и обуви, которые в большинстве случаев не соответствовали условиям походной жизни²³⁹.

Что касается продуктов питания, то центральное руководство полагало, что партизаны должны были иметь три источника пополнения: помощь местного населения, захват продовольствия у противника и обеспечение из советского тыла²⁴⁰. В условиях наступления финских войск, когда противник еще не начал активной контрпартизанской деятельности, когда не все население еще было эвакуировано, у карельских партизан была возможность использовать все три источника пополнения продовольствием. Но отсутствие у партизан военного опыта не позволяло им в большинстве случаев отбирать у противника продовольствие, на чем настаивало центральное руководство в своих директивах.

Из докладной записки НКВД КФССР от 22 января 1942 г. о состоянии и боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп на территории КФССР следует, что первое время, один – два месяца, партизанские отряды были обеспечены всеми видами питания в достаточном количестве. При этом многие партизанские отряды создавали базы в 2–3 местах вблизи предполагаемого района боевых действий. На это было затрачено свыше 600 тыс. рублей²⁴¹. В последующем при перемещении линии фронта, потере некоторых баз и передислокации республиканского центра в продовольственном снабжении партизанских отрядов имели место перебои с продовольственным обеспечением.

---

²³⁹ Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 60.

²⁴⁰ Партизанское движение: по опыту Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: военно-исторический очерк. М., 2001. С. 357.

²⁴¹ Архив УФСБ РФ по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Ф. СДП. Оп. 1. Д. 111. Л. 42.

Характерен в данном случае пример с продовольственным снабжением отряда «Боевой клич», сформированного 18 июля 1941 г. в Кестеньгском и Лоухском районах Карелии. В докладной записке командира этого отряда М.В. Медведева на имя начальника партизанских отрядов КФССР М.Я. Исакова от 20 сентября 1941 г. указывалось на то, что с самого начала боевой деятельности отряд испытывал серьезные проблемы с обеспечением продовольствием, одеждой и обувью. При содействии Лоухского РК КП(б) личный состав отряда получил всего по 150 г масла и 200 г сахара на человека. Такая ситуация с обеспечением, по мнению М.В. Медведева, негативно влияла на политико-моральное состояние личного состава, в то время как в других отрядах, перешедших добровольно в подчинение 72-го погранотряда, снабжение питанием, одеждой и обувью осущестлялось на должном уровне²⁴².

Основная причина столь бедственного положения отряда с продовольствием, одеждой и обувью, как следует из другой докладной записки того же М.В. Медведева на имя наркома внутренних дел КФССР майора госбезопасности М.И. Баскакова, состоит в отсутствии единого руководства партизанскими отрядами. Командир 88-й дивизии, в распоряжение которого попал отряд, и райком переключивали ответственность в этом вопросе друг на друга. В итоге и Лоухский райком, и командир дивизии, и начальник РО НКВД в ответ на просьбы о снабжении отряда указывали командованию партизанского отряда на то, что партизаны не вели активной боевой деятельности и, как следствие, сами не смогли добыть всего необходимого в боях с противником. С точки зрения М. В. Медведева, такая позиция партийного, военного руководства и органов внутренних дел дискредитировала командование отряда и негативным образом влияла на моральное состояние личного состава²⁴³.

Некоторое улучшение ситуации с материально-техническим снабжением партизанских отрядов произошло в октябре 1941 г. Тогда, по воспоминаниям Г.Н. Куприянова, в ту пору первого секретаря ЦК КП(б) КФССР, ему во время поездки в Москву удалось договориться с начальником тыла Красной Армии А.В. Хрулевым о зачислении карельских партизан на армейское довольствие и об-

²⁴² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. № 6. Л. 13–14.

²⁴³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. № 6. Л. 22–23.

мундирование²⁴⁴. Армейский паек партизаны начали получать уже с середины октября. На специальном совещании по вопросам дальнейшего развертывания партизанского движения, прошедшем в Беломорске в конце ноября 1941 г., было объявлено, что все партизаны получат зимнее армейское обмундирование – валенки, стеганные брюки, шапки-ушанки, рукавицы. В то же время в Сегеже, Лехте, Хайколе и в нескольких деревнях на восточном берегу Онежского озера были созданы базы, куда были завезены запасы продовольствия, обмундирования, снаряжения, медикаментов, а также запасы патронов, гранат и мин²⁴⁵.

Обеспечение партизанских отрядов улучшилось и благодаря установлению единого руководства партизанским движением. 25 октября 1941 г. все партизанские отряды, как действующие в тылу противника, так и вышедшие в свой тыл, передавались в ведение 4-го отдела НКВД КФССР²⁴⁶. Еще 20 октября 1941 г. для материально-технического обеспечения партизанских отрядов СНК КФССР выделил из республиканского бюджета в распоряжение НКВД КФССР 3 млн. рублей. С ноября 1941 г. по ходатайству НКВД КФССР командование Карельского фронта решило вопрос продовольственного снабжения партизанских отрядов со складов НКО. Это мероприятие значительно улучшило питание партизан. Однако НКВД КФССР, проанализировав результаты боевых походов партизан в предшествующий период, запланировал 879660 рублей на дополнительное питание, из расчета 3 рубля на каждого бойца²⁴⁷.

Все вышеуказанные мероприятия по продовольственному обеспечению партизанских отрядов и прежде всего перевод партизан на армейский паек в целом улучшили и стабилизировали питание партизан как в походах, так и в период нахождения в собственном тылу. При этом из отчетных документов по продовольственному обеспечению личного состава партизанских отрядов на время проведения боевых операций становится очевидным, что при подборе продуктов питания и определении их количества учитывалось не-

---

²⁴⁴ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 5002. Оп. 3. Д. 284. Л. 5.

²⁴⁵ Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 61.

²⁴⁶ За родную Карелию: партизаны и подпольщики: воспоминания, документы. Петрозаводск, 1990. С. 267.

²⁴⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. СДП. Оп. 1. Д. 111. Л. 42.

сколько обстоятельств. С одной стороны, это походный образ жизни, при котором не всегда была возможность готовить горячую пищу, а также брать с собой скоропортящиеся продукты. С другой стороны, ограниченность проведения операции в тылу противника по времени требовала соблюдения жесткого суточного лимита на потребление продовольствия. Данные обстоятельства приводили к тому, что набор продуктов, который брали с собой в поход партизаны, был довольно однотипен для всех партизанских отрядов. Из ведомости питания на одного бойца партизанского отряда «Красный партизан» от 29 ноября 1941 г. на период боевой операции со 2 по 14 декабря 1941 г.: сухари – 7 кг, консервы мясные – 7 банок, консервы рыбные – 4 банки, концентраты 2 блюда (суп-пюре, каша) – 3,4 кг, сахар – 525 г, чай – 30 г, махорка – 300 г, спички – 3 коробка, курительная бумага – 4 пачки, масло сливочное – 600 г, соль – 150 г. Общий вес такого 12-дневного пайка составлял 17 кг 100 г²⁴⁸.

В то же время переведение партизан на армейский паек предполагало и появление в продовольственном наборе так называемых «наркомовских 100 грамм». Уже с декабря 1941 г. в ведомостях на походное продовольствие практически всех партизанских отрядов значилось наличие водки, из расчета по 100 г на бойца в сутки. В суровых природно-климатических условиях, особенно в ходе зимних операций и частых ночевок без костров, так называемый «спецпаек» был единственным средством избежать переохлаждения и, как следствие, болезни. Своеобразной альтернативой «спецпайку» было собственное изобретение партизан, именовавшееся «жми-дави». Для его приготовления из банки с сухим спиртом (спирт с парафином), такие банки выдавались партизанам в конце 1942 г. для подогрева пищи в походе, выдавливался спирт и разбавлялся сиропом из ягод. Получалась липкая масса красно-коричневого цвета с сильным неприятным запахом, которую партизаны также пили после переохлаждения в профилактических целях, чтобы не заболеть. Случаи приготовления и использования так называемого «партизанского коньяка» описаны в книгах В.Н. Пархачева²⁴⁹ и А.С. Смирнова²⁵⁰.

²⁴⁸ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 7. Л. 31.

²⁴⁹ Пархачев В.Н. Рейды бесстрашных: коми-партизаны в лесах Карелии и Заполярье. Сыктывкар, 1998. С. 44.

²⁵⁰ Смирнов А.С. Партизаны Заполярья: хроника отряда «Большевик Заполярья». Мурманск, 1977. С. 184–185.

С течением времени основные составляющие партизанского пайка на период проведения операций практически не менялись. В ведомости продовольствия на одного бойца партизанского отряда «Красный онежец» в период двухнедельной операции в феврале 1942 г. значится: сухари – 9,6 кг, концентрат первого блюда (суп-пюре) – 3 кг, концентрат второго блюда – 2,5 кг, сахар – 525 г, колбаса – 800 г, мясные консервы – 3 банки, масло сливочное – 250 г, махорка – 5 пачек, бумага курительная – 3 книжки, спички – 5 коробков, водка – 1,5 л.²⁵¹

Что касается вещевого довольствия, то здесь ситуация была далека от идеальной. По свидетельству Г.Н. Куприянова, карельские партизаны после получения в ноябре 1941 г. зимнего армейского обмундирования были экипированы довольно неплохо²⁵². Из докладной записки НКВД КФССР от 22 января 1942 г. следует, что и на начало 1942 г., и до этого предметами вещевого довольствия партизанские отряды обеспечивались исключительно за счет имущества, приобретенного на кредиты, отпущенные НКВД республики Совнаркомом КФССР. Поскольку многие торговые организации на тот период времени никаких фондов не получали, дальнейшее обеспечение партизан одеждой и обувью представляло собой серьезную проблему. Между тем уже в начале 1942 г. довольно остро встал вопрос об обеспечении партизан кожаной обувью и летним обмундированием на период летних походов. При длительных походах по лесам, отдыхе у костров 15–20% обмундирования приходилось заменять. На период же зимней деятельности начала 1942 г., как отмечалось в докладной записке НКВД КФССР, для полного обеспечения партизан зимней обувью требовалось 554 пары валенок, приобрести которые через сеть местной торговли не представлялось возможным. Такая же проблема возникла с приобретением рукавиц, перчаток и целого ряда другого имущества.

Не случайно и в ноябре и в декабре 1941 г. в докладных записках и рапортах командиров и комиссаров партизанских отрядов присутствуют просьбы о дополнительном обеспечении партизан ватными брюками, полушубками, зимними шапками, теплыми рукавицами, маскхалатами, а также котелками, флягами, гранатными сумками,

251 Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД, Д. 5. Л. 67.

252 Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. С. 61.

патронташами, вещевыми мешками, лыжами и т.д.²⁵³ Таким образом, партизаны нуждались не только в элементарном вещевом довольствии, но и в специальной походной амуниции, которая должна была соответствовать армейским аналогам.

В начале войны главным недостатком в вооружении партизанских отрядов, как и регулярных частей Красной Армии, было отсутствие необходимого количества автоматического оружия, которое в условиях коротких и внезапных столкновений с врагом, не имевшем недостатка в автоматическом оружии, становилось действительно насущной проблемой для партизанских отрядов. Плотность огня партизан не шла ни в какое сравнение с огневой мощью противника. К тому же ближний бой, единственно возможный в условиях лесной местности, окончательно сводил на нет единственное преимущество винтовочного огня по сравнению с автоматным – его дальность.

Проблема обеспечения оружием, особенно автоматическим, и боеприпасами, с точки зрения центрального командования, как и вопросы материального обеспечения, должна была быть решена в будущем за счет противника. Но осуществить это в начальный период деятельности партизанских отрядов, при отсутствии боевого опыта, чаще всего не удавалось. Первые партизанские отряды в подавляющем большинстве были вооружены со складов НКВД КФССР и баз погранотрядов винтовками устаревших образцов зарубежного производства системы «Маузер», гранатами и частично револьверами. Каждый отряд получал также 1–2 ручных пулемета. Так, основу вооружения отряда «Боевой клич» на июль – сентябрь 1941 г. составляли немецкие винтовки «Маузер» (47 штук), 2 пулемета «Маузер», 7 револьверов системы «Наган», 2 пистолета системы «ТТ», 1 пистолет системы Коровина и 2 противотанковые мины. Трофейного оружия не было из-за отсутствия серьезных столкновений с противником. Баз продовольствия и вооружения отряд никогда не имел, вследствие чего его боеприпасы хранились на тот момент в Лоухском РО НКВД²⁵⁴. Аналогичная ситуация с вооружением была и в других отрядах.

К ноябрю – декабрю 1941 г. вооружение партизанских отрядов постепенно улучшилось и стало более разнообразным. Некоторые

²⁵³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 6. Л. 30, 38; Д. 5. Л. 35.

²⁵⁴ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 6. Л. 15.

отряды к тому времени уже имели на своем вооружении трофейные финские автоматы «Суоми». Например, в отряде «Красный партизан» по состоянию на 29 ноября 1941 г. было 4 финских автомата «Суоми», 4 немецких ручных пулемета «Браунинг», 2 английских пулемета системы «Льюис», 5 винтовок русского образца, 82 винтовки «Маузер», 6 пистолетов системы «Наган», 2 – системы «ТТ», 3 – «Парабеллум», 1 – «Маузер», 156 гранат РГД и 48 Ф-1, а также противотанковые и противопехотные мины, тол в шашках и бутылки с зажигательной смесью²⁵⁵. С одной стороны, из списка вооружения видно, что абсолютное большинство наименований не относилось к трофейному финскому оружию. Следовательно, основные источники пополнения оружием и боеприпасами находились в советском тылу, а вооружаться за счет противника было задачей не из легких. С другой стороны, наряду с огнестрельным оружием в вооружении партизан все большее место занимают средства для диверсионной деятельности, что было результатом большей конкретизации задач партизанской борьбы на коммуникациях противника.

Рассмотрев вопросы материально-технического обеспечения, вооружения и медицинского обслуживания партизанских отрядов Карельского фронта, можно сделать вывод о значительном влиянии изменений в структуре управления партизанским движением на уровень обеспеченности отрядов всем необходимым для ведения боевых действий во вражеском тылу в сложнейших природно-климатических условиях. Новые структурные изменения и, прежде всего, появление республиканского Штаба партизанского движения привели, в целом, к улучшению материально-технического снабжения и вооружения партизан. В то же время появление оперативных групп ШПД и определенная децентрализация управления партизанскими отрядами создали ситуацию, когда практически все вопросы обеспечения партизан и ответственность за их успешное разрешение были перенесены в сферу обязанностей руководства оперативными группами, которые, в свою очередь, вынуждены были активно использовать местные ресурсы.

Успешное выполнение операции зачастую напрямую зависело от того, насколько хорошо были экипированы партизаны, обеспечены продовольствием, боеприпасами и медикаментами. Измене-

---

²⁵⁵ Там же. Д. 7. Л. 30.

ния в тактико-стратегическом использовании партизанских отрядов требовали должного обеспечения автоматическим оружием, средствами радиосвязи, новейшими образцами для минно-подрывной деятельности и создания соответствующей учебной базы. При этом вопрос материально-технического обеспечения напрямую был связан с поддержанием должного физического состояния, боевого духа и морально-политической устойчивости личного состава партизанских отрядов.

Маин В.Н.

**Стратегическая инициатива и оперативные
решения начальника Генерального штаба РККА
А.М. Василевского в период Сталинградской битвы**

Есть особый смысл в том, что оперативное руководство отражением гитлеровского наступления летом – осенью 1942 г. и подготовкой советского контрнаступления под Сталинградом были возложены на генерала А.М. Василевского, родившегося под г. Кинешмой древнего Костромского края. Великая русская река во многие века выступала важнейшим стратегическим рубежом защиты Отечества. Люди, жившие здесь раньше, работающие и служащие сейчас отличаются особой любовью к Родине, являются талантливыми воинами. А.М. Василевский написал как о само собой для него разумевшемся, что вместе со своими одноклассниками он, мечтавший после окончания духовной семинарии работать учителем, получить высшее агрономическое образование, в условиях начавшейся мировой войны принял решение стать военным²⁵⁶.

Высокое сознание гражданского долга, присущее всем волжанам, предопределило судьбу штабс-капитана А.М. Василевского, прошедшего школу участника Брусиловского прорыва, посчитавшего делом чести защиту социалистического Отечества. За предвоенные годы он вырос в авторитетного командира Красной Армии, приобрел и в 1941–1945 гг. творчески развил многие характерные черты дальновидного военачальника. В первую очередь к ним военные и историки относят глубокие профессиональные знания, умение бы-

²⁵⁶ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. 6-е изд. М., 1989. С. 14.

стро разбираться в сложной оперативно-стратегической обстановке. Опираясь на самообладание и сильную волю, корректность и доверие к подчиненным, большой такт и высокую требовательность, не допускающую приблизительных данных, А.М. Василевский обладал способностью принимать оптимальные решения²⁵⁷. Если требовала обстановка, он был непреклонным и до конца отстаивал свое мнение. При этом генерал свою твердость отделял от грубости. Всегда считал, что грубость не является признаком характера полководца. Бывший при нем офицер для поручений полковник А.И. Гриненко вспоминал: «Маршал Василевский был человеком предельной порядочности, уважение к подчиненным было у него в крови. Вот пример. Василевский отдыхал после длительной поездки, когда к нему со срочным донесением прибыл молоденький лейтенант. И представьте себе, он, Маршал Советского Союза, член Ставки Верховного командования, застегнул китель на все пуговицы и только тогда сказал мне: «Пригласи ...»²⁵⁸.

В полной мере все это проявилось в дни Сталинградской битвы. К сожалению, в отечественной литературе при характеристике роли этого выдающегося военного деятеля в годы Великой Отечественной войны сложились три стереотипа. Первый из них сводится к такой констатации: «Особенно ярко проявился полководческий талант Василевского в годы Великой Отечественной войны. Он внес значительный вклад в теорию и практику советского военного искусства»²⁵⁹. Далее идет перечень должностей, занимаемых им с августа 1941 г. После него говорится: «В 1943–1944 гг. координировал действия ряда фронтов в стратегических операциях, возглавлял планирование и разработку важнейших операций советских Вооруженных Сил». Заметим, что в цитируемой публикации ни о Сталинградской битве, ни о роли в ней этого выдающегося военного не сказано ни слова. Имя военачальника, как и его соратника Г.К. Жукова, не названо и в статье «Сталинградская битва. 1942–1943» этого издания. В «Военно-историческом словаре, опубликованном в 2005 г.

---

²⁵⁷ Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 103.

²⁵⁸ Айвазьян И. ...И помнит мир спасенный. Рассказывают адъютанты прославленных полководцев Великой Отечественной войны // Комсомольская правда. 1988. 16 февраля. С. 4.

²⁵⁹ Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 213.

московским издательством «АСТ» и минским – «Харвест», имя полководца не названо вообще²⁶⁰.

Не избежал в свое время подобного подхода и автор–составитель Энциклопедии военного искусства «Командиры второй мировой войны». В его статье «Александр Василевский» роль генерала в подготовке и проведении Сталинградской операции автор определил лишь как координацию действий Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов²⁶¹. Нуждается в корректировке и кочующая из книги в книгу формулировка, что А. М. Василевский, будучи в годы войны 32 месяца начальником Генерального штаба, только 12 месяцев работал непосредственно в этом руководящем военном органе, а остальное время – на фронтах²⁶².

Своеобразным антиподом первого стереотипа стал второй штамп. Он строится на умалении роли А.М. Василевского в подготовке, руководстве действиями войск при проведении оборонительных и наступательных операций. Многие авторы пишут большей частью только о поездках представителя Ставки на командные пункты войск, его деятельности по изучению боеготовности фронтов и армий, последующих докладах И.В. Сталину. Третий стереотип – суждение об оборонительных сражениях Красной Армии в августе – октябре 1942 г. под Сталинградом как о серии неудачных наступательных операций²⁶³.

Блистательный военный аналитик А.М. Василевский сумел увидеть и в последующем извлечь уроки из допущенных в январе – июне 1942 г. ошибок. Главными из них были: 1) проведение недостаточно обеспеченного материальными и кадровыми ресурсами наступления по всему фронту, вылившегося в серию поражений советских войск под Ленинградом, Ржевом, Воронежем и Харьковом; 2) просмотр главного (южного) направления наступления немецко-фашистских

---

²⁶⁰ Там же. С. 1237; Военно-исторический словарь. М., 2005. С. 78, 756, 757.

²⁶¹ Командиры второй мировой войны / авт.-сост. А.Н. Гордиенко. Минск, 1998. С. 452.

²⁶² Светлишин Н.А. Орден «Победа» – полководцам (О командующих фронтами в Великой Отечественной войне, награжденных высшим военным орденом СССР). М., 1988. С. 62.

²⁶³ Сталинград: Цена победы. М., 2005. С. 28–30; Энциклопедия Третьего рейха / сост. В. Телицин. М., 2003. С. 322.

войск летом–осенью 1942 г. и, как итог, 3) потеря стратегической инициативы ведения военных действий, с таким трудом обретенной Красной Армией в ходе Московской битвы. Оценивая план военных действий на лето 1942 г., полководец писал, что самым уязвимым в нем явилось решение «одновременно обороняться и наступать».

В этих условиях ответственные задачи легли с 26 июня 1942 г. на плечи вновь назначенного Ставкой ВГК на должность начальника Генерального штаба генерал–полковника А.М. Василевского. О том, в какой обстановке ему довелось начинать работать в этой должности, говорят следующие факты. За пять предвоенных лет сменилось 4 начальника Генерального штаба. Эта ситуация не позволила им в полной мере освоить вопросы подготовки к будущей войне. Весной 1941 г. выяснилось, что у Генштаба, как и у Наркомата обороны, не были подготовлены на случай войны командные пункты. Зачастую отсутствовал трезвый анализ состояния Вооруженных Сил. А.М. Василевский был третьим генералом, возглавившим эту ответственную военную структуру с начала Великой Отечественной войны после Г.К. Жукова, Б.М. Шапошникова.

Не делая никаких комментариев по поводу сложившейся ситуации с Генеральным штабом РККА, возьму на себя смелость утверждать, что военно-стратегическая обстановка лета – осени 1942 г. требовала иных подходов к организации военных действий, в отличие от тех, которые были в РККА в первый период войны. Тогда гигантским перенапряжением сил и средств удалось отстоять Москву и отодвинуть фронт к западу от столицы на 250–400 км. Этого было явно недостаточно. Немецко-фашистские войска по-прежнему находились в центре России. Их командование, потерпев первое сокрушительное поражение, по-прежнему было нацелено на нанесение поражения нашей стране и ее историческому и политическому суверенитету. Оно, понимая всю ограниченность своих ресурсов, лишь выбирало наиболее удобное и эффективное направление ведения боевых действий. Наиболее соблазнительным вновь стал «Drang nach Osten!», в этот раз нацеленный в обход Москвы с Волги и Северного Кавказа.

Новый начальник Генерального штаба РККА А.М. Василевский, опираясь на сведения советской стратегической и оперативной разведки, вначале убедился в том, что немецкое командование намеревалось в отношении Красной Армии действовать прежними шаблонами. Их ошибочность состояла в том, что теперь противнику

противостояла принципиально новая армия. Ее командный состав стал более профессиональным. Во вновь открытых по инициативе Генштаба в 1942 г. 53 новых военных училищах изучался опыт достижений и просчетов командной работы первого периода Великой Отечественной войны, в военных частях и соединениях, отводимых с передовой во второй эшелон, шла напряженная боевая учеба. Более высокого качества стало и маршевое пополнение рядового состава, многие из вновь пришедших в части бойцов, благодаря активно действовавшей системы всеобщего обучения, уже владели теми или иными воинскими специальностями. Они были лучше, чем в 1941 г. подготовлены к стрельбе из новых систем оружия и боевой техники. За хранение в чистоте и постоянной боевой готовности этого оружия несли ответственность политические и военные руководители. Новые артиллерийские орудия, танки, автоматическое оружие стали все в большем количестве поступать в действующую армию с завершивших перестройку на военный лад предприятий военной промышленности. Все возрастающая потребность фронта в вооружении побудила их перейти на поточный метод организации производства.

И еще одно новое явление стало мощным инструментом в комплексе средств, используемых Генеральным штабом в управлении фронтом и тылом, – возросшее патриотическое сознание фронтовиков и активная пропагандистская работа среди них работников искусства, поэтов, писателей, журналистов. Имя этому новому явлению было – российский патриотизм, который питал ненависть к агрессору. В день отступления советской армии из Луганска газета «Красная звезда» опубликовала стихотворение К.С. Симонова «Убей его». Призывая защитить Родину, поэт обратился лично к каждому из бойцов и командиров. Секретарь обкома ВКП(б) А.С. Чуянов вспоминал, как по всей строгости с него спросили А.М. Василевский и Г.М. Маленков за задержку с выходом областной газеты «Сталинградская правда»²⁶⁴.

Для того, чтобы сорвать новое «генеральное» наступление гитлеровской армии, Генштаб и Ставка РККА (рабочим аппаратом которой генерал руководил с мая 1942 г.) оборонительным сражением на подступах к Сталинграду придали характер стратегической обо-

---

²⁶⁴ Чуянов А.С. На стремнине века. Записки секретаря обкома. М., 1976. С. 155.

роны²⁶⁵. Вечером 23 июля А.М. Василевский прилетел в Сталинград. На следующий день на северной окраине г. Калач командование Сталинградского фронта в его присутствии обсудило вопрос о нанесении по противнику, прорвавшемуся к Дону, серии контрударов²⁶⁶. Менее чем через месяц после своего назначения А.М. Василевский по поручению Ставки ВГК направил командующим фронтами и 7-й отдельной армией специальную директиву. В ней говорилось: «Опыт боев показывает, что управление войсками у нас остается на недопустимо низком уровне». Было отмечено, что фронтовое и армейское командование неохотно пользуется средствами радиосвязи, держит радиостанции далеко от командных пунктов. «Дарование полководца в сочетании с мужеством бойца»²⁶⁷ он проявил во время нанесения наступательных операций против рвавшихся к Волге в соответствии с гитлеровскими планами «Blau» и «Braunschweig» танковым и армейским группировкам врага. Их результатами стали замедление темпов, переход гитлеровских войск на ряде участков к обороне и потеря немецким командованием, в конечном счете, инициативы ведения боевых действий. Неоднократно оперативные меры, предпринимаемые представителем Ставки А. М. Василевским вместе с командованием Сталинградского и других фронтов, срывали замыслы немецкого командования по окружению и уничтожению советских стрелковых дивизий и танковых бригад (как это произошло с 62 и 64-й стрелковыми дивизиями в конце июля). Среди таких мер были создание ударных групп, формирование танковых и авиационных армий, системная, тщательная подготовка к контрнаступлению. Ставкой ВГК и Генеральным штабом было вскрыто и предотвращено намерение командования вермахта создать и закрепить за собой в большой излучине Дона базу для нанесения поражения Красной Армии под Сталинградом²⁶⁸.

И.В. Сталину, А.М. Василевскому и Г.К. Жукову принадлежит заслуга в разработке стратегического замысла, содержания и важ-

---

²⁶⁵ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. 6-е изд. ... С. 206; Его же. Между Доном и Волгой // Сталинград: уроки истории. М., 1980. С. 26.

²⁶⁶ Чуянов А.С. На стремнине века. Записки секретаря обкома... С. 117.

²⁶⁷ Яровиков В.С. Маршал Василевский // Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987. С. 108.

²⁶⁸ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1 и 2. М., 1989. С. 65.

нейших этапов подготовки к контрнаступлению. Обмениваясь мнениями друг с другом, они самым тщательным образом изучили и просчитали, предложили на утверждение Ставки основные направления главных ударов. После того как 13 сентября было принято окончательное решение и составлена карта проведения через два месяца решающего контрнаступления, оба полководца в качестве представителей Ставки вместе с офицерами оперативного управления Генштаба выехали на фронт для доработки замысла предстоящей стратегической наступательной операции. Оценивая его содержание, командующий Донским фронтом К.К. Рокоссовский так написал в своих воспоминаниях: «Нужно отдать должное Генеральному штабу и Ставке: момент был выбран очень удачно. Мы имели возможность создать перевес в силах и средствах на направлениях ударов. Нужно было лишь помешать противнику организовать оборону, не дать ему оттянуть из междуречья войска для создания резервов»²⁶⁹.

Начальник Генерального штаба добился абсолютной секретности подготовки к контрнаступлению и осуществления этого плана. До командующих фронтами было решено довести лишь то, что непосредственно касалось каждого из них. Полномасштабно они включились в подготовку контрнаступления вместе со штабами фронтов в первых числах октября. Официальное решение о создании на Сталинградском направлении Юго-Западного фронта было отнесено на конец сентября.

Значение проводимой работы выглядит особенно убедительно в свете того обстоятельства, что примерно в это же время А. Гитлер в своей перенесенной из Растенбурга под Винницу ставке потребовал от немецких генералов предельно быстрого захвата Сталинграда. Там посчитали, что десяти дней на это хватит, и приказали войскам вермахта приступить к его штурму 14–15 сентября²⁷⁰. Поверив обещаниям своих военачальников, Гитлер 24 сентября уволил требовавшего немедленного прекращения наступления на Сталинград начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера²⁷¹.

²⁶⁹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1985. С. 146.

²⁷⁰ Гальдер Ф. Военный дневник, 1941–1942 / пер. с нем. И. Глаголева. М., СПб., 2003. С. 870–872.

²⁷¹ Энциклопедия Третьего рейха... С. 103.

О стратегическом видении в советском военном руководстве готовящейся наступательной операции, объявленной Государственным Комитетом Обороны и Ставкой ВГК главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 г., красноречиво говорит тот факт, что уже в двадцатых числах сентября операторы Генштаба в полном объеме разрабатывали оперативно-стратегические соображения по проведению контрнаступления. Особое внимание А.М. Василевским было уделено выбору исходных рубежей, времени проведения операций «Уран», «Кольцо» и «Сатурн» при одновременном акценте на ведение изматывающих силы и ресурсы 6-й общевойсковой и 4-й танковой немецких армий оборонительных боев в самом Сталинграде. При этом окружение и уничтожение немецких и румынских войск в городе планировались изначально как начальная стадия общего контрнаступления, которое затем должно быть переведено в наступление по всему южному флангу советско-германского фронта.

А.М. Василевский неоднократно встречался с каждым из командующих фронтами. Эти личные контакты ярче раскрывали перед ним интеллектуальные возможности К.К. Рокоссовского, А.И. Еременко, Н.Ф. Ватутина, различные грани их полководческого таланта, позволяли лучше понять их видение стратегического пространства – столь важные детали для написания партитуры предстоящего сражения. В дальнейшем эти черты полководческого искусства А.М. Василевского помогли ему принять самое деятельное участие в оказании помощи командованию фронтов при разработке и проведении последующих операций контрнаступления.

А.М. Василевский как заместитель наркома обороны СССР с октября 1942 г. координировал оборонительные и наступательные действия всех трех фронтов Сталинградского направления. За пять месяцев оборонительных сражений под Сталинградом было отражено более 700 вражеских атак. А.М. Василевский масштабно видел динамику сражения и его критические точки. О содержании и сути Сталинградской наступательной операции А.М. Василевский написал так: «Проведение такого сложнейшего оперативного маневра, как наступление по сходящимся направлениям с целью окружения вражеской группировки, требовало от советских полководцев большого мастерства, высокой профессиональной культуры, широкого творческого мышления. Большинство из них справилось со сложной задачей. Советское военное искусство под Сталинградом оказалось

выше немецко-фашистского. Фашистскому зверю умело и хладнокровно был поставлен капкан»²⁷².

Во время Сталинградской битвы проявилась полководческая зрелость А.М. Василевского²⁷³. За отличную разработку и проведение выдающейся стратегической операции через две недели после ее завершения А.М. Василевскому Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Маршала Советского Союза. Советские военачальники нанесли поражение гитлеровскому генералитету. К ним перешла стратегическая инициатива ведения войны. В дальнейшем при планировании военных компаний советское командование уже по своему усмотрению выбирало направления и способы ведения боевых действий²⁷⁴.

Во время Сталинградской битвы и после нее важнейшим слагаемым полководческого искусства было творческое содружество и взаимодействие двух выдающихся военачальников, тогда еще генералов, – Г.К. Жукова и А.М. Василевского. Современников и соратников этих, безусловно, великих людей неизменно поражало и восхищало их уважительное отношение друг к другу. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть их воспоминания. Так, у первого из них можно прочесть по поводу одного из дискутируемых вопросов: «Думая, что-либо добавить к тому, что сказал Александр Михайлович, не требуется. Данные, изложенные им, убеждают, что главная роль в планировании контрнаступления принадлежит Ставке и Генеральному штабу»²⁷⁵. После того как в кабинете И.В. Сталина появились портреты А.В. Суворова и М.И. Кутузова, его неоднократно спрашивали, кто из них ему больше нравится? И вот однажды он ответил так: «Если бы можно было распоряжаться личными качествами людей, я бы сложил качества Василевского и Жукова вместе и поделил бы их между ними пополам»²⁷⁶.

²⁷² Василевский А.М. О руководстве вооруженной борьбой советского народа в годы Великой Отечественной войны // Освободительная борьба против фашизма 1939–1945 гг. М., 1983. С. 24.

²⁷³ Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия. М., 2004. С. 370.

²⁷⁴ Отечественная военная история. В 3 томах. Т.2–3. С. 351.

²⁷⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. Т.2. М., 1978. С. 91.

²⁷⁶ Гусяров Е.Н. Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М., 2003. С. 451–452.

Объединенные мастерские Ленинградского политехнического института в годы блокады

7 июля 1941 г. директор института П.А. Тюркин подписал приказ: «В целях более организованного оказания наибольшей помощи для обороны страны... временно объединить мастерские и производственные лаборатории ЛПИ в один объект под названием Объединенные мастерские ЛПИ (ОМПИ). В состав ОМПИ включить:

1. Лабораторию технологии машиностроения.
2. Экспериментальные мастерские.
3. Учебные мастерские.
4. Литейную лабораторию.
5. Сварочную лабораторию»²⁷⁷.

Начальником ОМПИ был назначен доцент кафедры технологии машиностроения В.Г. Подпоркин²⁷⁸, главным инженером – заведующий кафедрой технологии машиностроения профессор А.П. Соколовский.

Назначение В.Г. Подпоркина на столь ответственный пост не было случайностью. Выпускник механического факультета ЛПИ 1934 г. В.Г. Подпоркин к началу Великой Отечественной войны имел уже шестилетний преподавательский стаж и положительные отзывы о своей работе. Вел курсы: теорию резания, допуски, станки, технологию машиностроения, технологию металлов и дипломное проектирование.

Одновременно В.Г. Подпоркин вел общественную работу: в разное время был председателем профкома, парторгом группы, пропагандистом, членом партбюро. Таким образом, его организаторские способности оказались востребованы уже в самом начале Великой Отечественной войны.

На начальника ОМПИ возлагались обязанности по организации всего производства, подбору и подготовке кадров, приему и контролю за выполнением принятых заказов в установленными сроками.

²⁷⁷ Приказы по институту. 1941 г. № 418. 7 июля // Архив СПбГПУ.

²⁷⁸ Личное дело В.Г. Подпоркина // Архив СПбГПУ. 1934–1988 гг. Оп. 280. Д. 54. Л. 20

И, хотя в Объединенные мастерские были переданы станки, оборудование, материалы из многих лабораторий, а также квалифицированные рабочие, положение Подпоркина было сложным. Часть необходимого оборудования, в том числе 75 металлорежущих станков, было отправлено в тыл, а имеющиеся в институте станки были крайне изношены, маломощны. Новые станки получить не удалось, несмотря на решения вышестоящих организаций.

Первое время заказы поступали от различных организаций без жесткого плана: обрабатывали корпуса электромоторов, постаментные плиты для передвижных электростанций, делали передвижные кровати для госпиталей и красноармейские котелки. Но в конце июля 1941 г. по решению Ленинградского горкома ВКП(б) ЛПИ должен был принять участие в выполнении оборонных заказов кооперированно с Кировским заводом, и тут уже институту установили программу: 50 комплектов деталей в сутки. Требовалось наладить массовое производство, которого в институте ранее никогда не было: до войны механические мастерские выполняли заявки кафедр, связанные с учебной и научной работой. Катастрофически не хватало квалифицированных рабочих: токарей, слесарей, литейщиков. Многие из них уходили на фронт, переходили на военные заводы. Пополнение производили за счет студентов, не подлежащих призыву, и служащих, в основном, женщин. Но их надо было обучать, а времени для этого не было. И все же за первые шесть месяцев войны мастерские института выпустили 25 видов военной продукции.

С ноября положение ленинградцев ухудшилось, к почти ежедневным бомбежкам и артобстрелам добавились голод и холод. Уже в конце октября наступили морозы, а с 20 ноября в пятый раз уменьшилась норма хлеба: по рабочей карточке выдавали по 250 граммов хлеба в сутки, по остальным – по 125 г. 11 декабря перестал работать трамвай, связь с Кировским заводом, который находился близ линии фронта, прервалась. Начались перебои в снабжении института электроэнергией, что сказалось на работе ОМПИ – производство резко сократилось. И все же в тяжелейших условиях ленинградской блокады маленький коллектив ОМПИ, который в конце 1941 г. насчитывал менее 50 человек, изготовил 800 тысяч деталей для 200 тысяч автоматов. В конце декабря, благодаря открытию ледяной трассы через Ладожское озеро, снабжение города немного улучшилось, но обессиленные голодом и холодом люди уже не могли работать. В

декабре основная работа Объединенных мастерских Политехнического института была прекращена²⁷⁹.

3 января 1942 г. институт был отключен от фидеров подстанций северного района Ленэнерго. В середине января полностью прекратилась подача воды из города, что привело к остановке центрального отопления всех зданий института, и тогда ОМПИ немедленно начал изготовление печей-временок (так называемых «буржук») из кровельного железа и литых, для установки их в госпитале, расположенном в главном здании.

Большая часть сотрудников была эвакуирована. В эвакуации оказался и В.Г. Подпоркин, который с 1 июня 1942-го по 10 мая 1943 г. был ректором эвакуированного в Пятигорск Ленинградского политехнического института.

Объединение мастерских во время блокады города было, безусловно, вынужденной мерой, но принесшей свои, пусть небольшие, плоды. В условиях энергетического кризиса, недостатка оборудования и т.п. сотрудники политехнического института все же смогли наладить промышленное производство столь необходимых стране оборонных заказов.

Тимофеева М.М.

Военнопленные из народов Поволжья и Приуралья в фашистских лагерях

Появление в составе германского вермахта боевых соединений из представителей разных народов Советского Союза явилось далеко не случайным явлением, а следствием тех военных и политических обстоятельств, которые сложились к концу 1941 – первой половине 1942 г.

Основной толчок к созданию Восточных легионов был дан провалом плана молниеносной войны. К осени 1941 г. стало совершенно ясно, что «блицкриг» провалился и что Германии следует готовиться к затяжной войне, в которой многое будет решаться и от состояния резервов: технического, материального, людского.

---

²⁷⁹ Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. СПб., 1997.

В середине июля 1941 г. многонациональная Красная Армия потеряла около миллиона своих солдат и офицеров, из которых 724 тысячи были пленены. В августе 1941 г. в районе Белосток – Минск потери плененными составили тысячи человек, в районе Умани – 103 тысяч, под Смоленском и Рославлем – 348 тысяч, в районе Гомеля – 30 тысяч²⁸⁰.

Зимой 1941–1942 гг. немцы предприняли несколько попыток установить отношения с советскими властями, чтобы договориться о взаимном соблюдении Гаагской и Женевской конвенций, но получили отказ. 29 мая 1942 г. наконец от имени Советского руководства Молотов в категорической форме отказался подписать Женевскую конвенцию или соблюдать ее условия.

К чему привела такая позиция советского руководства? Не только к тому, что солдаты и офицеры Красной Армии сражались до конца, но к тому, что немецкая сторона к брошенным на произвол судьбы советским военнопленным относилась особенно жестоко. Чувствуя себя обреченными, военнопленные во многих случаях не выдерживали такого положения и предпочитали смерти очень нелегкую перспективу сотрудничества с врагом, становясь впоследствии основой для создания в составе вермахта и СС военных формирований из народов СССР. Среди них были и представители разных тюркских народов, тем более что в лагерях для военнопленных уже в конце лета – начале осени 1941 г. появились и начали активную работу специальные вербовочные комиссии Восточного министерства.

Руководство Германии понимало, что пропаганда – это мощный инструмент для проведения желаемой политики. Воздействие на части Красной Армии осуществлялось разными способами: через радио, через громкоговорители, распространение листовок с текстами, плакатами и рисунками. Цель в данном случае была одна – морально подавить боевой дух красноармейцев и призвать их к переходу на сторону немцев. Созданием национальных военных формирований из народов СССР Германия преследовала вполне четкую цель, пыталась решить свои конкретные задачи, имела для этого определенные военные и политические мотивы.

---

²⁸⁰ Терещук А.В., Конасов В.Б. К истории советских и немецких военнопленных (1941–1943 гг.) // НИИ. 1996. № 5. С. 54.

Вербовка в легионы проводилась среди военнопленных в специальных переходных лагерях – дулагах. Сам процесс вербовки проводился методом кнута и пряника: военнопленным наглядно давалось понять, какие блага сулит им переход на немецкую сторону – лучшее обеспечение, обмундирование, более свободные условия содержания в лагерях. Пропагандисты выступали с речами, делая при этом основной упор на национальную самобытность военнопленных, на их противоположность русским, на те гонения, которым подвергались религия и национальные языки в Советском Союзе.

Изыбавившие согласие перейти на немецкую службу в большинстве своем проходили следующий путь.

1. Начальный, первый лагерь (AUFFANGSLAGER), с лета 1942 г. располагался в Острове – Мазовецком.

2. Предварительный лагерь (vorlager) – Седльце Б (для татар – Седльце А, его комендантом некоторое время был бывший советский полковник Шакир Алкаев).

3. Основной лагерь легионов (stammlager):

Для Азербайджанского легиона – Едлино под Радомом.

Для Армянского – Пулавы.

Для Волго-татарского легиона – Едлино²⁸¹.

1 августа 1942 г. из штаб-квартиры Гитлера был дан приказ, подписанный начальником штаба Кейтелем о создании в дополнение к существующим легионам, состоящего из поволжских (казанских) татар, башкир, говорящих по-татарски чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы.

Приказ Кейтеля явился как бы указанием сверху, а практический приказ ОКХ был подписан 15 августа 1942 г. В нем содержались более конкретные указания:

1. Создать легион из башкир, татар и говорящих по-татарски народов Поволжья.

2. Татар, приписанных к Туркестанскому легиону, перевести в Волго-татарский легион.

3. Военнопленных татар срочно отделять от остальных и направлять в лагерь Седльце.

4. Созданный легион использовать прежде всего в борьбе против партизан.

---

²⁸¹ Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». Казань, 2005. С. 180.

Знамя Волго-татарскому легиону было вручено 6 сентября 1942 г., поэтому сами легионы считали именно этот день датой окончательного формирования соединения.

8 сентября 1942 г. Волго-татарский легион был передан под командование штаба Восточных легионов и командующего военным округом в генерал-губернаторстве.

Командиром Волго-татарского легиона был назначен уже довольно пожилой и опытный, майор Оскар фон Зеккендорф. Хорошо говорил на русском, английском, французском, китайском.

Первый батальон Волго-татарского легиона, получивший номер 825, должен был быть создан к 1 декабря 1942 г., но его сформировали даже чуть раньше 25 ноября.

Создавая национальные легионы, немецкое командование не могло надеяться на полную благонадежность легионеров, так как среди них было немало лиц, которые не хотели служить немцам и при удобном случае дезертировали из легиона и переходили на сторону партизан (советских, французских, чешских, польских) или на сторону советских войск. Для предотвращения таких фактов все командиры батальонов, рот, взводов в легионе были назначены из немцев. Некоторые из них прошли специальную подготовку для работы на оккупированной территории Советского Союза, владели русским языком, часть из них знала даже языки народов Поволжья. При Берлинском Ориентальном институте в 1942 г. существовали специальные курсы для немцев. Курсанты изучали языки этих народов. Наряду с командирами из немцев, на младшие командные посты допускались и сами легионеры. Таким образом, в функцию командира немца входил и контроль за командиром от легионеров.

Для подготовки офицеров немецкое командование организовало офицерские курсы на станции Веселая, в Радоме, на станции Уездом. В школы и на курсы подготовки офицерского состава принимались легионеры, которые ранее имели командный опыт из числа преданных.

По согласию на верное служение Германии советские военнопленные, точно указавшие свою национальность, из общих лагерей немедленно направлялись в сборно-формировочные лагеря. Условия жизни последних отличались от условий в обычных лагерях. Здесь пленные получали питание, приравненное к питанию немецкого солдата.

Обычно сразу же после вступления в легион военнопленных переводили в особый блок лагеря, где им выдавалась немецкая военная форма с нарукавным знаком Волго-восточного легиона. В форме солдат немецкой армии легионеры присягали на верность Германии. Затем легионера направляли, в зависимости от состояния здоровья, в Волго-татарский легион или вспомогательные части – так называемые рабочие батальоны. По прибытии в легион на каждого заполнялась карточка-анкета, он зачислялся в соответствующие подразделения, получал белье, одежду и обувь.

В июне 1944 г. была организована православная рота, где служили исключительно пленные православного вероисповедания: мари, чуваша, мордвина и удмурты. Эти легионеры служили вместе с татарами и башкирами. Их численность была около 250 человек. В легионе имелись служители религиозного культа: у татар – муллы, у православных легионеров – священники, псаломщики.

28 августа 1942 г. первая партия башкир, татар, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвинцев была доставлена в военный лагерь, располагавшийся в окрестностях польской станции Едлино. 5 сентября 1942 г. – день приведения к присяге первой партии военнопленных – позднее был официально объявлен днем рождения Волго-татарского легиона. Всего было сформировано 7 батальонов. Когда в октябре 1943 г. легион в основном был переброшен на Запад, его штаб перевели в город Ле-Пюи (Юго-Восточная Франция)²⁸².

Штаб легиона состоял из немецких офицеров и сотрудников из немцев и командиров из числа легионеров. Штаб имел 6 отделов: оперативно-строевой, военной цензуры и пересылки корреспонденции, культотдел, разведывательный и контрразведывательный, хозяйственный, финансовый. Военным отделом руководил татарин Салихов, культотделом – татарин Исламгулов, разведывательным и контрразведывательным – представитель разведоргана лейтенант Ленц и татарин Мичурин – Курбанов, который числился как прокурор легиона. В целях выявления антисоветских настроений среди легионеров разведывательный и контрразведывательный отдел имел массовую агентурно-осведомительную сеть. Резидентами, как правило, являлись переводчики, командиры взводов, обычно завер-

²⁸² Александров Г.А. Военнопленные из республик Поволжья на службе у вермахта // Вопросы истории. 1999. №5. С. 144.

бованные во время их пребывания на курсах подготовки младшего командного состава.

При Волго-татарском легионе в начале 1943 г. в местечке Едлино была организована школа переводчиков. В этой школе уделяли изучению немецкого языка, кроме того, проходили русский язык, строевую и тактическую подготовку. Окончивших школу переводчиков направляли в те же подразделения легиона, откуда они прибыли, где они назначались на штатные должности ротных переводчиков, а иногда – во взводы; иные работали при штабах, столовых, кухнях. Переводчики занимали и командные должности в качестве командиров отделений, взводов и рот. Некоторые легионеры изучали разведывательно-диверсионное дело в немецкой школе разведчиков-диверсантов, находившейся во Львове под видом школы переводчиков. После войны МГБ Чувашской АССР было установлено, что несколько человек из чувашей обучались в этой школе.

В легионе осуществлялась идеологическая обработка военнопленных. Эту работу проводило Татарское представительство в Берлине во главе с Шафи Алмасом. В первой половине 1944 г. выпускалось чувашское приложение «Атал-Уралшан» (За Волгу – Урал) к татарской газете «Идель-Урал». Редактором издания был чуваш А.П.Кадеев (псевдоним Азамат). Всего было издано 14 номеров приложения²⁸³.

На чувашском, марийском, мордовском и удмуртском языках печаталась газета «За национальную свободу». Газета называлась еженедельной, но из-за недостатка бумаги выходила один раз в две недели. Выходила газета с июля по февраль 1945 г. Редактировал газету чуваш Ф.Д. Паймук, его заместителем был Кадеев. Сотрудниками работали Л. Михайлов – чувашин, секретарь редакции, М. Наумкин – заведующий мордовским отделом, мордвин. Вместе с ним мордовский отдел газеты вел М. Кирдяшкин. Короткое время проработал здесь П. Лучин; Г. Кузьмин – заведующий удмуртским отделом, удмурт; А. Герасимов – заведующий марийским отделом, мариец. Некоторые легионеры на допросах в 1946 г. показали, что в редакции работал еще чуваш М. Галубин²⁸⁴.

²⁸³ Александров Г.А. Военнопленные из республик Поволжья на службе у вермахта // Вопросы истории. 1999. №5. С. 144.

²⁸⁴ Там же. С. 145.

Газета выпускалась тиражом 2 тыс. экземпляров. Паймук выпустил 15 номеров до разрушения помещения редакции в здании немецкого издательства, где размещались все редакции национальных газет. Кадеев в качестве заместителя редактора выпустил самостоятельно №№ 16 и 17 в Потсдаме после переезда туда всех редакций.

Отдельные чувашские легионеры и офицеры из числа отличившихся на службе направлялись на курсы пропагандистов, которые функционировали в Потсдаме и Радоме. Лекции читались по следующим темам: история татарского народа; культура и искусство татарского народа; борьба тюркских народов с русским царизмом и большевизмом; борьба идель-уральских народов за свое освобождение; история народов «Идель-Урал»: чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов и их культура; военная борьба идель-уральцев за свое освобождение; почему мы боремся против большевизма; возможности построения Идель-Уральского государства, татарский народ – государственный народ; печать – газета «Идель-Урал». В чтении лекций принимали участие сотрудники Татарского представительства и немцы из управления пропаганды штаба Восточных легионов. Немцы читали лекции на темы: сельское хозяйство в Германии; труд и его оплата в Германии; национал-социализм. Они же проводили экскурсии со слушателями по Германии: по Берлину, Дрездену, Мюнхену, а также по Вене. Посещали музеи, театры, кино, библиотеки, знакомились с постановкой школьного начального образования. Срок обучения на курсах пропагандистов составлял полтора месяца. Обычно на курсы присылались татары, из других национальностей представителей было мало.

Татарское представительство имело три дома отдыха для легионеров: в Дрездене, в местечке Даргибель в восьми км от города Анклам (Померания) и в Цемпине. Назначение этих домов отдыха – отдых легионеров в течение трех недель и пропаганда идей «Идель-Урал». По существу, дома отдыха являлись пропагандистской школой. Здесь был постоянный штатный пропагандист, пропагандистами были также заведующие домами отдыха и их помощники. В одном из названных домов отдыха служил В.С. Изосимов, уроженец деревни Индырчи Янтиковского района Чувашской АССР.

Немецкое командование особо не интересовалось этническим составом пленных из поволжских народов и по собственному усмотрению причисляло их к какому-нибудь антисоветскому формирова-

нию. Так, из чувашей, марийцев, мордвинов и удмуртов был создан 837-й Волго-финский батальон, который включили в Северо-Кавказский легион, где служили военнопленные осетины, чеченцы, кабардинцы, ингуши, балкарцы и другие, большинство из которых исповедовали ислам.

837-й Волго-финский батальон формировался на станции Веселая, где находился с марта до начала августа 1943 г. За это время батальон был полностью укомплектован. Для подготовки младшего командного состава при батальоне были созданы курсы, через них были пропущены все командиры отделений, взводов и рот. Батальон состоял из четырех рот полного состава, из них 1-я, 2-я и 3-я роты были стрелковые, а 4-я рота – пулеметно-автоматная. Кроме того, имелась еще штабная рота и противотанковая батарея. Численность легионеров в батальоне доходила до тысячи человек.

Командиром был назначен зондерфюрер (капитан) Бекман, командирами рот и взводов были также немцы. Но наряду с ними в ротах и взводах были командиры от легионеров. Командирами 1-й, 2-й и 3-й рот были чуваша. Командир 1-й роты Иванов позднее стал заместителем командира батальона и имел звание лейтенанта немецкой армии. Заместителем командира батальона был мордвин Карпов, лейтенант немецкой армии.

В августе 1943 г. 837-й батальон в полном составе выехал в Черниговскую область для борьбы против советских партизанских соединений. Здесь он был привлечен к прочесыванию лесного массива между Днестром и Десной. Партизаны непрерывно следили за его действиями и при тактически выгодной обстановке наносили короткие, но чувствительные удары по батальону.

В конце сентября 1943 г. под ударами Красной Армии немцы спешно стали отступать за Днепр. Волго-финский батальон также переправился на правую сторону Днестра. Здесь до середины октября строили оборонительные рубежи для немецкой армии (копали траншеи, огневые точки и др.)

В октябре 1943 г. часть Волго-финского батальона была погружена в эшелон и отправлена во Францию в Ангулем. Здесь батальон разбили поротно и направили в разные места. Подразделения батальона охраняли французских, англо-американских военнопленных, содержавшихся в немецком лагере Сорре (в 100 км от г. Бордо), конвоировали военнопленных на работу, охраняли железные доро-

ги Бордо-Ангулем, Бордо-Париж от нападений маки. Батальон неоднократно участвовал в боевых операциях против партизан. В августе 1944 г. батальон вместе с немцами под натиском высадившихся англо-американских войск и, главным образом, маки, начал отступать в глубь Германии.

В сентябре 1944 г. Волго-финский батальон перестал существовать, большинство легионеров сдалось в плен французским партизанам или союзным войскам, другие дезертировали, чтобы скрыть в дальнейшем свое участие в преступлениях против Родины.

Стабильную ненадежность демонстрировали подразделения Волго-татарского легиона. Разведывательная группа татарского легиона не смогла добиться ничего большего, чем поймать несколько ранен сбежавших армянских легионеров.

Большинство батальонов восточных добровольцев на Западном фронте было разделено по разным районам и передано более крупным немецким соединениям. Эта оторванность друг от друга еще заметнее усиливала чувство растерянности, подавленности большинства легионеров. Так что в целом использование Восточных легионов и в Западной Европе желаемых результатов не принесло. Многие из легионеров очень боялись оказаться в плену наступающих советских войск, предпочитая оказаться в плену у союзников. Но и у них судьба оказалась незавидной: по соглашению между СССР и союзными державами, все советские граждане, оказавшиеся в руках английских и американских войск, впоследствии были переданы советской стороне. Они возвращались на родную землю, где в большинстве случаев их ожидало суровое наказание.

В качестве основных причин неуспеха немецкой политики в формировании Восточных легионов назывались: контрмеры со стороны СССР, грубые ошибки самих немцев в работе по организации восточных легионов – слабое представление вообще о тюркских народах, а особенно непонимание их менталитета; отсутствие подготовленных кадров для весьма специфической службы в Восточных легионах; пренебрежительное отношение немцев к представителям восточных народов; причины конфликтных ситуаций немецкой стороной по-настоящему не изучались; незнание восточных языков.

Хаплекхамитов Р.Б.

Творческая интеллигенция в ТАССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны

Завершающий этап Великой Отечественной войны, когда линия фронта все больше продвигалась к Западу, постепенно налаживалась мирная жизнь в тылу, подтолкнул политическое руководство страны принять меры по ликвидации идеологических послаблений, допущенных в первоначальный период Великой Отечественной войны. К этому времени уже было ясно, что СССР в состоянии собственными силами справиться с фашистской Германией. В этот период ЦК ВКП(б) 9 августа 1944 г. принимает постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»²⁸⁵, оказавшее существенное влияние на положение интеллигенции в республике. Документ содержал идеологические обвинения против некоторых историков и писателей республики в допущении ошибок националистического характера. В нем были осуждены попытки позитивного освещения истории Золотой Орды и Казанского ханства, пропаганды национального эпоса «Идегей». Были даны установки на усиление политического воспитания интеллигенции.

Прежде чем приступить к анализу идеологического значения последствий, отметим, что в этот период на фронтах войны находились многие деятели культуры, которых отправляли в армию на общих основаниях. Так, в течение 1941 г. из 53 писателей 25 были призваны на войну²⁸⁶. Из 44 членов Союза художников в РККА было призвано 20 членов Союза²⁸⁷. А всего во фронтовиках в годы войны числилось 34 художника²⁸⁸. Немало талантливых представителей татарской культуры служили в действующих частях рядовыми бойцами, что явилось следствием огромных потерь среди них. Только в 1943 г. 36 членов Союза писателей республики находились в рядах дейст-

---

²⁸⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 113–120.

²⁸⁶ Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1997. С. 222.

²⁸⁷ НА РТ. Ф. Р-7064. Оп. 1. Д. 2а. Л. 26.

²⁸⁸ Червоная С.М. Искусство Советской Татарии. М., 1978. С. 58.

щей армии. Всего погибло 30 писателей и 22 журналиста²⁸⁹. Татарская литература «потеряла таких замечательных художников слова, как М.Джалиль, А.Алиш, Р.Ильяс и др...»²⁹⁰. На фронтах войны осенью 1943 г. погиб талантливый композитор, автор балета «Шурале» Фарид Яруллин.

Такие потери наносили, безусловно, большой урон духу татарского народа и вызывали большую обеспокоенность в партийно-государственных органах ТАССР. В конце войны руководство республики все настойчивее ставило вопрос о важности возвращения с фронтов талантливых деятелей культуры в республику. При этом упор делался на сложности создавшейся ситуации, не позволявшей даже подобрать руководителей для организации деятельности творческой интеллигенции: Союза писателей республики, сектора художественной литературы Татгосиздата, редакции журнала «Совет эдэбияты»²⁹¹. В июле 1944 г. первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) В.Д.Никитин обращается в Главное политическое управление Красной Армии к генерал-полковнику А.С.Щербакову с письмом, в котором отмечает, что 80 процентов татарских литературных кадров на фронтах, а в тылу остались только инвалиды. «Литературной деятельностью занимаются лишь 5–6 писателей... и поэтому не могут проявить нужной творческой активности»²⁹². В.Д.Никитин просил дать распоряжение об отзыве с фронтов А.Н.Кутуева, М.Г.Максудова, А.С.Файзи, Ш.Ф.Маннурова, Р.Ф.Ишмуратова и использовать по специальности С.Т.Хакимова, А.А.Исхакова, А.Ф.Ерикеева, М.Х.Садретдинова, Ф.В.Каримова²⁹³. В этом же письме он ходатайствовал о направлении в республику Афзала Шамова и Ибрагима Мингазиева, работавших во фронтовых татарских газетах.

Правление Союза писателей, пытаясь сохранить наиболее талантливых писателей, также пыталось использовать в этих целях постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. Оно надеялось, что, исходя из необходимости усиления идеологического контроля, местные партийные органы будут настойчиво обращаться в централь-

---

²⁸⁹ Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999. С. 322.

²⁹⁰ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

²⁹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1203. Л. 28.

²⁹² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1203. Л. 29.

²⁹³ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

ные вышестоящие инстанции для расширения штатов творческих союзов. В письме к Председателю СНК ТАССР С.М.Шарафееву руководители творческого союза просили отозвать талантливых писателей А.Н.Кутуева, М.Г.Максудова, А.Ш.Шамова, С.Т.Хакимова, Ф.В.Каримова с фронтов²⁹⁴. Одновременно Правление обращало внимание правительства ТАССР, что Союз писателей объединяет 160 молодых писателей, из них 55 членов и кандидатов в Союз, а в целях «реализации постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. требуется расширение штата правления Союза писателей»²⁹⁵. Союз писателей ТАССР даже подготовил проект постановления СНК ТАССР, в котором предлагалось восстановить штаты Правления Союза, существовавшие до 1938 г., в количестве 10 человек. Но на письмо писателей Председатель СНК ТАССР не ответил²⁹⁶. В ноябре 1944 г. секретарь Татарского обкома ВКП(б) по пропаганде С.Шафиев обратился к маршалу инженерных войск М.П.Воробьеву с просьбой направить в распоряжение Союза писателей сроком на три месяца курсанта Ленинградского Военно-инженерного училища писателя Фатыха Каримова, заканчивавшего учебу в училище 1 января 1945 г.²⁹⁷ Татарский обком ВКП(б) выслал просьбы в воинские части об отзыве С.Хакима, С.Баттала, Н.Баяна в связи с необходимостью использования их при подготовке 25-летнего юбилея ТАССР²⁹⁸.

Данные просьбы возымели частичное действие: в сентябре 1944 г. из рядов РККА в Казань был командирован писатель А.С.Файзи для составления сборника «Книга героев», в ноябре 1944 г. – курсант ЛВИУ Ф.В.Каримов. Но в основном эти «обращения оказались тщетными, они были отвергнуты Щербаковым»²⁹⁹. Отказ военного руководства можно объяснить приверженностью к рациональности чрезвычайных мер военного времени, которое стало распространяться на все общество.

Руководители творческого союза и партийно-государственные органы республики пытались сохранить талантливых деятелей культуры, осознавая, что они необходимы для работы в условиях мир-

---

²⁹⁴ Там же. Л. 1 об.

²⁹⁵ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 155. Л. 4.

²⁹⁶ НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 155. Л. 17.

²⁹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1203. Л. 105.

²⁹⁸ НА РТ. Ф.Р-7083. Оп. 1. Д. 168. Л. 2.

²⁹⁹ НА РТ. Ф.Р-7083. Оп. 1. Д. 170. Л. 7

ного времени. Однако их основное внимание, связанное с выполнением августовского постановления, сосредотачивалось на усилении идеологического контроля в республике. На бюро Татарского обкома ВКП(б) 4 сентября 1944 г. секретарь обкома З.И.Муратов указал на повышение роли и места интеллигенции в обществе в послевоенный период. Он признал, что если ранее работа партийных органов с интеллигенцией выражалась в посещении отдельных мероприятий, то теперь «в процессе войны роль интеллигенции изменилась». Он поставил задачу перед партийными работниками довести до общества «новые сталинские идеи», в соответствии с которыми интеллигенцию следует воспринимать как помощника партийных органов³⁰⁰.

В порядке выполнения постановления группа известных деятелей татарской культуры: Г.Кашшаф, К.Наджми, Т.Гиззат, Н.Жиганов, Н.Исанбет, М.Гайнуллин – всего 15 человек, 28 ноября 1944 г. была приглашена на бюро Татарского обкома ВКП(б). На нем первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) строго предупредил о неукоснительном выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и недопустимости обращения татарской художественной интеллигенции к историческим темам и, прежде всего, темам, касающимся истории татарского народа периодов Золотой Орды и Казанского ханства³⁰¹.

О том, какой большой резонанс имело постановление 1944 г., говорит тот факт, что оно было в повестке X Пленума правления Союза писателей СССР, состоявшегося 15–22 мая 1945 г. На нем в выступлении Н.Тихонова было обращено внимание на «ошибки буржуазно-националистического толка, допущенные татарской литературой». Идеи Н.Тихонова были развиты Кави Наджми на расширенном заседании правления Союза писателей ТАССР 7 июня 1945 г. Он напомнил об эпосе «Идегей» и поставил вопрос о том, что татарским писателям необходимо создать такие произведения, в которых роль русского народа в становлении государства выглядела бы прогрессивно. Политическая ошибка, допущенная, по мнению К.Наджми, татарскими писателями, утяжеляется в связи с выступлением И.В. Сталина 24 мая 1945 г. в Кремле на приеме полководцев Красной Армии. В ней, отмечая выдающиеся качества русского народа, И.В.Сталин характеризует его как руководящую силу Со-

³⁰⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1129. Л. 57.

³⁰¹ Султанбеков Б.Ф. «Идегей» дастаны, Сталин хэм безнен коннер // Татарстан. 1992. №11–12. С. 43.

ветского Союза среди всех народов нашей страны. К.Наджми подчеркнул, что «герой эпоса был против русского народа, возглавлял набеги на Москву. Нашу ошибку мы сможем исправить только тогда, когда мы создадим произведения, показывающие выдающуюся роль великого русского народа. Мы описываем командира-татарина, но не показываем, что этого командира воспитал русский командир, русский генерал. То же самое можно сказать о рабочем татарине и ученом татарине...»³⁰². Так были сформулированы прямые установки для татарской творческой интеллигенции.

Сразу после войны на предмет «партийности» была проведена «инвентаризация» литературного классического наследия. В 1947 году Правлением Союза писателей и отделом пропаганды Татарского обкома ВКП(б) был осуществлен политический анализ произведений, созданных в период Великой Отечественной войны. В результате на опасные идеологические ошибки было указано критику Л.Заляю, который в 1943 г. выступил в печати с открытым письмом «Артиллерист Вагап и о национальной гордости» к поэту Ш.Муддаррису. «Ошибка» Латыфа Заляя была в том, что он в образах древних татарских легенд «Алтынчеч» и др. видел копию героев Великой Отечественной войны. Был изъят учебник по литературе для 8 класса, составленный Л.Заляем, за буржуазно-объективистский подход в оценке творчества писателей. Поэт А.Ерикей проявил упорство в исправлении стихотворения, посвященного расставанию в дни войны с башней Сююмбеки, в котором он свои чувства сравнивал с чувствами царицы Казанского ханства. В результате А.Ерикей вынужден был вырывать страницы из уже напечатанной книги.

Таким образом, на завершающем этапе Великой Отечественной войны предпринимаемые попытки официальных республиканских органов и творческих союзов возвращения с фронтов деятелей культуры имели только частичный успех. Не удалось укрепить творческий союз писателей.

Была проведена ревизия произведений, созданных в годы Великой Отечественной войны. В результате запрету подвергся ряд произведений литературы, драматургии, музыки, которые были созданы в довоенный и военный периоды на волне патриотических чувств, поощрявшихся в свое время властями.

³⁰² НА РТ. Ф. Р-7083. Оп. 1. Д. 170. Л. 18.

Тенденции развития Башкирского сельскохозяйственного института в годы Великой Отечественной войны

С началом Великой Отечественной войны Башкирский сельскохозяйственный институт (БСХИ) оказался в тяжелом положении. Более 100 студентов и преподавателей ушли на фронт. В учебных корпусах сельскохозяйственного института разместился завод оборонного значения. В ноябре 1941 г. институт переехал в с. Миловка, расположенный в 12 км от г. Уфы³⁰³. Институт получил лишь два небольших учебных здания с полезной площадью около 1000 кв. м. Основное учебное здание имело всего 14 комнат³⁰⁴.

Наряду с эвакуацией вузов и научных учреждений, в новые места дислокации выехала часть интеллектуальной элиты страны. Так, в работу БСХИ влился профессор Ленинградского сельскохозяйственного института С.В. Афанасьев, профессор из Москвы И.И. Порошков, профессор Н.И. Курбатов, доцент кафедры химии Одесского института судебной медицины А.И. Закин, доцент из Москвы З.А. Паперно, ставший впоследствии доктором наук³⁰⁵.

Произошли изменения и в структуре института. С начала 1944/45 учебного года был восстановлен ветеринарный факультет с контингентом приема студентов 75 человек. На агрономическом факультете была организована кафедра плодоводства и овощеводства. Было организовано одногодичное подготовительное отделение для подготовки к поступлению в институт лиц из коренной национальности (башкир и татар) с контингентом учащихся 150 человек³⁰⁶.

Студенты и преподаватели БСХИ периодически работали в колхозах, снабжали их семенами высокоурожайных сортов картофеля и других культур. Преподаватели давали специалистам сельского хозяйства устные и письменные консультации, читали лекции, прини-

---

³⁰³ Башкирскому государственному аграрному университету 75 лет / авт.-сост. Н.Н. Таипов. Уфа, 2005. С. 4.

³⁰⁴ ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 394. Л. 1.

³⁰⁵ Недорезков В.Д., Зиязетдинов Р.М. Башкирский государственный аграрный университет: история и современность. Уфа, 2000. С. 23.

³⁰⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 2. Д. 44. Л. 14.

мали активное участие в организации обучения колхозников и колхозниц основам агрономических, зоотехнических и ветеринарных наук. Большая работа проводилась и по повышению квалификации среди работников сельского хозяйства³⁰⁷.

В начале войны аспирантура в институте была закрыта. Но вскоре решением Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР от 8 февраля 1944 г. в институте была восстановлена аспирантура по специальностям: ботаника, зоология, физиология животных, частная зоотехния и организация социалистических сельскохозяйственных предприятий³⁰⁸. В годы войны было защищено 5 докторских и 7 кандидатских диссертаций³⁰⁹.

Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал ведущим во всей научно-исследовательской деятельности института. Преподаватели сельскохозяйственного института проводили обследования по вопросам состояния сельского хозяйства в районах, в частности, животноводства и подготовки к посевной кампании. Обследования заканчивались разработкой конкретных мероприятий по улучшению состояния сельского хозяйства. Научными сотрудниками кафедры ботаники и зоологии была проведена большая работа по озеленению г. Уфы (профессорами А.Н. Богдановым и П.А. Положенцевым)³¹⁰. Кафедра ветеринарии под руководством доцента Г.Х. Ишукова провела большую работу по борьбе с инфекционными заболеваниями лошадей. Только в 1943 г. было изготовлено 243 литра фитовакцины Ишукова (12 тыс. доз). В 1941 г. институт приступил к опытам по выращиванию кок-сагыза и добился увеличения урожая с 14 ц до 29 ц с гектара. А в 1943 г. урожайность культуры была доведена до 43 ц. Доцент Ю.А. Усманов продолжил исследования по изучению химической защиты почв, разработке системы применения азотистых удобрений в севообороте. Профессор А.С. Шутко на основе опытов получил новый сорт клещевины. Этот сорт был сдан в государственную сортовую систему. Такие научные исследования продолжались во всех учебных подразделениях³¹¹.

³⁰⁷ Недорезков В.Д., Зиязетдинов Р.М. Указ. соч. С. 24.

³⁰⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 4. Д. 9. Л. 26–27.

³⁰⁹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 4. Д. 8. Л. 7; Д. 11. Л. 42.

³¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 2. Д. 44. Л. 28.

³¹¹ Недорезков В.Д., Зиязетдинов Р.М. Указ. соч. С. 25.

В 1943 г. началась реэвакуации ВУЗов и научных учреждений в прежние места своего расположения. Так, в ноябре 1943 г. БСХИ из села Миловка вернулся в г. Уфу, где разместился в здании бывшего железнодорожного техникума по ул. Карла Маркса, 12³¹². Полученное здание было благоустроено, имелся водопровод, канализация и хорошее электрическое освещение. В этом здании было всего 106 комнат. В условиях города институт испытывал еще крайнюю стесненность в помещениях, что не давало возможность развернуть все оборудования кафедр и организовать должным образом лаборатории и кабинеты, необходимые для учебных целей и научной работы³¹³. Конечно, после переезда института материально-бытовые условия студентов и научных сотрудников значительно улучшились. В общежитии зимой было тепло, электрическое освещение, водопровод и канализация. В общежитии находилась столовая, хлебный ларек. В 1944 г. институту было передано здание по ул. Гоголя, 11 под общежитие студентов, а также на ул. Тукаево, 50 для восстановленного ветеринарного факультета³¹⁴.

С реэвакуацией наступила кадровая проблема. Произошло сокращение численного состава профессоров и преподавателей в ВУЗах республики. Меньше всего последствия реэвакуации сказались для сельскохозяйственного института. В 1943/44 учебном году штат был укомплектован полностью. В институте трудились 35 ученых и преподавателей, в их числе были 3 доктора и 13 кандидатов наук³¹⁵. Это объясняется тем, что и до войны штат был укомплектован высококвалифицированными специалистами.

В мае 1945 г. наступила долгожданная победа. По результатам работы института пять преподавателей получили правительственные награды: доценты К.П. Краузе, Х.Р. Султанбаев, Ю.А. Усманов награждены орденом «Знак почета», М.Н. Гумеров, Г.Х. Ишуков – медалью «За трудовое отличие»³¹⁶.

---

³¹² Башкирскому государственному аграрному университету 75 лет. С. 4.

³¹³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 4. Д. 9. Л. 1–2, 36.

³¹⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 2. Д. 44. Л. 22, 23.

³¹⁵ ЦГАОО РБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 394. Л. 8–10.

³¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 4. Д. 9. Л. 5.

К сожалению, с фронта вернулись не все. Сельскохозяйственный институт за годы войны потерял 61 человека преподавателей, сотрудников и студентов³¹⁷. Коллектив института хранит о них вечную память.

Отметим, что, несмотря на трудные военные годы, институт выпустил 176 агрономов и зоотехников.

Шаляпина И.В.

Кузбасс в годы Великой Отечественной войны

К началу Великой Отечественной войны Кузбасс играл значительную роль в развитии страны. Он был второй всесоюзной «угольной кочегаркой» после Донбасса, третьим по значению, после Донбасса и Урала, центром черной металлургии, одним из ведущих поставщиков цинка, азотных удобрений и других химических продуктов.

В годы Великой Отечественной войны значение Кузбасса еще более возросло. Гитлеровские армии в начале войны захватили территорию, на которой добывалось почти две трети каменного угля, выплавлялось более двух третей чугуна, около 60% стали³¹⁸. Прекратились поставки донецкого угля, стали и проката с южных заводов. В этих условиях металлургические заводы Урала и Кузбасса становятся основными источниками металла для производства вооружения и боеприпасов, Кузнецкий бассейн – крупнейшим поставщиком коксующихся и энергетических углей.

Кузбассовцы, как и все советские люди, ковали победу в тылу, показывали образцы героизма на фронтах Великой Отечественной войны. Прославили себя сформированные в Кузбассе 376-я, 237-я и 303-я стрелковые дивизии, 22-я гвардейская стрелковая добровольческая дивизия. Они прошли через леса и болота Калининской области и Смоленщины, обороняли подступы к Ленинграду, форсировали Днепр, сражались на побережье Балтики, очищали от фашистов земли Румынии, Венгрии, Чехословакии.

³¹⁷ Недорезков В.Д., Зиязетдинов Р.М. Указ. соч. С. 26.

³¹⁸ Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее / под ред. А.П. Окладникова. Кемерово, 1978. С. 217.

За заслуги перед Родиной более 200 кузбассовцев удостоены звания Героя Советского Союза, а шахтер из Ленинска-Кузнецкого Афанасий Шилин стал дважды Героем – за мужество и отвагу, проявленные им при форсировании Днепра и в боях при освобождении Польши³¹⁹.

В берлинском Трептов-парке стоит известный всему миру памятник советскому воину, сокрушившему фашизм. Воин держит на руках ребенка. Скульптор Е. Вучетич увековечил подвиг знаменосца 220-го гвардейского полка, гвардии старшего сержанта Николая Мосалова, уроженца Тисульского района Кемеровской области, который, рискуя жизнью, спас немецкую девочку от фашистских пуль.

С первых дней войны, преодолевая большие трудности, трудящиеся Кузбасса решали две главные задачи. Во-первых, нужно было перестраивать хозяйство на военный лад, всю жизнь подчинить лозунгу «Все для фронта, все для победы!» и, во-вторых, на основе эвакуированного оборудования создавать новые отрасли промышленности.

В первые же месяцы войны из западных районов на Восток были эвакуированы сотни тысяч людей и множество промышленных предприятий. Из Донбасса в Кузбасс и другие восточные районы было отправлено 17 600 вагонов оборудования. К осени 1942 г. по Кузбассу было размещено 51 промышленное предприятие, 35 различных учреждений и свыше полсотни учебных заведений трудовых резервов³²⁰. Ввод предприятий в строй был связан с большими трудностями. Оборудование эвакуированных предприятий прибывало не полностью. Приезжала лишь часть рабочих этих заводов, поэтому не хватало специалистов.

Несмотря на трудности, рабочие Кузбасса уже к концу первого года войны ввели в строй несколько новых предприятий. В годы войны вступили в строй алюминиевый и ферросплавный заводы в Новокузнецке. Значительно расширены были Кузнецкий металлургический комбинат и Беловский цинковый завод.

Большое развитие получила химическая промышленность. Если добыча угля за годы войны увеличилась почти в 1,5 раза, выпуск металла – в 2,5, то производство продукции химической промышленно-

³¹⁹ Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971. С. 132.

³²⁰ История Кузбасса: в 3-х ч. Ч. 3. Кемерово, 1970. С. 71.

сти – в 7 раз³²¹. Химическая промышленность Кузбасса пополнилась такими заводами, как анилиноокрасочный, «Карболит» в Кемерове, химико-фармацевтические предприятия в Анжеро-Судженске и Кемерове. Была введена в строй вторая очередь Кемеровского азотно-тукового завода, расширен коксохимический завод.

Начала развиваться машиностроительная промышленность, ведущей отраслью которой было горное машиностроение. Строится Анжеро-Судженский завод «Свет шахтера», подвергается реконструкции Прокопьевский ламповый завод. В Киселевске в первые месяцы войны на базе двух эвакуированных заводов: Рудченковского завода из Донбасса и завода «Красный Крулль» из Таллина приказом народного комиссара угольной промышленности от 28 ноября 1941 г. был создан Киселевский рудоремонтный завод угольного машиностроения. Осенью 1941 г. прибыли эшелоны с эвакуированными машиностроителями и оборудованием, а вскоре начали выпускать пушки, снаряды, мины. В конце 1941 г. завод был перепрофилирован в оборонный и переподчинен Наркомату боеприпасов. На его базу был эвакуирован один из главных цехов Московского электромеханического завода им. В.И. Ленина. Завод расширялся, практически строился заново. Через два месяца он начал выпускать продукцию – снаряды для «Катюш». Первый эшелон со снарядами вышел уже в декабре 1941 г. Вскоре на заводе стали выпускать также чугунные мины, снаряды бронебойные, гранаты, глубинные бомбы³²².

Выпуск горного оборудования был организован на Ленинск-Кузнецком заводе «Красный Октябрь». В Кемерове появился электромеханический завод (КЭМЗ), в Прокопьевске вступил в строй завод электродвигателей. Свыше 20 видов различных горных машин и механизмов были освоены за военные годы на заводах области.

Основной отраслью промышленности Кузбасса была угольная. В августе 1941 г. шахты были переведены на двухсменную работу с применением обязательных сверхурочных работ. В 1941 г. страна получила от шахтеров Кузбасса на 16% больше угля, чем в 1940 г. Однако повышенное задание по угледобыче было выполнено на 97%³²³.

³²¹ Кацуба Д.В. История Кузбасса. Кемерово, 1983. С. 141.

³²² Агеев Н.К. Солдатская память. Кемерово, 2000. С. 312.

³²³ Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее / под ред. А.П. Окладникова. Кемерово, 1978. С. 236.

Более того, к концу года добыча угля стала снижаться. Падение угледобычи в Кузбассе было вызвано многими причинами: уменьшением общей численности шахтеров, преобладанием среди них новых рабочих, неприспособленных к работе в горнодобывающей промышленности, где физическая подготовка играет немаловажную роль, снижением уровня механизации, плохой организацией труда, невыполнением плана нового шахтного строительства, ухудшением материально-бытовых условий рабочих.

Когда летом и осенью 1942 г. гитлеровцам удалось захватить Донбасс, на трудовые плечи Кузбасса легла вся тяжесть обеспечения углем металлургии Урала, предприятий оборонной промышленности, энергетики и транспорта Сибири. 4 августа ГКО принял решение о неотложных мерах по увеличению добычи угля в Кузбассе, которое, в частности, предусматривало повышение норм снабжения шахтеров продовольствием и улучшение их бытовых условий. Однако и в 1942 г. комбинат Кузбассуголь выполнил план угледобычи восьми месяцев только на 70%. Месячная производительность труда забойщика с августа 1941 по август 1942 г. упала со 106 до 81 тонны³²⁴.

Многотысячный коллектив горняков Кузбасса мобилизовал все силы, чтобы поправить положение дел. Одновременно угольной промышленности Кузбасса была оказана значительная помощь рабочей силой, техникой, материалами, продовольствием. В конце 1942 г. в Кузбасс из Москвы была направлена специальная комиссия, которая детально изучила положение в угольной отрасли. В бассейн прибыла группа ученых, направленных Академией наук СССР, для выяснения возможностей форсирования угледобычи и определения основных направлений технической политики. 15 июня 1943 г. ГКО принял специальное постановление о мерах неотложной помощи шахтам Кузбасса по увеличению добычи и улучшению качества коксующихся углей.

В 1943 г. военная экономика страны продолжала наращивать темпы. Быстрый ее рост предъявил повышенные требования к топливной промышленности, прежде всего к угольной. В целях наиболее оперативного руководства Кузбассом – основным поставщиком коксующихся углей для четной металлургии – было решено выде-

---

³²⁴ Вклад угольной промышленности Кузбасса в обеспечение победы в Великой Отечественной войне. Кемерово, 2005. С. 34.

лить его из состава Новосибирской области и образовать на его территории самостоятельный административно-экономический район. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1943 г. была образована Кемеровская область.

В результате принятых мер в 1943 г. ситуацию с угледобычей удалось переломить. Переломный год в ходе Великой Отечественной войны явился переломным и для угольного Кузбасса. В 1943 г. страна получила 25,8 миллиона тонн кузнецкого угля – на 4 миллиона тонн больше, чем в 1942 г.³²⁵

Всего за годы войны удельный вес бассейна в общесоюзной угледобыче повысился с 13,8 до 20,7%³²⁶. Почти двукратное увеличение добычи коксующихся углей, достигнутое шахтерами Кузбасса за годы войны, спасло от топливного голода металлургию страны.

Успехи на трудовом фронте были достигнуты благодаря героическому труду людей. Уже в первые месяцы войны большинство трудоспособных мужчин ушло на фронт. Их заменили пенсионеры, подростки и женщины. К концу 1942 г. около тысячи пенсионеров вернулись в забои, на шахтах Кузбасса трудились 700 подростков моложе 16 лет, в их числе было 160 девушек. Молодежь в возрасте до 18 лет составляла 10,2% всех рабочих угольной промышленности бассейна³²⁷. Сотни ветеранов стали учителями молодежи, передавали ей свой опыт непосредственно на рабочих местах. Удельный вес молодежи в коллективах промышленных предприятий неуклонно повышался и к концу войны достиг четвертой части общего числа рабочих.

Женщины своим героическим трудом оказывали неоценимую помощь фронту. До войны в угольной промышленности Кузбасса женщин почти не было. К концу 1942 г. на шахты пришло свыше 14 тысяч женщин, причем 2619 из них встали на рабочие места непосредственно в забоях³²⁸. К концу войны женщины составляли четвертую часть всех рабочих и служащих угольной промышленности бассейна.

---

³²⁵ Вклад угольной промышленности Кузбасса в обеспечение победы в Великой Отечественной войне. Кемерово, 2005. С. 35.

³²⁶ Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996. Кемерово, 1997. С. 126.

³²⁷ Рубила уголь женщина в забое. Кемерово, 2005. С. 13.

³²⁸ Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее / под ред. А.П. Окладникова. Кемерово, 1978. С. 231.

В числе работников Кузнецкого металлургического комбината к началу войны женщины составляли 25%. Еще более высокой была доля женского труда на предприятиях металлообрабатывающей и химической промышленности Кузбасса. До 40% строителей области составляли женщины.

К концу войны в промышленности Кузбасса на каждом третьем рабочем месте трудилась женщина. На отдельных предприятиях их число достигало 70%.

В 1941–1942 гг. на предприятия Кузбасса пришло пополнение из других районов страны. Это были рабочие предприятий, эвакуированных с временно оккупированной территории. Однако рабочих кадров не хватало. В этих условиях в ноябре 1942 г. было принято постановление ГКО о дополнительной мобилизации в рабочие колонны на время войны всех немцев – мужчин в возрасте от 15 до 55 лет и немок – женщин в возрасте от 16 до 45 лет. Освобождались от мобилизации только женщины, имевшие малолетних детей. «По приказу Наркома угольной промышленности В.В.Вахрушева от 13 ноября 1943 г. на всех предприятиях Наркомата вводилась в действие «Инструкция по использованию на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев». Данный документ регламентировал деятельность рабочих колонн и трудовых отрядов, определяя режим содержания мобилизованных в зонах и их охрану, трудовое использование на основных работах, их бытовое обеспечение. Инструкция отмечала, что организация труда и быта немцев строится на основе строжайшей дисциплины и безоговорочного подчинения установленному режиму»³²⁹.

В конце декабря 1942 г. на шахтах Кузбасса работало 9393 мобилизованных немца. Пятуую часть составляли женщины (1986 человек или более 21% от численности трудомобилизованных). 600 советских немцев работало в составе спецотряда в строительно-монтажной конторе и на шахтах «Северная», «Пионер», «Бутовская», «Южная» треста «Кемеровоуголь»³³⁰. Высоким был удельный вес женщин и в составе спецотряда комбината «Кемеровоуголь». Их

---

³²⁹ Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996. Кемерово, 1997. С. 156.

³³⁰ Книга Памяти шахтеров, погибших на производстве в период Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. М., 1995. С. 115.

численность колебалась в среднем от 40,5% (трест «Анжероуголь») до 63,9% (трест «Кемеровоуголь»); в целом по комбинату «Кемеровоуголь» женщины составляли 49% (2863 человека). «Мобилизованные женщины не только не имели производственных навыков, но порою не владели русским языком, что затрудняло их обучение даже при первичном производственном инструктаже и разъяснении элементарных правил безопасности»³³¹.

Отношение к мобилизованным как в дешевой рабочей силе, для содержания которой достаточно минимум затрат в бытовом устройстве и снабжении, привело к тому, что производительность их труда оставалась крайне низкой, малоэффективной. Кроме того, тяжелые условия труда, ужасные бытовые условия, режимные условия содержания, ограничение личной свободы, разлука с родственниками, враждебное отношение, ежедневные унижительные проверки и др. – все это заставляло людей идти на отчаянный шаг – побег с производства.

13 ноября 1943 г. приказом Наркома угольной промышленности СССР В.В. Вахрушева за № 369/с была издана «Новая инструкция по трудоустройству на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев» и объявлен ряд мероприятий по безотложному снабжению людей всем необходимым. Это внесло существенные изменения в повышение производительности труда мобилизованных.

К весне 1944 г. на предприятиях Кузбасса изменилось отношение к мобилизованным, их стали рассматривать как равноправных участников производственного процесса, что способствовало дальнейшему подъему производительности труда мобилизованных. Своим самоотверженным трудом и стойкостью они заслужили уважение со стороны местного населения и других рабочих.

Таким образом, свой посильный вклад в победу внесли все категории населения области. Именно благодаря единству народа, самоотверженному труду тружеников тыла и героизму солдат стала возможной великая победа советского народа в Великой Отечественной войне.

---

³³¹ Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-194. Оп 1. Д. 22. Л. 21, 22.

Сведения об авторах

Байдильдина Сауле Хайрулловна, канд. ист. наук, доцент Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Буранок Сергей Олегович, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара.

Бухарина Наталья Дмитриевна, аспирант Курского государственного технического университета, г. Курск.

Бухарина Юлия Дмитриевна, аспирант Курского государственного технического университета, г. Курск.

Вакурова Ольга Александровна, канд. ист. наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома.

Варфоломеева Маргарита Ивановна, канд. ист. наук, доцент, заместитель декана исторического факультета по учебной работе Белгородского государственного университета, г. Белгород.

Васильев Андрей Анатольевич, канд. ист. наук, доцент кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета, г. Саратов.

Волкова Елена Юрьевна, д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной истории Костромского государственного технологического университета, г. Кострома.

Галимуллина Надия Мидхатовна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и связей с общественностью Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева, г. Казань.

Гарунова Нина Нурмагомедовна, д-р ист. наук, профессор, заместитель директора по научной работе филиала Дагестанского государственного университета, г. Кизляр.

Гербылева Нина Павловна, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург.

Деманов Александр Анатольевич, канд. ист. наук, доцент Чебоксарского филиала МГЭИ, г. Чебоксары.

Демидова Елена Игоревна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского социально-экономического университета, г. Саратов.

Ермаков Федор Иванович, д-р ист. наук, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета, г. Саратов.

Загыртдинов Рафиль Борисович, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке.

Зинич Маргарита Стефановна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра военной истории Института российской истории РАН, г. Москва.

Иванов Анатолий Александрович, д-р ист. наук, главный редактор редакции «Книги памяти» при Кабинете Министров РТ, г. Казань.

Иванов Михаил Анатольевич, соискатель, г. Казань.

Кабирова Айслу Шарипзяновна, канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

Кантор Юлия Зораховна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа, профессор кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Карнишин Валерий Юрьевич, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета, г. Пенза.

Корнилова Екатерина Александровна, научный сотрудник Музея-мемориала Великой Отечественной войны, г. Казань.

Королев Алексей Александрович, д-р ист. наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, г. Пенза.

Королева Лариса Александровна, д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, г. Пенза.

Костякова Юлия Борисовна, канд. ист. наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии Хакасского государственного университета, г. Абакан.

Краснов Павел Петрович, аспирант Оренбургского государственного университета, г. Оренбург.

Кривоножкина Екатерина Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны.

Кузнецова Юлия Владимировна, аспирант кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, г. Оренбург.

Кузьмина Виолетта Михайловна, канд. ист. наук, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования, г. Курск.

Кулагин Олег Игоревич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск.

Маин Валентин Николаевич, д-р ист. наук, академик Академии военно-исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета, г. Кострома.

Мальшева Ольга Леонидовна, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Казань.

Мустахимов Ильяс Альфредович, ведущий советник Главного архивного управления при Кабинете Министров РФ, г. Казань.

Нагибина Алла Григорьевна, главный хранитель Историко-технического музея Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург.

Рыбаков Сергей Владимирович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России Уральского государственного технического университета, г. Екатеринбург.

Сакаев Василь Тимерьянович, канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны.

Славко Андрей Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала РГГУ в г. Твери.

Славко Маргарита Андреевна, канд. ист. наук, доцент Международной академии образования, г. Тверь.

Славко Татьяна Ивановна, д-р ист. наук, профессор, первый проректор Международной академии образования, г. Тверь.

Телишев Валерий Федорович, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Тимофеева Мария Михайловна, соискатель кафедры региональной истории Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола.

Тузиков Андрей Римович, д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и социологии Казанского государственного технологического университета, г. Казань.

Фаезова Гузель Наилевна, начальник отдела использования и публикации документов Центрального государственного архива историко-политической документации РТ, г. Казань.

Хайрутдинов Рамиль Равилович, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, директор Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», г. Казань.

Ханипова Ильнара Ильдусовна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

Хаплахамитов Рафаил Бикбулатович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института педагогики и психологии профессионального образования РАО, г. Казань.

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории, методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург.

Храмкова Елена Ленаровна, д-р ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара.

Хуснутдинова Эльвира Дамировна, аспирант Башкирского государственного университета, г. Уфа.

Шаляпина Ирина Викторовна, преподаватель Киселёвского педагогического колледжа, г. Киселевск.

Шевырин Сергей Андреевич, канд. ист. наук, доцент кафедры правовых и социально-экономических дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказания, г. Пермь.

Содержание

Статьи докладчиков пленарного заседания

Рыбаков С.В. К полемике о характере Великой Отечественной войны	3
Зинич М.С. Перемещенные культурные ценности – эхо минувшей войны.....	12
Кантор Ю.З. Территория «Остланд»: прибалтийская специфика (по материалам архивов России и стран Балтии).....	20
Иванов А.А. Татарстан – один из тыловых arsenалов Победы.....	31

Секция «Вопросы историографии, источниковедения и методологии»

Славко Т.И. Советские военнопленные Великой Отечественной войны, уроженцы Тверской области: источники и методы исследования.....	44
Карнишин В.Ю. Великая Отечественная война: проблемы современной украинской историографии.....	50
Буранок С.О. Создание запасной столицы в оценках американской прессы	59
Кабирова А.Ш. Современная историография истории Татарстана периода Великой Отечественной войны	69

Секция «Наука и культура: достижения и нерешенные задачи»

Храмкова Е.Л. Историография музейного дела периода Великой Отечественной войны на рубеже XX–XXI вв.....	89
Хайрутдинов Р.Р., Кабирова А.Ш. Сохранение и реставрация памятников Казанского Кремля в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы.....	100
Деманов А.А. Вклад гуманитарных наук в формирование патриотизма в годы Великой Отечественной войны	125

Шевырин С.А. Изобретатели в ГУЛАГе в годы Великой Отечественной войны	130
Мустакимов И.А., Фаезова Г.Н. К истории создания и публикации «Письма татарского народа фронтовикам-татарам».....	137
<i>Секция «Проблемы социально-экономического развития»</i>	
Хисамутдинова Р.Р. Урал – становой хребет обороны страны в годы Великой Отечественной войны	147
Гарунова Н.Н. К вопросу о строительстве в годы войны железной дороги «Кизляр – Астрахань».....	158
Славко А.А. Система функционирования детских учреждений для беспризорных и безнадзорных детей в России в годы Великой Отечественной войны	164
Кривоножкина Е.Г. Организация быта, труда и отдыха детей в сельских районах Татарской АССР в 1941–1945 гг.	172
Ханипова И.И. Демографические процессы в ТАССР в 1930–1940-е гг.: общая характеристика (по материалам Национального архива РТ)	184
Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. Массовые настроения городского населения Татарской АССР в первые месяцы Великой Отечественной войны	186
Сакаев В.Т. Методы работы партийно-советских органов при проведении кампаний помощи фронту в Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны	196
Славко М.А. Советская молодежь в годы Великой Отечественной войны: формы и методы патриотического воспитания	203
<i>Секция «Дискуссионные вопросы»</i>	
Малышева О.Л. Великая Отечественная война: на острие дискуссий	208
Тузиков А.Р., Малышева О.Л. Великая Победа: бои продолжаются	217

Статьи участников заочной секции

Байдильдина С.Х. ВПК Казахстана в период Великой Отечественной войны: Алма-Атинский машиностроительный завод Народного комиссариата тяжелого машиностроения СССР	227
Бухарина Н.Д. Советская энергетика в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....	235
Бухарина Ю.Д. Историческое значение стандартизации в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....	242
Вакурова О.А. Роль художников в массово-политической агитации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (источниковедческий аспект).....	249
Варфоломеева М.И. Политика оккупационного режима на примере Ивнянского и Прохоровского районов Курской области	255
Волкова Е.Ю. Историческая память – гарантия безопасности страны	263
Галимуллина Н.М. Основные формы пропагандистского воздействия на гражданское население ТАССР в 1941–1945 гг....	269
Гербылева Н.П. Ученые-политехники – победе	278
Демидова Е.И. Чтобы помнили	281
Ермаков Ф.И., Васильев А.А. Великая Отечественная война: попытки фальсификации ее истории и предыстории	287
Загыртдинов Р.Б. Поисковое движение как форма военно-патриотического воспитания молодежи на примере истории Великой Отечественной войны	295
Иванов М.А. Книга «Память» Республики Татарстан: поиск длиною в двадцать лет.....	300
Корнилова Е.А. Казанский русский Большой драматический театр в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....	310
Королева Л.А., Королев А.А. Вклад Русской Православной Церкви в великую победу (по материалам Пензенского региона).....	316
Костякова Ю.Б. «Окна сатиры» в газете «Советская Хакасия»: над чем смеялись в войну	322

Краснов П.П. Политика Ватикана по отношению к фашизму в Германии.....	329
Кузнецова Ю.В. Привлечение сельской интеллигенции Южного Урала к культурно-просветительной работе клубов и изб-читален.....	336
Кузьмина В.М. Деятельность творческой интеллигенции в годы Великой Отечественной войны по мобилизации населения на военные и трудовые подвиги (на примере регионов Центрального Черноземья).....	341
Кулагин О.И. Особенности военного быта партизан Карельского фронта в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.).....	348
Маин В.Н. Стратегическая инициатива и оперативные решения начальника Генерального штаба РККА А.М. Василевского в период Сталинградской битвы.....	357
Нагибина А.Г. Объединенные мастерские Ленинградского политехнического института в годы блокады.....	366
Тимофеева М.М. Военнопленные из народов Поволжья и Приуралья в фашистских лагерях.....	368
Хаплехамитов Р.Б. Творческая интеллигенция в ТАССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны.....	377
Хуснутдинова Э.Д. Тенденции развития Башкирского сельскохозяйственного института в годы Великой Отечественной войны.....	382
Шаляпина И.В. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны.....	385
Сведения об авторах	392

Третьи Кремлевские чтения
Часть 2

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Корректор – *Т.Е. Чижевская*

Подписано в печать 26.10.2010 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 25,0 Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-9690-0150-3

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09